

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2009 Issue 29

Editorial Council

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Igor V. NARSKIJ
South-Ural State University,
Cheljabinsk

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of Universal History RAS

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Jefim I. PIVOVAR
The Russian State University
for the Humanities

Vera P. BUDANOVA
Institute of Universal History RAS

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Tamara A. BULYGINA
Stavropol State University

Marina F. RUMJANTSEVA
The Russian State University
for the Humanities

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Irina M. SAVELIEVA
State University — Higher School
of Economics

Igor N. DANILEVSKY
Institute of Universal History RAS

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University

Galina I. ZVEREVA
The Russian State University
for the Humanities

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

Viktoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Boris G. MOGILNITSKIJ
Tomsk State University

Nina A. KHACHATURIAN
Moscow State University

German P. MYAGKOV
Kazan State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2009 Выпуск 29

Редакционный совет

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС Национальный автономный университет Мехико	И. В. НАРСКИЙ Южно-Уральский государственный университет, Челябинск
М. В. БИБИКОВ Институт всеобщей истории РАН	В. В. ПЕТРОВ Институт философии РАН
Констанс БЛЭКВЭЛ Международное общество интеллектуальной истории	Е. И. ПИВОВАР Российский государственный гуманитарный университет
В. П. БУДАНОВА Институт всеобщей истории РАН	Йорн РЮЗЕН Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ
Т. А. БУЛЫГИНА Ставропольский государственный университет	М. Ф. РУМЯНЦЕВА Российский государственный гуманитарный университет
П. П. ГАЙДЕНКО Институт философии РАН	И. М. САВЕЛЬЕВА Государственный Университет — Высшая школа экономики
И. Н. ДАНИЛЕВСКИЙ Институт всеобщей истории РАН	А. Б. СОКОЛОВ Ярославский государственный педагогический университет
Г. И. ЗВЕРЕВА Российский государственный гуманитарный университет	Рольф ТОШТЕНДАЛЬ Уппсальский Университет, Швеция
В. П. КОРЗУН Омский государственный университет	В. И. УКОЛОВА Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России
Б. Г. МОГИЛЬНИЦКИЙ Томский государственный университет	Н. А. ХАЧАТУРЯН Московский государственный университет
Г. П. МЯГКОВ Казанский государственный университет	Чен ЧИНУН Институт мировой истории Академии социальных наук, КНР

Главный редактор

Л. П. РЕПИНА

Заместитель главного редактора

М. С. ПЕТРОВА

Члены редакционной коллегии

М. С. БОБКОВА, И. В. ВЕДЮШКИНА, Е. А. ВИШЛЕНКОВА,
В. В. ЗВЕРЕВА, И. Н. ИОНОВ, С. Я. КАРП, М. С. КИСЕЛЕВА,
С. И. МАЛОВИЧКО, А. Ю. СЕРЕГИНА (отв. секретарь), С. А. ЭКШТУТ

Редактор выпуска

И. О. ЕРМАЧЕНКО

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. 29. Мир и война: аспекты интеллектуальной истории. М.: КРАСАНД, 2009. — 400 с.

DIALOGUE WITH TIME. 29. Peace and War: aspects of intellectual history. Moscow: KRASAND, 2009. — 400 p.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.

Адрес редакции:

119334, Москва, Ленинский проспект, д. 32-А, к. 1517

Тел. (495) 938-53-91

Web-страница: <http://www.igh.ras.ru/intellect/books/index.htm>

Электронная почта: dialtime@gmail.com

Бригадиры выпуска — О. В. Воробьева, М. М. Горелов

Издательство «КРАСАНД».

121096, Москва, ул. 2-я Филевская, 7, корп. 6.

Формат 60×90/16. Тираж 600 экз. Печ. л. 25. Зак. №

Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД».

117312, Москва, пр-т Шестидесятилетия Октября, 11А, стр. 11.

ISSN 2073-7564

© Общество интеллектуальной истории, 2009

© Институт всеобщей истории РАН, 2009

© Журнал «Диалог со временем», 2009

© КРАСАНД, 2009

7629 ID 105517
ИИИ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

И. О. ЕРМАЧЕНКО

МИР И ВОЙНА, «СВОИ» И «ЧУЖИЕ» АСПЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

Видный австрийский медиевист Фердинанд Опль в связи с выполненным им «социальным заказом» на книгу о Барбароссе к 800-летию смерти императора справедливо отмечал «пиетет нашего времени к юбилеям» как один из ориентиров исследовательского интереса¹. Полтора десятка лет, прошедшие с момента этого заявления, мало что изменили. И сегодня важные мемориальные вехи дают тот же повод не только к внушительным репрезентациям культурного и общественно-политического свойства, но и к осмыслению целых этапов научной разработки тех или иных исторических проблем.

Последнее пятилетие особенно богато на «круглые даты» *военной* истории: 300 лет «славной Полтавской баталии», 200 — битве под Аустерлицем, 100 — началу и окончанию русско-японской войны, 70 — началу Второй мировой, 60 — Победе над нацизмом... Очевидно, эта хронологическая цепочка, которую можно дополнить, сыграла свою роль в возникновении того конференционно-издательского бума вокруг проблематики «войны и мира», о котором мне уже доводилось писать².

Из перечисленных годовщин я хотел бы особо выделить 100-летнюю — русско-японской войны 1904–1905 гг., и не только исходя из собственных исследовательских приоритетов. Из обширного потока приуроченной к ней научной и околонушной литературы выделяется ряд изданий, позволяющих говорить о явном смещении акцентов в исследовании этого события — смещении, представляющем несомненный интерес именно с точки зрения интеллектуальной

¹ Опль Ф. Фридрих Барбаросса / Пер. с нем. И. О. Ермаченко, М. Ю. Некрасова. СПб.: Евразия, 2009. С. 7, 10 (в печати).

² См.: Ермаченко И. О. Предисловие // Мир и война: культурные контексты социальной агрессии (1): Выборгские чтения 2003 / Под ред. Л. П. Репиной, И. О. Ермаченко. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 3–4.

истории. Объектом такого интереса может стать уже сама форма организации научно-исследовательских мероприятий, характеризующихся выраженной интернациональной и интердисциплинарной интеграцией: международные сборники, изданные в разных странах³, связаны взаимными отсылками, вплоть до републикации нескольких статей в переводе. Примечательны и частичное совпадение круга авторов и сюжетов, и участие «на равных» представителей двух воевавших некогда стран (особенно с учетом того, что возникшие тогда территориально-политические проблемы, трансформированные итогами Второй мировой войны, все еще далеки от своего разрешения). Несколько обособленными, в большей степени обращенными к национальной исследовательской традиции выглядят на этом фоне два немецких «юбилейных» сборника⁴.

Но важнее, конечно, другое — новое концептуальное наполнение, связанное с коллективной попыткой переосмыслить своеобразие войны 1904–1905 гг. во всемирно-историческом контексте, попыткой, оформленной даже с долей «провокации»: лейденско-бостонская коллективная монография вышла с подзаголовком «Нулевая мировая война», сборник материалов коллоквиума в Гейдельберге — «Начало новой эпохи?» (причем *Anbruch* имеет и второе значение — «надлом»). Более академичный гёттингенский сборник также посвящает две статьи, соответственно, «новой эре всемирной истории», открытой русско-японской войной, и роли последней во вступлении Японии «в концерт решающих мировых сил».

Понятно, что подобный подход особым образом организует материал, ставя его на службу *современной* картине прошлого и предполагая максимально широкую и протяженную ретроспективу, что актуализирует проблему самого инструментария обобщений. Наиболее

³ The Russo-Japanese War in Cultural Perspective, 1904–1905 / Ed. by D. Wells, S. Wilson. Basingstoke; N. Y., 2002; Русско-японская война 1904–1905: Взгляд через столетие / Под ред. О. Р. Айрапетова. М., 2004; Faits et imaginaires de la guerre russo-japonaise (1904–1905) / Ed. par D. Savelli. P.; Pondicherry, 2005; The Russo-Japanese War in Global Perspective: World War Zero / Ed. by J. W. Steinberg etc. Leiden; Boston, 2005.

⁴ Der Russisch-Japanische Krieg (1904/05) / Hrsg. von J. Kreiner. Göttingen, 2005; Der Russisch-Japanische Krieg 1904/05: Anbruch einer neuen Zeit? / Hrsg. von M. H. Sprotte etc. Wiesbaden, 2007.

откровенно пишет об этом редактор французского сборника Д. Савелли, подчеркивая оглушительный эффект неожиданности, сопровождавший в свое время как начало, так и завершение конфликта на Дальнем Востоке. Он задается вопросами: Вспоминался бы этот конфликт вообще веком позже, если бы не оказался первой войной нового времени, выигранной «цветным» человеком против белой нации? Не воспринимался бы он без этой неожиданной развязки как простой эпизод колониального завоевания, вроде взятия Казанского ханства в XVI в.⁵ Инерция удивления, потрясения от «победы пигмея над колоссом, превосходства пчелы над медведем, триумфа Давида над Голиафом», воплощенных Цусимой, как показывают многие авторы сборника, оказалась решающей и для восприятия войны современниками, и для последующего бытования ее темы в исторической памяти, обеспечив этой теме современную репутацию источника «сюрпризов» в сфере культурной репрезентации, ради которых возможно пренебречь собственно историческими исследованиями⁶.

В результате авторы выходят на интереснейшую проблему ломки и трансформации системы устоявшихся общеевропейских стереотипов, связанных с самой цивилизационной дефиницией «Востока» и «Запада». Неизжитость их до конца даже в современную эпоху превращает события русско-японской войны в злободневное напоминание, «что граница между Европой и Азией является чистой конвенцией. [...] Россия и Япония оказываются захваченными эффектом качающегося стереотипа: один победил другого в европейскости, другой же победил в азиатстве...». При этом на дихотомию Европа—Азия накладывается конкурирующая, функционирующая по принципу того же «коромысла» дихотомия цивилизации и варварства. Подобные концепты «влекут за собой целый ряд стереотипов, который затрудняет всякую оценку события в его специфике», провоцируя, например, простую замену японской «желтой угрозы» российской «белой угрозой»⁷.

Рассматриваемый французский сборник, вышедший в серии “Les Carnets de l'exotisme” (n°5), пожалуй, наиболее интересен в интеллектуально-историческом плане. Помимо самой категории «экзотизма»

⁵ Faits et imaginaires... P. 13.

⁶ Ibid. P. 25.

⁷ Ibid. P. 15, 17.

как европоцентристского интеллектуального конструкта, этому способствует активно разрабатываемое французской историографией сопоставление действительности и мира воображаемого, всецело учтенное авторами. Соответственно звучат и названия разделов, отражающие в первую очередь специфику общественной реакции: «Оцепенение и разочарование», «Варвары или цивилизованные? Восточные или западные?», «Континент сместился к Востоку», «Ни один, ни другой, или призывы пацифистов», «Мыслить врага, мыслить войну», «Свидетельствовать», «Пропаганда и репрезентация», «1905, к истоку 1945?».

В этом смысле предшествующий австрало-американский сборник, к которому как к предтече прямо апеллирует редактор французского, скорее набрасывает эскиз темы широкими мазками (так, статьи общего плана об образах войны 1905–1907 гг. в литературе двух стран сопровождаются статьями, которые максимально раздвигают историко-культурный контекст⁸), хотя и постановка проблем в целом, и дающиеся здесь ответы на вопрос о причинах актуальности русско-японской войны для западного общественного сознания во многом действительно предваряют вышеупомянутые⁹. Главное, уже само рассмотрение войны *в культурной перспективе* еще за три года до знаменательной годовщины задало новую систему координат: ни один из остальных сборников не игнорирует совершенно эту проблематику — например, ту же роль прессы. Не остались в стороне и немецкие издания, в целом более традиционно ориентированные на изучение «институтов»¹⁰.

Очевидна взаимосвязь подобного анализа исторической конкретики с методологическими вопросами современного изучения международных конфликтов: не случайно один из авторов французского

⁸ Pandey R. Traditions of War Literature in Medieval Japan: a Study of the *Heike Monogatary* // The Russo-Japanese War in Cultural Perspective. P. 41-59; Wells D. Paradigms of War in Russian Literature from the Twelfth to the Nineteenth Century // Ibid. P. 86-107

⁹ См.: Ibid. P. IX.

¹⁰ См.: Utz R. Die Orientreise Nikolaus II und die Rolle des Fernen Ostens im russischen Nationalismus // Der Russisch-Japanische Krieg 1904/05: Anbruch einer neuen Zeit? S. 113–146; Grüner F. Der Russisch-Japanische Krieg in der zeitgenössischen Presse Rußlands // Ibid. S. 173–202.

сборника вспоминает по поводу событий 1904–1905 гг. сторонников концепции «конфликта цивилизаций» С. П. Хантингтона¹¹.

Другой важный момент, бросающийся в глаза уже на уровне структуры анализируемых изданий, — это подчеркивание дихотомии «война — мир», обе оппозиционные части которой выступают, однако, как взаимодополняющие. В русском сборнике это представлено с максимальной наглядностью: первая его часть названа «Война», вторая — «Мир», и если первая довольно традиционна (статьи о подготовке к войне, разведывательной деятельности и дипломатических акциях накануне, стратегических планах и их воплощении, причины соответствующего исхода кампании), то вторая менее однозначна: речь идет и о современных конфликту откликах в «невоюющем мире» (как правило, достаточно ангажированных), и об антивоенном движении в сражающейся Японии, и о «фронтальной мобилизации» «мирных» институций (прессы, биржи), и о позднейших культурных рецепциях (в жанре комикса), и об идеологических концептах пред- и послевоенного периода.

Остальные издания расширяют и дополняют этот тематический круг, одновременно углубляя концептуальную основу. Так, в томе о «нулевой мировой войне» появляется раздел “The Home Front”, полностью посвященный культурным и идеологическим репрезентациям образов войны и врага. Большая часть раздела о последствиях войны также содержит статьи об исторической памяти, росте национализма и т. п. сюжетах с выраженной культурно-идеологической доминантой. Даже, казалось бы, сугубо военно-историческая проблематика (включая и стратегические, и тактические аспекты) получает порой культурно-репрезентативное звучание¹². Обращает на себя внимание и рассмотрение темы интеллигенции, не только на

¹¹ Lévy Chr. La guerre russo-japonaise: du ressentiment contre l'Occident à l'émeute de Hibiya // *Faits et imaginaires*. . . P. 68.

¹² См., напр.: MacKenzie S. P. Willpower or Firepower? The Unlearned Military Lessons of the Russo-Japanese War // *The Russo-Japanese War in Cultural Perspective*. P. 30-40; Tak Matsusaka Y. Human Bullets, General Nogi, and the Myth of Port Arthur // *The Russo-Japanese War in Global Perspective*. P. 179–202; Wright D. “That Vital Spark”: Japanese Patriotism in Russian Military Perspective // *Ibid*. P. 591–608.

персонифицированном уровне, но именно как страты со своим специфическим восприятием войны¹³.

Этот достаточно убедительный, на мой взгляд, пример смещения акцентов в трактовке русско-японской войны, тем не менее, не снимает проблемы перенесения подобного подхода с изучения конкретного военного конфликта, во всем его своеобразии, на «войну и мир вообще» и, соответственно, вопроса о том, что может дать такая научная кооперация специалистам, занятым далеко отстоящими друг от друга сюжетами? Поисками ответа на этот вопрос занимается, в частности, Санкт-Петербургское отделение РОИИ, инициировавшее в 2003 г. проект «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии», а теперь и специальный выпуск «Диалога со временем», посвященный военно-исторической тематике.

Прозвучавшее шесть лет назад пожелание продолжить конференционное обращение к этим аспектам в русле интеллектуальной истории¹⁴, к счастью, сбылось: в альманахе представлены в основном работы участников четырех междисциплинарных форумов¹⁵, отчасти написанные специально для издания, отчасти развивающие темы докладов, которые прозвучали на Вторых (2005 г.) и Третьих (2007 г.) научных чтениях. Международные чтения 2007 г., ставшие наиболее масштабными (в сборнике материалов опубликованы статьи 95 авторов)¹⁶, в максимальной степени продемонстрировали как дальнейшие перспективы, так и определенные «узкие места» проекта.

¹³ См.: *Jones A.* Easts and Wests Befuddled: Russian Intelligentsia Responses to the Russo-Japanese War // *The Russo-Japanese War in Cultural Perspective*. P. 134–159; *Bushkowitsch P.* The Far East in the Eyes of the Russian Intelligentsia // *Ibid.* P. 349–364.

¹⁴ См.: *Ермаченко И. О.* Хроника научной жизни: «Война и мир: взаимодействие культурных контекстов» (Государственный музей «Выборгский замок», Выборг, 1–3 сентября 2003 года) // *Новое литературное обозрение*. 2003. № 64. С. 431.

¹⁵ Проведение Четвертых международных чтений — «Война и сакральность» — намечено на октябрь 2009 г.

¹⁶ См.: Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта: Материалы Третьих междунар. науч. чтений «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» и Науч. конф. «Мир и война: море и суша» (Санкт-Петербург — Кронштадт, 21–24 октября 2007 г.) / Отв. ред. И. О. Ермаченко. М.; СПб.: ИВИ РАН, 2007.

Проблемы, выявленные конференционной практикой, экстраполируются и на материалы данного выпуска «Диалога со временем». До определенной степени его структура традиционна, «опрavляя» тему войны, например, в привычные сюжеты истории университетов. Однако и в этом случае проявляется своеобразие (благо статьи Т. Н. Жуковской и Е. А. Ростовцева рассматривают отечественный материал), связанное с традицией латентного противопоставления образовательной и военной среды, которое характерно не только для (пост)советского общества с его анекдотами «про военную кафедру», но вполне выраженного и в «старой России», на совершенно ином уровне межсословной мобильности, бюрократических проектов, борьбы за университетскую автономию. Даже стремление к взаимному уподоблению — от патриотических порывов студенчества до заботливого «мундирного обшивания» его властями — акцентирует эту проблему, и лишь серьезные исследования, включая архивные, способны определить действительное соотношение «армии» и «школы» в их социальной функциональности и культурном взаимодействии.

Упомянутая «исторически благоприобретенная» дихотомия армии и интеллекта — дополнительный аргумент в пользу специального выделения раздела «Война и интеллектуальные практики». Он призван продемонстрировать многообразие проявлений последних в специфических военных условиях либо применительно к теме войны. Здесь присутствуют различные характерные уровни интеллектуальной деятельности — от соединения научно-теоретической мысли с бюрократической практикой (анализ американским профессором южнокорейского Университета Донгсо Крисом Мондзем русского камерализма) до спонтанных усилий представителей «политически отсталой офицерской среды» переосмыслить свое место в быстро меняющейся исторической действительности, которые прослеживаются рязанским историком И. Н. Гребенкиным.

В определенные исторические периоды сама ломка социальных практик, в том числе и военных, создает особое напряжение интеллектуальных реакций, и эти периоды, естественно, представляют особый же интерес. В данном выпуске «Диалога» в качестве такой эпохи выделяется «военная революция» раннего Нового времени, а представленные в разделе статьи призваны проиллюстрировать тематическую и географическую широту диапазона ее проявлений.

С междисциплинарной точки зрения особенный интерес представляют литературные тексты — уже в силу самого принципа художественного остранения войны, лежащего в их основе, и в силу того, что по своим идейным результатам это остранение, базируясь на сходных творческих методах и интеллектуальных процедурах, может приобретать прямо противоположный характер — от пацифистского до милитаристского.

Характерно, что не только в сюжетах раздела «Между войной и миром...», но и во всех прочих представленных материалах (при всем их разнообразии), как и в приводившихся выше примерах интерпретации русско-японского столкновения, проявляется феномен взаимной «диффузии» мира и войны в их интеллектуальных и, шире, социокультурных репрезентациях. Все равно, ведется ли речь об «элементах мира» в военный период или о продлении / предварении войны в общественном сознании и исторической памяти мирного времени. Не случайно начиная с античных и средневековых аллегорий с их двойной образностью эти сущностные состояния общества дефинируются друг через друга, составляя в своей неразрывной связке один из «проклятых вопросов» мировой истории и культуры.

Дихотомия «мир и война» относится к наиболее архетипичным и метафизическим категориям человеческого самопознания. Сохраняет вековую преемственность традиция ее философско-исторической, феноменологической трактовки (представленная и в данном выпуске альманаха — статьей коллеги из Мессинского университета Андреа Беллантоне, раздвигающего, правда, рамки толкования до собственно конфликтологических границ). С другой стороны, периодически предпринимаются попытки радикально ее переосмыслить либо предложить в сенсационно обновленной интерпретации, которые исходят в том числе и из научного сообщества и немедленно подхватываются в подобных случаях масс-медиа¹⁷.

Соответственно, оппозиция войны и мира как тема гуманитарного знания, общественной мысли, культурной рецепции является для интеллектуальной истории объектом первостепенного интереса. Эта оппозиция, в свою очередь, сопровождается рядом эпифеноме-

¹⁷ См., напр.: Войны сделали людей менее эгоистичными // <http://mk.ru/science/294821.html> (июль, 2009) (реакция «Московского комсомольца» на публикацию С. Баулса в «Science»).

нов — дихотомий второго ряда, несущих набор устойчивых коннотаций и активно задействованных в политико-идеологической, воспитательно-дидактической, научно-исследовательской, художественной практике: фронт и тыл, армия и народ, враги и союзники, патриотизм и предательство, поражение и победа, наконец, «свои» и «чужие» — видимо, главнейшая в этой очередности, ибо к ней в той или иной степени восходят все прочие. Зафиксированный ими дуализм сказывается и на постановке проблем, и на самой методологии изучения. Вызываемый этим дуализмом эмоциональный импульс нередко определяет специфику исследования не меньше, чем принадлежность ученого к определенной гуманитарной сфере, научной школе или теоретическому направлению. Давление культурных традиций, индивидуальной и коллективной памяти, общественного мнения, личных политических пристрастий в этом случае особенно велико, и его порой не выдерживают самые, казалось бы, незыблемые дефиниции.

Достаточно выборочно проанализировать публичные высказывания общественных деятелей, чтобы убедиться в субъективистском размывании понятий войны и мира в нынешнюю эпоху. «9 мая 1945 года война против нашей страны по существу не закончилась, а продолжилась и продолжается до сих пор. [...] К сожалению, мы пока проигрываем и текущую войну нового типа, во главе которой стоят Соединенные Штаты Америки, и проиграем ее, если вновь не осознаем, что это — самая настоящая война», — утверждал, например, в своем выступлении на митинге по случаю 63-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне ректор Московского гуманитарного университета, автор многочисленных работ по проблемам современного образования И. М. Ильинский¹⁸. Не буду приводить другие примеры подобной, тоже «вневременной», риторики — массу их читатель найдет в яркой статье В. В. Носкова «Когда кончаются войны?».

Тем более важно обратиться к всестороннему компаративному изучению накопленного человечеством опыта интеллектуального соотнесения военного и мирного состояний социума, сконцентрировавшись на различиях исторических условий и культурно-цивилизационных контекстов. Контексты войны и мира, образы «своих» и «чужих» оказываются при этом не только чрезвычайно

¹⁸ Цит. по: <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/pobeda2009.php> (июль, 2009).

многослойными, но и связанными сложными модулями «идейного перехода», пограничными культурными состояниями. В этом смысле «неожиданных войн» не бывает: само их возникновение (как, впрочем, и завершение) приводит в действие исторически «наработанные» социумом механизмы рефлексии. Принципиальными требованиями, диктуемыми самой материей исследования, будут при таком подходе междисциплинарность, внимание к проблемам *репрезентации* социальных явлений, многоуровневый характер их анализа, учитывающий *интерконтекстуальность*, ««победу» исторического контекста в объяснительных моделях новейшей историографии»¹⁹. На этом пути и следует ожидать формирования научной традиции, основы которой, как представляется, уже заложены.

¹⁹ Ретина Л. П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем 25/1 (2009). С. 7.

ВОЙНА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

М. А. МОРОЗОВ

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ «КРЕСТОВОГО ПОХОДА» ВИЗАНТИЙСКОГО ИМПЕРАТОРА

Крестовые походы принято рассматривать как специфически западный вариант «священной войны», сложившийся под влиянием римско-христианской концепции вооруженного паломничества к христианским святыням, в том числе в Иерусалим, и под влиянием восходящего к Блаженному Августину учения о «справедливой войне», которое легло в основу западноевропейской средневековой идеи защиты христианского мира¹. В результате уже в XI–XII вв. в Европе формируется образ христианского воина-рыцаря, который обязан защищать от всевозможных противников прежде всего церковь. Во многом это представление верно, поскольку именно на Западе в результате клюнийской реформы и движения Божьего мира в умах средневековых людей сформировался целостный образ «воинства христового», которое в конце XI в. под влиянием проповеди римского епископа отправится на восток «освободить Гроб Господень». Однако подобная идея сформировалась задолго до этих событий, и война с неверными за освобождение Святой земли стала реальностью уже для византийских императоров более раннего времени.

Впервые в качестве защитника Святой земли выступил император Ираклий, при котором в 614 г. Иерусалим был захвачен зороастрийцами-персами. Взяв город, персидский полководец Шахравараз вывез из него древо Честного Креста и отправил его Сасаниду Хосрову II. Поэтому дальнейшие антиперсидские походы Ираклия рас-

¹ *Regout R.* La doctrine de guerre juste : de saint Augustin a nos jours : d'après les théologiens et les canonistes catopolices. P., 1935. P. 42–45.

сма­тривались в качестве богоугодного дела освобождения христианской святыни Иерусалима из рук Сасанидов². Данная кампания изобиловала религиозными лозунгами, а главная цель похода состояла в возвращении древа Креста Господня, что удалось достигнуть только путем напряжения всех сил империи. Однако уже через двадцать лет Иерусалим оказался в руках арабов-мусульман.

Во второй половине X в. Византийская империя в борьбе с мусульманами на восточной границе добивается значительных успехов. В период правления императора-полководца Никифора II Фоки византийские войска наносят ряд существенных поражений арабским правителям и начинают планомерно завоевывать юго-восточные территории Малой Азии. В период с 965 по 969 гг. удалось захватить Киликию, часть Северной Месопотамии и Северной Сирии. По словам византийского историка Иоанна Скилицы, Никифор подчинил более ста городов, некоторые мусульманские князья, в том числе эмир города Алеппо, признали себя данниками императора³.

Успехи византийского оружия на востоке продолжились и в период правления преемника Никифора II — Иоанна I Цимисхия. После удачно завершившейся войны на западе против русского князя Свято­слава и подавления мятежа Варды Фоки он вновь обращает свое внимание на восток, где в последующем добивается значительных результатов. Уже в 970 г., противодействуя планам египетских Фатимидов по завоеванию Сирии, император захватил Алеппо. В 972 г. были взяты Мартирополь и Нисибис в Северной Месопотамии. Наконец, в 975 г. Иоанн Цимисхий совершил поход в Сирию и Палестину.

Эти успехи стали возможны благодаря стечению нескольких обстоятельств. Во-первых, сказалась борьба отдельных мусульманских правителей друг с другом, которая привела к кризису и распаду халифата Аббасидов и к ослаблению арабского давления на границы Византии. Во-вторых, это стало результатом деятельности даровитых византийских военачальников Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия, которые, являясь потомственными военными, еще в середи-

² Манандян А. Маршруты персидских походов императора Ираклия // Византийский временник. 1950. Т. 3. С. 132–146.

³ О военных походах Никифора Фоки и Иоанна Цимисхия на Восток см.: Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du Xe siècle. P., 1896–1905.

не X в. участвовали в кампаниях на византийско-арабской границе в качестве командующих восточных войск. Период их императорского правления связан с планомерными военными реформами, которые во многом были направлены на создание более эффективной армии вторжения для эскалации войны с арабами⁴.

В этот период в ходе противостояния византийцев и арабов, христиан и мусульман, формируется также особое отношение к противнику, которое во многом будет способствовать развитию идеологии «войны за веру». С точки зрения ислама — это традиционный джихад, религиозная обязанность каждого «правоверного мусульманина» пропагандировать учение Мухаммеда и распространять его веру всеми доступными способами, включая ведение военных действий против «неверных». Поскольку война за веру угодна Аллаху, то умершие в такой войне мусульмане становятся мучениками веры — шахидами. Однако чтобы военные действия приняли характер джихада, его должен был объявить духовный лидер исламской общины — халиф правоверных⁵.

В Византии в ответ на вызов ислама на протяжении нескольких столетий разрабатывается собственная военно-религиозная доктрина — так называемая доктрина «христолюбивого воинства». Впервые в византийской военной литературе она была сформулирована императором Львом VI Мудрым в его «Тактике»⁶, а в законченном виде была представлена в военных трактатах второй половины X в.⁷.

⁴ Об этих реформах см.: *Шилов К.* К вопросу о военных реформах Никифора II Фоки и их социальных последствиях // *Византийский временник*. Т. 60 (85). 2001. С. 30–45.

⁵ О развитии идеологии джихада см.: *Mottahedeh R. P., al-Shahid R.* The Idea of the Jihad in Islam before the Crusades // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World* / Ed. by A. E. Laiou and R. P. Mottahedeh. Washington, 2001. P. 23–29.

⁶ *Кучма В. В.* Религиозный аспект византийской военной доктрины: истоки и эволюция // *Он же.* Военная организация византийской империи. СПб., 2001. С. 78.

⁷ См.: *Dennis G. T.* Defenders of the Christian People: Holy War in Byzantium // *The Crusades from the Perspective of Byzantium and the Muslim World*. P. 29; *Морозов М. А.* Меч и молитва: культурная модель «священной войны» и византийская армия во второй половине X в. // *Мир и война: культурные контексты социальной агрессии (1)*: Выборгские чтения 2003. М., 2005. С. 106–111.

В ходе арабо-византийского противостояния ко времени военных походов на восток Никифора II и Иоанна I формируется особое отношение византийцев и к возвращению Святой земли под руку христианского императора. В связи с этим несомненный интерес представляет приведенное в армянской хронике Матфея Эдесского (Урхайерци) письмо императора Иоанна Цимисхия армянскому царю Ашоту III Багратиду, который с начала 970-х гг. являлся союзником византийского василевса. В этом письме последний подробно рассказал о своем походе в Сирию и Палестину в 975 г.⁸. Оно было переведено на армянский язык с греческого оригинала, который, по-видимому, хранился в архиве армянских Багратидов города Ани и был впоследствии утерян. Издатель этого письма Х. Кучук-Иоаннесов отметил характерные для греческого оригинала ошибки, сохраненные в армянском варианте⁹. Некоторые сведения из письма сходятся с фактами, передаваемыми византийскими хронистами, включая современника событий Льва Диакона¹⁰.

При некотором преувеличении побед византийского оружия, изложенных в письме Цимисхия, не вызывает сомнения его идеологическая направленность¹¹. Император стремился не только показать Ашоту блеск и мощь византийской армии, но и представить самого себя и византийское войско, находившееся под его командованием, борцами за христианскую веру и освободителями христианских святынь из рук мусульман. В этом смысле идеи Иоанна I Цимисхия вполне перекликаются с идеями, которые были характерны для антиперсидских походов Ираклия. Однако автор письма более сконцентрирован на защите христианской веры, покровительствуемой императором: «Ашот, царь царей, сын мой духовный, услышь и ведай про чудеса, явленные нам Богом, и о дивных победах наших, коими невозможно постичь Божьего милосердия и высокого челове-

⁸ Письмо императора Иоанна Цимисхия к армянскому царю Ашоту III // Византийский временник. 1903. Т. 10. С. 91–101.

⁹ Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 92.

¹⁰ Лев Диакон. X. 4–6.

¹¹ Единственная статья, посвященная специально этому походу, в основном рассматривает его военные последствия: Walker P. The «Crusade» of John Tzimisce in the Light of New Arabic Evidence // Byzantion. 1977. Vol. 47.

колюбия, оказанного Господом *своему наследию через нашу царственность* (курсив наш. — М. М.), о чем мы возымали желание поведать Твоей Славе, Ашот Багратид, сын мой, и возвестить тебе, дабы и ты, как христианин и преданный друг нашей царственности, возрадовался и прославлял бы грозное величие Христа, Бога нашего. Ты узнаешь, как много Бог помогает во всякое время христианам»¹².

У этого пассажа — двойная подоплека. С одной стороны, император намекает на реальный поход византийских войск в Месопотамию в 974 г., во время которого войска Цимисхия захватили горда Амиду, Майафрикин и Нисибис (о нем свидетельствует также Лев Диакон¹³). Однако походы на восток, согласно сообщениям Льва Диакона и Яхьи Антиохийского, возобновились еще в 972 г., сразу после разгрома Святослава в Болгарии¹⁴. Они стали ответом византийского императора на возобновление мусульманской агрессии на Ближнем Востоке, которая оказалась возможной благодаря активизации здесь африканских Фатимидов, которые в 969 г. захватили Египет. Фатимидский халиф ал-Муиз принял на себя заботу о поддержании исламского могущества в регионе. Для этих целей Фатимиды создали морской флот в Каире, Александрии и Дамiette, а в Сирию был послан со значительным войском эмир Джаффар ибн Фаллах, который начал завоевывать эти земли и приводить их под власть Фатимидов¹⁵. Хотя осада Джафаром Антиохии не увенчалась успехом, а сам он потерпел поражение от карматов, союзников багдадского халифа, все это заставило Иоанна Цимисхия вновь активизировать свою политику в отношении восточных границ. Тем более что с наступлением египтян активизировались и старые враги ромеев — Хамданиды, так что сирийским и киликийским владениям Византии снова стало грозить вторжение.

С другой стороны, в письме Цимисхия к Ашоту ясно выражается идея божественного покровительства христолюбивому воинству.

¹² Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 94–95.

¹³ *Лев Диакон*. X. 1.

¹⁴ *Розен В. Р.* Император Василий Болгаробойца: Извлечения из летописи Яхьи Антиохийского. СПб., 1883. С. 182.

¹⁵ Там же; *Skyllizae Ioannis Compendium historiarum / Opere ab J. Bekkero*. Bonnae, 1838. Vol. II. P. 382.

Господь является постоянным соратником христианского императора, а христианское войско в борьбе с противниками Креста побеждает благодаря помощи Всевышнего. В этом смысле письмо императора во многом созвучно двум посланиям Константина Багрянородного восточной армии конца пятидесятих годов X в., относящимся к периоду ведения активных боевых действий в Киликии против сирийских арабов во главе с Сейф ад-Даулой из династии Хамданидов¹⁶. Оба послания наполнены идеологическим содержанием, соответствующим обстоятельствам их появления.

Свои силы воины должны черпать из осознания того факта, что они сражаются за христианскую веру, за священную империю. Но особенно выражена эта идея в военных трактатах второй половины X в. — «Стратегике императора Никифора» и трактате, условно названном *De velitatione bellica*¹⁷. Важно заметить, что оба они написаны представителями византийского командования на восточной границе именно в период ожесточенного противостояния с исламом. Учитывая то обстоятельство, что борьба ведется также против врага, одухотворенного особым религиозным идеалом — «джихадом», значительное внимание уделяется здесь организации религиозной службы в войске. Очень часто в тексте «Стратегики» встречаются фразы вроде «смело и мужественно с верой и доверием в Бога следует отправиться на супротивников»¹⁸. По мысли автора трактата, фемный стратиг со своим войском должен принимать на себя первые удары мусульманских армий, которые используют национальное и религиозное воодушевление для борьбы с христианским народом¹⁹. Поэтому и каждый стратиот, и сам военачальник должны понимать, за что ведется эта борьба. В 19 главе автор изо-

¹⁶ Морозов М. А. Императорская власть в посланиях Константина Багрянородного восточной армии // Проблемы социальной истории и культуры средних веков и раннего нового времени. Вып. 7. СПб., 2008. С. 28–38.

¹⁷ Leonis Diaconi Caloensis Historiae libri decem et liber de velitatione bellica Nicephori Augusti / Ed. K. B. Hase // Corpus scriptorium historiae Byzantinae. Bonnae, 1828. (Далее: *De velitatione bellica*)

¹⁸ См., напр.: McGeer E. Sowing the Dragon Teeth: Byzantine Warfare in the Tenth Century. Washington, 1995. P. 21. См. также: Vieillefond J.-R. Les Pratiques religieuses dans l'armée Byzantine. P., 1935.

¹⁹ *De velitatione bellica*. P. 89.

бражает идеал христианского воина, который «с воодушевлением, рвением и ликующим сердцем стремился пожертвовать свою жизнь за наших священных императоров и за все христианское сообщество». Христианские воины являются «защитниками и первыми вслед за Богом спасителями христиан». Они во главу угла ставят «служение святым императорам, свободе и защите христиан», тем более что их врагами, как и врагами всего христианского братства, являются «надменные сыны Агари, отвергающие Христа Господа нашего ... приносящие разорение и гибель христианскому народу и унижение могуществу ромеев»²⁰.

В письме к Ашоту Багратиду Иоанн Цимисхий отмечает, что поход на восток был организован как противодействие агрессии Фатимидов, подчинивших территорию Палестины и Южной Сирии. Отсюда понятно стремление византийского императора представить своему союзнику, единоверному армянскому правителю, данный поход как дело богоугодное, предпринятое с целью освобождения христианских святынь из арабского плена: «Мы выступили в поход, чтобы наказать за высокомерие и гордость Амир эль-Муменина, повелителя африканцев, который с сильной армией двинулся на нас. Арабы сначала было подвергли нашу армию некоторой опасности, но после, с Божьей помощью, мы с неотразимой силой победили их и они, подобно другим врагам нашим, с позором вернулись восвояси»²¹.

Не случайно император упоминает обретение византийцами христианских реликвий, что рассматривалось в качестве особого благоволения Всевышнего. Цимисхий сообщает Ашоту III: «Ты узнаешь, каким образом мы вывезли из арабского города Нисибиса мощи святого патриарха Якова, взыскали с аравитян следующую нам дань и взяли у них пленных»²². Лев Диакон, повествуя об этом взятии Нисибиса в 974 г., говорит, что святой Яков был покровителем этого города, и приводит историю о том, как в IV в. он спас город от персов²³.

В следующем году во время похода в Палестину были обретены еще несколько реликвий. Цимисхий сообщает: «В том городе Габао-

²⁰ Ibid. P. 89, 109, 111.

²¹ Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 95–96.

²² Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 95.

²³ *Лев Диакон*. X. 1.

не мы обрели Христа, Бога нашего священный сандалий, в котором он ходил в мире, и изображение Спасителя, которое позднее евреи пробили и из него потекла кровь и вода... Тогда же мы добыли драгоценные волосы Предтечи, Иоанна Крестителя, и унесли с собой для хранения в богохранимом граде нашем [Константинополе]»²⁴. По свидетельству Льва Диакона, Образ Спасителя был обретен в Берите, а волосы Иоанна Предтечи и сандалии Иисуса Христа — в Мобедже. Историк также сообщает, что обе святыни император-победитель отправил в столицу империи, указав конкретные места их дальнейшего размещения: «Сандалии он поместил как драгоценное сокровище в знаменитом храме Богоматери, воздвигнутом в императорском дворце²⁵, а волосы — в храме Спасителя, который был основан самим [Цимисхием]»²⁶.

Также Лев Диакон подробно рассказывает об упомянутом Цимисхием в письме Ашоту чуде, которое произошло с Образом в Берите незадолго до захвата города войсками императора. Таким образом, с точки зрения византийского монарха, обретение этих реликвий было несомненным свидетельством благоволения Всевышнего христоролюбивому воинству в походе.

Поход 975 г. описывается Цимисхием как продолжение военных действий против египетских Фатимидов. К этому времени фатимидский полководец Махмуд Ибрагим занял Дамаск и подчинил его власти каирского халифа аль-Муиза. Египетские войска дошли до Триполи и поставили своей задачей лишить византийцев их завоеваний. Поэтому византийский император должен был представить кампанию как богоугодное дело изгнания мусульман из святых для христиан земель: «С наступлением апреля месяца, собрав всю нашу конницу, мы двинулись в Финикию и Палестину, в погоню за погаными африканцами, которые вторглись в область Шам».

Далее он описывает успехи византийских войск в Финикии: «Мы выступили из Антиохии со всей нашей армией, прошли через

²⁴ Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 101.

²⁵ Имеется в виду храм Богородицы во Влахернском дворце.

²⁶ *Лев Диакон*. X. 4. Цит. по изд.: *Лев Диакон*. История / Пер. М. М. Копыленко; отв. ред. Г. Г. Литаврин; ст. М. Я. Сюзюмова; коммент. М. Я. Сюзюмова, С. А. Иванова. М., 1988.

все страны, прежде принадлежавшие нам, снова их покорили, наложили на них тяжелую дань, и... дошли до города Гемс»²⁷.

Здесь император демонстрирует следование собственно византийской политической теории, в основе которой лежала доктрина ойкуменизма²⁸. Согласно этой доктрине, которая корнями уходила еще в античные римские времена, к римскому *orbis terrarum*, но в то же время сложилась в Византийской империи под влиянием христианства, потенциальные границы империи отождествлялись с пределами цивилизованного мира — ойкумены. Только христианский император был законным ее главой. Существование в рамках нее государств, не признающих главенство императора, объяснялось в Константинополе тем, что сегодня они могут быть вне имперской гегемонии или в мятеже против нее. Однако идеально и потенциально они остаются подданными василевса ромеев и когда-нибудь склонятся перед ним. Соответственно, прокламирование прав византийского василевса на возвращение под его прямой контроль тех частей ойкумены, которые в данный момент отпали от империи, оправдывало экспансию Византии, однако не рассматривало такие войны как захватнические, а лишь как сугубо оборонительные.

Поход Иоанна Цимисхия 975 г. рассматривался самим василевсом именно в рамках этой доктрины, и религиозное обоснование кампании в итоге отходит на задний план, уступая место простому перечислению захваченных ценностей и городов, среди которых Гемс (Эмис на Оронте), Баальбек и Дамаск: «Жители выступили против нас войной, но наши войска обратили их в бегство, предав их лезвию меча. Спустя несколько дней мы осадили город [Баальбек] и наши войска захватили в плен много детей, девушек, захватили также золото, серебро и множество скота. [...] Мы направились к великому городу Дамаску с намерением осадить его. Но начальствующий над городом мудрый старец прислал нашей царственности послов с большими подарками и умолял нас избавить их от плена, не

²⁷ Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 96.

²⁸ О доктрине ойкуменизма см: *Obolensky D. The Principles and Methods of Byzantine Diplomacy // XII Congrès des études byzantines. Ochrid, 1969. Rapports 2.*

уводить в рабство, как жителей Ватолвека (Баальбека. — М. М.) и не разорять их областей, как у тех»²⁹.

В результате мирного подчинения Дамаска император получил в качестве дани множество коней и мулов, конскую сбрую, украшенную золотом и серебром, а также сорок тысяч динаров выкупа. Уже скрупулезное перечисление Цимисхием составляющих этого вознаграждения свидетельствует о том, что в данном случае императору-полководцу важно было продемонстрировать свои военные победы как таковые. Более того, он выказывает даже положительное отношение к противнику, который не стремится противостоять его армии, одобряя мудрость, проявленную правителем Дамаска эмиром Аль-Текином. Лев Диакон также сообщает о том, что Иоанн Цимисхий пощадил город после его смирения перед имперской властью и выплаты вознаграждения.

Арабский историк Ибн-ал-Каланиси более подробно рассказывает о встрече византийского императора и Аль-Текина. Правитель города вышел навстречу полководцу, «упал на землю перед императором... и поцеловал землю, что тому очень понравилось». После этого Иоанн Цимисхий обратился к жителям Дамаска с ласковой речью и обошелся с ними милостиво, наложил на город подать в сто тысяч дирхемов и осмотрел его. «Увидев, сколь искусен Аль-Текин в верховой езде, Цимисхий восхитился: ведь император был всадником и любил всадников»³⁰. Безжалостная священная война отступила перед политической реальностью.

В этой связи можно вспомнить традиции, которые были характерны для византийского и мусульманского пограничного сообщества, к которому принадлежал и император Иоанн Цимисхий, выходец из восточной пограничной знати. В нем вполне были возможны добрые отношения между соседями-противниками. Здесь арабский эмир и византийский стратиг могут жить в ритме постоянного контакта друг с другом, поэтому религиозная оппозиция смягчается или вовсе стирается. Дистанцируясь от религиозных различий, византийцы могли наделять героическими чертами и арабского воина и

²⁹ Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 96.

³⁰ Canard M. Les sources arabes de l'histoire byzantine aux confins des X et XI siècles // *Idem*. Byzantium et musulmans du Proche Orient. London, 1973. P. 294–295.

искренне восхищаться им. Война, как и мир на границе, могла создавать основы подлинного единства³¹.

Подобным же образом события развивались и в других городах, к которым подходила армия византийского императора. Так, Цимисхий пишет, что после подчинения Дамаска он двинулся в Палестину, где с его властью смирились без боя Тивериада и Назарет. Причем их подчинение также выразилось в уплате дани и признании византийской власти³². Однако при описании похода в Палестину позиция автора письма несколько меняется. Цимисхий вспоминает евангельские сюжеты, соотносящиеся с теми местами, которые он покоряет: «Мы направились к озеру Тивериады, где Господь наш Иисус Христос 153-мя рыбами совершил чудо³³. [...] Мы избавили их от пленения, не разорили ни города, ни областей и не предали их разграблению, так как здесь была родина святых Апостолов. Так поступили и с Назаретом, где Богородица Святая Дева Мария услышала от ангела Благоую Весть. Далее мы пошли к горе Фаворской и вошли на то самое место, где Христос Бог наш преобразился»³⁴.

Тем самым император, видимо, в дополнение к изображению своих военных успехов, желал представить себя благочестивым паломником в Святой земле. Но истинный образ «крестоносца» предстает перед нами, когда Иоанн Цимисхий говорит о своем желании освободить Иерусалим из рук арабов и помолиться в Святом Городе Иисусу Христу, своему помощнику и заступнику: «...к нам пришли послы из Рамлы и Иерусалима просить нашу царственность пощадить их. Они попросили для себя нашего стратига, сделались нашими данниками и присягнули в верной службе. И мы исполнили их

³¹ Haldon J. F., Kennedy H. The Arab-Byzantine Frontier in the Eight and Ninth Centuries: Military Organisation and Society in the Borderlands // Сборник Радова Византологического Института. 1980. Т. 19. С. 79–116. О специфике культурных контактов в пограничье см. также: Морозов М. А. Война и воин в византийских пограничных песнях // Хронотоп войны: Пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М; СПб., 2007. С. 54–58.

³² Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 97–98.

³³ Очевидно, текст письма в этом месте искажен, так как из Евангелий известно, что Иисус Христос совершил это чудо пятью хлебами и двумя рыбами: Матф. XIV. 19; Марк. VI. 41.

³⁴ Письмо императора Иоанна Цимисхия... С. 97–98.

просьбу. Мы возымали желание освободить Святой гроб Господа Нашего Христа от порабощения мусульман... И если бы жившие там поганые африканцы, испугавшись нас, не укрылись в приморских городах, то мы, с Божьей помощью, побывали бы в святом граде Иерусалиме и помолились бы Богу в святых местах»³⁵.

Этот пассаж из письма Цимисхия — единственный в византийской литературе, где напрямую проводится идея освобождения Гроба Господня и вооруженного паломничества в Иерусалим. Византийский император прекрасно выразил смысл своего стремления как христианского монарха: в борьбе с мусульманством он на первое место ставил интересы религии, объединяя в то же время триумф своей империи с расширением власти Креста.

Однако как ни близко подошли к Иерусалиму войска императора, он вынужден был отступить к северу, опасаясь за свои коммуникации. Письмо сообщает о новых победах: захвате Бейрута и Джебайла, подчинении Сидона и опустошении земель вокруг Триполи. Однако саму Трипольскую крепость взять не удалось³⁶. Поэтому в конце послания Цимисхий вновь становится обращенным к реальности политиком, сообщая Ашоту III о подчинении городов византийской власти. Лев Диакон подчеркивает те же политические результаты военной кампании императора³⁷, но ни слова не говорит о походе Цимисхия в южную Палестину, что заставило многих исследователей усомниться в реальных достижениях византийской армии на востоке в 975 г.

Как бы то ни было, идею освобождения Иерусалима можно считать личной инициативой императора Иоанна Цимисхия, проявленной во время антифатимидского похода 975 г. После возвращения императора в Константинополь и после его смерти в следующем 976 г. эта идея будет благополучно забыта византийцами и уступит место традиционной политике защиты границ христианской империи на востоке. Поход ради освобождения Святых мест потеряет свою притягательность. Об этом свидетельствует и то обстоятельство

³⁵ Там же. С. 98.

³⁶ Там же. С. 98–99.

³⁷ *Лев Диакон*. X. 5.

во, что более поздние византийские историки Иоанн Скилица и Зонара практически ничего не говорят о кампании Цимисхия в 975 г.

Можно назвать еще две причины, из-за которых идея освобождения Святой земли из рук мусульман не стала популярной в Византии. Одна из них — теологического характера и связана с теорией императорской власти, сложившейся в Византии. Вкратце она сводится к формуле: «один Бог на небе, один император на земле». Поэтому земное царство, как образ Царства Божьего, находится там, где пребывает представитель Всевышнего, василевс ромеев. Любой другой духовный центр меркнул и уходил на второй план перед блеском византийской столицы. Другая причина заключалась в том, что в Константинополе и в других городах и местностях империи и так находилось большое количество святых мощей, которым традиционно поклонялись ромеи. Это обстоятельство отвлекало паломников от посещения Святой земли.

А. Ю. СОЛОМЕИН

АКСИОЛОГИЯ ВОЙНЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ПРОСВЕЩЕНИИ

При первом приближении вопрос об оценке феномена войны в просветительской мысли выглядит тривиальным: однозначно критическое неприятие просветителями войны как явления очевидно. Вместе с тем, сопоставление программных заявлений философов эпохи Просвещения с принадлежащими им трактовками тех или иных конкретных проявлений феномена войны (социальных, юридических, исторических, моральных и т. д.) дает интересные и не столь однозначные результаты.

В самом деле, изначально отрицательное отношение к войне как таковой — общее место у философов-просветителей. Среди многочисленных примеров обратимся к Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера — без преувеличения, олицетворению просветительской идеологии и мировоззрения. Дени Дидро в своей статье «Мир» писал: «Война является следствием испорченности людей, это судорожная и жестокая болезнь политического организма»¹. Ему вторит граф де Трессан, автор статьи «Война»: «... но война заглушает голос природы, правосудия, религии и человечности. Она порождает лишь разбой и преступления; ее сопровождают страх, голод, горе; она терзает души матерей, жен, детей; она грабит деревни, опустошает провинции, разметывает в пыль города. Она истощает цветущие государства во время их наибольшего подъема; победителям она сулит трагические повороты судьбы; она развращает нравы всех наций и порождает еще большее число несчастных, чем убитых. Вот плоды войны»². На исходе же эпохи Просвещения Кондорсе выражал надежду на то, что в будущем «международные войны, как и убийства, будут в числе тех *необыкновенных жестокостей, которые унижают и возмущают природу*, которые надолго клеймят по-

¹ Цит. по: История в Энциклопедии Дидро и Д'Аламбера. Л., 1978. С. 292.

² Encyclopedie, ou Dictionnaire raisonne des sciences, des arts et des metiers. P., 1757. Vol. VII. P. 998.

зором страну и век, летописи которого ими были осквернены»³ (курсив здесь и далее мой. — А. С.).

Видя в войне высшую степень проявления человеческой розни, корни которой кроются в невежестве и предрассудках, эпоха Просвещения полностью ее делегитимизировала, выведя за рамки Разума — центральной просветительской категории, главного критерия и ценности, а значит, и за рамки естественного, ведь за законами природы и за законами разума признавалось тождество⁴. Это отрицание по сути делало бессмысленными и те составляющие войны, которые традиционно имели положительные коннотации: героизму, мужество, воинскую честь и пр.: «Во все времена люди были готовы из-за честолюбия, скупости, ревности, злобы грабить, жечь и резать друг друга. Чтобы делать это с большим умением, были изобретены правила и принципы, называемые военным искусством; с ними были связаны честь, благородство и слава»⁵.

Разумеется, проецирование данной универсальной посылки на эмпирический материал потребовало определенных корректировок, прежде всего применительно к исторической тематике. Сама природа исторического повествования, ориентированная на фиксацию феноменов, выбивающихся из привычного миропорядка, на эксцессы⁶, делала традиционное историописание местом, где войнам, наряду с династическими сюжетами, отводилось главное внимание. Онтологическая и моральная дискредитация Просвещением столь распространенного общественного явления неизбежно поднимала вопрос о месте и роли войны и в самом историческом опыте человечества, и в исторических трудах. И здесь ценность войны признавалась в связи с поучительностью негативного опыта. «Крупные ошибки в прошлом, — отмечал Вольтер, — очень полезны во всех отношениях. Нельзя не напоминать вновь и вновь о преступлениях и несчастьях, причиненных бессмысленными распрями. Бесспорно, что напоминание о них мешает их повторению»⁷.

³ Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М., 1936. С. 248.

⁴ Барг М. А. Эпохи и идеи. М., 1987. С. 310.

⁵ Encyclopedie, ou Dictionnaire... Vol. VII. P. 996.

⁶ Лотман Ю. М. Статьи по типологии культуры. Тарту, 1973. С. 22.

⁷ История в Энциклопедии... С. 13.

Вместе с тем, эта поучительность в глазах просветителей имела характер скорее дедуктивно-назидательный, нежели познавательно-исследовательский. Войны в качестве негативного опыта давали слишком мало интеллектуальной пищи, почти не оставляя места для анализа проблем. Слишком очевидны казались их причины: затененность метафизических, по своей сути, природных разумных законов людским невежеством, предрассудками, суевериями, страстями, эгоизмом и пр. Внутренние механизмы конфликта, с этой точки зрения, дидактической ценности не имели, что сужало потенциал военных сюжетов даже в контексте негативного опыта.

Это признание малоценности войны в историческом опыте человечества отражалось и на понимании задач историописания. Вслед за онтологическим «выдавливанием» войны из сферы миропорядка — то есть сферы действия основополагающих законов природы и разума — просветители оказывались перед логической необходимостью элиминировать войну и из исторического повествования. Вольтер, с чьим именем в первую очередь принято связывать подобный подход, постоянно третировал преобладание военно-политической тематики в исторических трудах. Характерен пассаж из его работы «Век Людовика XIV»: «Здесь не одни только военные действия, но более человеческие нравы изображаются. Довольно и без того книг, которые наполнены описаниями ничего не значащих военных происшествий и подробностями ожесточения, и несчастиями человеческого рода»⁸.

Однако практическая реализация данной программы свидетельствовала скорее об обратном. Военная тематика не просто не игнорировалась многими просветителями, а напротив, постоянно присутствовала в их сочинениях, в первую очередь в исторических, но также и других работах. Например, у того же Вольтера практически полностью посвящена войне «История Карла XII»⁹; две трети «Века Людовика XIV» занимает описание военно-политических событий, при том, что отказ от подобного нарративного приоритета, как мы видели, именно здесь обозначен программно. Да и «Опыт о духе и нравах народов» — позднее и наиболее зрелое историческое сочи-

⁸ Oeuvres complètes de Voltaire. P., 1859. Vol. 4. P. 112.

⁹ Это обстоятельство, правда, нередко списывают на незрелость этого раннего сочинения (см., напр.: *Косминский Е. А.* Историография средних веков. М., 1963. С. 190).

нение Вольтера — содержит обширные блоки, посвященные войнам. Иными словами, декларируя бесполезность военно-исторических сюжетов, Вольтер довольно активно к ним обращается. При этом пренебрежительно-игнорирующими оценками значения войны дело отнюдь не исчерпывается.

Если попытаться проанализировать просветительские сочинения с точки зрения присутствующих там оценок и способов репрезентации войн, то можно выделить ряд модусов, которые определяют характер изображения и трактовок военных действий.

Первый — уже упоминавшийся антивоенно-гуманистический модус, где высказывания варьируется от обличительного пафоса до язвительно-иронической насмешки. Здесь мы имеем прямую проекцию негативных оценок, вытекающих из общетеоретических постулатов Просвещения, его базового мифа. Данная позиция подается не только с точки зрения сугубо содержательной, но и лексически выразительной: слово «война» постоянно соседствует со словами «несчастья», «бедствия», «ужасы», что превращается в распространенный штамп. По сути, война редуцируется к негативным явлениям — «несчастьям и бедствиям». При этом характерны одновременные указания на обыденность и ординарность войны в истории человечества. «Война свирепствовала постоянно и по любому ничтожному поводу: всюду она приносила всеобщее разорение, угасание семей, заполнение государств вдовами и сиротами. Горестные, но обычные несчастья!», — сетует де Трессан¹⁰. Данный модус максимально расположен к морально-аксиологической элиминации войны.

Второй — модус героико-эстетический: война — это поле проявления величия и героизма человеческого духа. Здесь явно прослеживается наследие раннего французского классицизма, образов классицистской трагедии. Так, например, Вольтер в своей статье «Прекрасное» из Философского словаря, разбирая универсальные проявления прекрасного, понятного независимо от эпохи и культуры, обращается именно к военным сюжетам: «Бывают поступки, прекрасные в глазах всех. Два военачальника Цезаря, смертельные враги между собой, бросают друг другу вызов, но победителям будет признан не тот, кто прольет за деревьями, как то принято у нас, кровь противника, встав в третью или четвертую позицию, а тот, кто

¹⁰ Encyclopedie, ou Dictionnaire... Vol. VII. P. 996.

лучше защитит римский лагерь от нападающих варваров. Одному из них, храбро отражающему натиск врагов, грозит гибель, тогда другой летит на помощь, спасает его жизнь и довершает победу. Друг идет на смерть ради друга, сын ради отца... алгонкин, француз, китаец — любой скажет, что это прекрасно, что поступки такого рода его радуют, что он ими восхищается»¹¹.

Третий модус — оправдательно-апологетический, как правило, используется для представления в более выгодном свете какого-либо позитивного явления, свойственного одной из воюющих сторон, прогрессивных перемен и т. д. В нем особенно четко проявляется правовая составляющая. Осуждая войну как таковую, просветители встали перед проблемой определения меры ответственности ее участников, разделив вслед за Гуго Гроцием войны на справедливые и несправедливые. Определяя основания справедливой войны, Монтескье отмечал: «Жизнь государства подобна жизни человека. Люди имеют право убивать в случае естественной самообороны; государства имеют право вести войну в целях самосохранения»¹². То есть «право войны вытекает из необходимости и строгой справедливости», но «если в основу будут положены произвольные принципы славы, приличия и пользы, то земля будет залита потоками крови»¹³. Участие же в справедливой войне дает моральное оправдание ее участникам, делает подлинными претензии их нравственных идеалов. «...Эта честь, это благородство, эта слава, — отмечал граф де Трессан, — заключаются единственно в защите своей религии, своей родины, имущества и личности против тиранов и несправедливых захватчиков»¹⁴.

С точки зрения отношения данных оговорок к исходному общетеоретическому осуждению войны, следует отметить, что справедливая война — есть только реакция на угрозу. Однако ясно, что на уровне эмпирического определения конкретной войны в качестве справедливой или несправедливой уже может иметь разночтения в трактовке разных авторов. Тот же Монтескье не всегда отказывает в справедливости и той стороне, которая выступила инициатором конфликта: «что касается общества, то тут право естественной самообороны ино-

¹¹ Вольтер Ф. М. А. Эстетика. Статьи. Письма. М., 1974. С. 215.

¹² Монтескье Ш. Л. О духе законов. М., 1999. С. 122.

¹³ Там же. С. 123.

¹⁴ Encyclopedie, ou Dictionnaire... Vol. VII. P. 996.

гда влечет за собой и необходимость нападения, в том, например, случае, когда народ видит, что более продолжительный мир даст другому государству возможность его уничтожить, и что, в данный момент, нападение является для него единственным средством предотвратить это уничтожение. Отсюда следует, что небольшие общества чаще, чем крупные, имеют право прибегать к войне, так как им чаще приходится опасаться за свое существование»¹⁵. Более того, развивая эту мысль, он доводит ее до логического завершения, утверждая, например, что «из права войны вытекает право завоевания»¹⁶.

Очевидно, что данные модусы могут совершенно различно соседствовать в текстах, давая в своем сопряжении разные, порой неожиданные (особенно это характерно для стиля Вольтера) риторико-смысловые эффекты. Но, практически в любом случае, оправдательные модусы подчиненно соотносятся с главным тезисом отрицания войны. По сути, положительные оценки в отношении тех или иных военно-исторических примеров строятся на компромиссном оправдании — война как таковая есть зло, но для определенных сторон и участников — это вынужденная реакция на несовершенство мира и человеческого социума.

Тем не менее, данное иерархическое соотношение не всегда оказывается достаточным основанием для осмысления и оценки всей сложности феномена войны и явлений, с ним связанных. Существует область, где эта логика не срабатывает, и просветительская мысль сталкивается с противоречием, которое не в состоянии разрешить однозначно и убедительно. Речь идет о сфере военных технологий, причем в самом широком смысле — от военной техники и вооружений до системы организации, комплектования, управления, снабжения войск, вопросов стратегии и тактики.

Суть противоречия заключалась в том, что просветители квалифицировали войну не только как бедствие и несчастье, но и как искусство. «Перед тем как вникнуть в некоторые детали этого сюжета, — пишет де Трессан в статье «Война» в Энциклопедии, — заметим вначале, что война — это искусство со своими правилами и принципами, а следовательно, со своей теорией и практикой»¹⁷.

¹⁵ *Монтескье Ш. Л. О духе законов. С. 123.*

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Encyclopedie, ou Dictionnaire ... Vol. VII. P. 985.*

Признание войны искусством, перенесение войны в сферу искусства принципиальным образом меняло контекст ее восприятия и ее место в картине мира эпохи Просвещения. Это обстоятельство порождает серьезное противоречие: будучи искусством, война репрезентирует сферу развития Разума, его прогресса и т. п., оставаясь, с другой стороны, явлением неразумным и неестественным.

В уже неоднократно цитировавшейся статье «Война» де Трессана представлены обе трактовки войны. Причем рассуждения, связанные с осуждением войн и порождаемых ими бедствий, осмыслением их причин, анализ вопросов правомерности войны (здесь де Трессан прямо ссылается на Монтескье), занимают меньшую часть статьи. Открыв ее определениями войны, указанием на важность ее изучения для государственных деятелей, автор довольно быстро переходит к истории военного дела. Представлена она очерком, ориентированным, прежде всего, на историю стратегических и тактико-технических нововведений — появление правильного строя, защитного вооружения, кавалерии, крепостей и искусства фортификации, осадных орудий, изобретение пороха и артиллерии. Однако сама военная техника и вооружения занимают автора даже в меньшей степени, нежели проблемы военной теории, стратегии и тактики, которые разбираются с привлечением многочисленных исторических примеров, с классификацией войн. «Сколько различных познаний, которые служат основой для *великого искусства войны*», — восклицает автор¹⁸.

И только конец статьи содержит в себе классически просветительское осуждение войны, анализ правовых оснований войн и т.п. Собственно, структура статьи и соотношение ее частей говорят сами за себя: большая часть статьи касается искусства войны, подчеркивается его сложность, богатство, разнообразие, материал подается как самоценный, морализаторство практически отсутствует.

Обращает на себя внимание и то, что военной технике отводится тоже сравнительно немного места. Данное обстоятельство представляется отнюдь не случайным. Выше отмечалось, что восприятие успехов в развитии военной техники у просветителей характеризуется неоднозначностью. С одной стороны, военные технологии, степень их развития, история их совершенствования есть показатель прогресса, понимаемого просветителями как прогресс человеческого

¹⁸ Ibid. P. 986–987.

разума; с другой — военные технологии служат войне, которая есть результат невежества, эгоизма, и оказываются тем самым примером горькой инверсии развития и прогресса науки и искусства в невежественном, эгоистическом социуме.

Указанная двойственность хорошо осознается французскими просветителями и фиксируется ими даже на уровне эпитетов и определений. Приведем характеристику, данную Вольтером, гвардии Людовика XIV: «Никогда не видели столь великолепной и вместе столь хорошо устроенной армии. Вновь преобразованная королевская гвардия представляла роскошное зрелище [...] Эти войска, покрытые золотом и серебром, были одновременно предметом ужаса и удивления для народов, не знающих пышности и великолепия»¹⁹. Далее Вольтер описывает технические усовершенствования в армии короля, преподнося их в положительном контексте, но тут же следует пассаж о введении штыков: «Это ужаснейшее изобретение военного искусства уже было известно, но малоупотребительно»²⁰ (сопоставляется «ужаснейшее», но «искусство»). Еще более выпукло подобная двойственность фиксируется в описании способа морских бомбардировок: «Это пагубное и одновременно удивительное искусство...»²¹.

Справедливости ради надо отметить, что имеются также примеры, где авторы пытаются преодолеть указанную двойственность, редуцируя прогресс в военно-технической сфере к положительным последствиям. Так, Кондорсе характерным образом оценивает появление огнестрельного оружия: «Химик, смешивая серу с воспламеняющимся веществом, нашел секрет пороха, который произвел неожиданный переворот в военном искусстве. Несмотря на ужасные действия огнестрельного оружия, оно, позволяя сражающимся находиться на значительном друг от друга расстоянии, сделало войну менее смертоносной и воинов менее жестокими. [...] То превосходство, которое дворянство приобрело над народом благодаря железным доспехам, своему умению править почти неукротимыми лошадьми, владеть шпагой, палицей или копьем, в конце концов совершенно исчезло. Разрушение этого последнего препятствия свободе и действительному равенству людей обусловлено было изобре-

¹⁹ Oeuvres complètes de Voltaire. Vol. 4. P. 107.

²⁰ Ibid. P. 107.

²¹ Ibid. P. 124.

нием, которое с первого взгляда, казалось, угрожало уничтожить человеческий род»²². Итак, автор выделяет среди положительных последствий и гуманизацию войны, и демократизацию общества в целом. Впрочем, столь прямолинейная апологетика военнотехнического прогресса встречается в просветительской мысли сравнительно редко.

Если же говорить о позитивных коннотациях, относимых к военному делу, то здесь в первую очередь следует упомянуть не вооружения и военную технику — им-то как раз и достаётся больше всего эпитетов «ужасный», «пагубный», «гибельный», а аспекты рационального совершенствования организации военных действий. Приближение войск к идеалу четко слаженного механизма, послушного, управляемого при помощи рациональных приемов, не может не вызывать одобрения просветителей. Именно здесь принято усматривать главную причину эффективности. «Не большое число решает успех на войне, — провозглашает де Трессан банальную истину, — но умение начальников и добротность тщательно дисциплинированных войск, обученных во всех упражнениях и военных маневрах. Отсюда проистекает то, как греки, у которых в особенности имелся должный прогресс военного искусства, находили возможность с маленькими армиями побеждать многочисленные армии персов. *Нет ничего более восхитительного, чем знаменитое отступление десяти тысяч греков Ксенофонта*»²³.

Рациональная эффективность подчеркивается и в искусстве полководческой стратегии: «Вовремя остановиться, вовремя переменить место, прикрывать свои земли, содержать армию за счет неприятеля, прорваться в их границы, когда они готовятся войти в защищаемые области, и заставить их быстро возвратиться, искусство сделать бесполезной силу — почитается знаменитыми подвигами в военном искусстве»²⁴.

Не только дисциплинированность и организованность войск получают одобрительные отзывы просветителей, но и организация

²² Кондорсе Ж. А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. С. 124–125.

²³ Encyclopedie, ou Dictionnaire... Vol. VII. P. 985–986.

²⁴ Oeuvres completes de Voltaire. Vol. 4. P. 342.

снабжения. Для Вольтера достижения на этом поприще выглядят не менее, а может и более значимыми, чем собственно военные успехи. Как несомненное достижение века Людовика XIV Вольтер подает следующее нововведение: «Кольбер открыл новые источники пособий для покрытия издержек. Лувау, новый военный министр снабжения, произвел чрезвычайные приготовления к войне. На границе учреждены магазины разного рода. Он первый ввел выгодный способ снабжения из магазина; до сих пор слабость правления не позволила привести его в действие. Какого бы города король ни предпринял осаду, в какую бы сторону ни обратил оружие, помощь всякого рода была готова, квартиры солдатам назначены, переходы определены. Взыскательность министра вводила день ото дня строжайшее устройство в войсках и понуждала офицеров к исполнению ими их должности...»²⁵.

Эта рациональность, ценная в качестве просветительского критерия уже сама по себе, к тому же должна способствовать снижению кровопролитности боев, а значит, и гуманизации войны: «Поход Тюрена был удачен, а принца Конде кровопролитен. Маловажные бои при Зинсгейме и Тюрингейме решающи, а многолюдное и знаменательное сражение под Сенефом разве что убийственно»²⁶. Или: «Этот штурм есть шедевр военного искусства [...] цель предприятия достигнута и не была кровопролитной»²⁷.

Однако, в отличие от примера из Кондорсе, позитивность этой рациональности здесь не абсолютизируется. Чего стоят в глазах Вольтера подобные сражения, а также технические достижения, в них используемые, ясно из проникнутого язвительной иронией описания сражения в «Кандиде» — книге, по мнению литературоведов, очень личной для Вольтера: «Что может быть прекраснее, подвижнее, величеленнее и слаженнее, чем две армии! Трубы, дудки, гобои, барабаны, пушки создавали музыку столь гармоничную, какой не бывает и в аду. Пушки уложили сначала около шести тысяч человек с каждой стороны; потом ружейная перестрелка избавила лучший из миров не то от девяти, не то от десяти тысяч бездельников, осквернявших его по-

²⁵ Ibid. P. 100.

²⁶ Ibid. P. 116.

²⁷ Ibid. P. 336.

верхность. Штык также стал достаточной причиной смерти нескольких тысяч человек. Общее число достигло тридцати тысяч душ»²⁸.

Как видно, подобная двойственность, как и в ситуации с оценкой войны в целом, не находит своего окончательного разрешения. Показательно в этом отношении стихотворное сочинение Вольтера «Тактика». В нем неоднозначность феномена войны в жизни человеческого общества становится предметом самостоятельной рефлексии. Содержание тактического искусства Вольтер резюмирует следующим образом: «Друзья! Наука та, как ближних умерщвлять»²⁹. Однако в качестве контраргумента приводятся слова офицера: «По правде ремесло мое бесчеловечно, / Но крайнюю нужду в нем мы чувствуем, конечно»³⁰. Весомость оправдательных слов офицера подкрепляется и описанием внешних признаков его нравственных достоинств: «Смел взор его, однак не лют, спокоен, мил, / И качества его души в себе носил...»³¹. Единственное, что остается автору в данной ситуации, — бессильно согласиться (правда, с некоторой долей сарказма) с необходимостью военного искусства в несовершенном человеческом обществе: «Умолк и я, и что ответственность не знал. / Я силе здравого рассудка покорился, / Что выше всех наук война, с ним согласился...»³². Тем не менее, смиряясь с силой обстоятельств, Вольтер все же уповает: «Но я откроюсь вам, что я молось всегда, / Чтоб не было такой науки никогда, / Чтоб правда в мир ввела спокойствие желанно...»³³.

Итак, демонстрируя здесь компромиссный реализм, Вольтер не стремится разрешить противоречие между своими гуманистическими убеждениями и окружающей действительностью. Однако, учитывая общепросветительский оптимизм относительно возможностей совершенного устройства общества, вполне можно было ожидать и предложение разного рода рецептов реализации гуманистических идеалов, хотя бы на уровне просветительской дидактики. Очевидно, отказ

²⁸ Вольтер Ф. М. А. Орлеанская девственница: Философские повести. М., 1971. С. 413.

²⁹ Вольтер. Тактика / Пер. Е. Кострова. М., 1779. С. 4.

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Там же. С. 8.

³² Там же. С. 11.

³³ Там же. С. 12.

Вольтера от попыток разрешить данное противоречие указывает на самоценное смысловое и эстетическое значение этой неоднозначности, присущей парадоксу, дискуссии, сопряжению различных мнений.

В данном случае позиция Вольтера представляется очень симптоматичной для состояния всей французской просветительской мысли, сформированной в особых условиях интеллектуальной жизни Франции конца XVII–XVIII вв. Репрезентация неоднозначности окружающего социального мира как самоценной имеет непосредственное отношение к специфической конформности французского публичного дискурса, сложившегося под влиянием салонной культуры. Салоны того периода являлись особым коммуникативным пространством, ориентированным на прециозную галантную культуру. Их изначальное предназначение — общение друзей и единомышленников, достижение взаимного удовольствия от коммуникации в особом игровом пространстве. Отсюда установка на разговорную интонацию, обмен мнениями (с изначальным допускаемым правом на их относительность, приватность, при отсутствии претензий на исчерпываемость). Соответственно, столь существенный для интеллектуалов поиск истины в значительной степени подменялся обменом мнениями *по поводу* истины и ее поисков. Естественно, это отразилось не только на характере ученых бесед, которые велись в салонах, но и на текстах, продуцировавшихся во многом в расчете на данную аудиторию. В результате формируется особый эссеизирующий дискурс, и по сей день занимающий важное место во французской интеллектуальной традиции.

Влияние прециозной галантной культуры салонов, выразившееся в признании неоднозначности фактов и примирении с этим, а где-то даже и в компромиссной этике, сказалось, как мы видим, и в оценках просветителями войны и военных технологий. На этом фоне особенно показательными выглядят ситуации отхода от позиции галантно-политической отстраненности и занятие позиции однозначной, которые мы позволим себе отдельно рассмотреть, завершая данную статью.

Обратимся вновь к Вольтеру, к тем моментам, когда он покидает подвижное пространство сопряжения точек зрения и мнений, жертвуя ради выбранной позиции даже традиционно симпатичными ему ценностями. Таких случаев, надо признать, весьма немного, и

наиболее ярким является рассказ об эпизоде начала войны за австрийское наследство, известном как Деттингенское сражение.

Закончившееся для французов неудачей столкновение с английскими войсками под Деттингеном вызвало у Вольтера сильный эмоциональный отклик. Деталю этого сражения была посвящена отдельная глава в очерке «Век Людовика XV»³⁴ и специальная статья, уже в XVIII в. вышедшая в русском переводе³⁵. Такое внимание к битве выглядит особо выразительным на фоне сравнительно небольших ее масштабов.

Французы, пытавшиеся устроить засаду английским войскам на марше, не смогли воспользоваться благоприятной ситуацией из-за несогласованности действий и обнаружили себя раньше времени. В результате англичане успели развернуть боевые порядки, и вместо победоносного завершения удачно подготовленной операции французы неожиданно получили ожесточенный бой на близком расстоянии, с неизбежными большими потерями. Собственно, не столько тяжесть понесенного поражения³⁶, сколько эмоциональная неготовность к такому варианту развития событий впечатлила и участников сражения, и общественное мнение во Франции, и самого Вольтера.

В то же время общественное мнение и позиция Вольтера в оценке этих событий кардинально разошлись. Поражение под Деттингеном было воспринято французской публикой скорее как повод для светских сплетен, злорадной критики ошибок командования, нежели с сочувствием. Вольтер же, напротив, вступает за французских военных. Полемизируя с настроениями французской публики он пишет: «Тот кого вы обвиняете, мог ошибаться, но он умер, сражаясь за вас»³⁷. Французские офицеры для автора — образец героизма, гуманности, воспитанности (*polis*), просвещенности — обладатели качеств, тем более ценных на фоне их профессии, а также нравственного облика подчиненных («грабители», «наемные убий-

³⁴ *Oeuvres completes de Voltaire*. Vol. 4. P. 336–339.

³⁵ *Вольтер*. Слово похвальное французским офицерам, умершим на войне в 1741 году / Пер. Николая Неплюева. М., 1787.

³⁶ Несмотря на неудачу, французы избежали разгрома, а потери составили, по данным Вольтера, 2231 человек убитыми и ранеными (*Oeuvres completes de Voltaire*. Vol. 4. P. 339) — далеко не самый крупный урон для тогдашних масштабов боевых действий.

³⁷ *Вольтер*. Слово похвальное французским офицерам... С. 24.

цы» — вот эпитеты, которыми автор награждает солдат). Характерная деталь — в «Веке Людовика XV» при описании хода Деттингенского сражения упоминаются имена двадцати одного французского офицера, погибшего в нем. Это явно выбивается из стилистики исторических трудов Вольтера, который, рассматривая ход военных действий, как правило, не упоминает в среднем более трех имен за главу. Пожалуй, это практически единственный пример столь внимательного отношения к памяти погибших военных в вольтеровском историописании.

Тем не менее, относительно исторического места этой войны в целом французский философ не обольщается. «Дело для Франции совсем постороннее», — так характеризует он участие своей страны в борьбе за австрийское наследство, добавляя: «Эта война была предпринята по одному честолюбию маршала Белиля; в ней мало можно было выиграть, а потерять много»³⁸. Однако в данном случае бесполезность войны в глазах Вольтера не умаляет ни героизма ее участников, ни патриотического ее значения.

³⁸ Oeuvres completes de Voltaire. Vol. 4. P. 336.

К. Мондэй

ОТ ВОЕННОЙ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКЕ

ВОЙНА И МИР В МИРОВОЗЗРЕНИИ Е. Ф. КАНКРИНА

1. Постановка проблемы

На протяжении своей долгой службы на посту министра финансов (с 1823 г. до 1845 г.) граф Егор Францевич (Георг) Канкрин (1774–1845) часто повторял, что остается приверженцем одной и той же экономической системы¹. Рассмотрение этой системы имеет большое значение для изучения российской истории в период правления Николая I, поскольку ее принципы часто определяли имперскую политику первой половины XIX в. в таких сферах, как торговля, налоги, образование и национальный вопрос.

В данной работе анализируются схемы организации знания и способы аргументации, характерные как лично для Канкринна, так и для бюрократической элиты николаевской эпохи, в связи с ее положением в структуре российского общества. Важной с этой точки зрения является такая категория, как «привычки ума» (по Рингеру)², то есть устойчивые мотивы и темы, повторявшиеся в самых разных науках, входившие в круг их важнейших понятий и актуальных проблем. Соответственно, рассматривается не просто политическая экономика в определенный период ее развития и в определенной стране, но и тот общекультурный контекст, в рамках которого происходило это развитие. Вот почему такие кажущиеся на первый взгляд малоактуальными темы, как влияние Отечественной войны 1812 года на экономическую науку, должны занять подобающее им место, облегчив понимание того, почему так важно выделить в качестве самостоятельного объекта исследования структуру институтов экономи-

¹ Канкрин писал об этом фактически в каждом из своих ежегодных отчетов императору. См., напр.: Российский государственный исторический архив (Далее: РГИА). Ф. 560. Д. 22. Ед. 98. Л. 7; Ф. 560. Оп. 22. Ед. 105. Л. 86 об.

² *Ringer F. K. The Decline of the German Mandarins. The German Academic Community. Cambridge (MA), 1969.*

ческой науки. «Наполеоновские войны», рассматриваемые нами как система общественных знаков в понимании философа Ролана Барта, оказали существенное воздействие на эту структуру, если иметь в виду бюрократическое направление в российской экономической науке. После них понимание «мировых» и «национальных» систем приобрело совершенно иной смысл. Новая трактовка неопределенности, предложенная в связи с этим, в дальнейшем оказала огромное влияние на формирование многих хозяйственных моделей, разработанных российскими академическими и придворными экономистами николаевской эпохи, а как следствие и на характер предлагавшихся политических программ.

На первый взгляд может показаться случайным (и малоактуальным) также и тот факт, что многие российские экономисты первой половины XIX в. (включая министра финансов Е. Ф. Канкрин) учились экономической науке в рамках парадигмы камерализма. Однако данная система знания, предлагавшая свои собственные методы анализа и свое миропонимание, прочно вошла в структуру российских институтов экономического мышления, что, в конце концов, оказало немалое воздействие на разработку стратегии экономического развития. Можно даже предположить, что понятие неопределенности, которое возникло вследствие наполеоновских войн, как и другие экономические концепции, сложившиеся в науке николаевской эпохи, до сих пор оказывают влияние на современные институты экономического мышления и, тем самым, на экономическую политику, проводимую руководством Российской Федерации.

Что касается Канкрин, то его мировоззрение сформировалось под воздействием двух основополагающих «институтов»: университета и бюрократии. В университете он получил основополагающие знания в области камералистской науки. Поздняя камералистская мысль пыталась сознательно проанализировать феномены поиска ренты (rent-seeking) и транзакционных издержек (transaction costs). Образно говоря, пока английское купечество изучало внутреннюю гармонию рыночного механизма, основывающегося на естественном законе, немецкий камерализм пытался доказать, что «хозяйство»³

³ Характерно, что только к началу XIX в. камералисты стали использовать термины «экономика» или «хозяйство», вкладывая в них при этом иное содержание, чем другие европейские экономисты.

всегда испытывает недостаток внутренней гармонии и может лишь частично регулироваться в связи с существованием издержек, позже названных трансакционными.

Характерной чертой пытавшихся создать новую экономическую науку (Oeconomie) немецких камералистов было то, что, отбрасывая эмпирические основы идей А. Смита и физиократов⁴, они накладывали своеобразный вариант новой доктрины на прежнюю «бюрократическую» метафизическую систему, разработанную еще Вольфом и Кантом, и формулировали свои выводы в виде аксиом.

Эпистемологические предположения Канкрина были, в большинстве своем, взяты из интерпретаций Иммануила Канта ведущими камералистами, которые настаивали на четком разделении методов, подходящих к изучению теоретического мира, с одной стороны, и эмпирической области, с другой. Считалось, что необходимо строго различать чистый разум (теорию) и практический разум (опыт и нравственность). Знание чистого разума может быть основано лишь на ясных, понятных концепциях, в то время как все идеи, сформированные практическим сознанием, включая основные способы представления эмпирических данных, полагались, в конечном счете, одинаково фиктивными. Они служили только доказательством человеческой возможности применять различные виды формальных последовательностей к внешнему миру. Поэтому работа практического сознания тесно связана с моральными и эстетическими представлениями об историческом процессе.

Следовательно, экономическая теория, основывающаяся на эмпирических данных, должна была учитывать исторический опыт, который, в свою очередь, сформировался под огромным воздействием эстетики и морального закона. Соответственно, согласно камералистам, экономическая наука должна быть тесно связана с юрисдикцией. Экономист, с этой точки зрения, должен изучать ход развития человеческой морали в историческом поле. Данное положение можно сравнить с современной академической наукой: если сегодняшние экономисты видят свой «базисный» предмет в математике, то камералисты — в изучении развития законов. В действительности

⁴ К тому же Смит обычно рассматривался некамералистами как физиократ. См.: *Tribe K. Governing Economy: The Reformation of German Economic Discourse, 1750–1840. Cambridge, 1988. P. 158.*

многие учебники по камерализму представляли собой скорее обзоры определенных кодексов административного законодательства.

При этом, с одной стороны, неоднократно обсуждавшиеся различия между теорией и практикой, предположительно основанные на противоречиях между чистым и практическим разумом, в действительности часто были произвольными. Ведь определенная экономическая идея считалась «теоретической» или «практической» в зависимости главным образом от принятых культурных норм. Например, немецкие камералисты обычно рассматривали любые идеи, исходящие от «французов», как апологию «теории», поэтому работы физиократов были представлены немецкоязычной аудитории в виде необходимых и универсально действующих экономических аксиом, сформулированных исключительно с помощью чистого разума. Теория Адама Смита получила похожую философскую трактовку немецких академиков: «Богатство народов», лишенное острот наблюдений Смита над пивными и ирландскими проститутками в «переводах» Христиана фон Шлецера (1774–1831) и Георга Карториуса (1766–1792), превращалось ими в сборник сухих аксиом, имевших универсальное и обязательное значение.

С другой стороны, многие академические предметы из традиционной камералистской программы перестали рассматриваться как «теоретические» и получили статус «практических» дисциплин, несмотря на то, что в действительности их содержание изменилось незначительно. Большинство камералистов продолжали обучать своим стандартным предметам (лесоводство, строительство, финансы и т. д.) так же, как они делали это всегда. Однако теперь данные предметы были лишены теоретической строгости, приобретая в то же время новую институциональную и историческую значимость, поскольку основывались на «практическом разуме».

В соответствии с широко распространенными представлениями, Канкрин и другие камералисты якобы «извлекали уроки из опыта», рассматриваемого как нечто противоположное теории. В действительности эти различия часто базировались больше на культурных нормах, чем на реальных различиях в философских основах. Ученый, неоднократно настаивавший на том, что его «практические» выводы исходят исключительно из личного опыта, тем не менее, обычно опирался на представления, которые он получил в универси-

тете или от своего отца, но отнюдь не на доктрины, основывающиеся на всякого рода эмпирической индукции. С другой стороны, для Канкрина «теория» означала концепции физиократов и Адама Смита, насильно внесенные в рационалистическую систему немецкоязычного академического мира, но никак не основанные непосредственно на чистом разуме.

Следуя разнице между чистым и практическим разумом, при взаимодействии с реальным миром камералистская теория сталкивалась с двумя крайностями: с одной стороны, с так называемой *спекуляцией* (Spekulation), то есть неправомерными попытками применения трансцендентальных категорий к действительности; с другой — с отказом использовать возможности чистого знания, называемого рутинной (Routine). Экономическая наука, чтобы быть «благородной» и «полезной», должна была, по мнению Канкрина, возвыситься над этими двумя тенденциями⁵. По Канкрину, только гениальные люди могли избежать этих ошибок (спекуляции и рутины) и правильно применять теорию к практике. Особенно важным здесь было его понимание «осмотрительности в управлении» (Staatsweisheit), благодаря которому экономист мог видоизменять теорию. Это оказывалось близким к круговскому пониманию «юриспруденции»⁶. Исходя из системы Х. Вольфа, Канкрин считал, что «осмотрительность в управлении» представляет собой особое умение использовать историческое знание⁷. Но этого можно достичь только через практику. «Наиболее важное место в экономической науке, — писал Канкрин, — занимает предусмотрительность в управлении (Staatsweisheit), т. е. такое сочетание главных принципов экономической теории (Staatswissenschaft) и практического опыта (Erfahrung), которое получает свое развитие только через практику применения теории и не может быть ни изучено, ни преподаваемо...»⁸. Концепция «предусмотрительности в управлении» стала своеобразным эпистемологическим мостом между «тео-

⁵ *Cancrin*. Die Oekonomie der menschlichen Gesellschaften. Stuttgart. 1845. S. 3.

⁶ См.: *Krug W. T.* System der praktischen Philosophie. Bd. 1: Rechtslehre. Königsberg, 1817. S. 4–5.

⁷ *Cancrin*. Weltreichtum, Nationalreichtum, und Staatswirtschaft, oder Versuch neuerer Ansichten der politischen Oekonomie. München, 1821. S. xii, 126–128, 243–245.

⁸ *Cancrin*. Weltreichtum... S. 243–244.

рией» и «практикой»; «мировой» и «национальной» системами; «необходимостью закона» и «моралью»; «универсальным» и «историческим». Недаром Фридрих Лист (1789–1846) в своем знаменитом введении к «Национальным системам» также акцентировал внимание на данное средостение «теории» и «практики».

Исходя из подобных рассуждений, Канкрин заключал, что только применяя теорию к практике мы можем понять «экономику человеческого общества»⁹. Например, именно «осторожность в управлении» (*Staatsweisheit*), а не чистый разум (*Kalküls*) показывает, почему экономика, ориентированная на торговлю и промышленность (*Kommerzialsystem*), имеет преимущество над «сельскохозяйственной системой» (*Agricukultursystem*)¹⁰. Согласно Канкрину, такие «абстрактные теоретики», как Мальтус, делали неверные предположения относительно населения именно потому, что испытывали недостаток в исторических данных (*historischen Gang der Dinge*)¹¹.

Сверх того, по мнению Канкрина, человеческое сознание таково, что всегда будет существовать противоречие между теорией и практикой¹². Поэтому чрезмерная зависимость от теории (*zu viel Kalkül*) без учета Опыта и Этики (*Würdigung der moralischen Einwirkung*) вводит экономиста в заблуждение¹³.

Важнейшей в экономических взглядах Канкрина, как и других представителей бюрократического направления в России, была отмеченная им разница между *мировым* и *национальным* аспектами анализа¹⁴. Первый аспект относился к сфере чистого разума, тогда как второй — к сфере практического разума. Эта дихотомия строилась так же, как и разница между принципами мирного и военного времени. Она означала, что законы национальных экономических систем (*Nationalökonomie*) следует извлекать из исторического опыта, который уходит корнями в практический разум, эстетику и этику.

⁹ *Cancrin. Die Oekonomie...* S. iii–iv.

¹⁰ *Cancrin. Weltreichtum...* S. 111.

¹¹ *Cancrin. Die Oekonomie...* S. 65–69.

¹² *Cancrin. Weltreichtum...* S. 6: «...ein häufiger Widerspruch der Erfahrung gegen die Grundsätze des Buchs».

¹³ *Cancrin. Weltreichtum...* S. vii.

¹⁴ Канкрин впервые объясняет разницу между «национальными» и «мировыми» принципами в 1821 г. в своем трактате по экономике: *Cancrin. Weltreichtum...* S. 2–3.

Сверх того, в соответствии с указанным пониманием, «практический разум» фактически нередко воплощался в прежней камералистской теории. Следовательно, законы, действующие в национальной экономике, могли быть извлечены из традиционных камералистских идей, которые, по существу, включали и понятие транзакционных издержек. Чтобы придать своим принципам дополнительную легитимность, Канкрин утверждал, что они были результатом размышления над «личным опытом», тогда как на самом деле он просто воспроизводил усвоенные им в молодые годы камералистские учения и лишь приспособил их к условиям страны, духовная обстановка в которой была совершенно особой¹⁵.

2. Камерализм как бюрократическая наука

Довольно часто исследователи приходят к выводу о том, что Е. Ф. Канкрин был всего лишь практиком, но никак не теоретиком. При этом обычно забывают, что за «практикой» всегда стоит теория¹⁶. Единственной экономической доктриной, которой придерживался Канкрин, был камерализм (*Kameralwissenschaft*). Этот сложный термин позволяет рассматривать его и как экономическое мировоззрение (которое можно назвать *бюрократическим*), и как академическую дисциплину. Важно при этом также отделять камерализм от ассоциаций с меркантилизмом и рассматривать его как предшественника институционализма.

Изначально для камералистов были важны методы, основанные на изучении металлургии, которые дали им своеобразную «механистичную» модель, сильно отличавшуюся от ньютоновского «меха-

¹⁵ Надо также учитывать то обстоятельство, что к началу XIX в. «камерализм» имел отрицательную коннотацию в общественном пространстве. Таким образом, оказалось необходимым видоизменить старое учение в соответствии с более современной терминологией, отвечающей духу нового времени. Аналогичная ситуация наблюдалась в 90-е гг. XX в., когда «марксистскую» политэкономии нужно было переложить на «современный» язык «западной» экономической теории.

¹⁶ Такому теоретику, как Ролан Барт, удалось обнаружить идеологический подтекст и теоретические посылки в огромном количестве будто бы «повседневных» или чисто «практических» систем, таких как реклама, общественное образование и медицина.

низма», который обычно считается «основой» научной экономической мысли¹⁷. Первыми экономистами, вынужденными решать проблему комбинирования человеческих и технических ресурсов, а также проблему создания и управления ими, были металлурги. В отличие от других европейских экономистов, они сосредоточили свой анализ не на непосредственном труде (*Arbeit, Work*), а на «искусстве» (*Kunst*), создав, таким образом, синергетический метод, сильно отличавшийся от аналогичной трудовой концепции ценности у меркантилистов¹⁸.

С теорией и практикой камерализма был непосредственно связан отец Георга Канкрина — Франц Людвиг фон Канкрин (1738–1816¹⁹) ставший к началу XIX в. одним из ведущих мировых менеджеров-металлургов²⁰ и одновременно автором, по сути дела, учебников по управлению, придававшим большое значение теоретической подготовке руководителей производства (шестой том его десятитомника по горному делу посвящен арифметике и тригонометрии). Суровый человек, Канкрин-старший верил в науку и любил машины больше людей. Но чтобы производить соль и металл, необходимо было управлять и человеческими ресурсами — силой, способной на лень и обман. Столкнувшись с проблемой «человеческого фактора»

¹⁷ Вслед за Онкеном и Прибрамом Филипп Миrowsкий утверждает, что ньютоновская физика послужила ключевой метафорой для классической и неоклассической экономической науки. См.: *Mirowski Ph. Paradigms, Hard Cores, and Fuglemen // The Reconstruction of Economic Theory / Ed. by Ph. Mirowski. Boston, 1986. P. 1–12.*

¹⁸ Разные английские авторы также подчеркивали, что производительность труда в значительной степени усиливается искусством (*art*). См. *Johnson A. E. J. Predecessors of Adam Smith. New York, 1937. P. 304.* Данное значение отражено словом «кунсткамера», означающим собрание технических инструментов и одновременно учебное заведение.

¹⁹ Иногда год его смерти указывается как 1812.

²⁰ См. о нем: *Biographie Nouvelle des Contemporains par A. V. Arnaut. T. 4. P., 1821. P. 69–70; Reinhardt G. Bibliotheca rerum metallicarum. Esisleben, 1840. P. 23; Allgemeine Deutsche Biographie. Leipzig, 1876. Bd. 3. S. 740–742; Божерианов И. Н. Граф Егор Францевич Канкрин, его жизнь литературные труды и двадцатилетняя деятельность управления Министерства финансов. СПб., 1897. С. 5–12; Черняк А. Я. Энциклопедия технических знаний XVIII в. и ее автор (Ф. Л. Канкрин) // Книга: Исследования и материалы. М., 1991. Вып. 63. С. 117–124.*

на производстве, Ф. Л. фон Канкрин занялся вопросом о том, что является наиболее эффективным способом вознаграждения труда рабочих — плата в соответствии с физическим объемом выполненной работы или в соответствии с количеством затраченного рабочего времени?²¹ С другой стороны, он уделял большое внимание процессу практического обучения на рабочем месте (*learning through doing*), указывая, что он приносит выгоды, которые невозможно точно определить или квантифицировать, но которые в итоге являются важнейшим фактором увеличения выпуска.

При анализе таких понятий, как «труд», подобные концепции отличались от аналогичных экономических теорий, основанных на механистичном способе объяснения мира. Для камералистов, исходивших из идей издержек контроля и способности к коллективному обучению, не могло существовать никакого универсального мерил «ценности». Подобно обучающимся на современных курсах по управлению, хороший камералист должен был знать, что 1+1 может равняться 3, то есть целое при использовании техники организации может стать большим, чем сумма составляющих его частей²².

Исходя из подобных способов мышления, Христиан Вольф (1679–1754), ставший ведущим философом камерализма, развивал понятие, близкое к современной концепции «института». В частности, философ пытался выявить логическое основание для коллективной организации договорных принципов, став, по существу, одним из первых, кому удалось обнаружить *raison d'être* для общественной и частной ассоциации²³. Овладев такими принципами, талантливые экономисты, такие как И. Г. Г. фон Юсти (1704–1771), сумели объединить указанные концепции в огромных трактатах об управлении

²¹ Канкрин. Ф. Л. Первые основания искусства горных и соляных производств: в 17 ч. СПб., 1785–1891. Ч. 5. С. 207–220. Это сочинение, составленное и переведенное по поручению русского правительства, вплоть до революции было самым объемным трудом по металлургии на русском языке (нем. оригинал: *Grundzüge der Berg- und Salzwirkund*. Frankfurt am Main, 1773–1791. 13 Bde.).

²² Эта концепция, возможно, уходит своими корнями в алхимию. Первые исследования о металлургии обнаружены в трактатах ранних камералистов по изучению алхимии. См: Johann Joachim Becher. *Physica subterrea* (1669); Wilhelm von Schröder. *Fürstliche Schatz- und Rentkammer* (1686).

²³ Wolff Chr. *Institutiones Juris Naturae et Gentium*. Halle, 1750.

самыми разнородными областями экономики²⁴. Давать какой-либо синтез концепций Юсти, разбросанных на многих тысячах страниц его работ, чрезвычайно трудно, поскольку для него, как и для всех камералистов, сущность явлений прослеживается отнюдь не через попытки универсальных законов, а при отслеживании отдельных опорных точек, называемых Юсти основополагающими единицами. Методы Юсти основывались на идее о том, что через организацию и образование можно обнаружить скрытые возможности естественных сил и национальной трудовой практики для создания синергетических эффектов. С этой целью иногда отдавали предпочтение «меркантилистским» способам хозяйствования. Создание монопольных условий, например, могло стать благотворным для «инкубации» новой деловой практики. Эти идеи были тесно связаны с ключевой концепцией «Национальной силы» (*Macht*), которая могла бы быть увеличена лишь благодаря развитию народного «Искусства» (*Kunst*), а не просто посредством приумножения населения. Организационные процессы, тем не менее, были ограничены растущими расходами на содержание административного аппарата. Поэтому у Юсти всеобщее благосостояние не может быть сведено к сумме его составляющих: туда необходимо включать организационные издержки и расходы на поддержание должной квалификации работников, что в трактатах по камералистской науке рассматривалось в русле понятий «Внутренней и Внешней безопасности»²⁵.

Следовательно, нельзя отождествлять благосостояние нации с простой агрегацией благ всех граждан, как это делали многие европейские экономисты. Для камералистов благосостояние (*Wohlfahrt*)

²⁴ К сожалению, о Юсти написано мало. К тому же большинство источников содержит не *анализ* методов исследования ведущего камералиста, а лишь *изложение* некоторых его взглядов на прикладные предметы. См.: *Madame D. M. Précis historique sur la vie de M. de Justi: Minéraligiste allemande conseiller aux mines, 1777*; *Roscher W. Der sächsische Nationalökonom Johann Heinrich Gottlob Justi // Archiv für die Sächsische Geschichte. Leipzig, 1868. S. 76–106. Bd. 6.*

²⁵ *Юсти И. Г. Г. Основание силы и благосостояния царств, или подробное начертание всех знаний, касающихся до государственного благочиния. Ч. 1: «Об отношении земли и недвижимого имущества к общему благу».* СПб., 1772. С. 96–100. (Нем. оригинал: *Justi I. G. G. Die Grundfeste zu der Macht und Glückseeligkeit der Staaten oder ausführliche Vorstellung der desmaten Polizey Wissenschaften. Altona, 1760–1761. Bd. 1–2).*

всегда состоит из двух разнородных категорий: Безопасность (Sicherheit) и Счастья (Glückseligkeit)²⁶. При этом главным для ученого был не «естественный порядок», а институты. Более того, только государство способно учреждать такие институты, при которых сила целого больше, чем силы составляющих его элементов.

Предполагалось, что после окончания обучения камералисты должны были служить в различных государственных структурах. Это существенно влияло на этический элемент позиции, занятой экономистом по поводу природы экономического знания и выводов, которые могут быть извлечены из изучения прошлых событий для понимания настоящих. Вслед за социологом Карлом Манхеймом (1893–1947), мы называем некий набор предписаний для занятия социальной практикой и соответствующие ему действия «*бюрократическим мышлением*». Основной тенденцией любого бюрократического мышления является стремление преобразовать проблемы политики в проблемы теории управления.

Стремление заместить область политики феноменом управления объясняется тем, что сфера деятельности государственных чиновников определяется принятыми законами. Манхейм пишет:

«Возникновение законов не относится ни к компетенции чиновников, ни к сфере их деятельности. Вследствие этой социальной обусловленности своих взглядов чиновник не видит, что за каждым принятым законом стоят социальные силы, связанные с определенными мировоззрением, волеизъявлением и определенными интересами. Чиновник отождествляет позитивный порядок, предписанный конкретным законом, с порядком как таковым и не понимает того, что любой рационализированный порядок есть не что иное, как особый вид порядка, компромисс между метарациональными борющимися в данном социальном пространстве силами»²⁷.

Бюрократ, в отличие от либерала или консерватора, находит свой источник для руководящих принципов вне логики своей системы. Речь идет, скорее, о некоем *deus ex machina* (например, авторитете императора, верховного совета или президента), который, часто неожиданно, указывает правильный принцип действия, на который и опирается бюрократ — чаще, чем на начала, логически вытекающие

²⁶ Ср.: Там же. С. 15.

²⁷ Манхейм К. Идеология и утопия. М., 1992. Ч. 1. С. 149.

из принятой системы мышления. Главным для бюрократического мышления является понятие «служба», благодаря которому бюрократ чувствует свое превосходство над идеологами. При этом бюрократии всегда свойственно стремление гипостазировать собственную сферу деятельности в соответствии со своими социально обусловленными воззрениями, не замечая того, что область администрирования и упорядочения определенных функций является лишь частью всей политической деятельности. Бюрократическое мышление, не отрицая того, что политика может быть наукой, отождествляет ее с наукой управления. Вне сферы внимания остается иррациональная среда, а когда она напоминает о своем существовании, ее пытаются ввести в колею «повседневной» государственной жизни²⁸.

3. Георг Канкрин на университетском поприще

На время университетского обучения Георга Канкрин в Германии пришелся один из наиболее знаменательных периодов в истории экономической мысли. Впервые столкнулись две зрелые, полноценные экономические школы. Камералисты попытались развить «чистое экономическое учение» (*Reine Wirtschaftslehre*), то есть экономические принципы, сходные с аналогичной европейской наукой, базирующейся на рационалистическом понимании естественного права²⁹, но включившие также стандартные камералистские концепции, которые теперь стали рассматривать как нечто относящееся не к «теории», но к «практике».

Георг Канкрин учился в Гессене и Марбурге — местах, где возникло физиократическое направление камерализма. Что касается первого, то Университет Людвига (*Ludwigs-Universität in Giessen*), где в период с 1786 по 1794 гг. отец Канкрин работал над металлургическими трактатами, представлял собой, скорее всего, окраинное

²⁸ О роли бюрократического мышления в развитии немецкоязычной социальной науки см.: *Hertz F. The Development of the German Public Mind: A Social History of German Political Sentiments, Aspirations and Ideas. Vol. 2: The Age of Enlightenment. L., 1962.* П. Шкьера видит в прусской бюрократии именно воплощение идей камерализма: *Schiera P. Il cameratismo e l'assolutismo tedesco. Milano, 1968.*

²⁹ Имеются в виду теории физиократов и Адама Смита.

интеллектуальное болото³⁰. Однако здесь существовал редко встречающийся в то время экономический факультет (*facultas oeconomica*). Основанный в 1777 г. ландграфом Людвигом IX, он стал пятым факультетом Гессенского университета³¹ и к 1789 г. насчитывал от 150 до 170 студентов³².

В 1796 г. в связи с оккупацией Гессена французскими войсками Канкрину пришлось переехать в Марбург, где также только что был образован экономический факультет (*Staatswirthschaftliches Institut*), насчитывавший к этому времени 8 профессоров и 131 студента³³. Марбург был центром «эпистемологического» направления кантианства, которое подчеркивало наличие сущностей (*essences*) и необходимость использования логики. К моменту прибытия Канкрин университет был наводнен бурными потоками мысли, связанными с Просвещением (*Aufklärung*), чувствительностью (*Empfindlichkeit*), кантианством, мистикой и Предопределенностью. Никто не символизировал эти противоречивые тенденции в большей степени, чем Иоганн Генрих Юнг-Штиллинг (1740–1817), физик и мистик, соратник Гете и Гердера, бывший кумиром своих студентов. История представлялась ему борьбой разных сил, проявлениями которой были раскол и конфликт. Прошлое было неразумным, настоящее заключалось в столкновении разума с неразумным, и только будущее было полной победой разума. Юнг-Штиллинг доказывал, что личные выгоды индивидов можно суммировать, или, как он выражался,

³⁰ О Гессенском университете см.: *Lenz F.* Die Wirtschaftswissenschaften in Geißen: Ein Beitrag zur Geschichte der politischen Ökonomie // Ludwigs-Uni. Justus Liebig-Hochschule 1607–1957: Festschrift zur 350-Jahrfeier, Giessen, 1957. S. 375–396. К концу жизни Канкрин выразил недовольство «педантством и сухим доктринерством» своей бывшей alma mater. (*Cancrin*. Aus den Reistagbüchern des Grafen Georg Kankrin. 1865. Bd. 1, S. 193). См. также: *Nolken M. von.* Der russische Finanzminister Graf Georg Kankrin und seine Handels-Politik. Riga, 1909. S. 32.

³¹ См.: *Schlettwein J. A.* Grundverfassung der in Giessen neu errichteten ökonomischen Fakultät. Giessen, 1778.

³² *Stieda W.* Die Nationalökonomie als Universitätswissenschaft. Leipzig, 1906. S. 176.

³³ Ibid. S. 231. О Марбургском университете см.: *Hermelink H., Kaehler S. A.* Die Universität Marburg seit 1866 in Einzeldarstellungen in Die Philipps-Universität zu Marburg, 1527–1927. Marburg, 1927; *Stieda W.* Op cit. S. 208–240.

они составляют агрегат (aggregate) всеобщего богатства общества³⁴. Благосостояние целого гражданского общества (der Glückstand einer ganzen bürgerlichen Gesellschaft), с точки зрения ученого, зависело от возможности освобождать индивидуальные человеческие потребности³⁵. Но на протяжении истории человеческого общества коллективные потребности имеют тенденцию к росту. Человечество посредством расширения его коллективных умственных сил прошло через следующие стадии развития: Patriarchie, Wildheit, Hirtenleben, Bürgerlichen Verfassungen, и Nomokratie (Патриархат, Варварство, Номадизм, Буржуазный строй и Бюрократия). Триумф Разума в сфере экономики представлялся Юнгу неизбежным, а мудрый камералист призван был помочь обществу отличить истинные потребности (увеличивающие общественное благосостояние, а как следствие и личное благо) от ложных³⁶. Исходя из этого, Юнг утверждал, что обязанностью каждого камералиста являлось полное развитие возможностей естественного закона посредством прогресса человеческой рациональности. Из этого беглого обзора ясно, что между немецкой и другими экономическими традициями в конце XVIII в. сохранялось значительное различие. Например, для французских физиократов (за некоторым исключением) экономика, по сути, была неподвижной, в то время как камералисты предложили подход к анализу развивающегося общества.

Вместе с остальной немецкой молодежью Канкрин понимал, что наступают новые времена, и пора избавиться от пережитков старого университетского образования. Вдохновленный шиллеровской «Историей Тридцатилетней войны», Канкрин сочинил свой первый и единственный роман «Дагоберт, роман из теперешней войны за освобождение», в котором проповедовал принципы Французской

³⁴ Не считая кратких заметок Рошера и Штейда, экономическая концепция Юнга-Штилинга осталась неизученной. Об анализе его взглядов на торговлю см.: *Holubar N.* Das "Lehrbuch der Handlungswissenschaft" (1799) von Jung-Stilling // Auf den Spuren von Jung-Stilling: Studien zu Johann Heinrich Jung-Stilling (1740–1817) / Hrsg. von E. Mertens. Siegen, 1998. S. 137–158.

³⁵ *Jung J. H.* Die Grundlehre der Staatswirthschaft: Ein Elementarbuch für Regentensöhne und alle, die sich dem Dienst des Staats und der Gelehrsamkeit widmen wollen. Marburg, 1792. S. 20–21.

³⁶ *Ibid.* S. 22.

революции³⁷. Встревоженный революционными наклонностями своего сына, Франц Людвиг фон Канкрин в 1797 г. перевез его из радикальной Германии в консервативную Российскую империю. Там молодой Канкрин получил чин надворного советника³⁸, не позволявший ему занимать низших постов³⁹, но в то же время, из-за отсутствия опыта, ему было нелегко найти службу, сопоставимую с этим рангом. Вследствие этого пришлось заниматься временной работой, сопровождая отца на рудниках. Ф. Л. фон Канкрин стал управляющим соляным производством в Старой Руссе, где, благодаря успешному применению им инновационных технологий и методов управления, в период с 1804 по 1806 гг. наблюдался резкий рост производства. Однако соли было произведено больше необходимого, и правительство отказалось заплатить Канкрину за излишки⁴⁰.

4. «Война и мир»: преобразование доктрины камерализма

Во время приготовлений России к решающему столкновению с Наполеоном Георг (Егор) Канкрин стал известен как военный эксперт. Тогда вся русская администрация была убеждена в том, что Тильзитский мирный договор с «Первым полководцем века» носит кратковременный характер и война неизбежна. Как это часто случается в России, предыдущее военное поражение побудило разрабатывать программу «шоковой терапии», поэтому государство искало свежие умы. К 1810 г. большинство русских военных стратегов во главе с П. И. Багратионом вынудили Александра I перейти к наступательную операцию против Наполеона в Польше и Пруссии. Однако другая часть, включая военного министра М. Б. Баркляя-де-Толли, считала,

³⁷ Dagobert, eine Geschichte aus dem jetzigen Freiheitskriege: Als Gegenstück zum Graf Donomar, eine Geschichte aus dem siebenjährigen Kriege. Altona, 1797–1798. Bd. 1–2.

³⁸ Канкрину, в то время 23-летнему, содействовал граф Аракчеев. Первое впечатление Канкрин о Санкт-Петербурге было негативным. См.: *Cancrin*. Aus den Reistagbüchern des Grafen Georg Kankrin. 1865. Bd. 1. S. 3–4; *Кейзерлинг А.* Гр. Е. Ф. Канкрин // Русский Архив. 1866. № 1. С. 115.

³⁹ Гражданский чин 7-го класса, согласно табели о рангах, соответствовал армейскому капитану.

⁴⁰ Донесения [...] Ф. Л. Канкрин. 1804–1816 гг. // РГИА. Ф. 37. Оп. 25. Ед. 89.

что Россия должна вести оборонительную войну. Под влиянием доводов Багратиона, Александр I в 1811 г. подписал соглашение с Фридрихом Вильгельмом III, уже в октябре 1811 г. подготовив к наступлению 200-тысячную русскую армию. Войну, которая могла начаться в любой день, остановили только колебания Фридриха Вильгельма⁴¹.

Здесь не место углубляться в военную историю. Важно отметить, что Канкрин пытался поддержать Баркляя-де-Толли, опять-таки применяя камералистский подход. В частности, ученый отверг «теоретические» предположения многих русских военных, которые убеждали руководство армии в необходимости использовать наполеоновскую стратегию, то есть быстро мобилизовать войска и победить «театрального генерала» в крупном военном столкновении. Канкрин, напротив, полагал, что общие доводы французской «теории» годны лишь для мирного времени, но абсолютно неприменимы во время войны из-за резкого роста транзакционных издержек. Овладев орудием практического разума, можно вывести принципы, пригодные и для военных условий, включавшие в себя тактические отступления и использование местности. В опубликованном в 1809 г. памфлете “*Fragmente über die Kriegskunst...*” («Отрывки, касающиеся военного искусства с точки зрения военной философии», 1809), распространившемся в среде российской военной элиты, Канкрин начал развивать свою, впоследствии ставшую основополагающей, концепцию о различиях между теорией и практикой. Крайне расплывчато, в романтическом стиле, он впервые вывел центральную дихотомию мирного и военного времени, которая оправдывала оборонительную войну, тактические маневры и, что было наиболее важно, использование для своей выгоды недостатков армии противника в том, что касается организации маршрутов поставок на оккупированной территории⁴².

⁴¹ См.: Отечественная война 1812 года. Материалы военно-ученого архива. СПб, 1904. Т. 5. С. 268–270, 302–304, 313–315; *Троицкий Н. А.* Александр I и Наполеон. М., 1994. С. 193; Grimsted P. K. The Foreign Ministers of Alexander I: Political Attitudes and the Conduct of Russian Diplomacy, 1801–1825. Berkeley, 1969. P. 151–182; *Stählin K.* Geschichte Russlands von den Anfängen bis zur Gegenwart: 4 Bde. B., 1929–1939 (Nachdruck. Graz, 1961). Bd. 3. S. 131.

⁴² *Cancrin.* Fragmente über die Kriegskunst, nach Gesichtspunkten der militärischen Philosophie. St. Petersburg, 1809. S. 57–85. К концу своей жизни Кан-

Как и для всех камералистов, теория для Канкрина являлась общей схемой или формой, которую следовало осторожно применять к реальностям, особенно к тем, что существовали на историческом поле. Согласно камералистской логике, историческую конфигурацию событий невозможно охватить никакими органицистскими или механистичными теориями. Следовательно, правила, которые действуют в одной области знаний, не должны быть слепо применены к другим. Ученый приводит конкретный пример того, как в чистой теории французская система всеобщей воинской повинности превосходит аналогичную российскую систему. Некоторые российские «особенности»⁴³, тем не менее, делали невозможным применение французской системы для России: «Русская система рекрутских наборов несправедлива, но и французская система военной обязанности стоит недешево. Каждое государство беспокоит неравенство, но первым словом является нужда»⁴⁴. Следуя этой логике и связывая рекрутские наборы с налоговой политикой России, Канкрин пришел к выводу о том, что, возможно, физиократы и были правы в чистой теории, настаивая на введении более справедливой налоговой системы. Но это, конечно же, оказалось невозможно осуществить на практике. «Как видно из предыдущего, — говорил Канкрин, — в финансовой науке я не являюсь *Economiste* (физиократом. — *К. М.*). Системе физиократов недостает знания человечества»⁴⁵. Он, таким образом, наме-

крин стал утверждать, что именно он предложил в общих чертах план эвакуации Москвы (*Cancrin. Aus den Reistagbüchern...Vd. 1. S. 258*).

⁴³ Например, было весьма опасно вооружать крепостных. Идеи, подобно второй поправке Конституции США, провозгласившие право граждан на владение оружием и приведшие к огромным сбережениям для американского казначейства, были невозможны в Российской империи. Это оказалось Ахиллесовой пятой и для рабовладельческого юга США, и для крепостнической России.

⁴⁴ *Cancrin. Fragmente... S. 14.*

⁴⁵ *Ibid. S. 1.* Любопытно (и, к сожалению, характерно), что Уолтер Пинтнер, ведущий сегодня авторитет по системе Канкрина и экономической политике николаевской эпохи, безобразно переводит данную фазу следующим образом: “The author is no economist trained in financial affairs” («Автор не является экономистом, искушенным в финансовых делах») (*Pintner W. Russian Economic Policy under Nicolas I. N. Y., 1967. P. 15*). Еще любопытнее, что выдуманная цитата послужила Пинтнеру главным доказательством его тезиса о слабой теоретической подготовке Канкрина и о реакционном характере правления Николая I. Ввиду популярности данной работы этот тезис вошел в зарубежную, а

кал, что к теории физиократов можно было бы обратиться только при условии отсутствия транзакционных издержек. Таким образом, исходя из учений Шлеттвейна, Крома и Юнга, Канкрину удалось прямо связать «французскую» тенденцию чрезмерной теоретизации военной сферы с нереалистичными предположениями экономической теории физиократов. Изданная Канкрином брошюра стала теоретической поддержкой сторонников оборонительной войны. Сверх того, Канкрин приобрел расположение Александра I благодаря своим методам организации поставок в период начавшихся и быстро развивающихся военных действий⁴⁶. В течение войн 1812, 1813 и 1814 гг. он руководил военными поставками Российской империи.

Для дальнейших исследований Канкриным вопроса о соотношении теории и практики важное значение имело соединение им новых знаний, полученных в результате управления военными делами, с камералистской теорией. Трехтомное военное руководство Канкринна “Über die Militairökonomie im Frieden und Krieg...” («О военной экономии во время мира и войны и ее отношении к военным операциям», 1820–1823)⁴⁷ представляется попыткой определения принципов, пригодных для различных областей управления в условиях мирного и военного времени. Основной его вывод заключался в том, что транзакционные издержки, связанные с затратами на проведение войны, значительно видоизменяют принципы управления, характерные для мирного времени.

ныне и в российскую историографию. Главную ответственность за указанную ошибку следует возложить на научных руководителей Пинтнера — Ричарда Пайпса и Александра Гершенкрона.

⁴⁶ *Богданович М. И.* История царствования императора Александра I и России в его время. Т. 4. СПб., 1871. С. 397.

⁴⁷ Забытая сегодня, эта книга стала образцом для целого жанра литературы по военному управлению, учитывающей различие принципов военного и мирного времени. В частности, прусский военный советник Э. К. Г. фон Рихтофен указывал на место Канкринна в военной литературе. (См. Vorrede // Handbibliothek für Offiziere. Bd. 5: Der Haushalt der Kriegsheere in seinen militärischen, politischen und staatswirthschaftlichen Beziehungen. В., 1839. Т. 1. S. v.) В предисловии ко второму изданию классической работы Карла Мартенса по военной экономической теории также указывается на Канкринна как на его выдающегося предшественника. (*Gaisberg A.* Vorwort // *Martens C von.* Handbuch der Militärverpflegung im Frieden und Krieg. 2 Aufl. Stuttgart, 1864. Т. 1 S. iii).

Например, в начале XIX в. пользовалась успехом «просвещенная» теория об обеспечении армии внутренними ресурсами. Предполагалось, что в худшем случае окруженная армия может доставать продовольствие на территории противника на добровольной основе путем обмена, за наличность или бумажные деньги. Таким образом, военная теория утверждала, что рыночные методы способны более эффективно обеспечить армию, нежели командные. Своим делением на принципы мирного и принципы военного времени Канкрин оспорил эту концепцию. Во время войны информационные издержки увеличивались настолько, что разрушали весь рыночный процесс, и уровень административных издержек (*Formalitäten*), связанный с общими транзакционными издержками, угрожающе возрастал.

«Никогда не следует забывать, — пишет Канкрин в разделе об основах снабжения армии в период военных действий, — что часто формальности убивают самое дело. В военное время покупки вообще опасны и ненадежны в связи с невозможностью соблюдения формальностей, установленных для мирного времени, потому что на формальностях теряется время. Притом же и не существует правил о военных покупках в чужих и неприятельских землях, да их и невозможно составить. Если установить правило, в соответствии с которым заготовитель, прежде нежели приступить к покупке, испрашивал утверждения цен высшей властью, то время переписки может перекрыть время потребности. Вот причина, почему все военные покупки рождают подозрения и неудовольствия». При этом Канкрин не соглашается с мнением о том, что всегда лучше не покупать, а реквизировать, рассматривая закупки, «особенно в союзных землях» во время постоянного расположения армии, как «единственное средство к пополнению того, чего невозможно получить посредством реквизиции»⁴⁸. Однако в целом, с его точки зрения, в военное время значение принудительных реквизиций превосходит роль системы закупок. «На бумаге, — продолжает ученый, — пишется не всегда то, что делается. Только изредка показываются наружу все ужасы действительности и дают возможность судить о том, что остается скрытым. Часто случается, что при денежной системе припасы, взятые от жителей насильственным образом без всякой заплаты, равно

⁴⁸ *Canncrin*. Über die Militairökonomie im Frieden und Krieg und ihr Wechselverhältniss zu den Operation. St. Petersburg. B. 1. 1820. S. 316–317.

как отбитые от неприятеля, показываются купленными и бывают бременем для края, и без того уже отягощенного. Если войска даже будут платить за припасы, то из определенной платы мало дойдет до того, от кого взяты припасы, а между тем цены, требуемые от казны, растут в руках жадных подрядчиков, омывая руки и высших» «Существуют, — отмечал Канкрин, — такие истины, которые чувствуют все, но их трудно доказать. Точно так же трудно доказать тем, кто не видел ужасов новейших войн, что покупки сковывают не только большие военные операции, но и такие предприятия, исполнение которых требует особенной быстроты. Если армией однажды были допущены насильственные меры, то уже невозможно вернуться к прежнему порядку и никакие денежные пожертвования не в состоянии поправить нанесенного вреда». Из всего вышеизложенного Канкрин делал вывод, что лучше остаться при новой продовольственной системе, то есть в собственных пределах или в союзной земле, брать от жителей все, что армии нужно, под квитанции, проводя по ним, впоследствии, уплату по умеренным ценам, а в неприятельских землях жить на счет неприятеля, выдавая впрочем, за все взятое от жителей, квитанции. Что касается потерь, которые обыкновенно несут жители театра военных действий, то их, считал Канкрин, невозможно компенсировать и при денежной системе⁴⁹.

Из-за своих силовых методов обеспечения армии Канкрин впоследствии нажил много врагов, в том числе польского князя Франциска Друцкого-Любецкого. По мнению последнего, главным принципом Канкринина было снабжение армии «любой ценой, независимо от средств», и этот принцип был впоследствии распространен на все народное хозяйство в годы его министерской деятельности, также оцениваемой оппонентом негативно: «Поскольку он был скорее казначеем, чем финансовым министром, под его управлением общественное богатство оставалось постоянно инертным»⁵⁰. Отрицательно о военной деятельности Канкринина отзывался и шведский посол граф Густаф Армфельд: «Был еще один человек, который составлял вместе с Пфулем и Румянцевым “неспособную троицу”. Это был [...] Канкрин, плачевным образом заботившийся о провианте для вой-

⁴⁹ *Cancrin*. Über die Militairökonomie... Bd. 1. S. 318–320.

⁵⁰ *Esquisse historique sur le Prince Drucki Lubecki*. Versailles, 1865 P. 51–52.

ска»⁵¹. Интересна поздняя (в письме Ф. К. Затлеру от 1854 г.) оценка вклада Канкрин в русскую победу сенатором В. В. Погодиным, демонстрирующая ту дистанцию, которая разделяла камералиста и придворно-военные круги:

«Вы знаете, что я графа Канкрин всегда глубоко уважал, как умного и просвещенного человека и министра; но для интендантства ни из его отчета, ни из его сочинений заимствовать многого, признаюсь, не умел. Он горечи интендантства не испытал. В 1812 году с ним мало об интендантстве говорили, а в 1813 году его выдвинул Штейн. За границей со Штейном занимался он раскладкой поставки припасов (само собой разумеется, в общих видах), а по интендантству едва ли не главной заботой его был обмен денег разных государств по выгодному для отпуска курсу. По окончании войны отчета он не дал, и контроль насчитал на него, кажется, миллион, если не больше; но это дело по приказанию Императора Александра было оставлено. То, что теперь напечатано и называется его отчетом, есть общий взгляд на положение армии во время войны, ничего особенного не доказывающий и мало научающий»⁵².

Словно предвидя такие оценки, Канкрин писал: «После войны часто от зависти, педантизма и обычая требовать, чтобы все делалось по старинному, осуждают многие распоряжения военного времени, без всякого понимания современных обстоятельств, ... и осуждения эти основываются единственно на том, что при этих распоряжениях не были соблюдены формальности, предписанные для мирного времени, без всякого внимания к тому, что распоряжения делались иногда на бивуаках или в самых отчаянных обстоятельствах, когда лучше и поступить нельзя было для спасения армии от гибели»⁵³. Во всяком случае, отчасти именно благодаря проводимой Е. Ф. Канкриным системе форсированных изъятий война обошлась относительно недорого для России. В период с 1812 по 1815 гг. Канкрин заказывал поставки только четыре раза⁵⁴. Историки согласны, что довольно редко на про-

⁵¹ *Тенгер Е.* Император Александр I и гр. Армфельд // Русская старина. 1896. Т. 87. Кн. 9. С. 595.

⁵² Цит. по: *Затлер Ф. К.* Записки о продовольствии войск в военное время. СПб. 1865. Ч. 4. С. 135–136.

⁵³ *Cancrin.* Über die Militairökonomie... Bd. 1. S. 316–317.

⁵⁴ Расходы на войну составили 157 миллионов ассигнациями, а регулярные бюджетные отчисления для армии и флота за три года войны (1812–1814) составили 769 миллионов рублей. Это весьма значительная сумма, однако, она намного меньше затрат, вызванных Крымской войной. (*Юзефович М.* Чего

тяжении этой войны армия испытывала перебои в снабжении⁵⁵. Другой урок, который извлек ученый, заключался в том, что государственные отрасли промышленности испытывали недостаток в заинтересованности, поэтому возникали сложности в управлении ими, а просто передать их в частные руки было невыгодно. Для Канкрина была очевидна необходимость децентрализации экономики, выявленная войной 1812 г. Он, например, доказывал, что эффективные поставки обмундирования могут осуществляться только в условиях, выражаясь современным языком, «урегулированной конкуренции» (*managed competition*)⁵⁶. Поставщики, таким образом, должны соперничать за правительственные заказы. В 1843 г. министр финансов все еще полагал, что урегулированная конкуренция является единственным эффективным способом обеспечения армии одеждой, поскольку затраты, связанные с государственными текстильными заводами, были чрезмерно большими⁵⁷.

Канкрин часто повторял, что наполеоновские войны вызвали изменения в оценке достоинств государственных предприятий. Он полагал, что посессионная система Петра I, когда правительство жаловало дворянам огромное количество крепостных и земли в обмен на обещание производить определенное количество продукции, хотя и способствовала обучению русских новым способам производства, в конечном счете стала невыгодна. В период наполеоновских войн эти заводы оказались неспособными к обеспечению армии одеждой. Поэтому государство было вынуждено покупать текстильную продукцию у крестьянских общин. Способ обеспечения российской армии к 1816 г. был значительно изменен вследствие программ либерализации и приватизации⁵⁸.

стоила война с французами 1812, 1813 и 1814 годов // Русский архив. 1874. № 9. С. 735; Министерство финансов: 1802–1902. Т. 1. СПб., 1902. С. 735).

⁵⁵ Или даже никогда, по мнению М. М. Муромцева, который ставил это в заслугу Канкрину: *Муромцов М. М.* Воспоминания // Русский архив. 1890. Кн. 1. С. 367; см. также: *Богданов М. И.* История Отечественной войны 1812 года, по достоверным источникам. Т. 1. СПб., 1859. С. 65–66.

⁵⁶ См.: *Cancrin.* Über die Militairökonomie... Bd. 1. S. 98.

⁵⁷ Обзор примечательнейших действий по финансовой части... 1843 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Ед. 105. Л. 69.

⁵⁸ Общий отчет по Министерству Финансов за 1826 г. // РГИА. Ф. 560. Оп. 38. Ед. 213. Л. 85–86; Ф. 560. Оп. 22. Ед. 98. Л. 91. С 1820 по 1840 гг. лекции

Оценивая труд Канкрин по военному хозяйству, русский военный эксперт Ф. К. Затлер (1805–1876) писал: «Рассматривая сочинение Канкрин с практической стороны, оказывается, что оно основано более на умозрениях, нежели на опыте, и, следовательно, нужно с большой разборчивостью вводить предъявляемые им правила в область науки. Он, вместо того чтоб обобщать различные предметы и упрощать науку, раздробляет все до бесполезности, выдумывает названия, часто не соответствующие существу дела, и создает, таким образом, науку, но науку темную, между тем как военное хозяйство, в военное время, в своем основании, очень просто и удобопонятно»⁵⁹.

В каком-то смысле Затлер был прав. Взгляды Канкрин были основаны не на эмпирической индукции, полученной в результате опыта, а на синтезе камералистских методов, которые он изучил в университете. Опыт войны с Наполеоном заставил молодого Е. Ф. Канкрин пересмотреть камерализм как теорию и помог ему выработать новое понимание фактора неопределенности⁶⁰. В итоге он удачно противопоставил камералистский «практический» подход к войне французской военной «теории». Различия, обнаруженные Канкриным между принципами Войны (*im Kriege*) и Мира (*im Frieden*), явились методологической основой для рассмотрения экономики в двух измерениях: в мировом и в национальном масштабе⁶¹. Военная система Российской империи, являясь также институтом экономиче-

в Николаевской Военной Академии опирались на работу Канкрин «О военной экономии». Кроме того, тезисы, изложенные в этой работе, легли в основу военного кодекса России, устава об управлении армией в мирное и военное время, утвержденного в 1847 г.

⁵⁹ Затлер Ф. К. Записки о продовольствии войск в военное время. СПб., 1865. Ч. 4. С. 136.

⁶⁰ Здесь мы не затрагиваем концепцию неопределенности (на онтологическом уровне) как чего-то противоположного риску (случайные для человека события, распределение которых поддается анализу), разработанную Франком Найтом. Примечательно, что Найт хвалил некоторых неокамералистов, которые первыми заметили разницу между понятиями риска и неопределенности и указали на важность этих понятий для экономистов. *Knight F. H. Risk, Uncertainty and Profit*. Chicago, 1971. P. 22–23.

⁶¹ Эта дихотомия между национальным и мировым принципами опиралась на образцы знаний, присущие российской военной бюрократии, и, таким образом, существенно отличалась от аналогичного различения, выделенного представителями камерализма, в частности, Фридрихом Листом.

ского знания, посредством своего воздействия на мировоззрение ученого добавила оригинальный элемент в камералистскую экономическую модель — фактор радикальной неопределенности.

В результате Канкрину удалось внести решающий вклад в разработку экономического стиля российского камерализма и свойственных ему методов анализа, разработать оригинальную методологию, сочетающую камерализм, основанный на «бюрократической» парадигме, с современной ему экономической доктриной, которая зиждилась на механистической картине мира. Направление это также развивались Фридрихом Листом и Адамом Мюллером, но каждый из них, будучи воспитан в рамках особых общественных институтов, создал свою собственную теорию на основе резко отличавшихся одна от другой парадигм. Особенность методологии Канкринина заключается в том, что, используя учение Канта, он сумел сохранить свой реалистический взгляд на мир путем разделения «теории» и «практики», исходя из предложенной им ранее дихотомии между «мирным» и «военным» принципами. В соответствии с камералистскими традициями, Канкрин подчеркивал роль новизны, а также возможностей власти и организации. Но, в отличие от своих современников (особенно Ф. Листа), Канкрин был хорошо знаком с проблемой радикальной неопределенности и информационных издержек. Это знание было плодом его военного опыта. Используя современную аналогию, Канкрин разработал камералистскую модель экономики, похожую на модель Юсти, но действовавшую «в краткосрочном» плане (in the short-run). Если раньше камералисты строили свои теории с позиции «длительного промежутка времени», в течение которого, по замыслу Альфреда Маршалла, можно было варьировать все факторы производства (в том числе и технологию), то раздумье над уроками Отечественной войны 1812 г. заставило Канкринина приспособлять свой научный аппарат к условиям планирования в «краткосрочном периоде», когда фиксированные факторы производства не могут измениться. Таким образом, национальное хозяйство может не достигать положения равновесия. В начале 1820-х гг. экономическая программа Канкринина оказалась предпочтительнее предложений как либералов (например, М. М. Сперанского, Н. С. Мордвинова), так и консерваторов (например, А. А. Аракчеева). Экономическая теория российских камералистов превращалась в практику.

Е. Н. ПРОСКУРИНА

«В ТАКОМ ЗНАЧЕНИИ ВОЙНЫ ВООБЩЕ ЛЕЖИТ ЗАЛОГ ПРОГРЕССА»

ФРАНКО-ПРУССКАЯ ВОЙНА НА СТРАНИЦАХ
ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ЕВРОПЫ»

«Вы не забыли еще, конечно, того вечера, — это было так недавно — когда мы, сидя в вашем кабинете, толковали о политических делах нашей “старой наставницы” Европы. Тихая беседа не замедлила перейти в оживленный спор, как только речь зашла о той кровавой, возмутительной трагедии, разыгравшейся на Западе, свирепые сцены которой одна за другой проходили перед нашими глазами. [...] Вы, по обыкновению, горячо отстаивали Германию, я также горячо и также по обыкновению отстаивал Францию»¹. Думается, что в этом споре между главным редактором журнала «Вестник Европы» Михаилом Матвеевичем Стасюлевичем и его корреспондентом Евгением Исааковичем Утиным выражена вся суть той бурной полемики, которую вызвала в российском обществе франко-прусская война.

Полемика действительно была бурной. При этом вектор российских общественных настроений был направлен в сторону Франции, что не совпадало с официальным внешнеполитическим курсом, строившимся на благожелательном отношении к Пруссии. «Никогда еще, — писал потом в своих воспоминаниях чиновник и известный литератор Е. М. Феоктистов, — правительство не находилось в таком разъединении с общественным мнением, как во время разгрома Франции немецкими полчищами»². Объяснить подобные настроения можно, вероятнее всего, актуализацией в России в начале 60-х годов XIX в. болезненного «немецкого вопроса», что привело к разрастанию германофобских настроений³. Все это нашло свое отражение на

¹ Утин Е. Франция и французы после войны: Из путешествия // Вестник Европы. 1871. Кн. 4. С. 864.

² Феоктистов Е. М. За кулисами политики и литературы: 1848–1896. Л., 1929. С. 112.

³ См. об этом подробнее: Оболенская С. В. Германия и немцы глазами русских (XIX век). М., 2000. С. 106–113.

страницах российской периодической печати, во время франко-прусской войны пестревшей рассуждениями о причинах этой «колоссальной борьбы», ее возможном исходе и последствиях.

«Вестник Европы», как один из наиболее популярных толстых журналов своего времени, разумеется, не мог остаться в стороне от обсуждения конфликта, чему способствовал сам характер издания. «Вестник Европы» был либеральным журналом западнического направления. Россия воспринималась им как европейская страна, тесно связанная с европейскими политическими и культурными традициями, и война 1870–1871 гг., оказавшая значительное воздействие на интеллектуальную и духовную жизнь Европы, просто не могла рассматриваться как сугубо «внешнее» событие. Несмотря на то, что «Россия не принимала участия в самой войне, нравственное ее давление распространилось и на нас. [...] война повлияла на наши экономические и финансовые дела и отодвинула совершенно на задний план весь интерес общества к внутренним вопросам»⁴.

С августа 1870 г., то есть с момента начала военных действий, и на протяжении всего 1871 г. на страницах «Вестника Европы» было опубликовано более двадцати статей, не считая регулярных ежемесячных хроник, которые были посвящены различным аспектам этого военного конфликта. Позиция журнала в его оценке не была столь однозначной, как это может показаться на первый взгляд. Более того, односторонняя профранцузская ориентация некоторых публикаций российской прессы вызывала резкую критику журнала.

При внимательном прочтении становится очевидным, что в материалах «Вестника Европы», посвященных франко-прусской войне, нашли выражение и итоги многолетних раздумий, и сложившиеся убеждения, и запросы текущего момента, и целенаправленная пропаганда, и просто полемическая страсть авторов. Однако для понимания и усвоения этих многочисленных, довольно разнообразных и неоднозначных интерпретаций, а также для более взвешенного понимания позиции журнала недостаточно, что называется, буквального прочтения текста. Историко-культурная информация текстов «Вестника Европы» имеет свою совокупность понятий, единую знаковую систему, расшифровать которую возможно только через вос-

⁴ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1871. Кн. 1. С. 404.

произведение содержания фундаментальных концептов, употреблявшихся либералами-западниками для передачи своих идей.

Первый концепт был связан с утверждением в России еще в первой половине XIX в. нового понимания темпоральности, усвоенного под влиянием идей Просвещения и Французской революции, при котором важным фактором восприятия прошлого, настоящего и будущего была идея прогресса⁵. К ней, как к основной категории исторического развития, «Вестник Европы» постоянно обращался в своих публикациях, понимая прогресс как «беспрепятственное развитие всех существенных и материальных сил народа»⁶. Движение вперед является существенным свойством цивилизации, «человечество не может остановиться в своем росте, в своем стремлении к более обширному пользованию всеми дарами цивилизации»⁷.

Вместе с тем, «прогресс вовсе не двигается вперед спокойным, ровным путем, он идет зигзагами, часто сворачивает с прямой дороги, отодвигая общество назад»⁸, иными словами, на пути прогресса все же встречаются препятствия, и одно из них — война, «которая, в сущности, никогда и нигде не была рычагом цивилизации»⁹. В понимании «Вестника Европы» «война — это покушение самое варварское и на личность, и на собственность, на эти столбы современной цивилизации, это “проповедь анархии”», то есть прямая угроза исповедуемым журналом либеральным ценностям. Война в трактовках «Вестника Европы» не дает полезных результатов, она, «будучи абсолютным злом, — не может дать торжества никакой идее»: «В сущности, войною ничего и никогда не решается: ею не достигается свобода, точно так же как, с другой стороны, ею даже не получается власть. [...] Нет, дело цивилизации должно быть чисто и оно не покупается международной войною»¹⁰.

⁵ *Сабурова Т. А.* «Горизонты ожиданий» русских интеллектуалов первой половины XIX века // Диалог со временем. 2008. Вып. 25/2. С. 24.

⁶ *И. Н.* Война и цивилизация: Великие принципы и идеологи Второй империи. I–V // Вестник Европы. 1870. Кн. 10. С. 838.

⁷ *Он же.* Франция и Европа при воцарении Наполеона III: 1848–1851 // Вестник Европы. 1870. Кн. 12. С. 847.

⁸ *Утин Е.* Франция и французы после войны... С. 865.

⁹ *И. Н.* Война и цивилизация. Великие принципы и идеологи Второй империи. VI–IX // Вестник Европы. 1870. Кн. 11. С. 254–276.

¹⁰ Там же. С. 835, 839, 858.

С этих же позиций «Вестник Европы» подходил и к вопросу о возможностях российской политики. Россия, по мнению редакции, должна удержаться от «всякого вооруженного вмешательства и не поддаваться никаким завоевательным мечтам, которые в случае неуспеха страшно и надолго расстроили бы наши дела, а в случае успеха поставили бы препятствия, быть может, непреодолимые, для внутреннего развития нашей, ныне существующей России»¹¹.

Однако если сама война трактовалась сотрудниками журнала как событие регрессивного порядка, то развернувшаяся вокруг нее на страницах российской периодической печати полемика рассматривалась как явный индикатор прогресса российского общества. Ведь идея активной общественной позиции напрямую вытекала из идеи прогресса: «Нынешний интерес к судьбам Европы может служить новым признаком, что умственные интересы в нашем обществе укрепились, что политические идеи принимаются им ближе к сердцу и стали понятнее массе общества, чем было двадцать лет тому назад»¹². Кроме того, журнал был убежден, что «умам развитым и беспристрастным удастся вывести из настоящих событий уроки, не бесполезные для нас самих»¹³.

В подобном подходе очень ярко проявилась еще одна черта присущего российской интеллигенции мышления, а именно четко выраженный утилитаризм, то есть превращение любой идеи, мысли, события, любого элемента культуры, нравственного принципа в средство для достижения заранее поставленной цели¹⁴. В данном случае речь шла об общественном прогрессе. Рассуждения на эту тему привели к выводу, что истинный прогресс не заключается в прогрессе промышленном и полицейском, и в прогрессе вооружений. Все это окажется несостоятельным, если на протяжении долгого времени «подавляется всякая самостоятельность общества», «отсутствует свобода слова и собраний». Такая система «приучает массу народа к апатии, а просвещенное меньшинство к недоверию и

¹¹ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 367.

¹² Там же. С. 362.

¹³ Там же.

¹⁴ Ахизер А. С. Российский либерализм перед лицом кризиса // Общественные науки и современность. 1993. Кн. 1. С. 12–21.

недовольству», и в результате приводит к «принижению умственного уровня в стране, отсутствию истинно-способных людей в рядах ее официальных деятелей и самообольщению насчет своих сил, незнанию своих недостатков»¹⁵. Таким образом, главный урок франко-прусской войны, который должна была усвоить Россия, состоял в том, что «сама материальная сила народа не может преуспевать независимо от его нравственного положения»¹⁶.

Одной из наиболее актуальных тем в связи с осмыслением франко-прусской войны в категориях будущего прогресса стала тема преемственности и разрывов. Она хорошо прослеживается на примере того, как «Вестник Европы» анализировал причины поражения Франции в войне. Этот факт не представлялся журналу «делом случая, результатом каких-либо неудачных стратегических распоряжений, точно так же как и наше поражение под Севастополем не было делом одного случая или частных ошибок военачальников»¹⁷. Возможные параллели с недавней российской историей и сходство стоящих перед обеими странами задач на будущее делали французский опыт особенно интересным для либерального журнала. Не случайно настойчивое стремление редакции не просто осмыслить положение Франции в период франко-прусской войны, но задать более обширную историческую перспективу, начиная с Французской революции. С этой точки зрения интересен цикл статей, посвященный правлению Наполеона III¹⁸. По мнению автора публикаций, искать причины военной неудачи Франции следует в существовании Второй империи, которая признается наследницей «традиции войны и разорений Первой»¹⁹: «Племянник черпал все вдохновения своей авантюристской политики в подвигах и замыслах дяди [...] В этом отношении история Наполеона I чрезвычайно поучительна и многостороння; настоящие же события придают ей весьма современный интерес, так как пред

¹⁵ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 362–363.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Внутреннее обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 10. С. 899.

¹⁸ И. Н. Война и цивилизация... I–V. С. 830–864; Там же. VI–IX. С. 254–276; *Он же*. Франция и Европа... С. 847–885; *Он же*. Старая и новая Франция: Централизация и общественная инициатива // Вестник Европы. 1871. Кн. 3. С. 12–56.

¹⁹ И. Н. Франция и Европа... С. 847.

нами двадцать лет развертывалось не что иное, как жалкая копия с того колоссального оригинала»²⁰.

При этом особое внимание автор уделяет «идеологической» составляющей обеих империй. Как и его предшественник, Наполеон III указывал, что опирается в своем правлении на «великие принципы 1789 года», «которым империя будто бы служит»²¹. Но этот факт преемственности корреспондентом «Вестника Европы» отрицается, как и попытки провести параллели между франко-прусской войной и войнами революционной Франции и Наполеона I.

Для того чтобы показать несостоятельность подобного утверждения, в статьях конструируется некий идеальный образ «Франции 1789 года». Война 1792 г. – это война «нации, которая любила свободу, стремилась к свободе и готова была отдать жизнь свою за нее и за ту страну, на которой свобода расцвела впервые»²²: «...чувство привязанности к своей стране слилось с чувством привязанности к приобретенной свободе. [...] В то время Франция отстаивала свободу не вышедшую из войны, а напротив осажденную войною; она отстаивала в то время *известные, определенные* идеи, она отстаивала уничтожение феодального грабежа и политического произвола; и она знала, *что* она отстаивает»²³. Наполеон I, учитывая «веру французов в могущество революции, счел нужным явиться перед нацией ее продолжателем, наследником». Но «революционная Франция не стремилась и не хотела территориального увеличения», а Бонапарт повел французские армии за Рейн и своей политикой в германских землях, по мнению автора, заложил первый камень будущего франко-прусского конфликта²⁴.

Императорский манифест об объявлении войны с Пруссией также сопровождался обращением к «великим принципам» 1789 года. Следуя примеру дяди, Наполеон III также хотел видеть Францию в «ее естественных границах», утвердить, наконец, свою династию, и, кроме того, решить при помощи войны проблемы тяже-

²⁰ *Он же*. Война и цивилизация... VI-IX. С. 255.

²¹ Там же. С. 254.

²² Там же. С. 256.

²³ Там же. I-V. С. 861.

²⁴ Там же. VI-IX. С. 255, 258–259.

лого внутреннего положения страны²⁵. Но истинные причины его действий оценивались иначе: «...сравнение с прошлым представляется еще более невыгодно для настоящего, если мы укажем, что даже среди отчаянного положения никогда не шла речь о естественных границах, никогда никто не мечтал о воинской славе и доблести»²⁶.

Однако автор статей не отрицает преемственности революционных принципов. Обращение к идейному наследию Французской революции в контексте франко-прусской войны представляется ему особенно актуальным. Во-первых, потому, что «все, что бы ни делалось во Франции с начала XIX века и до наших дней, все невольно обращается к эпохе революции, как к великому трибуналу — или за одобрительной санкцией, или за руководящим советом». Во-вторых, потому, что «никакая нация не представляла в своей истории такого полного разрыва между своим прошлым и настоящим»²⁷, что и явилось главной причиной поражения и бедствий Франции.

Стоит отметить и еще один важный момент: в интерпретациях обеих войн, как франко-прусской, так и той, которую вела революционная Франция, центральное место занимал идейный компонент. Война осмысливалась с точки зрения наличия у противоборствующих сторон некой высшей цели, за которую они сражались (свободы, национального единства и т. п.), понималась не только и не столько как противоборство, вызванное объективно сложившимися политическими противоречиями, а как конфликт идей и принципов.

С очевидностью просматривается влияние на интерпретации журналом франко-прусской войны и другого, не менее важного концепта, опирающегося на идею прогресса, — концепта нации. В российском обществе пореформенного десятилетия споры о национальной идентичности приобрели особенную актуальность. С одной стороны, реформы 60-х годов способствовали изменению социальных качеств того, что мыслилось как русская нация. С другой стороны, события, происходившие за пределами российского государства (в частности, завершение процесса формирования европейских наций), также стимулировали дискуссии на национальную тему. Их результатом стало распространение представлений о мире как «сово-

²⁵ Там же. С. 265.

²⁶ Там же. I–V. С. 861.

²⁷ И. Н. Старая и новая Франция... С. 18.

купности естественным образом существующих народов-наций, которые стремятся к образованию собственных государств»²⁸.

С самого начала и до Седанского сражения франко-прусская война понималась «Вестником Европы» как война за национальное объединение Германии. И с этой точки зрения она представлялась вполне справедливой, поскольку «только прочное национальное единство и уверенность в своей безопасности дают каждой нации возможность серьезно заняться разбором своей внутренней жизни и изысканием способов к установлению политической свободы и гражданского равенства и к развитию материального благосостояния». Поэтому нет ничего удивительно, что «немцы сами увлечены в войну, сами влекут свои правительства, ибо видят в войне за Рейн войну за целостность немецкой земли — войну за национальное единство, без которого невозможно развитие свободы. [...] это война за национальное существование»²⁹. Стоит заметить, что в данной публикации одной из противоборствующих сторон является не Пруссия или Северогерманский союз, которые вели войну, а именно Германия, которой еще не существовало на карте, и которая, в случае победы, должна была «приобрести в первый раз национальное единство». Другая сторона конфликта — Франция, которая отождествлялась с Империей Наполеона III, и чья победа означала бы «раздробление Германии в прежние куски». Поэтому, говоря о возможном исходе войны, журнал отмечал победу Германии как желательную.

В этом же номере «Вестника Европы», с пометкой редакции о несогласии со всеми мнениями автора, была опубликована статья под названием «Франция и Пруссия»³⁰, представившая противоположную точку зрения. Единственное, в чем мысли автора статьи созвучны идеям автора «Иностранного обозрения», так это в том, что «свобода и единство Германии дело весьма почтенное». Здесь указывается, что речь идет не об объединении Германии, а об увеличении Пруссии, то есть это завоевательная война, и поэтому она не может быть оправда-

²⁸ Малинова О. Национальная самобытность и прогресс: интерпретации «идеи нации» в пореформенной России // Космополис. 2005/2006. № 4 (14). С. 63–64.

²⁹ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 8. С. 804, 806.

³⁰ Утин Е. Франция и Пруссия // Там же. С. 810–843.

на. Победа же Пруссии «будет торжеством реакции, которая тяжело отзовется на жизни всех народов континентальной Европы»³¹.

Однако уже после поражения Франции под Седаном и последовавшего вслед за ним падения Второй империи отношение к воюющим сторонам в «Вестнике Европы» меняется. Война более не воспринималась его авторами как «война между Императором Наполеоном и немецкой нацией»: «...теперь обстоятельства придают войне характер совершенно противоположный. Императора Наполеона нет вовсе, и мы видим перед собой лишь французскую нацию, сбросившую с себя иго гнусного деспотизма и сражающуюся за целостность своей территории, на которую заявляют притязание хищники из немцев вроде Наполеона III»³². Иными словами, военный конфликт мыслился теперь как противостояние двух наций, что предполагало вопрос о превосходстве одной из них над другой. По большому же счету это был вопрос о том, какая нация более предрасположена к прогрессу. В попытках «Вестника Европы» ответить на него ярко просматривается присущее журналу неоднозначное представление о Германии и Франции как о частях европейского пространства, обладавшего в сознании русской интеллигенции множественностью культурных, политических, социальных смыслов³³. Одновременно здесь явно присутствует наложение двух отмеченных выше концептов, в значительной мере объясняющее противоречивость оценок «Вестника Европы». С одной стороны, в журнале была представлена «Франция 1789 года», наследница идей Французской революции: «Она дала миру те новые начала государственной жизни, без которых народ — не народ, а только густая масса рабов. Она научила Европу равенству всех перед законом, провозгласила начало верховной власти народа»³⁴. Ей противопоставлялась «Империя Наполеона», оказавшаяся «несостоятельной не только в оценке национального духа немцев и относительно миролюбия своей собственной нации, но даже в искусстве вести войну»³⁵: «Разбита и пала только

³¹ Там же. С. 822, 843.

³² Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 398–399.

³³ Сабурова Т. А. Модель мира русской интеллигенции XIX столетия // Диалог со временем. 2007. Вып. 18. С. 302.

³⁴ Утин Е. Франция и Пруссия. С. 823.

³⁵ Иностранное обозрение // Вестник Европы. 1870. Кн. 9. С. 385.

наполеоновская Франция. [...] Все эти поражения и неудачи весьма мало касаются достоинства самой французской нации: ее стойкости, мужества и нравственности...»³⁶.

Германия, в свою очередь, представлялась «Вестнику Европы» наследницей трех поколений гениев, «вековой труд которых объединил Германию несравненно солиднее, нежели это могут сделать победы и трактаты». Философия Канта «наложила на немецкую цивилизацию печать идеализма», поэзия Шиллера и Гете сумела выразить «смутно осознаваемые обществом новые идеалы жизни». За поэтами следовало поколение ученых, которые принесли с собой стремление «привести в соответствие прогресс в идеях и практику жизни»³⁷. Но ведь была еще и Германия Бисмарка — «военный лагерь», чье правительство и «высшая сфера» упорно держались старых традиций. Какая же из двух Германий на самом деле одержала победу, должно было показать ближайшее будущее³⁸.

Из приведенных примеров видно, что «Вестник Европы» отождествлял Германию и Францию, в политическом и географическом смысле, с той внутренней обстановкой, которая существовала в этих странах на момент конфликта. Нации же, преимущественно, отождествлялись с их идеальными образами, выступая носителями великих идей и принципов, будь то наследие Французской революции или немецких философов. Другими словами, вслед за западниками первой половины XIX в. «Вестник Европы» считал, что нация является носителем особого «национального духа, который воплощает некий аспект общей идеи, выражаемой всем человечеством»³⁹: «*Великие идеи* — достояние всего человечества, и каждая нация вносит свое приданое в сокровищницу будущих поколений»⁴⁰.

Соединение двух концептов постепенно способствовало рассмотрению войны с такой точки зрения, которая как бы вбирала в себя обе позиции, но одновременно преодолевала их односторон-

³⁶ Там же. Кн. 10. С. 930.

³⁷ Детство и юность Шлейермахера // Вестник Европы. 1871. Кн. 1. С. 228–230.

³⁸ Полонский Л. Провозглашение Германской Империи // Там же. 1871. Кн. 3. С. 216.

³⁹ Малинова О. Образы «Запада» и модели русской идентичности в дискуссиях середины XIX века // Космополис. 2005. № 2 (12). С. 42.

⁴⁰ И. Н. Война и цивилизация. I–V. С. 837.

ность — с позиции общечеловеческого прогресса: «Общечеловеческое отношение к вещам требует, чтобы люди понимали, что нет особой единой нации, предназначенной Провидением для выполнения прогресса». В этом смысле сам вопрос о превосходстве одной нации над другой представлялся журналу не вполне корректным. Тем более неправильным становилось утверждение, будто бы война сможет дать на него ответ, поскольку в таком случае «война была бы наилучшей пропагандой человеческого блага»⁴¹.

Именно необходимостью коррелята между национальным и прогрессивным можно, на мой взгляд, объяснить отсутствие в публикациях «Вестника Европы» резкого крена в одну или другую сторону, в пользу Германии или Франции. Но не только этим. На страницах журнала явно присутствует еще один мотив, без которого любые рассуждения о войне могли бы превратиться в чистую абстракцию. По известнейшим словам К. фон Клаузевица, «война есть продолжение политики другими средствами». А стало быть, как любая политика, она руководствуется прежде всего конкретными интересами. В данном случае речь идет о внутри- и внешнеполитических интересах России последней трети XIX в., связанных как с проблемами модернизации страны, так и с поисками новых подходов к проблеме союзников на европейском континенте. По словам одного из корреспондентов, «гораздо полезнее отнестись просто, трезво к вопросам, поднимаемым нынешней войной, отнестись к ним с точки зрения *нашего внутреннего благосостояния и общечеловеческого прогресса* (курсив мой. — Е. П.)»⁴². Именно в таком понимании и виделся редакции «Вестника Европы» залог прогресса.

⁴¹ Там же. С. 837, 842.

⁴² Там же. С. 834.

И. Н ГРЕБЕНКИН

ОТ ВОЙНЫ К РЕВОЛЮЦИИ

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ РОССИЙСКОГО ОФИЦЕРСТВА В 1914–1917 ГГ.

Социальный феномен офицерства Российской императорской армии в течение последних десятилетий неоднократно привлекал внимание исследователей¹. Несмотря на значительные различия в оценках традиций его развития, его идеологии и морали, авторы в принципе сходились во мнении о том, что офицерский корпус дореволюционной России в массе своей был чужд политике. Этот факт совершенно справедливо аргументировался тем обстоятельством, что до 1917 г. одним из ведущих принципов царизма по отношению к армии была ее всемерная изоляция от политической жизни, что закономерно превращало офицерство в прослойку политически отсталую. В основе такого положения дел лежал естественный для самодержавия порядок, при котором политика как область деятельности считалась прерогативой лишь узкого круга элиты в лице самодержца и его ближайшего окружения. С другой стороны, власти имели все основания для тревоги, так как опыт XIX века являл немало примеров вмешательства представителей офицерства в политическую борьбу: от декабристов до военных кружков и групп народнической и социал-демократической направленности.

Для большинства исследователей исходным пунктом характеристики политического облика офицерства неизменно являлась взятая из присяги формула «За Веру, Царя и Отечество». Принимаемая в качестве «символа веры» русского офицера, в разные времена она служила либо для обоснования его патриотизма, неразрывно связанного с преданностью престолу, либо для того, чтобы представить офицерство монархической группировкой, послушным орудием на

¹ См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Русская армия и флот в XIX в. М., 1973. С. 267; *Зайончковский П. А.* Самодержавие и русская армия на рубеже XIX и XX столетий. М., 1973. С. 233–234; *Волков С. В.* Русский офицерский корпус. М., 1993. С. 287–288; *Плеханов А. А., Плеханов А. М.* Отдельный корпус пограничной стражи императорской России (1893–1917): Исторический очерк. М., 2003. С. 99–101.

службе самодержавия уже в силу своего сословного и имущественного положения. Ни та, ни другая модель, на наш взгляд, не позволяют вполне охарактеризовать политический облик офицерства России в конце XIX – начале XX века, так как его политическая культура совершенно не исчерпывалась подданническим типом, а социальный состав в пореформенные десятилетия заметно изменился за счет представителей самых разных слоев и сословий. Все это в значительной мере трансформировало систему его взглядов, представлений и ценностей. Монархическим офицерство того периода могло считаться лишь в силу лояльности политическому режиму. В свою очередь, принцип неучастия в политике исключал любую политическую активность: как оппозиционную, так и промонархическую.

Первая мировая война явилась причиной крайне динамичных перемен в состоянии российского общества, его отношений к институтам государства, возможностей внутренней мобильности, некоторых структурных характеристик и, как следствие, настроений и взглядов. Характер и масштабы военного конфликта, подобного которому не знала еще история России, определили первоочередное значение процессов, происходивших в связи с этим внутри российской императорской армии и ее кадровой основы — офицерского корпуса.

Развертывание массовой армии военного времени и высокие потери, которые офицерство несло на фронтах, потребовали создания соответствующих по численности командных кадров, что привело к соединению прежней кадровой основы с многочисленным пополнением. За годы войны в первый офицерский чин прапорщика было произведено около 220 тыс. человек и, по подсчетам специалистов, к октябрю 1917 г. в рядах армии насчитывалось около 250 тыс. офицеров². Даже увеличившись по сравнению с мирным временем более чем в 5 раз, офицерский корпус по отношению к 170-миллионному населению страны составлял ничтожную частичку в 0,15%, но, с учетом его роли в жизни и боевой деятельности армии в ходе войны и предстоящих революционных событий, проблема самоопределения офицерства в назревавшем социально-политическом конфликте представляется особенно важной.

² См., напр.: *Бескровный Л. Г.* Армия и флот России в начале XX века: Очерки военного потенциала. М., 1986. С. 47; *Кавтарадзе А. Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов: 1917–1920 гг. М., 1988. С. 28.

Главным итогом качественных изменений в офицерском корпусе за период войны следует считать абсолютную демократизацию его состава, нивелирование прежних сословных особенностей. Офицерство в социальном отношении теперь воспроизводило сословную структуру населения страны и представляло собой срез всех образованных или хотя бы грамотных людей³. Наиболее массовым типом офицера стал прапорщик пехоты, подготовленный по 3–4-месячному ускоренному курсу, либо получивший чин за боевое отличие или по представлению начальства вообще без специальной подготовки. Это обстоятельство, однако, неверно было бы абсолютизировать, так как и на втором, и на третьем году войны лицо армии продолжал определять прежний кадровый генералитет и штаб-офицерский корпус, командовавший соединениями и частями, работавший в штабах, различных службах и учреждениях, преподававший в военных учебных заведениях. На него в главной мере ложилась и ответственность за результаты боевой работы.

В условиях мировой войны не могла сохраняться прежняя отстраненность офицерского корпуса от политической жизни страны. Важнейшим фактором роста его политизации, как и для общества в целом, являлись военные трудности, временно сублимировавшие все прочие проблемы. Постепенное снижение боевых и моральных качеств вооруженных сил имело в своей основе глубинные социальные и политические проблемы императорской России и отражало прогрессирующий общественный кризис. Эти процессы с тревогой воспринимались массой строевого офицерства, непосредственно в политической жизни страны не участвовавшего. Состояние общества и государства по-своему влияло на его настроения.

В условиях войны на деле проверялись многие установки и ценности, которые в мирное время существовали и культивировались в декларативной форме. С другой стороны, массовое пополнение принесло в среду офицерства свой социальный и политический опыт. К 1917 г. в рядах армии находилось немало участников революционного движения, членов политических партий и лиц, им сочувствовавших. С началом войны в армию отправился ряд депутатов Государственной думы, являвшихся офицерами запаса. Двое из них — кадет поручик А. М. Колюбакин, октябрист подполковник А. И. Звегинцев — были

³ См.: Волков С. В. Трагедия русского офицерства. М., 2002. С. 12.

убиты на фронте. Правый монархист прапорщик В. В. Шульгин после ранения вернулся в Думу. Пополнившие офицерский корпус достаточно многочисленные представители земской интеллигенции являлись носителями либеральных и умеренно левых взглядов.

Наконец, среди офицеров военного времени были представлены члены социалистических партий, такие как офицеры-большевики А. Я. Аросев, Р. И. Берзин, А. Э. Дауман, П. В. Дашкевич, Ю. М. Коцюбинский, Н. В. Крыленко, Д. И. Курский, А. Ф. Мясников, И. П. Павлуновский и др. Само их присутствие в войсках способствовало пропаганде левых взглядов и распространению там оппозиционных настроений, хотя масштабы этой деятельности до февраля 1917 г. не следует преувеличивать. Во фронтовых условиях она, чаще всего, сводилась к беседам с солдатами, при которых следовало соблюдать известную осторожность. Ветеран социалистического движения, впоследствии крупный советский ученый, академик С. Г. Струмилин, в чине прапорщика командовавший ротой 432-го Ямбургского полка на Северном фронте, вспоминал: «Нетрудно было намекнуть, что и русские помещики сухомлиновы и мясодовы не лучше немецких баронов, что немало у нас врагов и в собственной стране... Но гораздо труднее было проверить, в какой мере такие недосказанные мысли доходят по назначению, усваиваются и перевариваются в собственные выводы»⁴.

Образ действий и высказываний офицеров привлекал внимание охранных органов. В секретных донесениях жандармских управлений в Департамент полиции неоднократно отмечалось, что «большую роль в агитации среди солдат играют прапорщики-студенты»⁵. А. А. Свечин характеризовал офицерское пополнение из среды интеллигенции, пришедшее в его полк, как преимущественно социалистически настроенное, но не видел в этом проблемы для себя как командира, ибо в оценке качеств офицера в боевой обстановке на первый план выступало честное и профессиональное исполнение своих обязанностей⁶. Участие в общем деле защиты Отечества до поры

⁴ Струмилин С. Г. Из пережитого (1897–1917 гг.) // Воспоминания и публицистика. М., 1968. С. 170.

⁵ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. 1914 – февраль 1917 г. М., 1966. С. 190–191.

⁶ См.: Свечин А. А. Искусство вождения полка по опыту войны 1914–1918 гг. М., 2005. С. 86–87.

объединяло людей самых несхожих взглядов. Предсудительной в этом кругу становилась лишь пораженческая позиция, по крайней мере, высказываемая открыто. Политизации офицерского корпуса куда более способствовали сам ход военных событий и развитие общественной ситуации в России, нежели работа политических партий. Взгляды офицерства, как и большинства населения, воспринимавшего политическую жизнь на уровне примитивных, обыденных стереотипов и штампов, изменялись под влиянием сложной и динамичной обстановки. Важнейшим фактором, определившим рост критических настроений в офицерской среде, являлись неудачи армии на фронте, ее очевидная неспособность одолеть противника. Попытки объяснить их неминуемо вели не столько к поиску причин происходящего, сколько к поиску виновных. В связи с этим отметим несколько смысловых конструкций, наиболее характерных для настроений офицерства, в особенности к рубежу 1916–1917 гг.

Вина за неготовность страны к войне, слабость ее вооруженных сил, отсталость экономики и недостатки культурного развития закономерно возлагалась на *политическое руководство страны и высшее военное командование*. Далекий в принципе от политических интересов и борьбы А. А. Брусилов так обозначил общий фон офицерских взглядов по этому поводу: «Можно сказать, что офицерский корпус и вся та интеллигенция, которая находилась в составе армии, были настроены по отношению к правительству в высшей степени враждебно»⁷. Различия в подобных мнениях наблюдались по линии оценок всего самодержавного порядка и степени личной ответственности за происходящее монарха. Наиболее консервативная часть офицерства, не склонная к критике последнего, сосредоточивала упреки на правительстве и генералитете, вернее, отдельных лицах из их числа, не связывая их с фигурой Николая II. Эту точку зрения, несомненно, представляет гвардейский ротмистр Н. В. Воронович, вспоминая: «На второй и особенно на третий год войны, когда мне пришлось соприкоснуться с последствиями преступной небрежности безответственных людей, стоявших во главе нашей военной администрации, я все более и более стал разочаровываться в том правопорядке, к которому привык с самых юных лет и который считал единственно правильным и справедливым. Но и тогда во мне пробуждалась лишь

⁷ Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 2001. С 201.

глубокая жалость к царю, к которому я никогда не питал неприязни. Если я позволял себе иногда осуждать его, то только за неудачный подбор советников и за слабохарактерность»⁸.

Более прагматичная и не столь связанная монархическими иллюзиями часть армейской элиты способна была продвинуться в своих рассуждениях несколько дальше. Подполковник Генерального штаба А. И. Верховский в начале 1917 г. записал в дневнике: «Всем очевидно, что главная причина, почему мы не победили до сих пор, это самодержавный строй, убивающий всякую самодеятельность в стране и дающий армии так много неудовлетворительных людей среди командного состава. Все это сознают, все об этом говорят и... на этом все стоит»⁹.

Критика правящих кругов к тому моменту стала обычным явлением для армии как в тылу, так и на фронте. А. И. Деникин приводит слова некоего видного деятеля Земгора, который впервые побывал в армии в 1916 г.: «Я был крайне поражен... с какой свободой всюду, в воинских частях, в офицерских собраниях, в присутствии командиров, в штабах и т. д. говорят о негодности правительства, о придворной грязи»¹⁰. Разочарование властью и царившими в России порядками постепенно все более и более пронизывало офицерское сообщество. Военные события послужили формированию критического взгляда даже у людей совершенно лояльных и далеких от политики в довоенное время. М. К. Лемке, известный историк и публицист, проходивший службу в Ставке Верховного главнокомандующего, вспоминал о своем сослуживце С. М. Крупине, молодом офицере, призванном из запаса, исполнявшем обязанности адъютанта при М. В. Алексееве: «По его собственным словам, до войны он был настоящим чиновником, националистом, человеком, не особенно глубоко задумывавшимся над условиями русской жизни. Теперь он понял, что общество и правительство — два полюса; ... революция совершенно неизбежна, но она будет дика, стихийна, безуспешна, и мы снова будем жить по-свински». Лемке отмечает: «Да, и таких Крупиных теперь десятки тысяч. Он говорит, что сам знает мно-

⁸ Воронович Н. В. Вечерний звон // Потонувший мир. М., 2001. С. 122.

⁹ Верховский А. И. Россия на Голгофе (из походного дневника 1914 — 1918 г.) // Военно-исторический журнал. 1993. № 4. С. 31.

¹⁰ Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 1991. Т. 1. С. 106.

гих, уму и сердцу которых ничего не сказал 1905 год, но все сказали 1914 и 1915 годы...»¹¹ Политическому самоопределению офицерства уже не препятствовали и такие, некогда непререкаемые формальные ограничения, как присяга на верность престолу. М. К. Лемке принадлежит еще одно наблюдение:

«Симптоматический рассказ корнета Андрея Андреевича Чайковского. Он часто бывает в доме княгини Друцкой-Соколинской, сын которой здесь вице-губернатором. Вся семья, особенно вице-губернатор, вполне черносотенная. Разговоры о политике ведутся очень оживленно всеми гостями, в числе которых бывают и наши офицеры. Недавно распалились в споре до того, что вице-губернатор аргументировал уже от принятой ими всеми присяги на верность службе: “Ведь вы же присягали!” “Да, — отвечал ему Чайковский, — но разве это был наш сознательный и свободный акт? Это было сделано нами по неведению; это скорее было вовлечение в невыгодную сделку с совестью. Да и потом мы присягали служить честно и нелицемерно, а существо понимания именно этих понятий изменилось у нас”»¹².

В конце 1916 г., когда непопулярность правительства достигла пика, взоры офицерства все более обращались к его главному легальному критику — Государственной думе. Гнев, обращенный в власти, и ожидания, связанные с Думой и думскими политиками, звучали в офицерских письмах с фронта: «А наше правительство и в ус не дует, оно делает не как лучше для народа, а как выгодно лично для себя... Волосы дыбом становятся от слухов, и все верят, потому что не созывают Думу, говорят, умышленно не созывают. Все удивляются на терпение в тылу»¹³. «С какой жадностью мы читали речи настоящих русских патриотов вроде Милюкова...»¹⁴.

Естественным для невысокого уровня политической культуры являлось объяснение проблем и военных неудач России наличием **внутреннего заговора**, германским влиянием в правящих верхах, деятельностью вражеских шпионов. Значительный общественный резонанс весной 1915 г. приобрело дело подполковника С. Н. Мясоедова, обвиненного в шпионаже в пользу Германии и казненного по

¹¹ Лемке М. К. 250 дней в царской ставке. Минск, 2003. Т. 1. С. 201–202.

¹² Там же. Т. 2. С. 356.

¹³ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 70об.

¹⁴ Там же. Л. 91об.

приговору военного суда. Факт его причастности к шпионажу в разное время весьма аргументированно оспаривали как эмигрантские, так и отечественные историки (С. П. Мельгунов, К. Ф. Шаццлло, Н. Н. Яковлев, О. Р. Айрапетов), считая, что «дело» явилось результатом интриг соперничавших во властных сферах группировок с целью компрометации и устранения военного министра В. А. Сухомилинова¹⁵. Тем не менее, современники не подвергали сомнению шпионство Мясоедова, пользовавшегося покровительством министра. Командир Корпуса жандармов генерал В. Ф. Джунковский настаивал, что Мясоедов проник в штаб 10-й армии в нарушение установленных служебных процедур и именно его деятельностью объяснял поражения войск армии в феврале 1915 г.¹⁶ Данная версия была принята высшими военными кругами, так как давала удовлетворяющее их объяснение фронтовым неудачам. А. И. Деникин и спустя годы заявлял на страницах мемуаров: «У меня лично сомнений в виновности Мясоедова нет»¹⁷. Он же, передавая мнение М. В. Алексеева, косвенно подтверждал и обвинения в измене императрицы Александры Федоровны¹⁸, которые упорно муссировались в 1916 г. Будоражившие общество слухи о проникшем всюду германском шпионаже имели скорее негативный эффект. Армейская масса, и в том числе офицерство, стала настороженно относиться к государственной верхушке.

Недоверие и раздражение в отношении властей распространялось на всю *политическую жизнь*, сущность которой была малопонятна строевому офицерству и воспринималась как сфера всевозможных спекуляций и злоупотреблений, происходящих в правительственных и думских кругах и, конечно, чуждых интересам фронта. Начальник штаба 64-й пехотной дивизии генерал А. Е. Снесарев, побывавший в конце 1916 г. в отпуске в столице, увидел, что Петроград «нервен, полон пересудов и сплетен, лишен нормальной, равнове-

¹⁵ См., напр.: Мельгунов С. П. На путях к дворцовому перевороту. М., 2003. С. 30–31; Шаццлло К. Ф. «Дело» полковника Мясоедова // Вопросы истории. 1967. № 4. С. 103–116; Яковлев Н. Н. 1 августа 1914. М., 2003. С. 190–201; Айрапетов О. Р. Генералы, либералы и предприниматели: работа на фронт и революцию. 1907–1917. М., 2003. С. 69–72.

¹⁶ Джунковский В. Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 2 С. 531–532.

¹⁷ Деникин А. И. Путь русского офицера. М., 1991. С. 216.

¹⁸ Он же. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 87.

шенной перспективы): «Что касается политического настроения, то оно однообразно левое: все повторяют упорную мысль, что правительство не хочет работать с обществом, что оно не считается с общественным мнением, что мы стоим на краю пропасти и т. п.»¹⁹.

Генерал не спешит разделять подобные настроения, но негодует по поводу думцев, превративших свою общественную миссию в прибыльное дело²⁰. Отношение фронтовиков к деятельности политиков с предельной эмоциональностью выразил Верховский: «В то время как мы выбиваемся здесь из сил, за нашей спиной в тылу идет какая-то вакханалия внутренней политики»²¹. Даже в массе своей не слишком политически развитые офицеры с тревогой воспринимали возрастание политической активности в тылу. Свои впечатления по этому поводу в конце 1916 г. высказывает в письме к жене казачий офицер, подьесаул А. А. Упорников: «Теперь, когда делать нечего, читаю газеты от строчки до строчки. Ну и кавардак же идет! Воображаю, какая жара теперь наверху и сколько происходит там неизвестных для нас событий. Впечатление такое, что каждый хочет урвать кусок повкуснее. А война — такая отличная декорация для всего этого»²². Спустя три недели он же пишет домой: «Политика меня перестала трогать. Газеты, когда они есть, читаю с отвращением»²³.

Наконец, всеобщей чертой настроений действующей армии и в частности офицерства являлось *недовольство происходящим в тылу*. Многочисленные пороки военного и политического руководства, постоянные проблемы со снабжением войск, сведения о тыловой повседневности рождали представление о том, что не только власть, но и общество отвернулись от фронта, и армия осталась единственной силой, борющейся за интересы России. В последний день 1915 г. А. И. Верховский записал в дневнике: «Еще одно болезненно, оскорбительно тяжело чувствуем мы сейчас в армии. После первого впечатления войны, когда вся жизнь как бы сосредоточилась в одном

¹⁹ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 35.

²⁰ См.: Там же. 2004. № 10. С. 52.

²¹ Верховский А. И. Указ. соч. С. 66.

²² Фронтовые письма есаула А. А. Упорникова периода Первой мировой войны // Военно-исторический журнал. 2007. № 3. С. 52.

²³ Там же. С. 53.

усилили, теперь нас забыли. Люди, приезжающие из России, оправившись от ран, говорят, что в России идет сплошной праздник, рестораны и театры полны. Никогда не было столько элегантных туалетов. Армию забыли...»²⁴ Убежденность в наличии пропасти, разделившей фронт и тыл, далее только усиливалась. Своеобразным свидетельством можно считать строки из стихотворного письма фронтовика, прапорщика А. Н. Жиглинского (конец 1916 г.): «Здесь газы и огонь — там золото, брильянты, / Тут деревянные, безвестные кресты — / Там гордо властвуют купцы и спекулянты, / А рядом — голод и хвосты»²⁵.

Озабоченность и тревогу фронтовиков вызывали очевидные признаки хозяйственного расстройтва в тылу. Известия об этом, наряду с приходившими из дома письмами, в избытке доставляли возвращавшиеся в части отпускники. Первое тяжелое впечатление у офицеров, отправлявшихся в отпуск, оставлял хаос, охвативший железнодорожный транспорт, и те трудности, с которыми была сопряжена дорога домой²⁶. Падение уровня жизни в тылу особенно волнует офицеров рабочего и крестьянского происхождения. Вернувшийся в сентябре 1916 г. из отпуска поручик Д. Оськин рассказывает сослуживцам²⁷: «Жизнь в тылу становится чрезвычайно дорога... Десяток яиц в деревне стоит семьдесят копеек, белой муки нет, масла тоже, сахар добывается с трудом. Поговаривают, что в городе скоро перейдут на отпуск хлеба по карточкам. В городе Козельске, где мне пришлось часто бывать, магазины пусты, товаров нет. В поездах множество спекулянтов, разъезжающих из города в город, в одном месте подешевле купить, в другом дороже продать. Население устало от войны, ждет с нетерпением мира».

К концу 1916 г. тревога за положение семей в тылу, недовольство дороговизной и ненависть к наживающейся на военных трудностях буржуазии — центральные темы не только солдатских, но и офицерских писем: «Бедные, бедные жители Москвы. Вы во власти

²⁴ Верховский А. И. Указ. соч. С. 66.

²⁵ «Я горд тем, что могу быть полезен России»: Письма русского офицера с войны // Источник. 1996. № 3. С. 29.

²⁶ См., напр.: Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2004. № 8. С. 35; Герасимов М. Н. Пробуждение. М., 1965. С. 231.

²⁷ Оськин Д. Записки прапорщика // Откровенные рассказы. М., 1998. С. 256.

этих настоящих внутренних врагов — торговцев. Вот где сказался патриотизм русского купечества. Судьба в конце концов расправится с ним»²⁸. «Москва ведь не только центр всей России, но и центр всего нашего безобразия, спекуляции, нахальства, обдирательства. Там ведь более опасные враги, чем немцы...»²⁹.

Впечатление о противостоянии тыла фронту имело и причины психологического свойства. В некотором смысле они предвосхищали послевоенные проблемы бывших фронтовиков, которым предстояло адаптироваться к мирной жизни, а пока, оказываясь в тылу, они остро ощущали свое отчуждение среди общества, живущего иными проблемами и, более того, видевшего виновницей военных неудач армию. Именно эти чувства нашли отражение в одном из писем А. А. Упорникова: «Сейчас, в то время как мы иногда теряем последние силы, теряем здоровье и очень часто саму жизнь, в то время, когда у нас бывают недели, в которых нет времени даже умыться, на нас подчас смотрят чуть-чуть лучше, чем на обыкновенных разбойников. С такими взглядами мне пришлось встретиться в последнюю поездку и просто диву даешься, как много людей так думают. И это во время войны! Что же будет, когда замолкнет последний выстрел. Неужели же мы для многих, для большинства заслужили только презрение... Когда я думаю об этом, когда невольно вспоминаются вагонные и другие разговоры во время отпуска, то на душе накапливает страшное чувство обиды»³⁰.

Неизменное негодование фронтовиков вызывало виденное ими в тылу обилие молодых мужчин, как военных, так и штатских, избежавших фронта — офицеров запасных частей и различных воинских учреждений, гражданских чиновников, служащих военизированных организаций Земского и Городского союзов, получивших презрительное прозвище «земгусары и гидроулань».

Особого внимания заслуживают взгляды российского офицерства на цели и задачи войны тесно связанные с политическими знаниями и ориентирами. Исследователи приходят к выводу, что в начале XX века среди военной элиты русской армии преобладали представления о враждебном окружении России и угрозе ее безо-

²⁸ РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 6 об.

²⁹ Там же. Л. 52 об.

³⁰ Фронтовые письма есаула А. А. Упорникова. С. 51.

пасности со стороны иностранных держав и на Западе, и на Востоке³¹. Обращаясь к истокам вмешательства России в мировой конфликт, русские военачальники объясняли его неизбежность геополитическим, экономическим, культурным и даже нравственным противостоянием Германии и России³².

В целом же, по признанию А. И. Деникина, «офицерский корпус, как и большинство средней интеллигенции, не слишком интересовался сакраментальным вопросом о “целях войны”»³³. Идея совместной коалиционной борьбы и солидарности с союзниками по Антанте никогда не занимала заметного места в его представлениях, а, будучи частью официальной риторики, постепенно вызывала все большее раздражение. В 1915 г. *непопулярность союзников* в войсках была уже такова, что командование не решалось ссылаться при постановке боевых задач на необходимость координированных действий с союзниками³⁴. Опыт войны убеждал в том, что Россия, если и не сражается с сильным врагом один на один, то выносит на себе основную тяжесть войны из-за недобросовестности союзников. Складывалось представление, что Россию окружают не враги и союзники, а лишь противники разной степени враждебности. А. Е. Снесарев упоминает, как в июле 1916 г. позиции его дивизии посетила группа японских офицеров. Русских не усыпляет временное ситуативное союзничество, и настороженность в отношении недавних противников на Дальнем Востоке сохраняется. Снесарев дает высокую оценку японцам и тут же делает весьма показательное замечание: «Воевать с ними, конечно, будем, но в первую голову или после англичан? — вот в чем вопрос»³⁵. По мысли генерала, России еще долго предстояло утвердиться в мире силой оружия. С началом войны более или менее единодушный отклик всего общества могла встретить только идея защиты Отечества от агрессии со стороны

³¹ Сергеев Е. Ю. Представленческие модели российской военной элиты начала XX века // Военно-историческая антропология. Ежегодник, 2002. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 248–249.

³² См.: Брусилов А. А. Указ. соч. С. 71–77; Деникин А. И. Путь русского офицера. С. 227–229.

³³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1. С. 89.

³⁴ См.: Свечин А. А. Указ. соч. С. 381–382.

³⁵ Фронтовые дневники генерала А. Е. Снесарева // Военно-исторический журнал. 2003. № 9. С. 34.

Германии и Австро-Венгрии. Именно она и оставалась ведущим мотивирующим началом для всех категорий офицерства. Однако сами представления о Родине, ее благе и собственной за него ответственности изначально различались у представителей разных слоев общества, испытывая влияние описанного выше комплекса факторов.

Наибольшим единством отличались взгляды кадровых офицеров, для которых понятия о профессиональном и государственном долге были почти тождественны, но военные неудачи, очевидный регресс армии и государства вносили раскол в это сочетание. Обвинения в адрес высшего командования, властей, политиков — сил, олицетворяющих государство, приводили к естественному заключению, что именно государственная власть в существующем виде препятствует исполнению офицерством своего профессионального долга, а армии — достижению победы над врагом.

Куда более широким спектром оппозиционности в отношении государственных и общественных устоев были отмечены взгляды представителей иных социальных групп, пополнивших офицерский корпус в годы войны. Абстрактно-патриотические настроения самой лояльной среди них — интеллигенции — достаточно точно отражают рассуждения А. Н. Жиглинского в письме с фронта родным: «Я — русский, и всякий русский должен думать подобно... Это не квасной патриотизм, — ведь я пошел *не за правительство* (курсив мой. — И. Г.) ставить на кон смерти жизнь свою, а за маму, за тебя, за “малую” Родину, за всех родных и друзей, и я горд тем, что могу быть полезен вам и России»³⁶. Проникала в офицерскую среду и крайняя революционная точка зрения, отрицавшая абстрактное понимание отечества. Именно она прочитывается в письме бывшего московского студента, прапорщика Е. А. Петрова: «... Там на фронте миллионы солдат, призванные спасти “отечество”, сиречь российский капитал, российскую крестьянскую нужду, безработицу, холод, голод; сидят в слякоти, грязи... и как-то встает перед умственным взором сознание ответственности нас перед этим народом, который идет умирать бескорыстно за чужое добро... Сознавая эту вину, я начал работать в элементе, очень восприимчивом к вопросам современности, им я ясно очерчиваю, кто друг, кто враг, что время решать

³⁶ «Я горд тем, что могу быть полезен России»... С. 24. Данное письмо от 14 июня 1916 г. Жиглинский адресует своей тете С. Е. Гибшман.

судьбу России пришло... если умру, то умру за дело, которое для меня почти что религия... умереть же *за правительство, за "отечество"* (курсив мой. — *И. Г.*) — нет, дудки, это не то что безнравственно, это дико, подло»³⁷. В конце 1916 г. Е. А. Петров привлёкся к дознанию как обвиняемый в революционной пропаганде среди солдат 184-го пехотного запасного полка, при этом его принадлежности к социал-демократическим организациям выявлено не было.

В условиях общественного, политического, хозяйственного кризиса, охватившего Россию на рубеже 1916–1917 гг., во взглядах офицерства, так или иначе, находили отражение настроения самых широких слоев общества. Их общим фоном являлись теперь усталость и разочарование в ходе военных событий, раздражение деятельностью властей и командования, отношением общества к армии, признаки отсутствия внутреннего единства. Этот фон ярко предстает в одном из офицерских писем: «Вы думаете, что только я один потерял терпение, нет, его уже все офицеры и солдаты давно потеряли и ждем мы — или "мира", или война кончится тем, что серые шинели сами ее кончат, без всякого начальства. А об этом уже давно поговаривает вся армия»³⁸. Так подавляющее большинство офицерства, ощущая безуспешность и бесперспективность своей службы и ратного труда, постепенно накапливало потенциал конфронтационных настроений. Слабость власти и утрата ею остатков авторитета в известном смысле представляла угрозу профессиональным интересам офицерского корпуса. Осознание этой угрозы постепенно превращало офицерство в оппозиционную общественную силу.

³⁷ Революционное движение в армии и на флоте в годы Первой мировой войны. С. 428.

³⁸ РГВИА. Ф. 13835. Оп. 1. Д. 79. Л. 70 об.

МЕТАФИЗИКА СОЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА

А. БЕЛЛАНТОНЕ

АПОРИИ ПОЛИТИКИ ЗАМЕТКИ О КОНФЛИКТЕ

«Те, кто способен на самое большее — убить другого, могут лишь то, что равно могут и другие», — гласит пассаж из книги Гоббса «О гражданине»¹. Убить — значит действительно быть способными к «самому большему», к обращению человека в инерцию простого тела, в то, чем он никогда не хотел бы являться: в обычную вещь. Впрочем, Гоббс хорошо знал, что именно во взаимной возможности убить друг друга состоит неисповедимая тайна равенства. Никто не может обрести *tranquillitas*, спокойствие: достаточно отдавать себе отчет в том, «как легко даже самому слабому убить более сильного», для того чтобы испытывать беспокойство². Именно поэтому — читаем мы также в начале трактата «О гражданине» — люди живут «во взаимном страхе», причиняемом «природным равенством»³. Именно *природный* корень равенства является тем, что побуждает Гоббса к созданию политики страха, иными словами, тот факт, что человек есть смертное тело, предоставленное возможности стать абсолютно пассивным. Речь идет, очевидно, об очень специфическом равенстве, коренящемся не столько в умеренной игре разделяемой многими легальности, сколько, скорее, в способности совершать нечто радикально несоразмерное.

Гоббс ставит нас перед парадоксальным равенством, рожденным грозящей возможностью события, не обращаемого в рациональность: убийством другого. Если осмысливать равенство Гоббса в по-

¹ *Hobbes T. De Cive / A cura di T. Magri. Roma, 2005. P. 23. Цит. по русскому переводу: Гоббс Т. О гражданине // Он же. Сочинения в 2 т. Т. 1 / Пер. с лат. и англ. Н. Федорова, А. Гутермана. М., 1989. С. 288 (прим. ред.).*

² *Ibid.*; Там же.

³ *Ibid.*; Там же. С. 287–288.

добных терминах, то оно действительно ужасно. Оно основывается, в противоположность напрашивающемуся естественному представлению о нем, на непропорциональности. Страх, если подразумевать под ним общее ощущение опасности, является цифрой этого *трагического* равенства, которому подчинены все люди. Политика, хотя она и стремится быть дисциплиной права и формы, в итоге всегда приходит к тому, что исповедует свою конечную основу, это бесформенное равенство страха. Впрочем, именно его самовыражение в виде взаимного страха людей проявляет существенное качество состояния равенства: оно никогда не обозначает взаимного уравнивания, но, напротив, всегда оборачивается возможностью разрыва равновесия предпринимаемых нами мер. Равенство образуется несоразмерностью равных. В этом смысле равенство всегда *возможно* только постольку, поскольку оно остается принципиально *невозможным*. Форма закона — это испытание, постоянно оборачивающееся промахом и постоянно предлагаемое вновь: испытание этого равенства возможного и невозможного в одно и то же время. Равенство постоянно разрушается в своем хиазме, снова и снова предлагая конфликт политической формы с самой собой. Равенство апоретично — и этим раскрывается конфликтное пространство его трагедии: именно потому, что оно никогда не может реализовать то, чем намерено стать.

* * *

Природность, естественность, о которой говорит Гоббс, — это и есть та *дикость*, которой кормится, вопреки себе самой, любая политика. Страх быть убитым выражает один из ее аспектов — *grim-visaged war*, явленную в первой сцене «Ричарда III» Шекспира, но этот аспект не единственный. Эту особенную естественность не в состоянии устранить никакое непредвзятое исследование политики. Всяким прикрытием одеждами рациональности (точнее, пограничной рациональности) наготы политического измерения достигается лишь устранение его основы, и тем самым только отдалается его подлинное осмысление. Поэтому от философского метода не следует требовать, чтобы он становился средством для проецирования форм рациональности его объекта: он, скорее, должен явить особую чувствительность в отношении того, что, пусть и бесформенно, все же представляет собой глубину политического измерения. В этом случае, так

же как и в других, следует избегать того, чтобы интеллект размещался, подобно тому как рекомендовал Гегель в «Феноменологии духа», «над» своим объектом, не давая ему проявить свою имманентную логику⁴. Пребывая *внутри* политики, мы ежеминутно наблюдаем, как политика выплескивается за собственные границы, в проявлениях бреда открываясь тому, что ставит под вопрос рациональную форму. Это бесформенное могущество является тем, что мы могли бы назвать архиполитикой, или просто *природностью* политики.

Архиполитика, таким образом, является необходимой отсылкой политической формальности обратно к миру страстей. Гоббс показал нам один из ее аспектов: страх. Но не следует полагать, что страх является единственным политическим *переживанием*, как полагал все-таки английский философ. То, что здесь действительно важно, это тот факт, что Гоббс являет нам политику как форму, укорененную в бесформенном — в оригинальной страстности человека. Когда Джамбаттиста Вико в «Основаниях новой науки» пишет, что историко-политический мир имеет два принципа — «ум и тело», он фактически раскрывает ту пропорцию — *тела* больше, чем *ума* — которая составляет подлинный секрет политики⁵. Поскольку она основана на переживаниях, таких как страх, доверие, подозрительность, дружелюбие, то политика — это и в самом деле феномен, касающийся в первую очередь тела, то есть того измерения, в котором каждый из нас представлен непосредственному отношению с другими, которое каждый раз делает нас уверенными, солидарными, озабоченными, испуганными и т. д. На этой тонкой и подвижной поверхности, какой является человеческая телесность, на этой *коже*, зиждется дикая природа политики — и неизбежное взаимодействие ее формальности с миром переживаний⁶.

* * *

Если мы обратимся к древнему различению Аристотелем домохозяйства и политики, мы вновь окажемся перед текстом, в очеред-

⁴ Hegel G. W. F. *Fenomenologia dello spirito* / A cura di E. De Negri. Firenze, 1993. P. 33.

⁵ Vico G. B. *La scienza nuova* / A cura di P. Rossi. Milano, 1996. P. 101.

⁶ О феноменологии телесности см.: Henry M. *Incarnation: une philosophie de la chair*. P., 2000.

ной раз демонстрирующим нам бесформенную природу политики. Аристотель напоминает, что в то время как «власть господина в семье — монархия», управление в государстве означает «власть над свободными и равными»⁷. Книги «Политики» напоминают также, что «в состав государства не только входят отдельные многочисленные люди, но они еще и различаются между собой по своим качествам, ведь элементы, образующие государство, не могут быть одинаковы»⁸. Проведение различия между политическим измерением и измерением семьи (которое распознается в необратимом множестве первого по отношению ко второму) — это то, что больше всего интересует нас в Аристотеле, который, впрочем, не медлит определить политическое пространство как простое «множество». В этом смысле очевидно первенство множественности над политическим единством, то есть очевидная необратимость *многих* в рамках единой конституциональной меры, поскольку последняя гарантирует только единство, заменяющее исконную множественность. В итоге Аристотель ясен: невозможно исполнять с помощью политики то, что делается пением, то есть «обратить хор в единый голос».

Реализовать политическое единогласие означало бы совершенным образом перенести в единую форму то, что является изначально множественным. Политика, как и всякое формальное упражнение, неизбежно принимает за единое то, что упорно сопротивляется унификации, и потому расплачивается за *переживание* многих, которое представляет собой изначальный факт. Каждый укореняет свое действие в измерении, совершенно отличном от других измерений, где действуют силы, которые не могут быть распознаны в рамках формальной геометрии, подобной той, что предлагает всякий раз политический законодатель. Находка Аристотеля относится поэтому к множественности как к приоритетному факту, который открывает агональное рассмотрение политического измерения. Этот дух агона, однако, не должен рассматриваться как инфраполитический элемент, но должен быть признан в качестве *трансцендентального переживания* политики, мешающего ее мнимой формальной бесстрастности.

⁷ *Aristotele. Politica / A cura di R. Laurenti. Roma; Bari, 2004. P. 14. Цит. по русскому переводу: Аристотель. Политика // Он же. Сочинения: в 4 т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А. И. Доватура. М., 1983. С. 386. (прим. ред.)*

⁸ *Ibid.* P. 32; Там же. С. 404.

В этом смысле мы должны применить инновационную категорию, в соответствии с которой трансцендентальные условия политики — это не форма, а, скорее, переживание. Такое переворачивание понятия трансцендентальности неизбежно — ради того, чтобы понять, почему всякая политика не исчерпывается измерением и проработкой формы, но изначально является конфликтом переживаний.

* * *

Естественно, Аристотель не упускает из вида, что политика, если иметь в виду ее множественную сущность, не может иметь чисто формальную основу: «Государственное устройство — это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство»⁹.

Речь идет, следовательно, о власти и об общности — качествах, которые мы могли бы, несомненно, назвать пре-политическими, составляющими тайную логику политики. Если оставить в стороне власть, о чьей политической природе легко прийти к соглашению, то общность также вводится здесь как нечто, предшествующее политическому измерению: она должна быть поставлена *до* политики, поскольку составляет для нее *критерий чувствительности*. Власть и общность — это природные критерии политики, которые предшествуют ее логике: они являются подтверждением того, что политика живет исходной множественностью, которую она должна принять буквально, как *не-политический фундамент политики*. Эти пре-политические силы проникают в самый костяк трансцендентальной претензии и провозглашают ей шах, отображая глубину, обезображивающую и искривляющую ее форму. Достигнуть глубины политики — значит столкнуться с этим радикальным искривлением, которое составляет ее сущность и драму.

Аристотель, как и Гоббс, настойчиво приглашает нас взглянуть на то, что политическая философия хотела бы скрыть, на то, что вредно по сравнению с утешающим измерением конституционных форм и что составляет его неизбежный пролог. Логические институ-

⁹ Ibid. P. 119–120; Там же. С. 455.

ции политики — ее смысловые институции — оказываются, таким образом, основанными на более глубокой логике по сравнению с той, к которой мы обычно обращаемся. Эта глубинная логика — которая в ограниченно-рациональном восприятии могла бы показаться простым фактором иррациональности — должна быть определена как архирациональность в политике. Политика — и если она склонна к антипатии, и если склонна к симпатии, к столкновению сил или к их объединению — всегда оказывается феноменом множественности: она демонстрирует непрестанное расхождение со всяким измерением *more logico*. И в самом деле, если традиционное логическое понимание подразумевает обращение к единству, то политика нуждается в логике расхождений, она более способна к измерению дистанции, чем к измерению близости. В этом смысле политика всегда основывается на конфликте, она отказывается от синтеза смысла, следуя, напротив, предпочтениям отхода или преломления. Логика политики, поскольку это логика конфликта, представляет собой процедуру дифференциации, которая положительным образом принимает изобилие множественности, избегая ее *reductio ad unum*.

* * *

Следовательно, конфликтную природу политики нельзя искать в утверждении, согласно которому вся политика есть игра сил. Если бы это было так, политика сводилась бы к простой полемологии или банальному измерению страхов. То была идея Гоббса, который видел только аспект ее жестокости и поэтому оправдывал обратимость множественности в простоту суверенной власти. На самом деле исходный конфликт, которым живет политика, устанавливается между формальным измерением и архиполитической сферой. В этом смысле политика есть конфликт даже тогда, когда она принимает как критерий принцип общности, поскольку легитимируется исходя из того, что не принадлежит формальной или рациональной сфере. Даже тогда, когда политика *формально* провозглашает равенство людей, она приобретает власть из сферы, которая не является формальной и которая не может быть до конца декодифицирована рациональным ключом. В этом состоит то, что мы могли бы назвать трансцендентальным парадоксом политики, без которого нельзя было бы объяснить ее неразрешенной динамики. Проявляется ли она

как симпатия или как антипатия, политика в любом случае живет тенью, которая возвращается к своему свету и которая изначально демонстрирует ее, политики, структурную слабость. Несмотря на все усилия, которые политика полагает на попытки утвердить собственные славу, величие, превосходство, справедливость, она все равно живет *insecutitas*, неуверенностью, от которой не может избавиться. В этом заключается свойственная политике печаль, которую трудно не заметить во всех ее учреждениях, а именно в акте их самопрославления. И здесь скрывается подлинная неукорененность, без/основательность политики, заставляющая ее колебаться между комедией и трагедией, постоянно признавая фундаментальный парадокс этой неукорененности.

То, что проявляется из анализа *естественности* политики — это ее несводимость к простому. Политика — феномен множественности, в которую всякий и всегда вовлекается в рамках особой динамики несоразмерности с другим. Несмотря на то, что политика, как измерение пропорциональности и узнаваемости, всегда стремится четко измерить то, что сопротивляется любому измерению, ее попытки все-таки обречены на вечный провал: в самой своей глубине она обнаруживает нечто экстраординарное и чрезмерное. Конфликтная динамика политики — если понимать эту динамику в указанном выше широком смысле, принципиально непредставима до конца в границах театра смысла. Основания политики, если размышлять именно о симпатии или антипатии, — это феномены переживания, сопереживаемости, которую сложно скрыть за занавесом ограниченной рациональности учреждений. Политическому правилу всегда мешает тот фоновый шум, который фактически его составляет и который требует каждый раз его восстановления *ab imis fundamentis*. Можно даже сказать, что кажущееся *помехой* политике и есть то, что составляет ее истинную глубину.

Добираясь до корней политического феномена — то есть следуя за самой политикой — мы обнаруживаем, что это феномен переживаемости. Как хорошо показал Гоббс, по крайней мере в отношении ее негативного аспекта, политика основывается на некой ранимости. Исходя из предстояния перед другим, которое может дойти до крайнего случая убийства, я переживаю свою неизбывную готовность к тому, что другие могут со мной сотворить. С другой стороны, даже

когда я обнаруживаю в себе естественную симпатию к другим, я открываю для себя, что мое социальное положение — это вопрос переживания. В обоих случаях политика есть попытка вынести на свет этот мир переживаний — и сделать так, чтобы он мог бы проявиться в свете определенной формы. Самым интересным, однако, представляются не столько усилия политики превратить себя в тотальность, реализуя вполне формальную утопию, сколько исследование, проводимое современностью, со всеми последствиями, принесенными его промахами, если смотреть на это с прагматической точки зрения. То, что действительно важно, по крайней мере в данном контексте, так это встать на сторону *переживаемости* и открыть таким образом то измерение, которое производит социальная динамика в качестве отражения обычной политики. Полагая себя находящимися в этой особенной точке наблюдения, мы будем способны увидеть подлинную конфликтность, которая одушевляет политику, и обнаружить причины ее необходимого концептуального расширения.

* * *

Согласно Дж. Вико, политическая сцена — это лес. Конституирующий акт политического чувства в начале «Оснований новой науки» — это разделение между лесом и городом¹⁰. Превосходный интерпретатор древних, Вико прекрасно знал, что жестом установления границ поместья основатели цивилизации совершили подлинное установление политики. Крайне интересно, однако, не только то, что подобное разделение никогда не происходит — то есть изначальный жест должен предлагаться все снова и снова — но также и то, что поместье не остается непроницаемым для внешнего воздействия. Понять «дикую природу» политики — это значит понять, что без прямой связи с тем, что не является политикой (связь, которая, да будет это ясно, и есть конфликт), нет и никаких учреждений. Политические учреждения — это не пространства, в которых конфликт будет аннулирован, но это измерения, в которых столкновение сублимируется и находит свою репрезентацию. Одна из задач политических учреждений — это именно задача быть театром, местом, где жестокость пре-политики, как бы она ни понималась, становится чем-то чисто идеальным. В этом смысле политика — закономерно

¹⁰ Vico G. B. La scienza nuova. P. 96.

нереальный мир, далекий от общества, замкнутый и изолированный во Дворце. Внутри политических учреждений действует принцип сублимации, согласно которому они проницаемы по отношению к пре-политике, но они должны с необходимостью перевести этот принцип в символическое измерение.

Без этого символического процесса, который является истинной, постоянной и напряженной работой политики, не было бы никакой конституции: учреждения являлись бы лишь аренами, на которых льется кровь, или машинами угнетения. Поэтому в политике есть эмпирическая конфликтность (та, которая происходит *внутри* ее пространства, и которая всегда является репрезентативной) и конфликтность более глубинная, исходная. Вторая устанавливает саму возможность первой, которая является всего лишь идеализирующим упражнением второй. Исходная конфликтность политики — это сила, присущая преформальному источнику политики, которая делает невозможным приобретение политикой окончательного профиля. Благодаря ее действию мы можем действительно понять насыщенность политического конфликта и его насильственность по отношению ко всякому закону — но также и тот факт, что всякий закон не может обойтись без этой насильственности. В противном случае ценной будет отсутствие смысла. Пре-политический конфликт политики — это политическое переживание, заложенное в человеке как в телесном и чувствующем создании — создании, способном именно к переживанию. Сфера пре-политики — это не просто нерациональная сфера, некое пространство закалки эгоизма и жестокости. Это и сфера переживания, в которой люди объединяют сопереживаемость согласно чувственным критериям силы и единения: с той, однако, сложностью, что политика — это именно спекулятивная репрезентация. Зеркала политики никогда не предлагают настоящее *присутствие*, поскольку им не хватает (и должно не хватать) голой плоти человеческой реальности. Это причина, по которой политика всегда является призрачной и бесчеловечной: она диким образом настроена на то, чтобы реализовать цель, которая лишь подражает человечности, производя подлинное *страдание* человеческой плоти.

Политика всегда действует в некоем *театре*, и этот театр — сеть выражений действительности, но он никогда не является пространством примирения. Политика всегда агональна — иначе бы и быть не могло. Агональность или конфликтность политики не учре-

ждаются только между *внутренними* элементами политического пространства, но исходно присвоены самому фундаменту политики. В этом смысле основа политики, в действительности, — хиазм, ложное движение, нарушающее сам принцип. Эта конфликтность есть подлинное напряжение, создаваемое *глубиной* или *насыщенностью* политики, ее драматическая сила. Несмотря на то, что инфраполитические учреждения стараются исправить эту насыщенность, эти переживания политики, их попытка неосуществима. Диалог, коммуникация между политическими субъектами происходит на фоне, который не принадлежит диалогу и который снова и снова фрагментируется. Фрагментация политики — то, что не позволяет обратить это измерение к миру: политика знает только конфликты — сублимированные, репрезентированные, поставленные на сцене. Это причина, по которой политическая призма никогда не являет собой упорядоченной гармонии, но всегда представляется репрезентацией некоего волнения; и «золотые века» — это мифологема, за которой прячутся определенные политические переживания, всегда обреченные на создание новых разделений и новой фрагментации.

* * *

Постоянно возвращающееся *варварство* Вико не возвращается: не только в том смысле, что оно всегда уже здесь и никогда не могло бы уйти или раствориться в рациональном диалоге. Исчезновение варварства — разрешение его проблемы превращением злого смеха в маевтическую улыбку — действительно невозможное дело. Варварство, о котором здесь идет речь, это не только жестокость, но также корень духа общества. Это и есть глубокая причина, по которой негативность политики никогда не может быть устранена: в самом деле, устранить ее — означало бы устранить саму политику. Следовательно, с этой точки зрения становится явственным некое более глубокое варварство по сравнению с тем, с которым политика должна была бы сражаться. Речь идет о некоем основательном переживании, всегда множественном и неизбежно гетерогенном, которое представляет собой саму душу учреждений. Этот варварский фон является тем, что всегда ставит политику в состояние конфликта и никогда не позволяет ей сводиться к *форме*. Перед нами раскрывается неразрешимый парадокс, который делает политику измерением неразрешенного, и который является конфликтом всех конфликтов, или трансцендент-

ным источником агональности, исходной по отношению к инфраполитической. В каждом жесте политика *подражает* некоему варварству, которое остается ее подлинным лицом. Речь идет об игре двойных зеркал, согласно которой политическая репрезентация подражает тому, чем она в действительности является, хотя обретает свою подлинную реальность только в этом акте мимесиса. Здесь кроется причина, по которой политика живет сущностным конфликтом, в котором маска и игра *dramatis personae* являются действительностью, только если отдавать себе полный отчет в том, что они *не* являются действительностью. В этом смысле, конечно, не очень легком для понимания, и можно говорить о конфликтной логике политики.

Взгляд формы — это взгляд Горгоны. Она не улавливает ту *чуждовещность*, которая является переживанием политики. Переживание дружбы и переживание вражды — это не просто иррациональные сущности: они выходят за рамки формы. Пре-политическая конфликтная игра этих переживаний (составляющих *самость* политики) — это то, что придает политической формальности насыщенность и представляет собой ее глубину. И, однако, действие политики и ее неразрешенность состоят в том факте, что она не может отказаться от этой плоти и должна всегда оказываться неосуществляемой попыткой измерения неизмеряемого. Политика в данной перспективе — это перечисление диспропорций. Диспропорция или безобразность, о которой мы говорим, — это то, что производится *плотью* политики, это политическое тело. Политическое тело, переживание политики — это то, что составляет плоть и кровь учреждений. Тело, телесность являют воплощение политики: дружба, вражда, симпатия, антипатия, страх, доверие, — все это телесные глубины политики. В них или благодаря им политика *живет*. Политическая жизнь (которая отличается от простой *формы* политики) составляется прежде всего расходящейся и постоянно меняющей направление динамикой переживаний политического тела. В этом мире переживаний политика имеет свое измерение — свое сплетение. Вот почему политика не может являться сферой голого рационального расчета или простой равновесной коммуникации: она всегда живет сущностным неравновесием и логикой неперечисляемого.

* * *

Политика — это *подголосок*. Не собственно надстройка, как говорил Маркс, но измерение репрезентаций и репрезентационности. В таком смысле подголоском она может быть по отношению к идеологии, к семье, к человеку, к сословию, к религии — и однако она никогда не может управлять во имя самой себя. Легитимность политики никогда не является политической. Политика — которая никогда никому не принадлежит — становится каждый раз чьей-то, согласно логике стяжательства, которая нужна только для того, чтобы раскрыть ужасную данность: политика *an sich* никогда никому не принадлежит и изначально ищет хозяина. Приобретение власти и овладение властью — это естественные «грамматические склонения» политики, без которых она не может существовать. Таким образом политика показывает свою внутреннюю конфликтность, поскольку она никогда не является легитимной сама по себе. Именно из-за этого политические пространства — всегда пространства завоевания и сражения ради легитимности. В сражении за легитимность, бесконечном агоне, состоит *Beruf* политики. В этом, наверное, заключается задача политики как профессии — и также ее тревога. Тревожность политики, ее суета происходит из ее сущностного условия. Не поняв эту тревожность, мы не поймем саму политику — она, действительно, является тревогой по поводу узнавания неузнаваемого. Вот почему политика нуждается в терпении и времени: история, постольку, поскольку она является терпеливым трудом, — это политическое изобретение (в этом смысле история — всегда история политическая). Даже сами терпение, умеренность являются пре-политическими: они не исполняют ничего иного, кроме как замедляют автоматическую процедуру политической формальности, с тем чтобы попытаться сделать ее адекватной парадоксу, чтобы избежать ее исчезновения, обращения в мертвую форму.

Дошедшему до этого пункта рассуждений не составит труда понять, почему политика представляет собой пространство конфликта. Очевидно, не только потому, что люди приходят в столкновения друг с другом, но, в более общем смысле, потому что политика — это парадоксальное измерение, которое приписывает самому себе невозможную задачу и, несмотря на это, продолжает следовать ей. Эта невозможная задача заключается в том, чтобы *не* быть измерением воплощения, покинуть свое переживание. В этом смысле политика жи-

вет трансцендентальной конфликтностью, которая неизбежно знаменует ее судьбу. Открыть то, что — в начале наших размышлений — было названо *естественностью, природностью* политики — значит раскрыть конфликтность, которой политика питается, и которая дарует ей субстанцию. Этот конфликт — который проявляется даже тогда, когда общность составляет плод политики, а не только в случае столкновения противоположных сил — не менее радикален, чем тот, который разражается *между* политическими субъектами: он являет собой неизбежную предпосылку самой политики, досаду, которая никогда не сможет быть устранена без устранения самой политики. Но необходимо все-таки заметить, что эта пре-политика, которая представляет собой драматизацию политики, не является просто иррациональной данностью: мы говорили о переживаниях, которые, во всем своем множестве и со всей своей мощью, требуют иной логики по отношению к логике форм и репрезентаций. Искать эту логику — означает двигаться в направлении элемента, который, хотя и *социален*, все-таки не является *политическим*. Речь идет о поиске, который уже выходит за рамки этих рассуждений и к которому необходимо будет обратиться в последующем.

*Перевод с итальянского С. М. Капицупи
под редакцией И. О. Ермаченко.*

МЕЖДУ ВОЙНОЙ И МИРОМ МЕНТАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ ПОГРАНИЧЬЯ

В. В. Носков

КОГДА КОНЧАЮТСЯ ВОЙНЫ?*

В исторической литературе достаточно хорошо изучены вопросы, связанные с происхождением различных войн и их началом. Труднее бывает ответить на вопрос, а когда та или иная война закончилась? Главная проблема — найти критерий, помогающий определить, что данная война действительно завершилась. Существует красивая фраза, что война заканчивается, когда похоронен ее последний солдат, однако возникают большие сомнения, что все войны завершались именно таким образом. Недавний юбилей Победы в Великой Отечественной войне показал, что историки до сих пор не могут определить количество людей, погибших в 1941–1945 гг., и признают, что точную цифру потерь «установить невозможно»¹. Разница в цифрах, рассчитанных по различным методикам, исчисляется миллионами, что делает вопрос о последнем захоронении просто бессмысленным. «Мы помогаем закончить войну», — убежден начальник Военно-мемориального центра Вооруженных сил Российской Федерации. Однако не случайно то, что выставка, посвященная памяти павших на Ленинградском фронте, получила символическое название «Неоконченная война»². Как свидетельствует история, окончание одних войн датировалось перемириями, других — мир-

* Статья подготовлена по итогам доклада на Вторых чтениях «Мир и война: культурные контексты социальной агрессии» (осень 2005 г.) и отражает международную и внутривополитическую ситуацию того времени

¹ *Нехамкин С., Архангельский Т.* Когда считать мы стали раны ... Можно ли установить наши потери в годы войны?; *Поляков Ю.* «Точную цифру потерь мы не узнаем никогда» // Известия. 6 мая 2005.

² *Викторова М.* Министр Иванов отдал долг памяти героям // КП — Санкт-Петербург. 22 сент. 2006; *Васильева З.* Неоконченная война // С.-Петербургские ведомости. 8 сент. 2006.

ными договорами. Известны также случаи, когда мирные соглашения заключались через несколько лет после фактического прекращения военных действий или когда войны завершались вообще без подписания каких-либо формальных актов. Таким образом, формально-юридический подход тоже не дает надежного критерия. Во всяком случае ясно, что войны не кончаются победами, особенно Пирровыми. Тем более, не завершаются они поражениями, которые нередко становились лишь стимулом для последующего реванша.

Обильную пищу для размышлений на тему «Когда кончатся войны?» дает история Первой мировой войны, которой принадлежит исключительная роль в формировании основ современного мира. Формально она завершилась 11 ноября 1918 г., но последний мирный договор между ее участниками был подписан только в 1923 г. Нередко Великую войну рассматривают лишь как первую фазу общемирового конфликта, который завершился только в 1945 г. («Тридцатилетняя война XX века»). Учитывая неопределенность с датировкой окончания и Второй мировой войны тоже, мы оказываемся перед перспективой погружения в «дурную бесконечность». Ведь даже День Победы над Германией в разных странах празднуется по-разному. А после капитуляции Германии продолжалась война с Японией, процесс подписания формальных мирных договоров между участниками которой не завершён до сих пор. При этом во всех странах, проигравших во Второй мировой войне, сохраняется стремление хотя бы к частичной ревизии ее итогов и к переоценке многих событий. Последнее обстоятельство побуждает нас обратиться к ментальной сфере, к исторической памяти народов, чтобы найти ответ на поставленный вопрос. И первые же шаги в этом направлении приводят нас к заключению, что Первая мировая война не завершилась до сих пор.

Достаточно вспомнить только некоторые из конфликтов, которые связаны с Первой мировой войной, и становится очевидным, что они продолжают подспудно тлеть и сегодня, периодически прорываясь на поверхность вспышками открытого насилия. Наиболее наглядным примером может служить судьба Югославской федерации, где наследие Первой мировой войны актуализируется вновь и вновь при каждом новом историческом повороте. Очередным свидетельством этого стал референдум в Черногории по вопросу о сохранении государственного союза с Сербией, в ходе подготовки которого сто-

ронники отделения выступали под лозунгом восстановления независимости, потерянной в 1918 г. А впереди еще неминуемое отделение Косово от Сербии³ и последующая борьба сербских анклавов за воссоединение с исторической родиной; решение вопроса о будущем Боснии и Герцеговины, в составе которой насильственно объединены Республика Сербская и эфемерная «мусульмано-хорватская федерация»; активизация албанских сепаратистов в Македонии. Далее на очереди — мусульманский Санджак и венгерская Воеводина. Да и вопрос о бывшей сербской Крайне в Хорватии, как и проблему взаимоотношений между Сербией и Хорватией в целом, вряд ли можно считать окончательно решенными. Л. И. Сараскина писала по поводу возобновления национальных конфликтов в Югославии: «Сегодня, когда эта земля снова взорвана войной, нельзя не задуматься над вопросом: новая бойня — это что? Заключительная фаза векового конфликта? Или грозное предупреждение будущему?»⁴.

Как представляется, это и «фаза» — только не заключительная, и более чем «грозное предупреждение». В связи с событиями в Югославии можно сформулировать своеобразный «закон воспроизводства исторических ситуаций», который гласит: если в определенной точке столкновения конфликтных интересов в определенный момент складывается ситуация, благоприятная для возникновения военных действий, война действительно начинается, даже после десятилетий внешне мирного сосуществования. Классическим примером является та же Босния, которая уже четырежды становилась эпицентром острейших международных кризисов — в 1875, 1908, 1914 и 1992 годах, три из которых завершились войнами, при этом и Боснийский кризис 1908–1909 гг. был лишь преддверием Первой мировой войны, своего рода репетицией Сараевского кризиса 1914 г. И никто не может гарантировать, что этот ряд завершен.

К эпохе Первой мировой войны восходят корни многих других проблем современного мира. Часть из них была снята Второй мировой войной, но некоторые сохраняют свою актуальность до сих пор. Лишь недавно прекратило свое существование такое порождение Версальской системы, как Чехословакия. Это был редкий случай,

³ См. прим. *.

⁴ Сараскина Л. «Ни слава, купленная кровью ...» // Московские новости. 13–20 марта 1994.

когда государство, рожденное Первой мировой войной, завершило свою историю без новых военных конфликтов. Более напряженная обстановка складывается практически по всему периметру границ Венгрии. Вся Хорватия и Словакия, сербская Воеводина, румынская Трансильвания и другие территории до Первой мировой войны находились под властью Венгрии, и венгры не забыли об этом, что еще раз показали сентябрьские беспорядки 2006 г. в Будапеште. «Призывы восстановления территориальной целостности, прозвучавшие тогда, прямо угрожают европейской стабильности», — предупредила эксперт Института Европы РАН⁵. Балканы, как и прежде, остаются «пороховым погребом» Европы.

Целый букет острых проблем породил также распад Османской империи. От времен Первой мировой войны унаследованы проблемы во взаимоотношениях Турции почти со всеми ее соседями — с Арменией, Грецией, Кипром, Сирией, Ираком. В наследство от Великой войны остались и нерешенная проблема Курдистана, и вопрос о жизнеспособности Ирака, искусственно скроенного из трех разнородных частей — шиитского вилайета Басра, суннитского Багдада и курдского Мосула; а также не определенная окончательно судьба Палестины. Не случайно мэр Лондона заявил после взрывов в лондонском метро в июле 2005 г.: «Я несколько не сомневаюсь, что если бы в конце первой мировой войны мы вспомнили свои обещания арабам ... у нас не было бы этих проблем»⁶.

Самое страшное наследие Первой мировой войны в современном мире — память о геноциде армян в Османской империи. Все признаки определенно свидетельствуют, что эта война далека от завершения. Манифестанты, отмечавшие 90-ю годовщину кровавых событий 1915–1916 гг., несли лозунги: «Геноцид не забывается никогда», «Мы не забудем и вам не дадим»⁷. Несмотря на отчаянное сопротивление Турции, одна страна за другой принимают решения об осуждении геноцида. Об остроте этой проблемы свидетельствует, например, та яростная борьба, которая развернулась вокруг законопроекта об осуждении геноцида армян, внесенного в Национальное собрание Фран-

⁵ Попова С. Венгры не терпят государственной лжи // Дело. 25 сент. 2006.

⁶ Асадова Н. Красный Кен пошел против ближневосточной линии // Коммерсант. 22 июля 2005.

⁷ См.: Известия. 25 апр. 2005.

ции⁸. Редакция ведущей итальянской газеты сочла необходимым посвятить целую полосу новой книге об армянском геноциде. Важно, подчеркивает автор, что в изучение этого вопроса вовлекаются совсем молодые исследователи, не подверженные «шантажу памяти»⁹. А это означает, что эстафету борьбы от непосредственных жертв злодеяния принимают новые поколения.

Не случайно наследие Первой мировой войны сохраняет столь высокую актуальность как в исторической памяти народов, так в профессиональной историографии. И вызвано это, подчеркивает латвийский историк, «не столько интересом к истории, сколько актуальной необходимостью снять эти вопросы с повестки дня»¹⁰. Во Франции память о Великой войне представлена гораздо шире, чем о Второй мировой. П. Нора замечал по этому поводу: «Память первой мировой войны была мощной объединительной». «Вторая мировая война была разъединяющей»¹¹. И если празднование Дня Победы во Второй мировой войне французское правительство пыталось отменить, то День Перемирия остается одной из главных опор национальной памяти, на которую никто даже не пытается покушаться. В Англии, по свидетельству А. Дж. Тойнби, воспоминания об августе 1914 г. переживаются намного сильнее, чем о сентябре 1939 г.¹² «Парадокс австралийской памяти о Первой мировой войне» заключается в том, что она намного сильнее, чем память о Второй мировой войне, несмотря на то, что в последнем случае возникла реальная угроза для Австралии, отсутствовавшая в первом¹³. Историки видят объяснение этого парадокса в том, что именно Первая мировая война породила в Австралии фундаментальный «миф о рождении на-

⁸ См.: *Портякова Н.* Франция уравнила армян с евреями // Коммерсант. 13 окт. 2006; *Еременко А.* Закон Пандоры // Известия. 22 нояб. 2006.

⁹ *Fiori S.* Il grande male // La Repubblica. 20 maggio 2006.

¹⁰ *Крейтусе И.* Проблемы Первой мировой войны в политической жизни Латвии // Последняя война Российской империи. М., 2006. С. 149.

¹¹ *Нора П.* Эра коммемораций // Франция-память. СПб., 1999. С. 108.

¹² *Тойнби А. Дж.* Пережитое // *Он же.* Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995. С. 227.

¹³ *Beaumont J.* The Strange of Second World War in Australian National Memory // Proceedings. Actes. Rapports, abstracts, and round table introductions. 19th International Congress of Historical Sciences. Oslo, 2000. P. 134. См. также: *Тош Дж.* Стремление к истине. М., 2000. С. 272.

ции»¹⁴. И даже американский политик, обеспокоенный судьбами своей страны, пишет: «Начало революции, потрясшей самые основы американской демократии, следует искать не в 1960-х годах, а скорее в августе 1914 года, когда разразилась Первая мировая война»¹⁵.

Изучение проблем, связанных с представлениями о Первой мировой войне, ее репрезентацией, памятью о ней и с тем, как эта память отмечается в современном обществе (*«la guerre imaginée, la guerre représentée, et la guerre remémorée et commémorée»*¹⁶), оформилось в последние десятилетия в особое историографическое направление. При этом собственно история и военная память постепенно сближаются между собой, породив целую «индустрию чествования памятных дат», развитие которой все более и более определяет восприятие войны новыми поколениями¹⁷. Происходит также «брутализация» Великой войны, вследствие чего подчеркивается прямая связь между Верденом и Аушвицем. «“Современная память”, порожденная таким образом Великой войной, образует синтаксис и грамматику нашего восприятия мира насилия, в котором мы живем», — заключают авторы исследования по историографии истории Великой войны¹⁸. Вполне понятно поэтому, что проблемы истории Первой мировой войны и памяти о ней заняли особое место в работе последних Международных конгрессов исторических наук в Осло (2000 г.) и Сиднее (2005 г.).

В последние годы предпринимаются новые попытки пересмотреть роль России в Первой мировой войне. Например, директор германского Института современной истории, возвращаясь к вопросу об ответственности за возникновение войны, реанимировал архаичный тезис о фатальном значении «русской мобилизации». Степень вины определяется им строго по хронологическому принципу, по датам вступления основных держав в войну, в результате чего ответственность распределяется следующим образом: Австро-Венгрия,

¹⁴ Prost A., Winter J. *Penser la Grande Guerre: Un essai d'historiographie*. P., 2004. P. 83–84.

¹⁵ Бьюкенен П. Дж. *Смерть Запада*. М.; СПб., 2004. С. 107.

¹⁶ Prost A., Winter J. *Op. cit.* P. 220.

¹⁷ *Ibid.* P. 244–245.

¹⁸ *Ibid.* P. 248–249. Свою лепту в «брутализацию» войны вносят и отечественные изыскатели. См., в частности: Карпущенко С. Германский пленник // С.-Петербургские ведомости. 18 мая 2002; Филиппов А. Репетиция Освенцима // Известия. 19 авг. 2003.

Германия, Россия, Франция, Англия¹⁹. Таким образом, державы, подвергнувшиеся нападению, ставятся в один ряд с теми, которые проявили инициативу в развязывании войны. Еще более курьезный случай представляет собой латвийский учебник истории, в котором повествуется, как в годы Первой мировой войны латышские стрелки чуть было не освободили свой край от немцев, но их подвели русские: «Это удалось бы сделать, если бы стрелки действительно получили обещанное подкрепление. Однако русские полки не пришли на помощь латышам»²⁰.

Для самой России вопрос о Первой мировой войне стоит особому, поскольку война завершилась для нее совершенно иначе, чем для остального мира²¹. А саму войну почти затмила Русская революция, последовавшая за ней Гражданская война и интервенция недавних союзников. Казалось бы, для России Великая война завершилась раньше других, поскольку память о ней была перекрыта воспоминаниями о еще более грандиозной национальной катастрофе. Но как только советский период российской истории остался в прошлом, память о Первой мировой войне начала быстро возвращаться в национальное сознание. Это уникальный случай, когда воспоминания о полузабытой войне ожили вновь по прошествии нескольких поколений, одно из которых пережило еще более страшную войну. Реанимация памяти о Первой мировой войне стала особенно заметной в связи с 80-летними годовщинами ее начала и формального окончания. В Санкт-Петербурге был даже создан «комитет памяти первой мировой войны»²². Регулярно отмечаются годовщины различных событий, в частности, гибель госпитального судна «Португалия»²³. В 2000 г. Петербург обогатился «памятником, скорее всего, уникальным по своей идеологии, в появлении которого хочется видеть пробуждение памяти по отношению к тем, чьи подвиги оказались несправедливо забытыми», как сообщалось в прессе. В связи с этим выражалась на-

¹⁹ Möller H. Allemagne: la mémoire disputée de la Grande Guerre // L'Histoire. № 303 (novembre 2005). P. 28–29.

²⁰ Цит. по: Маркарян К. «Volga, Volga, mate Volga!» // Комсомольская правда. 3 дек. 1997.

²¹ Подробнее см.: Орловски Д. Великая война и российская память // Россия и Первая мировая война. СПб., 1999. С. 49–57.

²² См.: В ту войну и богатые, и бедные воевали вместе // Час пик. 4 мая 1994.

²³ Гендзехадзе Т. Венок памяти // С.-Петербургские ведомости. 2 апр. 1996.

дежда, что памятник у Военно-медицинской академии станет первым шагом к созданию «именно в Петербурге общенационального мемориала»²⁴. Поддержание памяти о Первой мировой войне стало важным направлением в деятельности военно-исторических клубов, которые ежегодно проводят реконструкции батальных сцен из ее истории. Возросший в последние годы интерес к Первой мировой войне свидетельствует о стремлении создать новый ее образ, сформировать новое представление о ней в национальной памяти. Таким образом, даже в России Первая мировая война так до конца и не завершилась. Налицо желание завершить ее хотя бы в памяти несколько по-иному, чем на полях сражений или за столом переговоров.

Особенность России в том, что здесь память о Первой мировой войне была почти полностью перекрыта гораздо более болезненной памятью о Гражданской войне, незавершенность которой представляет значительно более актуальную проблему для национального сознания. Постоянной актуализации этой темы способствуют многочисленные мемориальные события, получившие ярко выраженную идеологическую окраску. Разница лишь в том, что раньше побеждали «белых», теперь — «красных», но «победить» и тех, и других не удастся никак. Очень показательным в этом смысле перезахоронение в 2005 г. останков генерала А. И. Деникина, задуманное как «акция примирения и согласия», которая положит «начало окончанию гражданской войны»²⁵. Обозреватель «Известий» писал по этому поводу: «Примириться со своим собственным прошлым необходимо: гражданская война должна наконец завершиться». Но тут же следовало предупреждение: «политика примирения, лишённая осмысленности и глубины, ведет к нарастанию вражды и напряженности»²⁶. Как будто в подтверждение этих слов церковный иерарх из Санкт-Петербурга заявил: «...гражданская война в России еще не закончилась. Демоны, вызванные красным террором, все еще витают над Россией»²⁷.

²⁴ Прохоров С. Забытая война: О ней напоминает только мемориал медикам // Известия. 11 нояб. 2000.

²⁵ Таратута Ю. Захоронение с извинениями: Генерал Деникин заставил политиков пересмотреть историю // Коммерсант. 4 октября 2005; Похоронить гражданскую войну // Известия. 4 окт. 2005

²⁶ Архангельский А. Два обретения и две победы // Известия. 10 окт. 2005.

²⁷ Игумен Вениамин (Новик). Возможно ли примирение палачей с жертвами? // Известия. 6 окт. 2005.

Подобная нетерпимость свидетельствует не столько о стремлении к примирению, сколько о попытках «белого реванша» в продолжающейся войне памяти. «Красные», кстати, так остро вопрос давно уже не ставят. Очевидно, что пока «белая» и «красная» мифологии будут функционировать в национальной памяти отдельно, никакое национальное единение невозможно. Тем более, что раскол российского общества с каждым днем углубляется, в результате чего тема гражданской войны как таковой занимает все более заметное место в современном политическом дискурсе.

Гражданская война — далеко не единственная, воспоминания о которой разделяют современное российское общество. Свидетельством тому могут служить, например, отпразднованные с небывалой помпой «юбилеи» основания Казани, с одной стороны, и Куликовской битвы, с другой. Эти празднества наглядно показали, что даже война Руси против ордынского ига все еще продолжается в исторической памяти народов и конца ей не видно. При этом «татаро-монголы» отнюдь не сдаются и даже пытаются перейти в контрнаступление. Некоторые татарские историки выразили сомнения в том, что Куликовская битва вообще была, и потребовали отменить празднование ее годовщины. «По существу, мы завоеванный народ», — утверждал один из знатоков татарской истории, считая, что русские должны покаяться за свои победы²⁸. Новую актуальность приобрел также вопрос о взятии Казани войсками Ивана Грозного, были предприняты попытки пересмотреть значение этого и последующих событий. В связи с этим в Татарии создаются «мифологемные фантомы воистину колоссальной мощи». Татарский публицист писал по этому поводу: в республике возрождаются «реваншистские настроения, тесно связанные с нарочитым муссированием давно канувших в Лету фактов дискриминации татарского народа»²⁹. С особой силой эти настроения проявилось в дни помпезного празднования «юбилея Казани», дату которого «вычислили» не в результате исторических изысканий, а по указанию руководства Татарской республики³⁰.

²⁸ Колесников А. Татарское эго. Россия может проиграть Куликовскую битву // Коммерсант. 19 марта 2001.

²⁹ Ибятков Ф. В поисках татарских корней // Известия. 24 авг. 2005.

³⁰ Филимонов Д. Казанская Европа // Известия. 26 авг. 2005.

Не менее сомнительной представляется ответная затея с прославлением Куликовской битвы, память о которой все более утрачивает реальное содержание и превращается в опасный миф, способствующий милитаризации национального сознания. Если в Казани позаботились хотя бы о том, чтобы изобрести круглую дату, то для Куликовской битвы юбилеем назначили ее 625-летие. Отметив, что «эту дату впервые празднуют столь масштабно и пафосно», редакция «Известий» задавала резонный вопрос: почему именно сейчас Москве понадобилось акцентировать внимание общества на этой битве? «Чем хуже Бородинское сражение, 190-летний юбилей которого отмечали с куда меньшим размахом три года назад?»³¹. Кстати, как очевидец Бородинского юбилея могу засвидетельствовать, что там французов изображали не как злых врагов, а как товарищей по одинаково славному для обеих сторон деянию.

В том же номере «Известий» помещена статья А. Н. Сахарова, столь активно выступающего за популяризацию исторических знаний. «Куликовская битва — это не дискуссионная проблема», — категорически заявил директор академического института. Но любой исследователь знает, что таких проблем в истории в принципе не существует. Автор попытался доказать, что на Куликовом поле было остановлено ни что иное, как «наступление Востока на Европу», и начался «переход инициативы в руки европейских государств», к числу которых причислена и Москва³². Тут же приводится перечень «Главных битв русской истории»: «1111 — Русский Крестовый поход Владимира Мономаха в Половецкую степь»; «1580-е (!) — Оборона Пскова в Русско-Ливонской войне (sic!), позволившая заключить мир на нулевых (!) условиях»; «1612 — Битва за Москву: ополчение Минина и Пожарского подошло к Москве». Но особенно: «1914 — Героическое поражение русских на Мазурских озерах». Комментарии излишни.

На страницах «Известий» развернулась целая дискуссия на тему «Должны ли мы отмечать юбилей Куликовской битвы?». Футболист

³¹ Священный список // Известия. 16 сент. 2005.

³² Сахаров А. «Куликовская битва — не дискуссионная проблема» // Там же. См. также не менее замечательные ответы на статью: Баймухаметов С. Друг Руси — Золотая Орда // Известия. 22 сент. 2005; Лукин А. И Тверь победила // Известия. 28 сент. 2005.

Р. Дасаев философски заметил: «история эта уже давняя, к тому же никто ведь не знает, что там было на самом деле». Артистка Л. Милявская и вовсе заявила: «я бы вообще сократила количество праздников по таким поводам», поскольку эти празднества и «открытие памятников — это патология». Писатель Л. Зорин справедливо рассудил: «очень заикливаться на военных победах вообще не нужно». Тут же приводятся данные социологов, свидетельствующие о том, что подавляющее большинство россиян (82%) не знает, когда произошла Куликовская битва. А историческое значение этого события осознает еще меньшее число жителей России³³. Автор опубликованного в том же номере послания высказался по поводу «столь же легендарной Невской битвы». По его мнению, все «подобные мероприятия — это административный раж, речи тупых начальников ... открытия бездарных памятников, халявные застолья ... концерты жирной попсы, псевдоисторические бредни и песни про то, как мы своих врагов “били, бьем и будем бить”»³⁴. И вправду, картина очень знакомая. В связи с юбилеем Куликовской битвы встает вполне закономерный вопрос: «А хорошо ли в многонациональном государстве поминать победу одного народа этого государства над другим народом того же государства (на памятнике Дмитрию Донскому до сих пор красуется неполиткорректная надпись “Победителю татар”»³⁵?

По-своему отметили годовщину битвы новоявленные «евразийцы», которые на митинге в Москве выступали под лозунгом «Империя зла, империя очень зла!». Заодно отметились и на злобу дня: «Раздавим оранжевую гадину!» Посланец братской Украины предсказывал: «Война, которая сейчас идет на Украине, будет в России обязательно»³⁶. Празднованием 2005 года «Куликовское дело» не закончилось. На следующий год поступило предложение сделать годовщину Куликовской битвы национальным праздником³⁷. При этом инициаторы идеи, подобно авторам закона «О днях воинской славы и памятных датах России», так и не научились пересчитывать

³³ Ильичев Г. Неизвестная война // Известия. 16 сент. 2005.

³⁴ Николаев Ю. Били, бьем и будем бить // Там же.

³⁵ Новиков Л. Ветераны Куликовской битвы // Коммерсант. 22 сент. 2005.

³⁶ Героева А. Куликовская битва довела до майдана // Там же.

³⁷ Ждакаев С. Победа на Куликовом поле принесет нам еще один выходной? // Известия. 22 авг. 2006.

даты XIV века по новому стилю. Сама же идея как была, так и остается сомнительной: «Куликовская битва? С точки зрения казанских историков, это разборки между двумя ханами — Тохтамышем и Мамаем, — отмечал современный публицист. — Собственно, что это за праздник? Я не говорю, что это плохо или хорошо. Вопрос в том, что не сплачивает он»³⁸.

Сообщения из других национальных республик все чаще напоминают фронтовые сводки с театров боевых действий в войнах памяти. Адыгские организации начали «войну памятников» в Краснодарском крае, протестуя против завоевания своих земель войсками царской России. Бывший президент Адыгеи заявил по поводу монумента в честь адмирала М. П. Лазарева: «Нельзя ставить памятник царскому флотоводцу, чье имя связано с неоправданной жестокостью, проявленной в борьбе против адыгов». А «организация “Адыгэ Хасэ” в пылу страстей потребовала снести памятники русскому полководцам ... переименовать населенные пункты, названные в их честь, запретить празднование юбилеев казачьих станиц, городов Майкоп и Сочи, построенных “на завоеванных царской Россией землях”»³⁹. Предложение, как видим, очень своевременное в свете надвигающейся на Сочи Олимпиады. Почти два десятка адыгских организаций обратились в Европарламент с просьбой «о признании геноцида адыгского народа в годы и после русско-кавказской войны XVIII–XIX столетий». В обращении говорится о «военной экспансии Российской империи во второй половине XVIII века, ставшей для народа национальной трагедией»⁴⁰, и утверждается, что Россия ставила целью не только захват территории, но и полное уничтожение либо выселение коренного народа со своих исторических земель. А если вспомнить, что сейчас происходит в других северокавказских республиках, становится очевидным, что Кавказская война продолжается в полную силу, и не только в исторической памяти народов.

³⁸ Дианов М. «На ближайшее десятилетие ситуация не изменится» // Известия. 3 нояб. 2006.

³⁹ Николаев Ю., Турьялай С. Национальные республики начали «войну памятников» // Известия. 5 авг. 2005.

⁴⁰ Дадашева Д. Адыги добиваются признания своего геноцида // Коммерсант. 13 окт. 2006.

Так или иначе в сознании современного российского общества постоянно актуализируется память чуть ли не обо всех войнах, которые когда-либо вели Русь / Россия / СССР. Например, Крымская война завершилась совсем не так, как считали раньше, полагает профессор из Симферополя. Поэтому имеется «повод для того, чтобы снова начать разговор об истинных результатах Крымской войны», поскольку, по его мнению, «Россия, конечно же, не проиграла Крымскую войну»⁴¹. Проигранная на грешной земле война трактуется им как, по сути своей, религиозная и предстает лишь как звено в «столкновении цивилизаций», продолжающемся до сих пор. Русско-турецкие войны вроде бы не создают особых проблем для российской исторической памяти, тем неожиданнее может показаться взгляд на них со стороны. В Болгарии, к примеру, было высказано мнение, что русско-турецкая война 1877–1878 гг. «не позволила болгарскому народу использовать другие возможности восстановления своей государственности» и потому «прервала естественную линию развития болгарского народа»⁴². Особый характер носит память о русско-японской войне 1904–1905 гг., что объясняется, очевидно, тем, что Россия взяла реванш за поражение в ней, и теперь не русским, а японцам приходится переживать о своих потерях. «Память и слава» — ключевые понятия, выражающие сдержанный характер ее восприятия в современном обществе⁴³.

Практически завершенной — по крайней мере, со стороны России — может считаться, пожалуй, «Зимняя война» 1939–1940 гг. В данном случае память о неудачах была перекрыта сознанием конечной двойной победы, а последующее развитие двусторонних отношений создало в целом положительный образ финнов в российском сознании, оттеснив воспоминания о первоначальных неудачах в глубины подсознания. Но зато память о поражении по-прежнему сохраняется в Финляндии, не позволяя окончательно подвести черту под историей даже этой войны. Выборг и Карельский перешеек продол-

⁴¹ Казарин В. «Битва за Ясли Господни»: Чем на самом деле закончилась Крымская война // Литературная газета. 2–8 фев. 2005.

⁴² Димитров Б. Правда и мифы об Освободительной войне 1877–1878 г. в средствах массовой информации Болгарии // Русский рубеж. 1991. № 10. С. 14.

⁴³ См., в частности: Петров С. Память и слава // С.-Петербургские ведомости. 13 фев. 2004.

жают будить воспоминания по обе стороны границы. Особый вопрос представляет память о самых недавних войнах, прежде всего, об Афганской, поскольку в данном случае речь идет о ныне живущих поколениях, хранящих непосредственные воспоминания об этих событиях. Слишком короткая историческая дистанция не позволяет ставить эти войны в один ряд с другими. Очевидно только одно — ни одна из них до сих пор не завершилась в сознании носителей живой памяти.

Различные годовщины, школьные учебники, телевизионные инсценировки, художественные произведения и другие формы стимулирования исторической памяти постоянно актуализируют в сознании каждого нового поколения войны со шведами («Ура, мы ломим ...»), французами («Скажи-ка, дядя, ведь недаром ...»), японцами («В тот же день решили самураи ...»). Снова и снова «наши» побеждают германских «псов-рыцарей», поляков, турок и других бесчисленных врагов России — раз за разом, год за годом — и так до бесконечности, с фатальной регулярностью воскрешая все прошедшие войны в современной действительности. С Польшей вообще, похоже, ни одна война не закончена: чего стоит решение отмечать годовщину победы над поляками в период Смутного времени! «Если праздником — символом единения нации выбран, как в случае с 4 ноября, военный эпизод, будьте готовы, что праздник обязательно будет направлен против кого-то», — предупреждают эксперты⁴⁴. Российская историческая память до предела наполнена сражениями и вечной борьбой, и это содержание воспроизводится в сознании идущих на смену друг другу поколений, заставляя каждое из них снова и снова «перевоевывать» все прошедшие войны. Между тем, воспитание нации на культуре военных побед, как давно уже известно, не проходит бесследно. Тем более опасно воспитание, основанное на не прощенных обидах и на идеях реванша.

Понятно, что проблема эта не только российская и носит глобальный характер. Например, в Латинской Америке стремительно возрождается память о завоевательных походах конкистадоров, особенно там, где в древности существовали высокоразвитые индейские цивилизации. В Венесуэле День Колумба переименован в День сопротивления индейцев. В Мексике не умирает память о войнах с США, в

⁴⁴ См.: Козенко А. Общественная палата идет на «Правый марш» // Коммерсант. 25 нояб. 2006.

результате которых она потеряла половину своей территории. Процесс вторичного заселения утраченных территорий мексиканскими иммигрантами откровенно называют «реконкистой». «Настал срок забрать то, что принадлежит нам по праву», — провозглашают лидеры иммигрантов⁴⁵. В Испании память о битвах с маврами в период Реконкисты настолько остра и устойчива, что власти пытаются снизить антимавританский накал посвященных этим событиям празднеств⁴⁶. Население Сицилии до сих пор хранит память о восстании 1282 г. против анжуйцев. Сербы каждый год поминают годовщину своего поражения на Косовом поле в 1389 г.⁴⁷ Но если «анжуйцы» давно канули в Лету, то Косовская проблема и по сей день остается источником военного напряжения. Американский историк замечал в связи с этим: «Кровопротитие на Балканах и на Кавказе, устроенное от имени конфликтов пятисотлетней давности, которые с тех пор периодически возобновлялись и оживали в ритуалах невероятной жестокости, интерпретируется как “война с памятью” или, возможно, как кровавая борьба двух конкурирующих вариантов памяти»⁴⁸.

И таких примеров можно привести бесчисленное множество.

В свое время У. Черчилль писал о завоевании Ирландии «пламенным революционером» О. Кромвелем: «Последствия кромвелевского правления в Ирландии до сих пор негативно влияют на отношения между двумя народами и доставляют немало проблем сегодняшним английским политикам. Раны, нанесенные ирландцам, так и не удалось залечить до конца, несмотря на усилия не одного поколения. В отдельные моменты память о событиях в Ирландии сильно препятствовала гармоничным отношениям англоязычных народов во всем мире. На них до сих пор лежит “проклятие Кромвеля”»⁴⁹. Да и после Кромвеля ирландцам и англичанам было что вспомнить друг о друге. Война памятей на англо-ирландском фронте

⁴⁵ Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности. М., 2004. С. 347, 386; Бьюкенен П. Дж. Указ. соч. С. 181–186.

⁴⁶ Волкова Н. Испанцы больше не будут шутить с пророком // Известия. 24 окт. 2006.

⁴⁷ Тош Дж. Указ. соч. С. 13, 23–24.

⁴⁸ Гири П. История в роли памяти? // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005. С. 111.

⁴⁹ Черчилль У. Британия в новое время: XVI–XVII века. Смоленск, 2005. С. 290.

продолжается и поныне, периодически переходя в форму реального военного конфликта.

Другой показательный пример — постоянная актуализация памяти о Гражданской войне в США, превратившая саму проблему исторической памяти в серьезный теоретический вызов, вставший перед американской историографией⁵⁰. Получившая заметный общественный резонанс книга Д. У. Блайта «Раса и воссоединение: Гражданская война в американской памяти» (2001), «делает соперничество скорее, чем консенсус, темой памяти о Гражданской войне». Война на этих фронтах продолжается в форме «битв между памятьми» представителей разных рас, составляющих американское общество⁵¹. Память о Гражданской войне по-прежнему разделяет также Юг и Север США. «Юг проиграл гражданскую войну, но выиграл решающее сражение в борьбе за историческую память нации», — замечал по этому поводу известный петербургский историк⁵². Другой классический для Америки пример — память о Вьетнамской войне. В стране не утихают дебаты по поводу того, «надо ли и как надо помнить Вьетнам»⁵³. Примечательно, что здесь речь идет о войнах, память о которых скорее разделяет саму нацию, чем противопоставляет ее другим.

Колоссальное наследие оставила в памяти всех участвовавших в ней народов Вторая мировая война. В 1975 г. президент В. Жискард д'Эстен попытался «закрыть» тему этой войны для Франции, отменив празднование Дня Победы, однако воспоминания о режиме Виши не дают французам покоя. Героический «миф Сопротивления» постепенно переосмысливается и вытесняется в национальном сознании «синдромом Виши». И теперь французы тоже воюют в своей памяти не столько с внешним врагом, сколько с самими собой. По замечанию французского историка, «Франция — это гражданская война, иногда скрытая, иногда явная, но постоянная»⁵⁴. Иная карти-

⁵⁰ *McConnell S.* The Civil War and Historical Memory: A Historiographical Survey // *Magazine of History*. Vol. 8. № 1 (Fall 1993). P. 5.

⁵¹ *Vorenberg M.* Recovered Memory of the Civil War // *Reviews in American History*. Vol. 29. № 4 (December 2001). P. 550, 553.

⁵² *Колоницкий Б. И.* Юг, который они потеряли // *Дело*. 21 нояб. 2005.

⁵³ *Thelen D.* Memory and American History // *Journal of American History*. Vol. 75. № 4 (March 1989). P. 1128.

⁵⁴ *Винок Ж.* Жанна д'Арк // *Франция-память*. С. 291.

на в Великобритании — в связи со Второй мировой войной вспоминаются исключительно героическое сопротивление и конечная победа. Даже эвакуацию своих войск из Дюнкерка в 1940 г. англичане вспоминают как «блестящую операцию, заложившую основу победы»⁵⁵. Поэтому коллективная память сохраняет здесь образ только внешнего врага. Как заметил посол Германии в Лондоне, «британские учебники истории сфокусированы на преступлениях нацистского режима в годы Второй мировой войны». Неудивительно, что в Великобритании до сих пор «коллективное восприятие сегодняшней Германии базируется главным образом на впечатлениях Второй мировой войны»⁵⁶. В самой Германии центральное место в памяти о войне занимает тема холокоста, превратившаяся в важнейший фактор формирования национальной идентичности⁵⁷. В последние годы там набирают силу дебаты о том, каким образом представлять память о холокосте, в каком объеме и как долго сохранять эту память в ряду приоритетов национального сознания. На берегах Рейна уже звучат голоса в пользу того, что ради здорового самочувствия Германии следует «изгладить травму холокоста из памяти и истории»⁵⁸.

Свои особенности имеет память о Второй мировой войне в Польше. Как указывается в брошюре, подготовленной польским МИД к 60-летию Победы, «Польша была единственным государством, которое на европейской сцене театра военных действий сражалось с первого до последнего дня в крупнейшем вооруженном конфликте в истории человечества». «Польша выставила четвертую по численности союзную армию», а поляки «создали мощнейшее конспиративное войско в оккупированной Европе». При этом напоминает, что война началась с «нападения на Польшу: сначала (1 сентября) фашистской Германии, а потом (17 сентября) Советского Союза». Поэтому наряду с потерями вермахта в сентябрьских боях 1939 г. приводятся потери Красной Армии⁵⁹. Надпись на мемори-

⁵⁵ Тош Дж. Указ. соч. С. 14.

⁵⁶ Степанов Г. «Мы вам устроим газовую камеру»: У британских школьников Германия по-прежнему ассоциируется с нацизмом // Известия. 11 янв. 2003.

⁵⁷ Rusen J. Holocaust-Memory and German Identity — Three forms of generations practices // Proceedings. ... 19th International Congress of Historical Sciences. P. 134.

⁵⁸ Southgate B. Why Bother with History? Harlow (UK), 2000. P. 50, 75.

⁵⁹ Вклад Польши и поляков в победу союзников во II мировой войне (1939–1945) / Сост. А. Пачковски, П. Совински, Д. Стола. Варшава, 2005. С. 1–3.

альной доске, установленной соотечественниками при входе на территорию бывшего лагеря в Ниловой пустыни, заканчивается словами: «Почтим память всех казненных и замученных поляков, содержащихся здесь в заключении»⁶⁰. На обложке и на титуле путеводителя по Катынскому музею в Варшаве помещен девиз: «Память не дала себя уничтожить». Задачи музея формулируются, прежде всего, как мемориальные: «напоминание общественности о мученической гибели от рук НКВД тысяч офицеров командного состава Войска Польского и полиции»; в экспозиции «представлено взаимодействие Германского Рейха и Советского Союза в преступной ликвидации Польского государства и разделе его территории»⁶¹. Спустя 65 лет после Катынской трагедии Генеральный консул Польши в Санкт-Петербурге заявил: «Вы понимаете, расстрел цвета польской нации не может остаться забытым ...»⁶². В полной мере сохраняются и претензии к Германии. Согласно подготовленному в Польше докладу, сумма ущерба, причиненного разрушением Варшавы нацистами, возросла с 45 до 54,6 млрд. долл.⁶³

На Украине противостояние сторонников УПА и наследников победителей фашизма отличается абсолютной непримиримостью сторон. «Не может быть никакого примирения между нашими ветеранами и ветеранами СССР», — заявил один из почитателей Бендеры⁶⁴. При этом ветеран УПА с гордостью напомнил: «Мы и против поляков воевали, и против немцев, против всех». Его последователи рвались к киевскому костелу с криками: «Мы давно не били ляхов»⁶⁵. По всему бывшему соцлагерю, вне зависимости от того, на чьей стороне воевали солдаты той или иной страны, полыхает «война памятников». При этом в Германии и странах-союзниках Третьего Рейха памяти победителей нередко противопоставляется ностальгия о временах нацизма. Яркий пример представляет Эстония, где

⁶⁰ Фотография из архива автора.

⁶¹ Катынский музей. Отдел Музея Войска Польского в Варшаве: Путеводитель. Варшава, 2004. С. 8–9.

⁶² Дрозд Я. Мы всегда были соседями // С.-Петербургские ведомости. 24 дек. 2005.

⁶³ Вырос размер ущерба от разрушения Варшавы нацистами // Коммерсант. 19 окт. 2005.

⁶⁴ Скоропадский А. Воины-националисты // Коммерсант. 16 окт. 2006.

⁶⁵ Соколовская Я. Ющенко оправдал бендеровцев // Известия. 16 окт. 2006.

осквернение памятников советским солдатам сопровождается восхвалением эсэсовцев⁶⁶.

В канун 50-летия формального окончания Второй мировой войны усиленно пропагандировалась мысль о том, что она наконец-то завершилась. Однако накануне 60-й годовщины Победы «старые обиды внезапно вспыхнули с новой силой». Пытаясь объяснить причины возобновления этих «битв памяти», американский обозреватель писал, что для многих народов «Вторая мировая война сыграла ключевую роль в формировании их национальных идентичностей». С крушением советского коммунизма многие страны внезапно обрели свободу для того, чтобы высвободить свои описания войны. Другие же были вынуждены заново пересмотреть свои нарративы. Национальные памяти, заключал он, зависят в первую очередь от того, каким тот или иной народ хочет видеть себя в данный момент истории⁶⁷.

На Дальнем Востоке память о событиях Второй мировой войны до сих пор остается непреодолимым препятствием к сближению Японией с Китаем и, особенно, Кореей. Обе страны использовали 60-летие Победы, чтобы напомнить об ответственности Токио за военные преступления, совершенные японскими войсками во время оккупации. Память об этих преступлениях отсутствует в экспозиции японского военного музея, а их отрицание в японских учебниках истории неоднократно вызывало протесты Пекина и Сеула. Острый конфликт по этому поводу разразился в самый канун юбилея Победы. Новые японские учебники, в которых «искажаются и замалчиваются факты, касающиеся японской агрессии», стали поводом для небывалых антияпонских демонстраций в Китае⁶⁸. Эти «массовые демонстрации против искажения истории японской агрессии в Азии» привели к тому, что отношения между Японией и КНР достигли «наихудшей точки с момента взаимного дипломатического признания в 1972 году». Особое негодование в Китае вызывает за-

⁶⁶ Шестернина Е. «Фронтовые сто грамм» попали под запрет // Там же; Олькина М. В эстонских выборах примут участие памятники // Коммерсант. 24 нояб. 2006.

⁶⁷ [Шмеман С.] Война давно закончилась, но сражения продолжаются [перевод статьи S. Schmemann «Still Fighting, 60 Years Later» из «New York Times»] // С.-Петербургские ведомости. 16 апр. 2005.

⁶⁸ Плахотников Г. Погром по заявке // Коммерсант. 11 апр. 2005.

малчивание резни 1937 г. в Нанкине, поскольку для китайцев это такое же «святоотатство, как для евреев — сомнение в правдивости данных о холокосте»⁶⁹. На демонстрации поднялась вся «китайская общественность, возмущенная выходом в свет в Японии учебника истории, в котором не признается вина Токио за агрессию против Китая»⁷⁰. Пекинские власти заявили, что «утверждение учебников, обеляющих агрессию, ранит чувства китайского народа»⁷¹. Поэтому китайцы считали, что не Китай должен извиняться за погромы, а «Япония, до сих пор не раскаявшаяся в преступлениях, совершенных в годы второй мировой». В конечном итоге китайцы добились того, что премьер-министр Японии вынужден был публично признать: «В годы колониального правления и агрессии Япония нанесла ужасающий ущерб и причинила невероятные страдания народам многих государств ... и теперь ясно и с раскаянием осознает эти факты истории»⁷². Но до сих пор даже в смягченных китайских учебниках истории «агрессия Токио против Китая в 1930-х гг. осуждается все в тех же шаблонных резких выражения», что «вряд ли ослабит возникающее в Токио беспокойство о том, что китайцам с детства внушают ненависть к Японии»⁷³. Для китайской исторической памяти характерно, что даже опиумные войны до сих пор воспринимаются так, как если бы они происходили лишь год назад⁷⁴.

Трагедия трагических событий Второй мировой войны в японских учебниках стала поводом для конфликта и в отношениях Японии с Южной Кореей, где в апреле 2005 г. тоже происходили демонстрации с осуждением попыток пересмотреть историю. Погасить этот конфликт оказалось значительно труднее, чем японо-китайский. Корейские демонстранты даже потребовали отставки главы японского правительства во время его визита в Сеул. Японо-

⁶⁹ Иванов А. Истина в войне: Китай и Япония пытаются выбраться из новейшей истории // Коммерсант. 15 апр. 2005.

⁷⁰ Андреев И. КНР не хочет извиняться перед Японией за погромы // Коммерсант. 18 апр. 2005.

⁷¹ Отношения Японии и Китая не улучшаются // Коммерсант. 19 апр. 2005.

⁷² Строкань С. Япония восстановила историческую несправедливость // Коммерсант. 25 апр. 2005.

⁷³ Кан Дж. В Китае переписывают историю // С.-Петербургские ведомости. 13 сент. 2006.

⁷⁴ Southgate B. Why Bother with History? P. 74.

южнокорейские отношения оказались в «глубоком кризисе»: «Корейцев раздражают частые посещения господином Коидзуми храма Ясукуни, где захоронен прах военных преступников, они недовольны тем, что в одном из японских учебников... оправдываются военные преступления Японии»⁷⁵. Президент Республики Корея после завершения переговоров констатировал: «Мы предпринимали усилия, чтобы понять друг друга, но не достигли согласия»⁷⁶. Не прошло и года, как южнокорейский МИД резко осудил «намерение японского правительства прославить военное прошлое страны и преподавать ученикам извращенную историю». Сеул и Пекин снова заявили протесты Японии по поводу новых учебников для средних школ⁷⁷. Последние сообщения с места событий однозначно свидетельствуют, что «народы Юго-Восточной Азии, в особенности китайцы и корейцы, до сих пор с подозрением относятся к любым шагам Японии, так или иначе связанным с исторической памятью периода японской оккупации и второй мировой войны»⁷⁸.

Еще более взрывоопасная ситуация сложилась в другом регионе, к которому обращены сейчас взоры всего мира. И здесь, на Ближнем Востоке, военная память играет колоссальную роль, при том, что она имеет еще более глубокие корни. В Иране расшалившихся детей до сих пор пугают именем Александра Великого⁷⁹. На протяжении столетий иранских детей воспитывают в антиарабской традиции⁸⁰. Долгое время иранская историческая память воспитывала враждебность также к Англии и России; теперь, естественно, старательно пестуется антиамериканизм. «В Ираке, как и в Египте, и во всем исламском мире главное место в коллективном сознании занимает память о борьбе против завоевателей», — писал известный французский историк. Там воспитывается убеждение, что, как это происходило в прошлом, «изматывая и постепенно уничтожая крестоносцев, арабы отвоевывали

⁷⁵ *Иванов А.* Токио и Сеул не устранили противоречий // Коммерсант. 21 июня 2005.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ *Иванов А.* Япония вызвала учебную тревогу у Китая и Южной Кореи // Коммерсант. 31 марта 2006.

⁷⁸ *Мирзаян Г.* Токийский тупик // Коммерсант. 30 октября 2006.

⁷⁹ *Southgate B.* Why Bother with History? P. 105–106.

⁸⁰ *Ферро М.* Как рассказывают историю детям в разных странах мира. М., 1992. С. 113–129.

свою территорию, так и в будущем арабы одержат верх, прогонят “империалистов”, уничтожат Израиль»⁸¹. Многолетнее арабо-израильское противостояние, начавшееся с соперничества за палестинские земли, теперь во многом подпитывается именно памятью о минувших войнах, и каждый новый военный конфликт снова и снова вызывает из глубин сознания накопившиеся за долгие годы воспоминания, способствуя дальнейшему ожесточению сторон.

В США осуществляется целая программа по сохранению памяти о событиях 11 сентября 2001 г.⁸² Идея совершенно понятна, вопрос только в том, каковы будут содержание и качество этой памяти? Датчане собираются увековечить в учебниках истории «карикатурный скандал» как показательный пример «противостояния цивилизаций»⁸³. В ведущих российских газетах публикуется постер на всю полосу с вопросом: «Когда тела всех погибших в Дарфуре будут преданы земле, как будет судить о нас история?» Очевидно, что не останутся без следа в исторической памяти народов и другие события подобного рода, происходившие в последние годы. И в будущем военная память, разделяющая народы и цивилизации, будет в изобилии наполнена соответствующими воспоминаниями. Память грядущих поколений будет по-прежнему и во все более возрастающих масштабах насыщаться горючим материалом, который, однажды вспыхнув, окажется способным испепелить весь мир. Ведь тогда речь пойдет уже не о политических или чисто военных расчетах («маленькая победоносная война», «локальная операция», «гуманитарная интервенция» etc.), подразумевающих сохранение контроля за ходом военных действий. На волю может вырваться джинн накопленной ненависти, а глобализация подготовит для него такой театр военных действий, который превратит войну во вселенскую катастрофу. И тогда Апокалипсис вполне может стать реальностью, только без предусмотренного в Откровении счастливого конца.

Пока все свидетельствует о том, что очень многие войны не заканчиваются по прошествии десятилетий и даже столетий. Коллек-

⁸¹ Там же. С. 97, 103–104/

⁸² Clark M. M. The September 11, 2001, Oral History Narrative and Memory Project: A First Report // Journal of American History. Vol. 89. № 2 (September 2002). P. 569–580.

⁸³ Попова Н. Карикатуры на пророка войдут в датские учебники // Известия. 14 февраля 2006.

тивная память народов остается важнейшим источником многих военных конфликтов в современном мире. Поэтому прекращение прежних войн в исторической памяти становится насущной задачей. Ведь пока войны продолжают бушевать в памяти, всегда сохраняется возможность их актуализации в реальной жизни. В связи с этим становится понятным резкий рост актуальности всей проблематики, связанной с исторической памятью, в современной историографии. В США, по признанию редактора ведущего исторического журнала, «память превратилась в узловой пункт многих событий американской истории»⁸⁴. При этом, как отмечал известный политический деятель, «“мистические аккорды” памяти скорее разъединяют, чем объединяют людей»⁸⁵. Между тем, как предупреждал С. Хантингтон, «люди, теряющие коллективную память, превращаются в нечто менее грандиозное, нежели нация»⁸⁶. В ходе многолетних дебатов о содержании исторической памяти американские историки пришли к осознанию того факта, что «Память может разрушать, но может и исцелять»⁸⁷. Усилия современной американской историографии во многом направлены именно на преодоление ее разрушительного потенциала.

В связи с этим особое значение приобретает выдвинутая еще Р. Дж. Коллингвудом «идея живого прошлого». Английский мыслитель подчеркивал: «... прошлое, которое изучает историк, является не мертвым прошлым, а прошлым, в некотором смысле все еще живущим в настоящем»⁸⁸. Наше «прошлое живет в настоящем. Непосредственной формой этого является *память*, где прошлое живет *как* прошлое в сознании, образуя элемент, без которого современное сознание не было бы тем, что оно есть»⁸⁹. Крупнейший специалист по современной историографии М. Бентли, вслед за Коллингвудом, выступает против смешения истории с памятью, которая, благодаря празднованию многочисленных мемориальных событий, превратилась в «поражающую воображение историческую индустрию». Войны и социальные конфликты, указывал он, особенно привлекательны

⁸⁴ Thelen D. Op. cit. P. 1117.

⁸⁵ Бьюкенен П. Дж. Указ. соч. С. 362.

⁸⁶ Хантингтон С. Кто мы? С. 277.

⁸⁷ Vorenberg M. Op. cit. P. 557.

⁸⁸ Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М., 1980. С. 378–379.

⁸⁹ Collingwood R. G. The Principles of History, and other Writings in Philosophy of History. Oxford, 2001. P. 130.

в качестве моделей, вокруг которых организуется память⁹⁰. Эти соображения помогают понять, какое место военная память занимает в самосознании современного общества. Как писал другой известный историк, социальная память «играет центральную роль в народном сознании во всех его формах», а «ее ценность и перспективы выживания полностью зависят от ее функциональной эффективности: содержание этой памяти меняется в соответствии с контекстом и приоритетами»⁹¹. Социальным группам, полагает Дж. Тош, «требуется такая картина прошлого, которая служит объяснению или оправданию настоящего, часто за счет исторической достоверности»⁹². Поэтому «социальная память выстраивается в соответствии с политическими потребностями, порой сильно расходясь с версией происходившего, доказанной историками»⁹³. Социальная память всегда создавала «интерпретации, удовлетворяющие новые формы политических и социальных потребностей». Но сама память «не является чем-то устоявшимся и безупречным: мы что-то забываем, последующий опыт налагается на более ранние воспоминания, меняются акценты, “вспоминается” то, чего не было и т. д.». И для «коллективной памяти характерны те же искажения, ведь наши сиюминутные приоритеты побуждают нас высвечивать в прошлом одно и не видеть другого. В политической жизни именно память чрезвычайно избирательна, а порой совершенно ошибочна», — подчеркивал он. «Социальная память по-прежнему остается важнейшим инструментом поддержания политически активной идентичности». При этом она «может служить и поддержанию ощущения угнетенности, исключительности или враждебности, и именно с этими элементами связаны ее некоторые наиболее мощные проявления»⁹⁴.

Британский историк Б. Саутгейт обратил внимание на феномен «нежелательной памяти». В нашей памяти, пишет он, стойко сохраняются самые разные воспоминания, вне зависимости от того, хотим мы этого или нет, и это не позволяет нам четко отделить настоящее от прошлого. Но при этом память не является только тем, что мы

⁹⁰ Bentley M. *Modern Historiography: An Introduction*. L.; N. Y., 1999. P. 155–157.

⁹¹ Тош Дж. Указ. соч. С. 31.

⁹² Там же. С. 13.

⁹³ Там же. С. 272.

⁹⁴ Там же. С. 12–16

пассивно воспринимаем. До известной степени мы сами выбираем, что надо хранить в памяти, а что — нет. Воспоминания не являются устойчивыми и постоянными сущностями, подчеркивал он⁹⁵. В процессе функционирования памяти происходит постоянное «исправление или производство “ложных” воспоминаний»⁹⁶. В последнее время, в частности, особенно активно оживляется память тех социальных общностей, которые прежде пострадали от других. «Наши воспоминания о прошлом проверяются, фильтруются, избираются и исключаются для наших сегодняшних потребностей», — указывал Б. Саутгейт⁹⁷. В его конструкционистской концепции памяти подчеркивается, что любое самосознание зависит не только от того, что мы помним, но и того, что мы забываем⁹⁸. И историки, полагает он, «могут внести вклад в очистительный процесс забывания». Историки, «во зло или во благо, манипулируют прошлым (нашими воспоминаниями и забываниями) и, таким образом, нашими личными и национальными идентичностями. А такое манипулирование, в свою очередь, может вызвать необходимость какого-то приспособления наших идентичностей к другим, поскольку мы самоопределяемся относительно этих других»⁹⁹. Таким образом, Б. Саутгейт обосновал возможность целенаправленного профессионального воздействия на историческую память народов, имеющего целью ее очищение от «нежелательных» воспоминаний.

Несколько по-иному к проблемам исторической памяти подходит современная французская мысль. Франция примерно с середины 1970-х гг. вступила в «новый мемориальный цикл», в ходе которого понятие «наследие» получило чрезвычайно расширительное толкование, различия между историей и памятью начали быстро стираться, а «частичной памяти» все чаще отдавался приоритет перед общенациональной. Эти изменения были тотчас уловлены историками, которые заговорили о новом «ощущении прошлого»¹⁰⁰. Некоторыми

⁹⁵ Southgate B. Why Bother with History? P. 40–42.

⁹⁶ Ibid. P. 54.

⁹⁷ Ibid. P. 80–81.

⁹⁸ Ibid. P. 39.

⁹⁹ Ibid. P. 50–51.

¹⁰⁰ Garcia P., Leduc J. L'enseignement de l'histoire en France de l'Ancien Régime à nos jours. P., 2004. P. 236–238. См. также: Аптог Ф. Время и история: «Как писать историю Франции?» // *Анналы на рубеже веков*. М., 2002. С. 155–157.

«новыми историками» история фактически низводилась до положения носителя памяти. В ходе «великих дебатов» 1980 г. о содержании исторического образования «забвение национального прошлого и его хронологии» стало центральной темой дискуссий¹⁰¹. Новые стандарты исторического образования были направлены на преодоление «мемориального» подхода к истории, чреватого опасностями для национального единства. П. Нора, крупнейший представитель «мемориального» направления во французской историографии, исходит из того, что во Франции произошла «метаморфоза национальной истории в национальную память»¹⁰². Отмечая резко возросшее значение и изменившуюся роль различных мемориальных празднеств, он заключал, что их организаторы «превратили ремесло коммемораций в индустрию»: «Мемориальная модель возобладала над исторической, что сделало новым — непредсказуемым и капризным — обращение с прошлым. [...] Имеет значение не то, что прошлое накладывает на нас, а лишь то, что в него вкладывают», и теперь настоящее «трансформирует значение событий»¹⁰³.

Например, в ходе празднования 200-летия Французской революции из нее сделали «событие, каковым оно не было на самом деле». Стало даже возможным «превращение в событие отсутствие события». В итоге французское прошлое «стало простым в обращении и удобным для продажи...»¹⁰⁴. И теперь «именно память выступает объектом всех... манипуляций властей, партий, средств массовой информации, убежищем коллективных мифологий...»¹⁰⁵. Выдающийся французский мыслитель П. Рикёр с тревогой писал, что происходит «мобилизация памяти» на службу национальной идентичности и вызванные этим манипулирование памятью и ее идеологизация¹⁰⁶. С другой стороны, по его мнению, происходит «историзация памяти». Однако с тем же основанием можно говорить и о

¹⁰¹ Garcia P., Leduc J. Op. cit. P. 226–227.

¹⁰² Нора П. Предисловие к русскому изданию // Франция-память. С. 13.

¹⁰³ Он же. Эра коммемораций. С. 110, 112–113.

¹⁰⁴ Там же. С. 102, 114, 124.

¹⁰⁵ Нора П. Память, история // 50/50: Опыт словаря нового мышления. М., 1989. С. 439. См. также: Трубникова Н. В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков // Диалог со временем. Вып. 14. М., 2005. С. 121–124.

¹⁰⁶ Ricoeur P. La mémoire, l'histoire, l'oubli. Paris, 2000. P. 98–103.

меморизации истории. Касаясь вопроса о границе между историей и коллективной памятью, Рикёр указывал на претензии истории свести память до уровня объекта своего изучения. Но не менее очевидно и стремление коллективной памяти подчинить себе историю посредством использования мемориальных событий, празднование которых организуется политической властью или группами давления¹⁰⁷.

В связи с длительным сохранением в исторической памяти образов прошлого особый смысл обретает концепция «долгого времени», предложенная Ф. Броделем. Выдающийся французский историк призывал: «Мы не должны мыслить исключительно категориями краткосрочной перспективы»¹⁰⁸. Показательный пример использования этой концепции представляют исследования Ф. Фюре по истории Французской революции. Революция, писал он, «знает свое рождение, но не имеет конца». По мнению Фюре, необходима «история Революции бесконечно долгая, уходящая далеко вниз по течению времени и заканчивающаяся не ранее конца XIX или даже начала XX века». Только в XX в., полагает он, «Французская Революция наконец “завершилась”, став своего рода национальным институтом»¹⁰⁹. Концепция «долгого времени» уже применяется и при исследовании причин Первой мировой войны¹¹⁰. Не меньшее значение имеет и изучение долговременных последствий войны, прежде всего, в сфере национального самосознания, менталитета и коллективной памяти народов. К настоящему времени опубликован уже целый ряд серьезных исследований по этой проблематике.

Понятно, что структура коллективной памяти принципиально отличается от структуры профессионального исторического знания. И если историки способны прекратить любую войну на страницах своих сочинений, то народы делают это с гораздо бóльшим трудом. Но сам факт осознания незавершенности многих войн помогает понять очень многое в современной жизни, позволяет выявить причи-

¹⁰⁷ Ibid. P. 511.

¹⁰⁸ Бродель Ф. История и общественные науки. Историческая длительность // Философия и методология истории. М., 1977. С. 134.

¹⁰⁹ Фюре Ф. Постижение Французской революции. СПб., 1998. С. 13–16.

¹¹⁰ См., в частности: Виджецци Б. Причины первой мировой войны как проблема соотношения «короткого» и «длительного» периодов // Первая мировая война: пролог XX века. М., 1998. С. 78–91.

ны происходящих в настоящее время событий, новых войн и конфликтов, определить их характер и перспективы дальнейшего развития. Известные примеры национального примирения (после революций в Англии и Франции; после Гражданских войн в США и Испании), а также восстановления прочного мира между народами порождают некоторую надежду. В связи с этим серьезные проблемы встают не только перед исследователями исторического прошлого, но и, прежде всего, перед системой исторического образования. Со всей остротой встает, в частности, вопрос о содержании общего (не профессионального) исторического образования. Важнейшей проблемой остается также так называемое «патриотическое воспитание». Очень сложно определить, где кончается истинный патриотизм — любовь к своей Родине — и начинается нечто совсем другое — нелюбовь к другим отечествам и фатерландам. Процессы преодоления военной памяти нельзя искусственно форсировать, их можно только осторожно, очень деликатно и грамотно стимулировать. В этом заключается важнейшая миссия историков: искать пути для примирения в историческом сознании наций, а через него — и в их реальной действительности. Но для начала историкам надо примириться хотя бы между собой.

Е. В. КАЛМЫКОВА

НЕЗАКОНЧЕННАЯ ВОЙНА ПРИТЯЗАНИЯ АНГЛИЙСКИХ КОРОЛЕЙ НА ФРАНЦУЗСКУЮ КОРОНУ ПОСЛЕ 1453 ГОДА

Условная дата окончания Столетней войны — 19 октября 1453 г. (день, когда французам был сдан Бордо) — прочно утвердилась в исторической традиции еще в XIX в. Многие ученые до сих пор разделяют точку зрения, согласно с которой после 1453 г. у англичан не было никаких надежд на возвращение французской короны, а «Карл VII стал первым в своей династии единственным королем Франции»¹. Между тем, более внимательный анализ источников наглядно свидетельствует о том, что ни в 1453 г., ни впоследствии сами англичане (впрочем, так же как и их противники) не были склонны считать вековой спор за французскую корону окончанным.

Специалистам по истории Столетней войны прекрасно известно, что последний период этого конфликта очень плохо отражен в современных ему английских источниках. Когда на смену триумфам пришли поражения, война во Франции практически перестала интересовать английских историографов. Позднее авторы тюдоровской эпохи были вынуждены описывать эти события, используя исключительно французские тексты. Воспринимая, при определенном допущении, исторические труды как вполне приемлемый источник для изучения общественного мнения, можно заключить, что, начиная с 30–40-х годов XV в., англичане в массе своей попросту перестали следить за войной на континенте, полностью сосредоточившись на внутривосточных проблемах.

Говоря о восприятии знакового с точки зрения современных исследователей события — взятия Бордо французами 19 октября 1453 г. — хочется напомнить, что столица английской Гиены оказывалась в руках врагов уже не в первый раз. Например, 30 июня 1451 г. войска Карла VII заняли город, однако осенью следующего года он был отвоеван армией под командованием Джона Тальбота. Следова-

¹ *Palmer J. The War Aims of the Protagonists and the Negotiations for Peace // The Hundred Years War / Ed. K. Fowler. L., 1971. P. 53.*

тельно, уход англичан в 1453 г. вполне мог трактоваться современниками в качестве временной неудачи. Наконец, отсутствие какой-либо договоренности по поводу королевского титула позволяло по-прежнему считать Генриха VI истинным государем Франции. Более того, сохранение этого титула за английскими королями продолжалось даже после того, как на смену династии Ланкастеров пришли Йорки, которых в свою очередь сменили Тюдоры и Стюарты.

Эпоха Войны Роз является весьма любопытным периодом в истории англо-французских отношений, ибо, с одной стороны, английские короли не только формально сохраняли за собой титул французских монархов, но и порой серьезно вынашивали планы по отвоеванию некогда принадлежавших Англии континентальных владений, с другой, сосредоточенные, прежде всего, на борьбе друг с другом Ланкастеры и Йорки нередко искали союза с французской короной. В свою очередь Людовик XI не только опасался возможной войны с Англией, но одновременно стремился вступить с ней в коалицию против герцога Бургундского Карла Смелого. Впрочем, последний не хуже своего сеньора осознавал выгоду, которую сулили дружба с Англией, а посему не жалел средств и сил для разжигания англо-французских противоречий.

В 1461–1462 гг. подстрекательства герцога Бургундского сделали приготовления Эдуарда IV к войне настолько серьезными, что английский посол Джон Уинлок получил инструкцию заявить при французском дворе о правах английского короля на французскую корону и потребовать возвращения герцогств Нормандии и Гиени, а также графств Мена и Анжу². Выступление английского посла не просто вызвало недовольство во Франции, но вынудило Людовика XI поддержать бежавшую из Англии жену свергнутого Генриха VI Маргариту Анжуйскую. Предоставив королеве 20 тысяч ливров под залог Кале и право набирать войска и арендовать суда в Нормандии, Людовик XI инициировал очередную попытку ланкастерцев добиться реванша в борьбе за английский престол, на время обезопасив себя от перспективы английского вторжения.

Вскоре череда военных побед йоркистов подтолкнула готового предать любого союзника ради собственной выгоды Людовика XI на

² Calmette J. Périnelle G. Louis XI et Angleterre. P., 1930. P. 14–15.

заклучение договора с Эдуардом IV. Людовику удалось привлечь на свою сторону главного советника Эдуарда Ричарда Невилла, графа Уорика. В 1467 г. Уорик вел переговоры о браке французского короля с сестрой Эдуарда Маргаритой Йоркской. Однако победа снова досталась Карлу Смелому, который сам женился на английской принцессе и подтвердил дружеские отношения с королем Эдуардом. В ответ Людовик смог провернуть, как казалось, нереальную операцию — свести вместе заклятых врагов — королеву Маргариту Анжуйскую и графа Уорика, которому Эдуард IV и был обязан своей короной. Результатом этого союза стал мятеж Уорика и его зятя, родного брата Эдуарда IV, герцога Кларенса, приведший к бегству английского короля в Бургундию и временной реставрации на престоле Генриха VI. После поражения восстания и возвращения Эдуарда IV в 1471 г., Людовик продолжил подстрекать шотландцев к нападению на северную границу Англии, а также поддерживал в Уэльсе продолжающего оказывать сопротивление Джаспера Тюдора.

В начале 70-х гг. XV в. идея войны во Франции занимала мысли не только Эдуарда IV, но и его подданных. При этом, что особенно показательно, грядущая война воспринималась исключительно как продолжение «старой» войны за французскую корону. Анализ парламентских дебатов 1472–1475 гг. наглядно демонстрирует чрезвычайную популярность в английском обществе того времени идеи восстановления «*jus Regium in Regno Franciae*», что означало войну с Францией под девизом возвращения короны ее «законным наследникам»³. Примечательно, что даже архиепископ Кентерберийский призывал «ради спокойствия и благополучия» подданных английской короны выступить против старинного врага и отвоевать у него не только Нормандию и Гиень, но и все Французское королевство, принадлежавшее Эдуарду IV по праву⁴. По свидетельству современников, вопрос о войне во Франции обсуждался в парламенте чаще других. Воодушевленные патриотическими речами многочисленных ораторов, напомнивших депутатам о военных подвигах и достиже-

³ Lander J. R. *Crown and Nobility, 1450–1509*. L., 1976. Ch. 9: The Hundred Years' War and Edward IV's 1475 Campaign in France. P. 220–241.

⁴ *Litterae Cantuarienses* / Ed. by J. B. Sheppard. Rolls Series. L., 1889. Vol. III. P. 279; Lander J. R. *Op. cit.* P. 228–230.

ниях былых времен, лорды и общины предоставили королю для организации французской кампании несколько больших субсидий⁵. В 1473 г. миланский посол при французском дворе отправил домой донесение о том, что «сам король Эдуард не настолько жаждет войны с Францией, как его подданные»⁶. Позже этот же посол в очередном письме на родину непосредственно указал на герцога Бургундского как на главного подстрекателя англичан к войне против Франции⁷. В том же году шотландский король Яков III сделал Людовику XI дружеское предложение: за 10 тысяч крон удерживать Эдуарда IV в Англии и, в случае необходимости, напасть на южного соседа, если тот все же решит вторгнуться во Францию⁸.

В 1475 г. английский король от слов перешел к делу, отправив на помощь воюющему с Людовиком XI герцогу Бургундскому Карлу Смелому 20 000 латников. Написанные в этот период строки анонимного английского поэта свидетельствуют о его воодушевлении по поводу возобновления войны за французскую корону:

Позор длительному промедлению,
Ведь завоевание столь доблестно
И запечатлено в предании⁹.

Впрочем, радость подданных английской короны была явно преждевременной. Готовность французского короля расстаться со значительной суммой денег (75 000 экю одновременно плюс ежегодные выплаты по 50 000 экю) принесла Англии мир, а Бургундию лишила военного союзника.

В 1488 г. другой английских монарх, Генрих VII, решил воспользоваться старыми притязаниями английских королей на суверенитет над Бретанью, чтобы вмешаться во франко-бретонские отно-

⁵ *Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum* / Ed. W. Fulman. Vol. I. Oxford, 1684. P. 557–558. Цит. по: *Lander J. R.* Op. cit. P. 226.

⁶ *The Calendar of State Papers and Manuscripts, existing in the Archives and Collection of Milan* / Ed. by A. B. Hinds. L., 1912. P. 177.

⁷ *Ibid.* P. 183.

⁸ *Scofield C. L. Life and Reign of Edward IV.* L., 1923. Vol. II. P. 53–54; *Lander J. R.* Op. cit. P. 227.

⁹ *Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries* / Ed. by R. H. Robbins. N.Y., 1959. P. 92.

шения и взять под свою опеку юную герцогиню Анну¹⁰, помешав, таким образом, французскому королю захватить герцогство. Парламент специально выделил королю значительные субсидии, а члены Большого совета предоставили ему заем для оплаты наемников, первая партия которых прибыла в Бретань в апреле 1489 г. Летом, а также на следующий год король продолжил вербовку своих подданных для отправки в Бретань. С конца мая и до середины сентября 1490 г. во всех графствах Англии зачитывались королевские прокламации, в которых король Генрих не только информировал подданных о ходе бретонской кампании, но и сообщал о готовности в случае необходимости начать англо-французскую войну. Эти прокламации дали новый импульс разговорам о французском наследстве.

Открывая в октябре 1491 г. парламент, Генрих VII прямо заявил о намерении воевать за французскую корону: «Милорды, и вы, представители общин; когда я собирался вести войну в Бретани, поручив командование своему военачальнику, то объявить об этом поручил канцлеру. Но теперь, когда я предполагаю вести войну с Францией самолично, я сам и объявляю вам об этом. Целью той войны была защита прав другого, цель этой — восстановление нашего собственного права»¹¹. Затем Генрих напомнил подданным о славных победах прошлого — Креси, Пуатье, Азенкуре, посетовал на то, что внутренние раздоры в Англии лишили его предков французских земель, а также высказал уверенность в том, что с Божьей помощью и при поддержке верного народа ему удастся отвоевать французскую корону¹². Любопытно, что сложившееся еще в эпоху континентальных кампаний Эдуарда III расхожее представление о том, что война во Франции сулит материальное благополучие англичанам, нашло отражение и в речи Генриха VII, заметившего: «Франция — не пустыня, и я, исповедуя бережливость, надеюсь повести дело так, чтобы война (по прошествии первых дней) окупала себя»¹³.

¹⁰ На этом поприще Генрих достиг немалых успехов: 15 февраля 1490 г. герцогиня Анна обязалась не вступать в брак и не объявлять ни войны, ни мира без согласия английского короля.

¹¹ *Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII / Пер. В. Р. Рокитянского и А. Э. Яврумяна. М., 1990. С. 62.

¹² Там же. С. 62–63.

¹³ *Бэкон Ф.* Указ. соч. С. 63.

6 октября 1492 г. Генрих VII во главе внушительной армии высадился в Кале. В период начала военной кампании неизвестный английский поэт, сравнивая короля с распускающейся розой, воспел его право на французское королевство¹⁴. Однако, как отмечает в «Истории правления Генриха VII» Фрэнсис Бэкон, не успела английская армия высадиться на континенте, как сразу же «повеяло миром»¹⁵. В отличие от Генриха V, для Генриха VII война за французскую корону была не более чем эффектным маневром, проделав который, этот мудрый политик охотно заключил выгодный для себя мир с Карлом VIII. Дорогостоящей погоне за призрачной короной Генрих VII, так же как Эдуард IV, предпочел реальные деньги — 745 000 крон¹⁶. Примечательно, что заключенный сразу же после начала кампании мир вызвал, по свидетельству Фрэнсиса Бэкона, «большое недовольство дворянства и главных мужей армии, многие из которых продали или заложили свои имения в надежде на военную добычу... А некоторые потешались над словами, которые король произнес в парламенте — если война начнется, то он не сомневается, что она окупится, — и говорили, король сдержал обещание»¹⁷.

Между тем, подписанный Генрихом VII договор о мире с Францией вовсе не означал окончательного отказа англичан от идеи отовоевания французской короны. Его сын и наследник, Генрих VIII, не только сохранил доставшуюся от предков титулатуру «*goy d'Angleterre, et France, et seigneur d'Irlande*» или, в латинском варианте, — «*rex Franciae et Angliae ac dominus Hiberniae*»¹⁸, но в 1513 г.

¹⁴ *Lander J. R.* Op. cit. P. 36.

¹⁵ *Бэкон Ф.* Указ. соч. С. 70.

¹⁶ Эта сумма должна была выплачиваться Генриху и его наследникам полугодовыми взносами по 25 тысяч франков до полного погашения. Договором был установлен следующий курс: франк — 20 су, крона — 35 су. Полугодовые выплаты продолжались до 1514 г., когда Генрих VIII заявил о новых финансовых претензиях (как наследник Маргариты Сомерсетской), размер которых вместе с остатком прежнего долга составил миллион крон. Людовик XII обязался выплатить эту сумму полугодовыми взносами по 50 тысяч франков каждый (см.: Примечания Дж. Спеддинга к «Истории правления короля Генриха VII» Ф. Бэкона // *Бэкон Ф.* Указ. соч. С. 274–275).

¹⁷ *Бэкон Ф.* Указ. соч. С. 71.

¹⁸ *Gunn S. J.* The French Wars of Henry VIII // *The Origins of War in Early Modern Europe* / Ed. by J. Black. Edinburgh, 1987. P. 28–51; *Idem.* Chivalry and the

лично возглавил тридцатитысячную английскую армию в войне против «узурпатора». Безусловно, более глубокий анализ причин англо-французских конфликтов в правление Генриха VIII выявит, помимо личных политических амбиций короля, его обязательства перед родственниками жены Екатерины Арагонской, а также (по крайней мере, на первом этапе) религиозное рвение и желание поддержать папу, призвавшего весь христианский мир выступить против «тирана» и «схизматика» Людовика XII. Дальнейшее развитие событий показывает, что Генрих был куда более тонким и умелым дипломатом, чем могло сначала показаться представителям рода Габсбургов, пытавшимся использовать союзника исключительно в своих интересах. Поддерживая определенный баланс сил на континенте, Генрих впоследствии умело лавировал между Францией и государствами Габсбургов, сближаясь то с одной державой, то с другой. Потратив баснословные деньги на организацию грандиозных торжеств в честь заключенного в 1520 г. на «Поле Золотой Парчи»¹⁹ мира с Франциском I, Генрих вскоре стал вынашивать планы новой французской кампании. Однако в данном случае я бы хотела обратить внимание не на анализ «истинных» причин англо-французских конфликтов, а на сопровождавшую их риторику.

Первой французской войне Генриха VIII предшествовала публикация папской буллы, призывавшей христиан к справедливой войне против схизматика. Важно отметить, что в Англии эта булла была издана вместе с трактатом Джеймса Уитстонса, в котором не

Politics of The Early Tudor Court // *Chivalry in The Renaissance* / Ed. by S. Anglo. Woodbridge, 1990. P. 107–128; *Idem*. Henry VIII's Foreign Policy and The Tudor Cult of Chivalry // *François I et Henri VIII: deux princes de la Renaissance (1515–1547)* / Ed. par Ch. Giry-DeLoison. P., 1995; *Richardson G.* Eternal Peace, Occasional War Anglo-French Relations under Henry VIII // *Tudor England and Its Neighbours* / Ed. S. Doran and G. Richardson. Basingstoke, 2005. P. 45–46; *Davies C. S. L.* «Roy de France et roy d'Angleterre»: the English Claims to France, 1453–1558 // *Publications du Centre Européen d'Etudes Bourguignonnes (XIVe – XVIe siècles)*. Vol. XXXV (1995). P. 123–132.

¹⁹ В 1520 г. между Ардром и Гином близ Кале состоялась встреча Генриха VIII и Франциска I. Торжества по поводу заключения мирного договора сопровождались пирами и турнирами. Многочисленные приглашенные гости разместились в богатых расшитых золотом шатрах (отсюда название праздника); «дизайн» английских палаток был разработан Гансом Гольбейном.

только обличались проступки французского короля против христианской веры, но и разбирались все обоснования прав английского государя на французскую корону.

Королевская кампания была короткой, но весьма удачной. Английская армия выступила из Кале 21 июля 1513 г. и вскоре соединилась с союзным войском императора Максимилиана Габсбурга. Осада Тербуана была весьма непродолжительной: после одержанной над французами 16 августа победы в Битве шпор при Гингейте, город поспешил капитулировать перед своим «законным господином». Важно отметить, что даже сам император обозначил захват Тербуана, как «отвоевание города королем Франции и Англии»²⁰. В начале сентября объединенная армия подошла к Турне. Местоположение этого богатого торгового города на границе между подвластной Франции Фландрией и графством Геннегау, вошедшим в состав империи благодаря браку Максимилиана с Марией Бургундской, превращало его в желанный трофей для обоих союзников. 10 сентября император потребовал, чтобы горожане определились с государственной принадлежностью Турне — «французской» или «имперской», после чего сдали его законному сеньору²¹. Говоря об осаде Турне, необходимо упомянуть одну немаловажную деталь: еще по договору 1478 г. между Империей и Францией (подтвержденному непосредственно 3 сентября 1513 г.) город должен был сохранять нейтралитет в войне и не содержать гарнизон. Впрочем, защита интересов «истинного короля Франции» снимала с Максимилиана моральную ответственность за нарушение договора. Не имея возможности оказать сопротивление войскам противников, горожане Турне предпочли сохранить формальную верность Франции и 23 сентября покорились Генриху, как своему господину и суверену — «le roy très chrestien Henry, par la grace de Dieu roy de France et d'Angleterre»²². Уже 12 октября Генрих отправил письмо папе Льву X «ex urbe nostro

²⁰ Correspondance de Maximilien I et Marguerite d'Autriche / Ed. A. J. G. Le Glay. Société de l'Histoire de France. P., 1839. Vol. II. P. 196.

²¹ Hocquet A. Tournai et l'occupation anglaise (1513–1519) // Annales de la Société historique et archéologique de Tournai. T. 5 (1900). P. 368.

²² Davies C. S. L. Tournai and the English Crown, 1513–1519 // Historical Journal. Vol. XLI (1998). P. 4–6.

Торнасо», подписав его традиционным титулом «Rex Franciae et Angliae ac Dominus Hiberniae»²³.

В свете разговора о притязаниях Генриха VIII на французскую корону любопытно остановиться на проблеме организации управления завоеванными территориями. С одной стороны, у английского короля была возможность использовать опыт управления Кале. Однако, с другой стороны, правовой статус Кале принципиально отличался от статуса земель вокруг Турне. Дело в том, что еще по договору в Бретиньи 1360 г. Кале, а также ряд территорий на севере (графство Гин и город Мерк) и юго-западе Франции (Пуату, Гиень, Гасконь, Беарн) передавались Эдуарду III и его потомкам в полное суверенное правление. Между тем, 18 параграф подписанного в 1420 г. договора в Труа гласил, что Нормандия переходила к Генриху V в суверенное владение лишь до момента его восшествия на французский престол, после чего герцогство и другие «завоеванные земли» попадали под юрисдикцию и подчинение французской короны («la duchié de Normandie et les autres et chascun liex par lui conquis ou royaume de France seront soubz la jurisdiction, obeissance et monarchie de la couronne de France»). Таким образом, этот договор определял Нормандию как часть Франции, а не как особое владение английских королей. Напротив, отсутствие упоминаний о Кале и Гаскони в договоре свидетельствует о том, что эти территории получили подтверждение статуса «английских земель», что соответствовало миру в Бретиньи. Следовательно, Генрих владел ими на правах английского короля, в то время как Нормандию он получил в качестве наследника французской короны, подобно тому, как Капетинги или Валуа жаловали ее в качестве апанажа своим сыновьям в прежние времена²⁴. Не стоит забывать и о том, что сразу после захвата Кале в 1347 г. город был заселен англичанами. Тот же Генрих VIII в прокламации 1512 г. назвал жителей Кале «добрыми англичанами»²⁵. А в парламентском

²³ Ibid. P. 14.

²⁴ Филипп VI и Иоанн II, будучи наследниками французского престола, носили титул герцогов Нормандии. После их коронации герцогство вернулось под контроль французской короны.

²⁵ Tudor Royal Proclamations / Ed. by P. L. Hughes and G. F. Larkin. New Haven, 1964. Vol. I. N. 64.

билле 1536 г. сам город охарактеризован как «главное сокровище Английского королевства»²⁶.

Как верные подданные Генриха VIII жители Турне получили право свободного въезда и торговли в Англии, а также были уравнены с англичанами во всех правах²⁷. Упоминание о новой провинции было включено в текст королевских прокламаций сразу после Гаскони²⁸. Последнее обстоятельство также свидетельствует о том, что утрата континентальных владений воспринималась в Англии в качестве временного явления. Однако это вовсе не означает, что, подобно Кале, территории вокруг Турне считались подвластными английской короне. Во главе городской администрации Генрих, как и следовало ожидать, поставил доверенных людей из числа своих английских подданных (первоначально должность управляющего и бальи исполнял сэр Эдвард Понингс, которого потом сменили лорд Монжуа и сэр Ричард Дженингхэм), однако прево и эшеваны избирались из местных жителей²⁹. Учреждая 26 февраля 1514 г. в городе новый королевский суд, Генрих, позиционирующий себя в качестве французского монарха, объяснил это решение временной необходимостью, вызванной мятежным состоянием суда парижского парламента³⁰. 18 ноября 1513 г. Генрих VIII издал ордонанс, подтверждающий все прежние привилегии его французских подданных, а также приказал им избрать представителей для участия в заседании английского парламента³¹. Последнее вовсе не означает, что горожан

²⁶ Statutes of the Realm / Ed. by A. Ludens. 11 vols. L., 1810–1828. Vol. III. P. 632.

²⁷ Cruickshank C. G. The English Occupation of Tournai, 1513–1519. Oxford, 1971. P. 198, 268; Hocquet A. Op. cit. P. 438; Davies C.S.L. Op. cit. P. 10.

²⁸ Statutes of the Realm. Vol. III. P. 153.

²⁹ Cruickshank C. G. Op. cit. P. 189; Davies C.S.L. Op. cit. P. 6–7.

³⁰ Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunq[ue] generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates / Ed. Th. Rymer. Hagae, 1739–1745. Vol. XIII. P. 519–520; Hocquet A. Op. cit. P. 413–415; Cruickshank C. G. Op. cit. P. 193–195.

³¹ Членам городского совета не сразу удалось сделать правильный выбор: например, одно из собраний было распушено, поскольку гильдейские знамена были украшены гербом Людовика XI. Тем не менее, в парламенте 1514 г. были представлены депутаты из Турне. Hocquet A. Op. cit. P. 410–413; Davies C. S. L. Op. cit. P. 7–9.

Турне пригласили в парламент в качестве полноценных депутатов, а не только для обсуждения вопросов, связанных с управлением французскими землями. Это предположение основано на том, что за весь период английской оккупации (с 1513 по 1519 гг.) представители Турне присутствовали в парламенте лишь один раз.

Не вдаваясь в излишние подробности, отмечу, что новый англо-французский мир был заключен летом 1514 г. В отличие от его предшественников, Генриху не удалось пополнить английскую казну за счет французских репараций: стоившая около миллиона фунтов война нанесла серьезный удар по государственному бюджету. Организованный в 1518 г. кардиналом Уолси, именуемым в народе «вторым королем», мир с Францией был скреплен браком Людовика XII и сестры Генриха принцессы Марии. По условиям подписанного в Лондоне договора Генрих VIII передавал Людовику Турне и другие завоеванные в 1513 г. земли. Однако мир этот продержался недолго. Уже в 1523 г. герцог Суффолк, новый муж овдовевшей через пять месяцев после свадьбы с французским королем принцессы Марии, снова повел английские войска во Францию. И вновь, захватывая города и замки на Сомме, английский полководец приводил их жителей к присяге на верность Генриху VIII как королю Франции³². Пленение Франциска I в битве при Павии в марте 1525 г. подстегнуло притязания Генриха на французский престол. Впрочем, порой английский король был готов довольствоваться признанием за ним титулов герцога Нормандии и Аквитании³³.

Активная внешняя политика Генриха VIII в отношении Франции способствовала росту интереса у его подданных к истории взаимоотношений этих двух королевств, в первую очередь к истории войны за французскую корону. Непосредственно в 1513 г. в Англии вышел первый перевод на английский «Жизни непобедимого Генриха V» — биографии, написанной в 1437 г. по заказу брата короля герцога Глостера итальянским гуманистом Титом Ливием Фрулове-зи. Затем в 1523–1525 гг. последовал перевод хроник Жана Фруасса-

³² Gunn S. J. The Duke of Suffolk's March on Paris in 1523 // *English Historical Review*. Vol. CI (1986). P. 616–619.

³³ Taylor G. Introduction // *Debating the Hundred Years War: "Pour ce que plusieurs (La Loy Salicque)" and "A Declaration of the Trew and Dewe Title of Henrie VIII"*. L., 2006. P. 32.

ра, а также новое издание пропагандистских стихов Джона Лидгейта. Помимо переиздания хорошо известных текстов, стали появляться новые сочинения, написанные непосредственно «на злобу дня». В 1512 г. издатель Ричард Пинсон опубликовал буллу папы Юлия II, провозглашающую французского короля врагом Церкви. Текст сопровождался пространным комментарием Джеймса Уитстонса, в котором ученый муж подробно разбирал права короля Генриха на французскую корону, призывая к войне против тирана и схизматика Людовика XII³⁴. В том же году свет увидела анонимная поэма, в которой конфликт между Англией и Францией представлен в виде метафорической битвы цветов: символизирующей Францию лилии, с ее удушающим неприятным запахом, успешно противостоит олицетворяющая Англию свежая алая роза, источающая нежнейший аромат³⁵. Именно в это время в Англии появился первый трактат, непосредственно посвященный защите прав английского короля на французскую корону и суверенитет над древними континентальными владениями Плантагенетов.

В отличие от Англии, в которой жанр политического трактата стал популярным лишь в XVI в., во Франции за годы Столетней войны было создано несколько десятков антианглийских полемических сочинений. Большая часть этих произведений, авторы которых, как правило, принадлежали к кругу «*officiers*», выходцев из канцелярской или парламентской среды, не просто посвящена критике пороков и недостатков противника, но построена на детальном анализе с последующим опровержением всех аргументов, приводимых английской стороной в пользу своих притязаний³⁶. Весьма показательным, что один из последних трактатов такого плана был написан предположительно Гийомом Кузино около 1462–1463 гг., то есть в разгар военных приготовлений Эдуарда IV, непосредственно по заказу Людовика XI. Этот трактат, известный в научной литературе по

³⁴ De iusticia & s[an]ctitate belli per Juliu[m] pontifice[m] secu[n]du[m] in scismaticos [et] tira[n]nos p[at]rimoni[u]m Petri inuade[n]tes indict allegation[ne]s // A Short-title Catalogue of English Books, 1475–1640. 3 vols. / Ed. by W. A. Jackson, F. S. Ferguson, and K.F. Pantzer. 2nd edition. L., 1976–1991. N. 25585; *Taylor G. Op. cit.* P. 32.

³⁵ The Gardyners Passetaunce Touchyng the Outrage of France / Ed. by F. B. Williams. L., 1985.

³⁶ *Taylor G. Op. cit.* P. 1.

началу первой фразы «Pour ce que plusieurs», сохранился в двадцати списках и между 1480 и 1558 гг. издавался, по меньшей мере, одиннадцать раз, что свидетельствует о его чрезвычайной популярности. Этот текст был не только прекрасно известен во Франции, его также хорошо знали и английские оппоненты³⁷.

Первый антифранцузский полемический трактат в Англии «Декларация истинного и должного титула Генриха VIII», составленный неизвестным автором непосредственно перед королевской кампанией 1513 г., был задуман как ответ на сочинение Кузино. Посвященный истории англо-французских противоречий и разногласий, этот труд композиционно представляет собой развернутые английские ответы, опровергающие тезисы французского автора. Объясняя читателям цели работы, неизвестный англичанин открыто обвинил Людовика XI в том, что он замыслил уничтожить в своем королевстве все хроники и другие сочинения, рассказывающие правду об англо-французских взаимоотношениях, подменив их полными лжи писаниями, искажающими подлинную историю, чтобы, таким коварным образом, уничтожить память о правах законного короля на Францию. Желание поведать своему государю и всему миру правду было, по утверждению автора, лишь побочной целью. В первоначальной версии автор отрицал, что написанный им труд был задуман с целью заставить английского короля возобновить борьбу за свое наследство. По его утверждению, это сочинение должно было всего лишь обличить лицемерие и подлость французов, а также предостеречь англичан от внутренних распрей, ведущих к таким серьезным потерям, как утрата владений на континенте³⁸. Однако, когда в 1513 г. война все же началась, аноним снял последнюю оговорку, постулируя уверенность в том, что «Бог дарует англичанам храбрые сердца не только для того, чтобы они защищали от французов свою родину Англию, свое наследство, жен и детей³⁹, но также, чтобы снова провозгласили и восстановили свое подлинное наследственное право на корону и все королевство Францию, а также вхо-

³⁷ Ibid. P. 3–7.

³⁸ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 269–270.

³⁹ Очевидный намек на предпринятую по приказу Генриха VIII реорганизацию системы береговых укреплений и крепостей, целью которой была защита побережья от возможных нападений французов.

дящие в нее земли и владения, а именно Нормандию, Гиень, Гасконь, Анжу, Мен, Турень, Пуату, Понтье, Шампань, Прованс и другие, которые французы без какого-либо намека на законную или разумную причину захватили и удерживают от самого замечательного и достойнейшего государя Генриха VIII»⁴⁰. Несмотря на то, что этот текст так и не был опубликован вплоть до недавнего времени, он был хорошо известен в списках, получивших распространение при английском дворе и среди королевских официалов.

Сюжет о продолжении войны за французскую корону после «окончания» Столетней войны можно было бы разрабатывать до бесконечности. В начале правления Елизаветы I извечные противники Англии — Шотландия и Франция — смогли «нанести ответный удар», когда по наущению свекра Генриха II юная Мария Стюарт выдвинула свои притязания на титул английской королевы. Для католиков всего мира права на трон рожденной вне законного брака Елизаветы были более чем сомнительными. Не собираясь начинать войну с Англией даже в интересах супруги своего наследника, Генрих II, тем не менее, не мог упустить возможность хотя бы формально оспорить титул Елизаветы, тем более, что вместе с титулом королевы Англии та приняла и титул французской государыни. В 1559 г., отказывая Елизавете в требовании вернуть по условиям мира в Като-Камбрези захваченный в январе предыдущего года Кале, Генрих не смог отказать себе в удовольствии съязвить: «в этом случае Кале следует передать супруге дофина, королеве Шотландии, которую мы все считаем истинной королевой Англии». Уже через год, в июле 1560 г., шотландские лорды от имени своей королевы «навечно» отказались от любых притязаний на английский престол. Для самой же Марии погоня за английской короной закончилась на эшафоте в 1587 г. А вот ее более удачливая кузина так и не отказалась от призрачной французской короны, даже несмотря на дружеские отношения с Францией.

Позднее не только пришедшие на смену Тюдорам Стюарты, но и представители Ганноверской династии продолжали по мере необходимости апеллировать к проблеме защиты своих «прав» на Францию или отдельные земли, входившие в состав Французского королевства. Какими бы ни были истинные причины англо-французских

⁴⁰ A Declaracion of the Trewe and Dewe Title of Henry VIII. P. 252.

противоречий XVI–XVIII вв., тема войны за «законное наследство» неизменно муссировалась в английском обществе. Лишь Георг III в 1801 г. от собственного имени и от имени своих потомков окончательно отказался от титула французского короля и убрал лилии с государственного герба. Таким образом (если не учитывать последующую Реставрацию), можно утверждать, что английские притязания на французскую корону просуществовали дольше, чем сама французская монархия.

А. И. ЧЕПЕЛЬ

ДИАЛОГ ЧЕРЕЗ ГРАНИЦУ

РУССКО-ШВЕДСКАЯ БОРЬБА ЗА ПОДДАННЫХ ПОСЛЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ СТОЛБОВСКОГО МИРА

Согласно условиям Столбовского мирного договора, заключенного между Россией и Швецией 27 февраля 1617 г., к шведскому королевству отошли русские земли вместе с проживающим на них населением. Новая русско-шведская граница разделила издавна живших в едином культурном пространстве людей на две правовые категории: одни остались царскими подданными, другие стали подданными шведской короны. Подписание мира, а затем и установление пограничной черты, сопряженное с немалыми сложностями¹, не означали прекращения соперничества, теперь без оружия в руках. С этих пор большую остроту приобрела проблема незаконного перехода населения через границу в соседнее государство — проблема перебежчиков, во многом усложнявшаяся тем обстоятельством, что охрана новой границы с обеих сторон не была организована должным образом². Разрешение вопроса об уходе подданных за границу стало одной из главных «болевых точек» в отношениях Швеции и России, по крайней мере, до заключения 21 июня 1661 г. Кардисского мирного договора, одним из условий которого было согласие шведской стороны не требовать возврата перебежчиков, перешедших со шведской на русскую сторону в период после Столбовского мира. Но о том, что вопрос и тогда не был окончательно решен, говорит согласие обеих договаривающихся сторон и впредь взаимно возвращать

¹ См.: Жуков А. Ю. Проблема границы в русско-шведских дипломатических отношениях 1617–1621 гг. // Гуманитарные исследования в Карелии: Сборник статей к 70-летию Института языка, литературы и истории. Петрозаводск, 2000. С. 31–36.

² Аграрная история Северо-Запада России XVII века (население, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 189; Селин А. А. Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 93; Чернякова И. А. Карелия на переломе эпох: Очерки социальной и аграрной истории XVII века. Петрозаводск, 1998. С. 166; Архив Санкт-Петербургского института истории РАН (далее: СПб ИИ РАН) Ф. 109 («Порубежные акты»). Оп. 1. Д. 319. Л. 1.

перебежчиков, дерзнувших уже после Кардисского мира нелегально пересечь границу³. Половина столетия, разделявшая два «вечных мира», наполнена особенно острой борьбой России и Швеции за подданных. При этом противоборствующим сторонам, взаимно заинтересованным в сохранении мирных отношений для налаживания торговых связей и сотрудничества на международной арене, предстояло находить верную тональность в общении друг с другом. Кроме того, близость слабо охраняемой границы в какой-то мере вынуждала и землевладельцев, и государство выбирать лояльные формы отношений с подвластными и подданными: угроза уйти с земли — в том числе и за рубеж — была действенным средством борьбы за свои интересы для пашенных крестьян по обе стороны границы⁴.

Одним из первых интерес к проблеме перебежчиков и к вызванному этой проблемой русско-шведскому диалогу проявил К. И. Якубов, в конце XIX в. опубликовавший с комментариями фрагменты документов, относящихся к данному сюжету⁵. Лишь через 60 лет увидело свет исследование А. С. Жербина⁶, остающееся, насколько нам известно, последним по времени специальным трудом, непосредственно касающимся этой проблемы. Следует отметить, что упомянутые исследователи уделяли основное внимание уходу населения со шведской территории в русские земли, поскольку переходы русских подданных в шведские пределы «были, конечно, сравнительно очень редки»⁷. При сохраняющемся единодушном мнении о массовости исхода населения именно из Швеции в Россию, современные авторы более внимательны и к обратной миграции⁸.

³ Полное собрание законов Российской империи (далее: ПСЗ). Собр. I. Т. I. СПб., 1830. № 301. С. 545.

⁴ Голицын Н. В. К истории русско-шведских отношений и населения пограничных с Швецией областей (1634–1648 гг.). М., 1903. С. 13; История Карелии с древнейших времен до середины XVIII века / Под ред. А. Я. Брюсова. Петрозаводск, 1952. С. 262.

⁵ Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII века: Сб. материалов... М., 1897.

⁶ Жербин А. С. Переселение карел в Россию в XVII в. Петрозаводск, 1956.

⁷ Якубов К. Указ. соч. С. V.

⁸ Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX–XVIII вв. М., 1993; Селин А. А. Порубежное духовенство в 1-й половине XVII в. // Староладожский сборник. Вып. 3. СПб.; Старая Ладога, 2000. С. 29–36.

Вводятся в оборот новые материалы, которые заставляют также обратить внимание на вероятные причины, препятствовавшие потенциальным перебежчикам безоглядно уходить в русские земли⁹.

Шведское правительство отдавало себе отчет в тех сложностях, с которыми предстоит столкнуться в связи с приобретением земель, где проживает православное население. Еще до Столбовского мира Густав II Адольф приказал своим придворным проповедникам побеседовать в захваченном Ивангороде с русскими священниками и создать труд о богослужении шведской церкви и о сравнительных особенностях лютеранского и православного вероисповеданий об особенностях лютеранского и православного вероисповеданий в сравнении их между собой. В написанном в 1614 г. и изданном на русском и шведском языках сочинении были «изложены кратко и опровергнуты грубейшие заблуждения, какие есть в религии русских»¹⁰. Православные признавались христианами, которые только по недопониманию оказались в некоторых вопросах введены в заблуждение: следовало лишь помочь им вернуться на правильный путь. В то же время монополия лютеранского вероисповедания на всей территории государства была основополагающим принципом шведской политики в области религии, и наличие православного населения, имевшего собственные церкви, с точки зрения шведских властей означало изъян в государственном теле¹¹. Поэтому в составленном по поручению короля труде оправдывалось стремление обратиться в лютеранство новых подданных шведской короны. Отмечалось, что к вере нужно приводить не силой, а убеждением, но при этом король, как христианский государь, обязан использовать свою власть для того, чтобы истинное вероучение без помех проповедовалось среди его подданных¹².

⁹ Чернякова И. А. К вопросу о судьбах «корельских выходцев» в XVII веке (опыт анализа нового источника): Препринт доклада на заседании учёного совета института языка, литературы и истории 24 мая 1989 г. Петрозаводск, 1989.

¹⁰ Цветаев Д. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 591.

¹¹ Толстиков А. В. Русское православие в политике и политической риторике Швеции (первая половина XVII в.): Автореф. дисс. ... к. и. н. М., 2002. С. 38–39, 44.

¹² Толстиков А. В. Русское православие в свете шведской лютеранской теологии (первая половина XVII в.) // Мозаика: Фрагменты истории шведской культуры. М., 2006. С. 210.

Однако на деле правящие круги Швеции были вынуждены защищать религиозные права своих православных подданных, тяготевших к единоверной России, не желая их ухода в русские земли. Шведские послы еще в 1617 г., во время переговоров, предшествовавших заключению мира, уверяли русских: оставшихся в шведских землях православных «от веры отводити не станем, а хто де от веры людей отводит неволею, а тому де Бог не терпит»¹³.

Согласно условиям Столбовского мирного договора, монахам, дворянам, детям боярским и посадским людям, которые проживали на уступленных Швеции русских землях, предоставлялось право в течение двух недель с момента заключения договора перейти в русские пределы¹⁴. При этом еще в ходе мирных переговоров шведы наотрез отказались отпустить с этих земель православных священников, опасаясь ухода вместе с ними и их прихожан¹⁵. Действенность этой меры, направленной на удержание в Швеции православного населения, подтверждает рассказ жителя Ивангорода, оказавшегося вскоре после заключения Столбовского мира в числе перебежчиков со шведской стороны. Он поведал задержавшим его русским властям о судьбе своего отца, которого шведы не отпустили в русские пределы «для того, что отец ево поп, и многие русские люди были у него дети духовные, и для того остались многие русские люди»¹⁶.

В свою очередь и царь возлагал большие надежды на православное духовенство, которое должно «крепко и мужественно» сдерживать попытки населения переметнуться к «иноверцам» в те две недели, которые были выделены для свободного выхода: ведь оставшиеся на шведской стороне «душами своими от Бога во веки погибнут». Вместе с тем частые упоминания о «царской милости», «царском милосердии» и о ненадежности благ, обещанных шведами, могут свидетельствовать о неуверенности в том, что одна лишь вера сама по себе способна предотвратить подобные проявления¹⁷.

¹³ Якубов К. Указ. соч. С. 13.

¹⁴ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 152.

¹⁵ Якубов К. Указ. соч. С. 8.

¹⁶ Дела Тайного приказа. Т. 4. Л., 1926. Стб. 479.

¹⁷ Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией. Т. 3. СПб., 1841. № 284. С. 450–451.

После окончания срока выхода ситуация изменилась, и тесная духовная связь прихожан со священниками начала использоваться для прямого переманивания в русские земли шведских подданных, исповедовавших православие. Теперь, в частности, новгородский митрополит Макарий создает невыносимый психологический климат для православных священников, приехавших в Великий Новгород из Швеции за благословением. Владыка «их проклинает и называет отметчики и говорит: только бы они оттуда поехали на царскую сторону — смотря на них и крестьяне бы перешли, а коли они там остались, и на них смотря, и крестьяне там же остались»¹⁸. Позиция митрополита в корне противоречила условиям Столбовского мира относительно новых шведских земель, предписывавшим «русским уездным попам и пашенным людям [...] некоторыми обычаями оттоле не выходить, и с своими женами и с детьми, и с домочадцы останись тут, и жить под Свейскою короною»¹⁹.

В то же время тесное и фактически бесконтрольное общение православных священнослужителей, оставшихся в Швеции, со своим духовным главой в России закономерно приводило к недоверию шведских властей к этой категории новых подданных. Об этом недоверии мы узнаем, в частности, из обращения царя к митрополиту Макарию в августе 1619 г. Владыке велено послать грамоты в русские города, отошедшие под власть Швеции — Корелу, Ям, Орешек, Копорье, Ивангород — и те грамоты православным священникам «отдати явно, чтоб на них от немец мненья не навести»²⁰. Из митрополичьего послания, отправленного во исполнение царской воли, можно заключить, что владыка был предупрежден о недопустимости призыва к действиям, которые противоречили бы мирному постановлению: православные священники из шведских владений получили уверение, что впредь по приезде за благословением в Великий Новгород им «от митрополита и от попов и от русских людей укориженных слов» не будет²¹.

¹⁸ Якубов К. Указ. соч. С. 82.

¹⁹ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 152–153.

²⁰ Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией Императорской академии наук. Т. 3. СПб., 1836. № 107. С. 147.

²¹ Там же. № 108. С. 147.

Недовольство властей лютеранской Швеции тем обстоятельством, что новгородский митрополит напрямую, посредством посланий, общается с православным духовенством, принявшим шведское подданство, заставило царя издать в 1620 г. следующее распоряжение в адрес владыки: «чтоб он вперед больше того в Ям и Копорье и в Ижеру, к попам не писал, а будет ему надобно писати, и он бы писал к державцам, а не к попам». Русские власти, избегая международных осложнений, решили совсем пресечь общение владыки даже с «державцами» — комендантами шведских приграничных городов, поручив эту миссию новгородскому воеводе под благовидным предлогом: митрополит «человек духовной и чину великого и ему с иноземцы ссылатся непригоже»²². Вполне вероятно, эти изменения были связаны с позицией вернувшегося из плена Филарета, отца царя Михаила Федоровича²³.

Совершенно прервать контакты с соседней страной, где господствовало лютеранство, все же было невозможно: зарубежное православное духовенство нуждалось в общении с митрополитом — в его благословении, разрешении на освящение храмов — и священники по-прежнему стекались в Великий Новгород. Местные шведские власти, очевидно, не могли уследить за этим потоком, и в царском послании к новгородскому воеводе, ответственному за приграничные дела, в ноябре 1622 г. появляется вопрос: «с повеленья ль корельских и иных городов державцов русские люди из-за рубежа к митрополиту приходят и о церковном строеньи и антимилах бьют челом, или тайно?»²⁴. Прибывшим же с ведома шведов обещано, что «приезд и отъезд им будет вольный, и обид и задержанья и укоризненных слов ни от кого ни в чем им не будет, и сумнение б о том никому не имети»²⁵. Шведские власти, обладая правом выдавать «проезжие грамоты» за рубеж, могли с его помощью регулировать поток православных священнослужителей, направлявшихся к русским святыням. Однако те на пути к своей цели не останавливались и перед незаконным пересечением границы.

²² Там же. № 111. С. 154–155.

²³ Селин А. А. Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 624.

²⁴ Акты, собранные в библиотеках и архивах... Т. 3. № 127. С. 180.

²⁵ Там же. № 128. С. 182.

Учение Лютера предполагало отказ от насильственного обращения в истинную веру²⁶, но царская грамота от июня 1624 г. повествует об ином положении дел в бывших русских землях: «...чернецам и попам и мирским людям в православной вере утешенье, новых церквей ставить не вольно, многие церкви заперты и запустели; попам и чернецам к Новгородскому митрополиту ездить не велят и от веры русских людей отводят в свою веру»²⁷.

Разумеется, эта политика стимулировала бегство православных в Россию, а русское правительство старалось не выдавать перебежавших в русские земли священников и монахов. Шведам сообщалось, что беглецов «пока в сыске не объявилось», а самим «попам и чернецам», которые уже перебежали и в России живут, и тем, которые перебегут из Швеции впредь, русские власти «в порубежных местах жити не велели» — чтобы шведы о них не узнали. С этой целью царь поучает своего приграничного воеводу: «а ся б наша грамота была у вас тайно и опричь бы вас никто не ведал, чтоб о том в немцах ведома не было»²⁸.

Учитывая то обстоятельство, что в представлениях людей той эпохи понятия подданства и конфессии практически совпадали, и православие «автоматически» обозначало для них русское подданство²⁹, действенным способом удержать на русской территории оказавшихся здесь неправославных подданных шведского короля было их крещение в православную веру. К подобным ситуациям, конечно, приходилось относиться с особой щепетильностью. В 1628 г. перед русскими приграничными властями предстали «четыре человека свейских порубежных немец, а сказали, что они братья родные, а вышли они из своей земли годы з два и жили в Кольском уезде на Топозере, у крестьян, а ныне хотят креститца». Тональность царской реакции на это событие примечательна. Крестьяне, укрывавшие выходцев, конечно, «то учинили мимо царского указа, не делом [...] в нашей земле два года», а приграничные воеводы «того ничего не остерега-

²⁶ Толстиков А. В. Русское православие... С. 39.

²⁷ Якубов К. Указ. соч. С. 275.

²⁸ Акты, собранные в библиотеках и архивах... Т. 3. № 155. С. 221.

²⁹ Страхова О. Б. Несколько замечаний по поводу обращения в православие в XVII веке // *Palaeoslavica*. Т. 7. 1999. С. 343; Селин А. А. Порубежное духовенство... С. 34.

ли». Перебежчики «сами здуровали; за тое их плутню взять штраф», с топорских мужиков тоже взять штраф за укрывательство. А «свейских порубежных немец» — «выслать за рубеж тотчас», чтобы они «шли за рубеж куды хотят, а в нашей бы земле нигде не жили»³⁰.

О том, что относительная мягкость наказания за укрывательство шведских подданных напрямую связана с поиском русским правительством путей перевода беглецов в разряд подданных царя, сообщает другой документ. В декабре 1627 г., в ответ на жалобы шведских приграничных властей, которые «пишут безпрестанно, что бегают в царскую сторону с их стороны многие перебежчики», русское правительство велело беглецов сыскать, затем их следовало «беречь тем людям, у кого их изъедут, не шумко, чтоб про то за рубежом не сведали»³¹. Протянув время, можно было подготовить перебежчиков к принятию крещения по православному обряду.

О целях массового крещения перебежчиков со шведской стороны, организованного русским порубежным духовенством, были хорошо осведомлены шведы, заявившие на переговорах 1649 г.: «...которые Финцы и иные шведские подданные одной их, свейские, веры перебежали в царскую сторону и в царской стороне архимандриты и игумены, хотя их укрепить за собою во крестьянах, перекрещивали их в рускую веру»³². Подобным же образом поступали и с беглыми солдатами «из Финской земли» — и отправляли новокрещенцев служить подальше от русско-шведской границы. В наказе русским послам, отправленным в 1658 г. на переговоры в Валиесари, царское правительство, предвидя претензии шведской стороны, велело отвечать: «пашенным крестьянам на обе стороны размены учинити никоими меры невозможно», потому что они «развезены в дальние городы и места ... крестились ... и поженились на русских жонках и девках, а иные дочерей своих за русских замуж выдавали»³³.

³⁰ Якубов К. Указ. соч. С. 282–283.

³¹ Дела Тайного приказа. Т. 4. Стб. 336, 340.

³² Якубов К. Указ. соч. С. 163.

³³ Цит. по: Курсков Ю. В. Русско-шведские дипломатические контакты и развитие общественной мысли России в середине XVII в. // Десятая всесоюзная конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка Скандинавских стран и Финляндии: Тезисы докладов. М., 1986. Ч. 1. С. 75.

Иные условия складывались при возобновлении военного конфликта между Россией и Швецией. Так, к воеводе Енакльчу Челищеву, отправленному царским указом во главе 200 стрельцов «промысел чинить» над шведами, в июне 1656 г. шведские подданные сами обращались с просьбами поспособствовать их переходу в православие. Во время войны 1656–1658 гг. Челищев объявил чуть ли не личный «крестовый поход» — с крещением в православие и присягой царю шведов, в том числе и пленных. Следует учитывать, что только после этой процедуры «иноверцы», готовые перейти на царскую службу, уравнивались в правах с русскими подданными, получая также и возможность владеть православными крестьянами. В этой связи понятны действия русских властей, передавших пленному и принявшему православие шведскому управленцу и разведчику Василию Бланкангену в услужение другого пленника — «новокрещенца»³⁴: оба фактически признавались русскими подданными, и их правовое положение теперь практически ничем не отличалось от прав и обязанностей русских людей «того же чину»³⁵. Отметим все же, что само по себе крещение в православную веру и женитьба на православных не гарантировали привязанности неофитов к русской земле. Так, в 1622 г. группа «новокрещенцев», отправленная на работы в лес, забыв об оставленных в поместье женах, устремилась в шведские пределы³⁶.

Несмотря на декларирование шведским правительством своих усилий, направленных на создание в Швеции условий для отправления религиозных обрядов по православному обычаю, сказывались последствия политики постепенной, но настойчивой лютеранизации³⁷. Это обстоятельство нашло отражение в отписке воеводы Челищева — оказалось, что в шведских землях «крестить ... некому и не по чему: один поп, и тот стар и увечен, и книг у него нет»³⁸. Пользуясь тем, что граница охранялась не очень тщательно, при-

³⁴ Жуков А. Ю. Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. Великий Новгород, 2003. С. 215, 222.

³⁵ Орленко С. П. Выходцы из Западной Европы в России XVII века: Правовой статус и реальное положение. М., 2004. С. 5.

³⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109 («Порубежные акты»). Оп. 1. Д. 801. Л. 1.

³⁷ Цветаев Д. Указ. соч. С. 590.

³⁸ Акты Московского государства. Т. 2. СПб., 1894. № 846. С. 515.

званные прихожанами из России священники совершали богослужения в потаенных местах и возвращались обратно³⁹. На определенную регулярность подобных переходов указывают высказанные шведами во время переговоров 1649 г. претензии к деятельности этих нелегальных миссионеров, которые шведских подданных «крестят в русскую веру тайно» и вывозят с собой в Россию. Возмущение шведской стороны в тот момент достигло предела. Пойманных священников грозятся повесить на рубеже⁴⁰, но угроза не достигает цели. В 1661 г. шведские пограничные власти вновь негодуют: «каким обычаем» русский поп и пономарь были «за рубежом у немецких людей» и проводили церковную службу на шведской территории? Священнослужители были отосланы обратно в русские земли с наказом: чтобы «таким обычаем опять не приехали». Но поп и пономарь «ныне опять внове своим церковным строем в ризах и во всей службе объявились» и у шведских подданных «дети крестили и людей венчали [...] и мертвых похоронили и обедню служили»⁴¹.

Дополнительные сложности в русско-шведских отношениях создавались благодаря развитому в порубежье конокрадству: отправка православного священника, у которого увели лошадей, для опознания животных в шведские земли⁴² могла способствовать исполнению им православных религиозных обрядов среди шведских подданных. Как отмечалось выше, появление у православных шведских подданных духовных отцов за границей, на русской территории, вызывало обоснованные опасения шведского правительства: возможный уход населения вслед за священником в Россию, безусловно, не входил в планы шведской администрации. Недостаточное для православных число священнослужителей в шведских землях стимулировало также уход духовенства из России с целью остаться в Швеции надолго и сделать там карьеру. Так, в 1620 г. «убегом» покинул русскую территорию дьячок Иван Гаврилов, а в шведских владениях «стал тот дьячок [...] в попы»⁴³. Интерес к Швеции, как к территории с православ-

³⁹ История Карелии... С. 214–215.

⁴⁰ Якубов К. Указ. соч. С. 209.

⁴¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2 (Коллекция актовых книг). Оп. 1. Д. 28. Л. 5 об.

⁴² Там же. Л. 93 об.

⁴³ Цит по: Селин А. А. Порубежное духовенство... С. 33.

ными приходами, не контролируемые русскими властями, закономерно проявился у противников реформ патриарха Никона⁴⁴; побегии сюда старообрядцев продолжались весь XVII век⁴⁵.

Однако мерами религиозного воздействия далеко не исчерпывается арсенал методов, использовавшихся в борьбе за подданных. Новая русско-шведская граница, установленная согласно условиям Столбовского мирного договора, разделила многие семьи; по разные стороны рубежа оказались люди, поддерживающие приятельские отношения, имевшие общее дело. Эти обстоятельства, несомненно, оказывали не менее важное влияние. Уже в ходе переговоров в Столбово шведы высказали опасение, что русские станут переманивать на свою сторону население с тех территорий, которые царь уступит королю Швеции⁴⁶, и в тексте мирного договора нашел отражение запрет как русским, так и шведским подданным «подзывать и подговаривати» людей к переходу на свою сторону⁴⁷. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что этот же запрет был повторен в Валиесарском (1658 г.) и Кардисском (1661 г.) договорах⁴⁸. Таким образом, проблема переманивания подданных в русско-шведских отношениях не теряла своей остроты длительное время.

Вскоре по истечении двухнедельного срока, определенного Столбовским миром для добровольного перехода, русские обвинили шведскую сторону в давлении на жителей уступленных Швеции русских территорий с целью не допустить их ухода на царскую сторону. Людей прельщали королевским жалованьем, земельными владениями, деньгами⁴⁹. Проще было убедить остаться в зоне шведской юрисдикции тех, кто находился на землях, оккупированных Швецией в период Смуты, и уже налажил контакты со шведами. Особенно это касалось так называемых «русских бояр», которые в Смутное время служили иноземной власти и не желали потерять полученные от нее земельные пожалования. В деле борьбы за подданных швед-

⁴⁴ Некрасов Г. А. Указ. соч. С. 83.

⁴⁵ Румянцева В. С. Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 193.

⁴⁶ Якубов К. Указ. соч. С. 7.

⁴⁷ Лыжин Н. П. Указ. соч. С. 162–163.

⁴⁸ ПСЗ. Т. 1. С. 470, 538.

⁴⁹ Якубов К. Указ. соч. С. 41.

ские власти возлагали на эту категорию людей большие надежды. За службу шведскому королю русским помещикам жаловались обширные поместья. Шведские правящие круги осознавали, что дарование земель, населенных православными, помещикам с чужой для местных крестьян верой, чужим языком и чужими обычаями будет способствовать уходу населения⁵⁰.

В свою очередь, и русские власти предвидели опасность для себя такой политики. В грамоте с сообщением о заключении Столбовского мира, направленной в Великий Новгород, царь прощает всех, служивших шведам: «кто что ни делал, то от боязни немецких людей, боясь смертного убивства и грабежу и разоренья: были в их руках, как было их воли не творити и им не служитьи?». Цель воззвания ясна — чтобы люди в шведские города «жити не ходили» и к шведам «никого не перезывали». Кроме «царского милосердия», землевладельцам, откликнувшимся на призыв русского правительства, обещано было пожаловать поместья и вотчины по другую сторону границы, взамен дарованных шведами. Царь стремился смутить умы переметнувшихся, напоминая о прежних злодеяниях шведов, которые могут вновь повториться, и намекая, что, когда это случится, русские власти уже ничем не смогут помочь⁵¹.

В ходе русско-шведских переговоров, результатом которых стал Стокгольмский договор 1649 г., русская сторона высказала шведам свое недовольство тем, что царские подданные, «которые жили из-стари в царской стороне близко шведского рубежа, перебежали в шведскую сторону по подговору со шведской стороны [...] своих знакомцов и родимцов»; однако подобные же претензии в адрес русских высказали на этих переговорах и шведы⁵². Документы, относящиеся к предшествующим Стокгольмскому договору годам, подтверждают обоснованность претензий обеих сторон. Так, в 1627 г. в шведские земли ушел Степанко Васильев, осевший у старосты Гришки Еремеева, в Ореховском уезде. По заданию старосты Степанко тайно вернулся к прежнему хозяину и подговорил к бегству в

⁵⁰ *Пересветов-Мурат А. И.* Из Ростова в Ингерманландию: М. А. Пересветов и другие русские байюг'ы // Новгородский исторический сборник. Вып. 7 (17). СПб., 1999. С. 369–371.

⁵¹ Акты исторические, собранные и изданные... Т. 3. № 284. С. 450.

⁵² *Якубов К.* Указ. соч. С. 164, 209.

Швецию целую семью. Претензия русского воеводы в адрес шведского пограничного чиновника относительно этого случая завершается угрозой: «А будет ты тех [...] беглых людей сыскати не велишь [...], а тем вора́м, хто их принимал, наказанья на рубеже не учинишь, и с царского величества стороны против того ж будут чинити»⁵³.

Обе стороны прекрасно осведомлены, что и шведы, и русские всегда готовы переманить на свою землю подданных соседнего государства, и как-либо разрядить обстановку в вопросе о перебежчиках возможно только совместными усилиями двух сторон. Но ни на той, ни на другой стороне искреннего желания препятствовать пополнению рядов собственных подданных за счет перебежчиков не наблюдалось. Потому и русские — «многие люди» — жалуются царю, что со шведской стороны часто приходят и «людей подговаривают», а имена свои скрывают «для того, чтоб то им свое воровство скрыть но учинить»⁵⁴; и шведские пограничные власти «пишут безпрестанно, что бегают в царскую сторону с их стороны многие перебежчики»⁵⁵.

Случалось, что с целью пополнить ряды собственных подданных представители власти применяли насилие к подданным соседнего государства, оказавшимся на их территории. В 1620 г. в поисках средств к существованию царский подданный некий Иван был «подозван» дьячком Иваном Борисовым — подданным шведского короля — дабы обучать детей этого дьячка грамоте. Когда же в тех краях оказался комендант шведской крепости Орешек, Иван Борисов, вероятно, стремясь выслужиться перед «Ореховским державцем», попытался наставника своих детей «неволею привести к крестному целованию на королевское имя», а за отказ грозил убийством. Тому, однако, удалось сбежать и пробраться на русскую сторону: на этот раз шведская корона не получила нового подданного⁵⁶.

Большой ущерб от перехода населения, безусловно, несла малолюдная Швеция. В ходе стокгольмских переговоров русские узнали, что шведские дворяне с приграничных земель «с большим шумом» жаловались королеве Христине: крестьяне их все перебежали

⁵³ Дела Тайного приказа. Т. 4. Стб. 315.

⁵⁴ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 128, 131 об.

⁵⁵ Дела Тайного приказа. Т. 4. Стб. 336.

⁵⁶ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 58. Л. 2–3; *Селин А. А.* Порубежное духовенство... С. 33.

на русскую сторону. В ответ королева лишь «прослезилась и сказала: что же делать, потерпите». Шведские представители, подчеркивая всю остроту ситуации, сравнили ущерб от исхода населения с тяготами военного времени: «хотя бы с царской стороны войною впали, ино б де столко шкоды и убытков не учинили»⁵⁷. Бессильные изменить ситуацию путем переговоров, шведы периодически угрожали началом военных действий: «и шоб нам пята на рускую землю поставить и нам помочников много будет»⁵⁸.

Очевидно, под давлением шведских властей, обеспокоенных слишком тесными взаимными связями приграничных жителей, русские власти препятствовали контактам выданных уже перебежчиков со своими «знакомцами и родимцами» на русской стороне: «для чего без дела ходить, только от них ссора живет»⁵⁹. Выданных перебежчиков не пускали даже к женам и детям, оставшимся по болезни в русской земле: «присылали б перебешики в царскую сторону по жен своих и по детей своих иных зарубежных людей не перебешиков»⁶⁰. Заключая договор 1649 г., царское правительство явно не желало обострять отношения с соседней державой. Бегству способствовало и то обстоятельство, что шведские власти, постоянно нуждавшиеся в средствах для ведения активной международной политики, повышали налоги: перебежчики, пробравшиеся на русскую территорию, мотивировали свой переход тем, что шведы берут «тягла не по мере»⁶¹. Само шведское правительство также отдавало себе отчет в том, что всякий бежит туда, где ему «в податях и в работе легче»⁶².

Другой важной причиной бегства за рубеж было стремление избежать набора на военную службу. Убегали от воинских тягот как шведские подданные — на русскую сторону⁶³, так и русские солдаты, укрывавшиеся в шведских порубежных селениях⁶⁴.

⁵⁷ Якубов К. Указ. соч. С. 178, 192–193.

⁵⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 728. Л. 4.

⁵⁹ Акты, собранные в библиотеках и архивах.... Т. 3. № 263. С. 400.

⁶⁰ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 634. Л. 1.

⁶¹ Акты Московского государства. Т. 1. № 311. С. 331.

⁶² Якубов К. Указ. соч. С. 204.

⁶³ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 801. Л. 1; Акты Московского государства. Т. 1. № 207. С. 233.

⁶⁴ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 144 об.

Помимо добровольного пересечения границы, людей выводили насильно или обманом. Так, сразу после заключения Столбовского мира шведский переводчик зазвал к себе новгородского кузнеца Ортюшку «лошадей поднавливать и держал его у себя за приставом недели с полтере и сослал в Финскую землю»⁶⁵. А после подписания Кардисского мира русский боярин без ведома шведских властей пришел за рубеж, шведских крестьян «поимал» и хотел с ними уехать в русские земли⁶⁶. В декабре 1622 г. русский помещик Кондратий Овцын справлял поминки по своим родителям, на которые съехались соседние помещики и крестьяне, в том числе со шведской территории. Дело повернулось так, что шведский помещик попытался насильно вывезти за границу русского крестьянина, но помещики из числа царских подданных сумели этому помешать⁶⁷.

Подчас хозяин снаряжал погоню за перебежчиками, и «погонщики» нередко нарушали границу. Царь, запрещая «насильством» вывозить людей, в то же время указывает, чтобы за перебежчиками «гоняли до рубежа, а за рубежом за беглецами не ходили»⁶⁸: подобное самовольство приводило к дипломатическим осложнениям. Явно в ответ на претензии шведов русские власти, поймав на своей территории шведских перебежчиков, выпытывали: «собою ли вышли, или кто вас подговаривал или из зарубежа вас вывозили?»⁶⁹

В диалоге по поводу ухода подданных в русские пределы шведы старались опираться на прагматические доводы: «перебежчик [отрицает] Богом и природой над собой [поставленную] верховную власть, чем не только нарушает долг и покорность, которыми он ей обязан, но и также расхищает тем самым [деньги], которые он обязан своей власти предоставлять и выплачивать, совершает достаточное злодейство и мошенничество»⁷⁰. В процитированном «листе» шведского генерала к русскому воеводе по поводу выданного шве-

⁶⁵ *Саблер Г.* Собрание русских памятников, извлеченных из семейного архива графов Делагарди. Юрьев, 1896. № 12. С. 48.

⁶⁶ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 113 об.

⁶⁷ *Селин А. А.* Ладога при Московских царях. С. 96.

⁶⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 109. Оп. 1. Д. 251. Л. 3, 4.

⁶⁹ Там же. Д. 3. Л. 2.

⁷⁰ Разъяснение шведских послов о статьях, которые 27 октября были переданы русским участникам переговоров // *Экономические связи между Россией и Швецией в XVII веке.* М., 1981. С. 176.

дам перебежчика звучат нотки гордости за тех подданных, которые верны присяге шведской короне. Шведский подданный крестьянин Федор Андреев вскоре после Кардисского мира без проезжей грамоты пришел на русскую территорию, был задержан как перебежчик и выдан шведам. Оказалось, что крестьянин этот, вместе с семьей вывезенный со шведской территории во время минувшей войны, теперь, после заключения мира, «хотел своих детей навестить»: «...мочно было их давно отдать. А коли то по се время не учинено, а он отец помянутой Федор попомнил свою присягу его королевскому величеству и короне свейской и в прошлом годе, как мир учинен и он один с женою своею на свое старое житье пришел»⁷¹.

Следует признать, что с завершением вооруженного противостояния России и Швеции в 1617 г., наряду с налаживанием тесных торговых и политических связей, прерванных лишь непродолжительными военными действиями в 1656–1658 гг., между странами шла необъявленная война за население, за человеческий ресурс, с использованием всех доступных средств. Учитывая достаточную прозрачность границ и тесные контакты приграничных жителей, самостоятельно вступающих в отношения друг с другом⁷², правительства обеих стран не имели возможности окончательно разрешить проблему перехода населения через границу, противоречившего межгосударственным соглашениям — а подчас и не желали препятствовать таким передвижениям. Местные власти зачастую способствовали укрыванию перебежчиков на территории своего государства⁷³. В любом случае, фактически решение проблемы перебежчиков во многом зависело от позиции порубежных властей и самих жителей, так как центральные правительства соседних стран-соперников были крайне заинтересованы в лояльности населения приграничья.

⁷¹ Архив СПб ИИ РАН. Колл. 2. Оп. 1. Д. 28. Л. 67–68.

⁷² *Беспярых Ю. Н.* «Крестьянское перемирие» и пограничная торговля между северными районами России и Шведской Финляндии в начале XVIII в. // Скандинавский сборник. Вып. 25. Таллин, 1980. С. 50–57; *Кокконен Ю.* Безопасность, обеспеченная «снизу»: Соглашения о мире на границе в период шведского правления в Финляндии с XIV века по 1809 год // Восточная Финляндия и Российская Карелия: Традиция и закон в жизни карел. Петрозаводск, 2005. С. 48–52.

⁷³ *Жуков А. Ю.* Управление и самоуправление в Карелии в XVII в. С. 218.

Б. П. МИЛОВИДОВ

РУССКАЯ АРМИЯ И ТУРКИ В 1828–1829 ГОДАХ

ВСТРЕЧИ ПОСЛЕ БОЯ

Известный исследователь истории Турции и русско-турецких отношений В. И. Шеремет, характеризуя процесс формирования представлений русских и турок друг о друге, отмечал: «Обоюдное знакомство и установление постоянных русско-турецких культурных связей, которые только и могли дать сравнительно верную зарисовку образа соседнего народа, было на протяжении веков спонтанным и совершенно нерегулярным вплоть до 1920-х гг. Различия не столько этно-религиозного характера, хотя и это весьма важно, сколько военно-политического: геополитическое противостояние в бассейне сразу трех морей... долго определяли характер отношений господствующей нации Османской империи и коренной народности России»¹.

Между тем война сама по себе является механизмом культурного обмена и влияния. Отношения между воюющими русскими и турками, запечатленные в рассказах и воспоминаниях воинов русской армии (прежде всего офицеров), оказывали существенное, если не решающее значение на формирование образа южного соседа и противника в глазах русского общества. Эти отношения определялись в первую очередь самими обстоятельствами контактов, когда стороны встречались лицом к лицу в ходе сражений, осад и штурмов, самой природой войны, в ходе которой ярче проявляются одни стороны и особенности культуры и отступают на задний план другие.

Жестокость войны имела в Азии свою специфику, привносимую восточными традициями. В частности, один из русских мемуаристов, побывавший в турецком плену в 1828–1829 гг., рассказывает о том, как пленных поместили в палатку, где стояли бочонки с отрубленными и засоленными ушами убитых русских солдат. Русских пленных, которые не могли передвигаться, зачастую расстреливали². Дру-

¹ *Шеремет В. И.* Взаимные представления русских и турок (XVIII–XIX вв.) // *Человек в контексте культуры.* М., 1995. С. 219.

² *Розеллион-Сошальский А.* Записки русского офицера, бывшего в плену у турок // *Военный сборник.* 1858. Т. 3. № 5–6. С. 183, 191.

гой пленный русский офицер, знавший турецкий язык, приводит разговор двух турок между собой о пленном русском инженере. Один говорит: «Этот русский инженер может попасть из пушки вон в ту птицу». Другой на это отвечает: «Если это так, то ему надо отрубить голову»³. Страх перед техническим превосходством русских накладывается в данном случае на распространенную на Востоке традицию отношения к пленным. Ф. Ф. Торнау, описывая штурм Рахова, сообщает: «Турки выскакивали неожиданно невесть откуда и резали головы нашим раненым и отсталым людям... Озлобленные солдаты в свою очередь не давали туркам пощады, вламывались в дома, убивали всех или зажигали крыши, встречая слишком отчаянное сопротивление... Вдруг за нами раздался отчаянный крик; взглянув назад, мы увидели квартирмейстера между двумя турками, поспешно дорезывавшими его голову. Солдаты бросились на них с бешенством, догнали и в одно мгновение избили в решето. Голова бедного квартирмейстера каталась в пыли, скрежеща зубами, непомерные глаза выражали всю силу предсмертного страдания. При виде этой сцены я не удержался вскрикнуть: “Побрал же черт и извергов турок!”»⁴

Не вызывает особого удивления описанная А. С. Пушкиным сцена, которую он наблюдал на кавказском театре 20 июня 1829 г. в день сражения с войсками Гаки-паши: «Несколько раненых турков подзывали меня знаками, вероятно, принимая меня за лекаря и требуя помощи, которую я не мог им подать». В это время «из леса вышел турок, зажимая рану окровавленную тряпкою. Солдаты подошли к нему с намерением его приколоть, может быть из человеколюбия. Но это слишком меня возмутило; я заступился за бедного турку и насилу привел его, изможденного и истекающего кровью, к кучке его товарищей»⁵.

Аналогичным образом строились отношения с турецкими пленными у союзных России сербов. Во время одного из сражений, когда был убит сербский воевода А. Чаранич, сербы всем пленным отрубили головы. Русским казакам, никогда не отличавшимся тре-

³ Автобиография А. О. Дюгамеля // Русский архив. 1885. Кн. 1. С. 200.

⁴ Торнау Ф. Ф. Воспоминания о кампании 1829 г. в Европейской Турции // Он же. Воспоминания русского офицера. М., 2002. С. 56.

⁵ Пушкин А. С. Путешествие в Арзрум // Сочинения в 3-х тт. Т. 3. М., 1986. С. 399.

петным отношением к пленным, с трудом удалось спасти только двух пленников (из 50), отбив их у своих союзников⁶.

Но в ходе войны противники встречались и вне поля боя. Общение пленных с только что захватившими их победителями, встречи во время перемирий на нейтральной территории, контакты с мирным населением захваченных областей — все это в некоторой степени позволяет скорректировать картину взаимоотношений сторон (а заодно и слишком «милитаризированный» образ соседа).

Мемуары русских офицеров показывают, что отношение к врагу, обезоруженному и потерявшему способность к сопротивлению, существенно меняется. Встреча лицом к лицу, общение на близкой дистанции вне ситуации боя приводит к тому, что, не переставая оставаться противниками, пленные турки приобретают человеческие и индивидуально-психологические черты.

Еще М. И. Кутузов в письме к дочери от 13 декабря 1811 г. из Бухареста сообщал: «Среди пленных есть один трехбунчужный паша в возрасте 25 лет. Он так красив и так элегантен, что мог бы вскружить голову всему Петербургу»⁷. Знатные пленные турки при царском дворе в Петербурге — не плод воображения престарелого командующего, а явление, Кутузову вполне знакомое. Так, в 1772–1775 гг. в Петербурге находился пленный сераскер Ибрагим-паша, захваченный в Крыму. Он вместе с секретарем Мехметом Наджати-эфенди, оставившим воспоминания, неоднократно посещал придворные театральные представления и маскарады⁸.

Уже упоминавшийся Гаки-паша, как видно из мемуаров современников, при взятии в плен проявил чувство собственного достоинства. Он отказался отдавать свою саблю пленившему его подполковнику Верзилину. «Я сам лично отдам саблю мою главнокомандующему», — будто бы заявил он. Когда его представили И. Ф. Паскевичу, он сказал: «Генерал! Эту саблю отдает Вам паша, какого вы еще никогда не имели у себя в плену». Для нас не столь важно, был ли такой разговор на самом деле, гораздо важнее, что слухи о нем

⁶ Петров А. Н. Война России с Турцией 1806–1812 гг. Т. 3. СПб., 1885. С. 180.

⁷ М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. 3. М., 1952. С. 735.

⁸ Записки Мухаммеда Неджати-эфенди, турецкого пленного в России в 1771–1775 гг. // Русская старина. 1884. № 5. С. 116, 202–206.

были распространены в войсках и формировали определенную репутацию турецкого командующего и отношение к нему. Мемуарист, сообщивший эти обстоятельства, сам ходил смотреть на пленного Гаки-пашу, о чем и оставил свидетельство: «Окруженный своими, паша сидел внутри палатки и с привычной важностью курил табак, но мрачность лица его и глубокое горестное безмолвие его свиты сильно выражали страдание растерзанного самолюбия»⁹. По другим сведениям, присев на колени перед Паскевичем по восточному обычаю, Гаки-паша «с особенной вежливостью» отдал ему свою саблю и сказал: «Судьба войны непостоянна, ... за несколько минут повелевал я 20 тысячами, теперь к стыду моему пленник. Но между нами, христианский вождь, имя твое славится высокими качествами, и говорят, что ты умеешь побеждать и быть великодушным». «Свободный вид и глубокое чувство, с которыми были произнесены эти слова, поразили всех присутствующих»¹⁰. Паскевич «поспешил обласкать Гавки-пашу» и уверил его в милосердии императора. От разговоров Гаки-паша не уклонялся, но отвечать на вопросы о расположении турецких магазинов отказался, сочтя это для себя «тягостным унижением»¹¹.

Пушкин также свидетельствует о достойном и благородном поведении Гаки-паши. Поэт застал его в палатке в окружении русских офицеров: «Он сидел, поджав под себя ноги и куря трубку... Важность и глубокое спокойствие изображалось на прекрасном лице его. Отдавшись в плен, он просил, чтобы ему дали чашку кофию и чтоб его избавили от вопросов»¹².

То, что Пушкину, как и некоторым другим русским, казалось проявлением твердости духа и благородства, могло быть, впрочем, и религиозным фатализмом, проявлением слепой покорности воле Аллаха. Узнав о победе русских над турками под Шумлой, пленники, взятые под Арзрумом, фаталистично признались, «что видимо

⁹ *Соболев М.* Письма из Армении и взятие Арзрума // Московский телеграф. 1830. Ч. 31. № 2. С. 162–163.

¹⁰ История военных действий в Азиатской Турции в 1828–1829 гг. Ч. 2. СПб., 1836. С. 237.

¹¹ История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг. Ч. 2. Варшава, 1843. С. 121.

¹² *Пушкин А. С.* Указ. соч. С. 400.

пророчество Магомета сбывается: турки должны быть побеждены христианами и затем вскоре последует конец света»¹³.

В то же время пленные демонстрировали и вполне понятное русским состояние духа. По свидетельству того же Пушкина, пленный арзрумский сераскир, «седой старик, наружности самой обыкновенной, сидел в глубоком унынии»¹⁴. «Поговорив с сераскиром, граф (Паскевич. — Б. М.) вышел из палатки, приказал принести ему все вещи и никого не допускать. Почетный караул сераскира превратился в стражу арестанта. Один турецкий чиновник хотел было войти к сераскиру, но часовой его не пустил. Пришел князь Бекович и, не снимая шапки, сел напротив сераскира на стуле, между тем как тот сидел на коленях. По лицу и глазам сераскира было видно, что все это ему не очень нравится. Однако делать нечего»¹⁵.

Последняя цитата принадлежит И. Т. Раджицкому — довольно образованному для своего времени человеку, участнику наполеоновских войн и знаменитому мемуаристу. Интересны характеристики, данные им и остальным пашам, захваченным в Арзруме, — не стереотипные, а подчеркивающие их индивидуальные человеческие особенности. «Прочие три толстые паши находились в своей палатке, за сераскирской», — вспоминает Раджицкий. Старый Абут-паша хлопотал, чтобы им позволили взять своих людей и не различали бы с товарищами¹⁶. вполне возможно, это о нем пишет с некоторой симпатией Пушкин: «Один из пашей, сухощавый старичок, ужасный хлопотун, с живостью говорил с нашими генералами». Узнав, что перед ним поэт, он одарил его цветистым восточным комплементом¹⁷. Ахмет-паша был грустен и задумчив, вспоминая о красавицах своего гарема, и наконец «круглый, жирный и веселый Осман-паша, беспечно развалившись, хохотал о своей участи». «Он был истинный философ», — продолжает Раджицкий, замечая, что русские офицеры, обступившие пленников, «более занимались с любезным Осман-пашей»¹⁸.

¹³ Раджицкий И. Взятие Эрзрума в 1829 г. // Древняя и новая Россия. 1877. № 9. С. 32.

¹⁴ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 403.

¹⁵ Раджицкий И. Указ. соч. С. 30.

¹⁶ Там же. С. 30.

¹⁷ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 402.

¹⁸ Раджицкий И. Указ. соч. С. 31.

Преображенский офицер Н. А. Лукьянович с сочувствием пишет о взятом в плен под Варной в 1828 г. Юсуф-паше. Он отмечает, что на его бледном лице были черты глубочайшей скорби¹⁹. Лукьянович рисует ряд эпизодов, в которых турки предстают не как противники, а как страдающие частные люди, которым доступны высокие чувства. Он описывает, например, старого турецкого полковника, тоскующего у ног своего умирающего от ран и голода коня. Мемуарист достал немного сена и дал бедному животному. «Турок смотрел на это с задумчивой улыбкой, его мутные глаза сделались влажны, взяв мою руку, — пишет Лукьянович, — он крепко пожал ее в знак благодарности»²⁰. Описывая пленных турок под Варной, этот же мемуарист отмечает, что они были изнурены голодом и болезнями и походили скорее на выходцев с того света²¹. Вместе с тем, когда им был отдан приказ сдать оружие, «глубокая горесть, изображавшаяся на их лицах и даже слезы, навернувшиеся на глазах у многих при этом повелении, показывали, сколь тягостно им было расстаться с драгоценным своим оружием»²².

Образы пленных противников, представленные в мемуарах, скорее вызывают жалость и заставляют предполагать, что со стороны русских преобладающим было гуманное отношение к ним. Весьма любопытно свидетельство Кутузова, высказанное еще в начале XIX века. В 1812 г., рисуя бедствия отступавшей французской армии, в письме дочери от 10 ноября он обронил фразу: «Я не раз плакал над судьбою турок». Имелись в виду турки, захваченные под Слободзеей в 1811 г. И хотя далее следовало весьма красноречивое продолжение: «но признаюсь, что ни одной слезы не пролил из-за французов!», вряд ли можно считать сожаление о печальной участи турецкой армии лишь риторической фигурой²³. Офицер П. Глебов описывает сцену под Варной в 1828 г. с явным состраданием к противнику: «Я видел, как фельдшера торопливо очень неосторожно перевязывали раны несчастных страдальцев, и верно, некоторые турки, не понимая цели господ эскулапов, думали, что русские хотят

¹⁹ Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. СПб., 1833. С. 45.

²⁰ Там же. С. 49.

²¹ Там же. С. 43.

²² Там же.

²³ М. И. Кутузов: Сборник документов. Т. 4. Ч. 2. М., 1955. С. 243.

мучительно умертвить их. В некотором отдалении от других лежал молодой турок, почти без дыхания, окровавленный, с бледным лицом и с полузакрытыми глазами, а над ним сидел старик с седой бородой и пристально, неподвижно смотрел на умирающего юношу»²⁴.

Русские медики оказывали помощь и раненым туркам, захваченным в Силистрии 19 июня 1829 г. Однако главнокомандующий одобрил предложение генерала А. И. Красовского отправить их в Рушук, занятый турками, поскольку заботиться о содержании и лечении около 15 000 человек было слишком обременительно для русской армии. Это решение, избавляя русскую сторону от дополнительных хлопот, одновременно позволяло продемонстрировать противнику свою гуманность, а кроме того, появление множества раненых в турецкой крепости должно было осложнить ее положение и деморализовать гарнизон²⁵.

Весьма показательна история взаимоотношений знатного и образованного арнаута Осман-аги и великого князя Михаила Павловича. Великий князь осматривал госпитали в Браилове и, увидев там раненого Осман-агу, поручил его попечению доктора Гофмана, который и вылечил пленника. По выздоровлении Осман-ага отправился в Рушук и в Журжу, рассказывая своим соотечественникам, как Михаил Павлович заботился о раненых в Браилове, и о своей собственной судьбе. Позднее, по просьбе Осман-аги, ему был выслан из Петербурга портрет великого князя²⁶. Этот случай вполне отражает особенности отношения к пленным противникам в царствование Николая I. Речь идет о демонстративно вежливом обхождении (как правило, с последующей отправкой на родину до окончания военных действий) к отдельным пленным, в первую очередь к более или менее знатным или к тем, чья судьба по разным причинам могла привлечь общественный интерес. Цель таких акций была прежде всего пропагандистская: создание имиджа России как цивилизованной страны²⁷.

²⁴ Глебов П. Воспоминания // Сын отечества и Северный архив. № 52. 1834. С. 591.

²⁵ Ладыженский. Осада Силистрии: (Письма к другу) // Сын отечества и Северный архив. 1829. № 41. С. 32–34.

²⁶ Лукьянович Н. А. Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг. Ч. 1. СПб., 1844. С. 137.

²⁷ Миловидов Б. П. Из морского сражения в сухопутный плен: Черное море — Петербург: (два казуса эпохи Крымской войны) // Хронотоп войны: Про-

Подчас турецких и русских военных связывали длительные человеческие отношения, которые оказывали существенное влияние на положение того или иного военнопленного в России. Генерал П. А. Тучков рассказывает, как после сдачи Варны один из пленников вдруг бросился к нему в ноги. В нем Тучков узнал «татарина», который незадолго до войны сопровождал его во время одной из поездок по Турции. Вся сцена происходила в присутствии императора Николая, который приказал выдать «татарину» денег и содержать на особом положении. Этот пленник, которого звали Эммин, жил до конца войны в Одессе в доме графа М. С. Воронцова «и был доволен своей участью»²⁸. Пушкин, описывая пленных, взятых в сражении с Гаки-пашой, сообщает, что при пленных находился полковник Анреп. «Он курил дружелюбно из их трубок, несмотря на то, что были слухи о чуме, будто бы открывшейся в турецком лагере. Пленные сидели, спокойно разговаривая между собою»²⁹. Турецкие пленные паши были приглашены на парад русских войск по случаю сдачи Силистрии, затем в русском лагере их угощали шербетом и другими сладостями³⁰. То же самое было и под Варной³¹.

Лукьянович описывает свое посещение Юсуф-паши, раненного под Варной при взрыве мины. При турке находился саперный русский офицер, отвечавший за взрыв этой мины. «Теперь крепость ваша, — сказал Юсуф-паша, обращаясь к саперному офицеру, — война скоро кончится и мы должны быть друзьями», и пожал ему при этом руку³². В своих мемуарах Лукьянович дает и подробную картину заботы русских военных о пленных турках, которых они должны были охранять: «Целые сутки мы не имели покоя от беспрестанного шума и споров между турками и нашими маркитантами, продававшими им белые сухари. Мы вступили в посредничество между мусульманами, которые вынуждены были платить вдесятеро за каждый

странство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.: СПб., 2007. С. 155–157.

²⁸ Записки П. А. Тучкова // Русская старина. 1881. № 11. С. 493–494.

²⁹ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 399.

³⁰ Ладыженский. Указ. соч. С. 34, 37.

³¹ [Фелькнер] В. Ф. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера о турецкой войне 1828 г. // Инженерный журнал. 1865. № 5. Неофиц. отдел. С. 194.

³² Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. С. 53–54.

сухарь, и нашими православными христианами и положили предел корыстолюбию маркитантов»³³.

Турки ходили по лагерю за русскими военными с просьбами: «Капитан, дай мала копейка. Капитан, дай хлеба». Помочь всем было невозможно. Поэтому офицеры решили хлопотать о выдаче пленным туркам фуража и провианта, заготовленных для русских. Однако число турок не было известно ни конвою, ни им самим, и русский дежурный офицер отправился в палатку Юсуф-паши, который приказал секретарю собрать сведения от турецких старшин. Оказалось, что пленных приблизительно пять тысяч. После этого им был немедленно роздан провиант³⁴. Вместе с тем Лукьянович, глядя на отправляющихся в Россию пленных турок, удивляется, что на их лицах не заметно следов горести. Впрочем, он тут же отмечает, что благодаря заботам русского правительства они ни в чем не терпели нужды, что русские «умели доказать им свое гостеприимство, свою приязнь, сумели доказать, что иноземец, покорившийся власти России, становится наравне с ее детьми»³⁵.

Мирные встречи между сторонами в ходе военных действий происходили и при отправке парламентариев, переговоров по поводу занятия крепостей, обмена пленными.

Резюмируя свои впечатления о национальном характере турок, Лукьянович отмечает их «флегматическое добродушие», пишет об их храбрости, но замечает при этом, что на Востоке они славятся «не большими умниками». Особо отмечает он отсутствие у турок фанатизма, который проявлялся бы в ходе войны. Правда, оговаривается, что это относится лишь к настоящей кампании, а в прежние времена даже во время перемирий турецкие храбрецы вызывали русских на единоборство. Теперь же во время перемирий «турки сходились с русскими дружески», беседовали с противником через переводчиков или знаками, предлагали русским солдатам белые сухари и трубки, удивленно глядя при этом на предлагаемые в обмен черные русские сухари³⁶. В частности, мемуарист описывает, как во время переговоров под Варной в сентябре 1828 г. турецкого пашу в русском лагере

³³ Там же. С. 44.

³⁴ Там же. С. 44–46.

³⁵ Там же. С. 58.

³⁶ Там же. С. 55.

угощали кофеем и предлагали ему трубки. Паша спросил русского генерала, нравится ли ему турецкий табак и, получив положительный ответ, сказал: «завтра, что бы ни дал Бог, мир или войну, я непременно пришлю тебе самого лучшего табаку». И действительно, несмотря на возобновившиеся боевые действия, выполнил свое обещание, отправив для этого нарочного из крепости³⁷.

В. Ф. Фелькнер пишет, что во время перемирия под Варной 2-3 сентября 1828 г. турки «во множестве подходили к нашим траншеям», некоторые из них «разговаривали на чистом русском языке и предлагали табак в обмен на виноград, которого не было в крепости»³⁸. Другой мемуарист также сообщает, что во время этого перемирия турки и русские вышли из своих укреплений. Турки долго рассматривали противников «с каким-то особенным вниманием» и удивлялись молодости российских артиллеристов. «Мы поделились с ними сухарями, — пишет мемуарист, — а они снабдили нас прекрасным табаком». Затем подошел переводчик и начались разговоры. Один молодой, богато одетый турок просил не стрелять ночью по бастиону, поскольку это мешает отдыху осажденных, на что «его уверили, что с полуночи до рассвета не будут нарушать его спокойствия»³⁹. Иногда русскому командованию приходилось даже принимать меры к ограничению подобных контактов. 8 июня 1829 г. турки под Силистрией запросили перемирия. Генерал Красовский согласился только на двухчасовые переговоры. Осажденные высыпали на вал. Но, как пишет артиллерийский офицер П. Глебов, русским «было строго запрещено браться с неприятелем, пока окончатся переговоры»⁴⁰.

Во время обложения Шумлы в 1829 г. русские пленные офицеры, находившиеся там, посылали в лагерь за своими вещами. Нередко и турки, подъезжая к передовым русским постам, просили передать своим пленным товарищам продукты и деньги⁴¹.

³⁷ Там же. С. 55–56.

³⁸ [Фелькнер] В. Ф. Указ. соч. С. 148.

³⁹ Очерк осады Варны (из воспоминаний артиллерийского офицера) // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1836. Т. 2. Кн. 7. С. 335; Глебов П. Воспоминания. С. 597.

⁴⁰ Глебов П. Осада Силистрии // Отечественные записки Т. 23. 1842. № 7. С. 24–25.

⁴¹ Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейскую Турцию. Ч. 2. СПб., 1906. С. 318.

Иногда обмен или даже добровольное возвращение пленных использовалось в качестве демонстрации доброй воли при начале переговоров или как предлог вступить в них. Нечто похожее произошло под Браиловым в 1828 г. Турки не верили, что на театр военных действий прибыл сам император. Тогда «несколько пленных, осыпанных благодеяниями монарха», были отпущены обратно в крепость⁴². В данном случае это было скорее изошренным психологическим давлением на противника, призванным продемонстрировать, что под крепостью находится венценосная особа, олицетворяющая собой всю мощь империи.

Показательна в этом отношении история обмена русского офицера А. О. Дюгамеля, оказавшегося в 1829 г. в плену в Шумле. После битвы при Кулевче И. И. Дибич предложил визирю обменять Дюгамеля на кого-нибудь из пленных турок, однако визирь отвечал уклончиво, и дело затянулось. Когда же положение турок резко ухудшилось, то визирь стал искать повод вступить в контакт с русскими. Получив письмо генерала Красовского, стоявшего под Шумлой, с сообщением, что тот принимает участие в судьбе Дюгамеля, и с выражениями благодарности за его хорошее содержание, визирь вызвал пленника, наговорил «разных вежливостей» и 30 июля 1829 г. благосклонно отпустил его к русским аванпостам, подарив при этом лошадь. Красовский, в свою очередь, отправил в Шумлу четырех турецких офицеров⁴³.

Впрочем, отношения между русскими и турками даже при контактах по гуманитарным вопросам не были идиллическими. Генерал Красовский 14 августа 1829 г., узнав о падении Адрианополя, направил письмо визирю, где предлагал личное свидание. Одновременно он приказал отпустить всех пленных турок, захваченных в течение нескольких предшествующих дней и просил отпустить русских, находящихся в Шумле. Однако тогда визирь лишь ответил, что он будет иметь в виду возвращение русских пленных⁴⁴. Стороны не забывали, что находятся в состоянии войны.

⁴² Лукьянович Н. А. Описание турецкой войны 1828–1829 гг. Ч. 1. С. 85.

⁴³ Автобиография А. О. Дюгамеля. С. 204–205; [Дюгамель А. О.] Из записок русского офицера // Журнал для чтения воспитанников военно-учебных заведений. 1855. Т. 55. С. 494–495.

⁴⁴ Епанчин Н. Очерк похода 1829 г. в Европейскую Турцию. Ч. 3. СПб., 1906. С. 232, 254.

Это подтверждает и история отправки парламентаров в укрепление Арнаут-Калесси, куда подошли русские к моменту заключения Адрианопольского мира. Генерал Ф. К. Гейсмар, получив неофициальное известие о подписании трактата, отправил в укрепление парламентаров с предложением приостановить боевые действия. Для парламентаров принесли ковры и подушки, и когда прибыл паша с муллою и переводчиком, начались переговоры. Они «велись по азиатскому обычаю важно, медленно и обдуманно при беспрестанном угощении шербетом, чубуками и кофеем». «Первый раз мы сходились с турками говорить о мире и дружбе после двухлетней брани, — пишет Ф. Ф. Торнау, — и признаться, наше положение было как-то неловко посреди полудикой толпы арнаутов, не скрывавших злобы, возбуждаемой видом гяуров, проливших так много мусульманской крови»⁴⁵. Паша, несмотря на хороший прием, намеревался задержать парламентаров до выяснения обстановки. Русским пришлось намекнуть, что если они не вернуться в лагерь к вечеру, за ними явится весь отряд. Эта угроза возымела действие, и их отпустили. Опасения паша были не напрасны — русские, как пишет мемуарист, внимательно осматривали укрепление и подступы к нему, прикидывая возможности штурма⁴⁶. Через два дня в русский лагерь приехал сам паша с известием о заключении мира. Гейсмар приказал на славу угостить пашу и сделать ему богатые подарки⁴⁷.

Конечно, после заключения мира взаимоотношения противников менялись в лучшую сторону. Так, после подписания Адрианопольского договора русские и турки, стоявшие под Шумлой, охотно наносили друг другу визиты, давали обеды, «причем турки, бывая у нас, забывали строгие заветы своего пророка и при звуках музыки находили особенно приятным шампанское, которое мы для приличия называли старым шербетом»⁴⁸. Впрочем, участники этих вполне мирных контактов не забывали о только что закончившемся противостоянии и имели в виду возможные будущие военные конфликты. Поэтому особенно часто появлялись в Шумле офицеры российского

⁴⁵ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 109.

⁴⁶ Там же. С. 109–110.

⁴⁷ Там же. С. 110.

⁴⁸ Епанчин Н. Указ. соч. Ч. 3. С. 253, 255.

генерального штаба, пользовавшиеся такой возможностью для изучения турецких укреплений⁴⁹.

Надо сказать, что даже пленные турки представляли потенциальную опасность. Генерал-майор Л. А. Симанский пишет, что после прибытия пленного мачинского гарнизона (ок. 4000 чел.) в расположение русских войск, для охранения пленных был назначен отдельный батальон. И красноречиво прибавляет — «или для охранения нас от них»⁵⁰. Прибывший осмотреть пленников Симанский застал уже знакомую картину. Турки сидели, образовав несколько кругов, и курили трубки. «Я приехал, — пишет Симанский, — паша встал, просил слезть с лошади, взял меня за руку и повел меня далее; недалеко от него были устроены круглые диваны и посреди вход; разостлали ковер, он подал мне трубку и я сел на ковер, начали разговор...»⁵¹ Если не знать, в каком положении по отношению друг к другу находились русский генерал и турецкий паша, то можно было бы подумать, что турок принимает у себя почетного гостя, а не сам находится в плену. Более того, пленник позволил себе задавать вопросы относительно количества русских войск, так что Симанский был вынужден прервать разговор⁵². Меры предосторожности были приняты и при выходе турецкого гарнизона из сдавшейся Варны. Выступавшие из крепости турки тут же попадали в окружение русских частей, построенных в боевые порядки. Когда гарнизон начал покидать крепость, русская артиллерия подъехала к ним, снялась с передков, и канониры с банниками выбежали вперед. Очевидец свидетельствует: «В толпе турок ... произошло большое смятение и многие даже обратились в бегство, полагая, что по ним будут стрелять; но мало помалу они успокоились, поняв, что это была лишь одна предосторожность на случай их сопротивления»⁵³. Русским пришлось приложить массу усилий для того, чтобы уговорить сдать оружие албанцев, поскольку те были уверены, что, сдавшись добро-

⁴⁹ Там же. С. 255.

⁵⁰ *Симанский Л. А. Походные записки // Архив Симанского. СПб., 1912 С. 24.*

⁵¹ Там же.

⁵² Там же. С. 25.

⁵³ *Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. С. 41–42.*

вольно, сохраняют его. Лишь обещание вернуть оружие позднее смогло разрядить опасную ситуацию⁵⁴.

Иногда, впрочем, пленные действительно проявляли агрессию. Так, один турок (дело было на Дунае в 1828 г.) «выскочил из палатки к ружьям, схватил одно и ранил двух солдат и унтер-офицера». Главнокомандующий приказал прогнать его сквозь строй, дав тысячу ударов. Зрителей было множество, турок молчал, «прочие пленные говорили с негодованием о нем»⁵⁵.

Отношения турецких пленников с русскими военными складывались подчас весьма причудливо и прекрасно иллюстрируют глубочайшую разницу культур, с одной стороны, и желание понять друг друга, с другой, во всяком случае, некоторое движение в этом направлении. Это взаимное притяжение и отталкивание определялось различными культурными механизмами, особенностями менталитета соседних народов. В большинстве мемуаров четко прослеживается антитеза европейской просвещенности русских и азиатского невежества турок, над которыми авторы явно ощущают свое превосходство. Русские офицеры при описании действий турок часто называют русских гяурами, как бы реконструируя ход мыслей воинов Блистательной Порты. Но под пером мемуаристов такое словоупотребление превращается в снисходительную насмешку над противником. Этот контекст присутствует и у Пушкина в «Путешествии в Арзрум».

И. Т. Радожицкий следующим образом рассказывает о встрече пленного арзрумского сераскира и Паскевича: «Граф принял знаменитого пленника с подобающей честью, облачившись сам во все ордена... Граф посадил сераскира в зеленой палатке при себе на стуле, им подали трубки, кофе — начались переговоры»⁵⁶. При чтении этих строк создается впечатление некоторого равенства сторон — конечно, культурного и человеческого, военная сторона дела понятна. Однако впечатление это обманчиво. Далее следует весьма примечательная фраза, дающая представление о модели отношения русских к туркам. «Мы все смотрели, — пишет Радожицкий, — как просвещенный ум европейца немногими средствами преодолевает огром-

⁵⁴ *Ботьянов*. Пребывание императора Николая Павловича на Черноморском флоте в 1828 г. // Морской сборник. 1869 № 8. Неофиц. часть. С. 24.

⁵⁵ *Симанский Л. А.* Указ. соч. С. 55.

⁵⁶ *Радожицкий И.* Указ. соч. С. 30.

ные силы невежественных азиатцев»⁵⁷. Мемуарист не может удержаться от некоторой пренебрежительной иронии по отношению к обычаям пленников. Описывая прислугу сераскира, он отмечает, что она «точь в точь как у нас на театре гримируют пажей в балетах»⁵⁸.

Примечательно описывает Лукьянович посещение пленных турок под Варной Николаем I 29 сентября 1828 г. Император разговаривал с некоторыми из пленных через переводчика. Причем многие турки не верили, что перед ними русский самодержец: «Их изумляла простота его обращения, его приветливость с ними и милосердное внимание к ним — несчастным жертвам упорного деспотизма. Он являлся истинно великим человеком, а бедные турки не постигали, в чем состоит это величие...»⁵⁹.

Эта цитата ярчайшим образом демонстрирует европоцентризм автора и его представление о турках как о варварском и невежественном народе, жертвах деспотизма, достойных сожаления. Более сложную картину представлений о противнике и связанных с этим рефлексий дают мемуары П. Глебова. «Я до сих пор, — пишет он, — считаю этот необразованный народ мужественным и постоянным во время войны, честным и добродушным в мирное время. Они жестоки, злобны и мстительны в час битвы, и пленный не вымолит себе пощады; но это варварство есть необходимое следствие или грубого невежества, или привязанности к отечеству. Впрочем, русские в двенадцатом, а испанцы в десятом годах разве не были жестоки, злобны и мстительны с французами?».

Далее автор говорит о честности турок в мирное время и поддерживает мнение Байрона, который считал, «что женщины, воспитанные в законе восточном, способны и могут составить семейное счастье честного человека»⁶⁰. В этом пассаже важны два момента. Во-первых, то, что автор подчеркивает необразованность турок, патриархальность их нравов (что в общем характерно и естественно для «просвещенного» европейца того времени) и даже видит в этом положительные стороны (что характерно гораздо менее и свидетельствует о некоторой рефлексии и отступлении от европоцентризма, вы-

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же. С. 32.

⁵⁹ Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. С. 42.

⁶⁰ Глебов П. Воспоминания. С. 588–589.

званное продолжительным пребыванием на Востоке и романтическими влияниями). Во-вторых, ряд отрицательных черт (жестокость, мстительность), обычно приписываемые восточным народам, он объясняет не их «природой», а чувством патриотизма и при этом ставит в один ряд жестокости турок с жестокостью европейских народов, продемонстрированной ими в ту же эпоху, в условиях, когда речь шла об их политическом существовании.

Наблюдения Глебова особенно ценны потому, что их автор — опытный боевой офицер, довольно реалистично оценивающий своего противника. По его свидетельству, он не раз имел возможность убедиться, что турки — эти «по виду смиренные и кроткие воины ... сродни тому доброхоту и смиреннику коту, который в басне Дмитриева так пленил неопытного мышонка»⁶¹. С Глебовым отчасти солидаризируется и Торнау. Он отмечает, что «турки старого покроя» — в противоположность появившимся позднее образованным туркам, продукту танзиматских реформ — обладали многими положительными чертами, несмотря на их невежество, религиозный фанатизм и презрение ко всему чужому: «Гостеприимство, честность и соблюдение данного слова считались у них качествами, без которых не должен обходиться добрый мусульманин. Они притесняли христиан из чистого невежества, считая каждого гяура не выше собаки...»⁶². За рассуждениями Торнау видны раздумья по поводу реформ 1860-х гг. в России — сдержанное отношение к ним вело автора и к идеализации дореформенного уклада Османской империи.

Чувство «цивилизационного» превосходства, хотя и влекло за собой подчас ироническое отношение к нравам и обычаям мусульманского мира, не только не препятствовало стремлению русских подчеркнуть свое толерантное и гуманное отношение к жителям захваченных территорий, но скорее было его причиной. Это хорошо видно по мемуарам Торнау. Кроме гарнизона и местных жителей в цитадели Рахова, взятого русскими в 1829 г., скрывались все раховские женщины и дети — около 1200 человек, которым дозволено было следовать в плен за своими отцами и мужьями. П. Х. Граббе поручил Торнау «на первый случай беречь их от обиды и заботиться о доставлении им пищи и крова». В помощь офицеру была придана

⁶¹ Глебов П. Осада Силистрии. С. 24.

⁶² Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 102.

команда солдат и казаков, а также семеро мусульман и переводчик из болгар⁶³. Несколько дней, до отправки пленниц в Крайов, мемуарист был занят организацией их быта, включая закупку продуктов в соседних деревнях. Проблему составляли русские офицеры, непрерывно, несмотря на строжайший запрет, приходившие посмотреть на восточных красавиц. Как пишет мемуарист, это было нелегко, во-первых, потому что «красавиц не существовало, а во-вторых, оттого, что стан женщин скрывался под широким балахоном самого уродливого покроя, а лица были завешены куском полотна с двумя скважинами для глаз». Когда Торнау обходил по обязанности лагерь, женщины поворачивались к нему спиной «в знак уважения и глубокой стыдливости». Старые турки полюбили его за то, что он «ставил преграду офицерам-гяурам осквернять своими нечистыми взглядами стыдливых жен правоверных». Желая доставить молодому офицеру «удовольствие», они иногда специально открывали для него «лицо молодой девушки, хорошенькой по их понятиям “гозель кыз”», которая смотрела на него «с бессмысленным удивлением». Замужних женщин посторонним мужчинам видеть вовсе не полагалось⁶⁴.

Впрочем, русские офицеры не всегда были столь тактичны, как Торнау. По свидетельству Пушкина, Осман-паша просил И. Ф. Паскевича позаботиться о его гареме. Граф отправил туда офицера осведомиться, не причинили ли солдаты вреда женам паши. Прибывший офицер требовал непременно личной встречи с женами паши, дабы удостовериться, что с ними все благополучно. Однако отец паши и служащие гарема не желали допускать этого. Если паша узнает, уверяли они, что его жен видел чужой мужчина, то велит отрубить всем служителям голову. В итоге стороны сошлись на том, что была приведена только одна из жен, закрытая покрывалом. Впрочем, эти строгости не мешали самим женам с любопытством через окошко рассматривать гяуров, что и заметил поэт, присутствовавший при этой сцене⁶⁵.

Показательно и поведение русских в крепости Враца. Когда войска вошли в нее, турки в полном вооружении занимали улицы густой толпой. «Они бросали на нас сердитые взгляды; кое-где из

⁶³ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 59.

⁶⁴ Там же. С. 60.

⁶⁵ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 407–408.

середины слышались проклятия против москов-гяуров, но перед нашими саблями и казачьими пиками дорога очищалась без сопротивления», — пишет Торнау⁶⁶. Жителей Врацы освободили от военного поста, «кроме немногих исключений в пользу должностных офицеров», не нашедших себе места в губернаторском доме. Благодаря распоряжением командования в городе воцарился порядок: «По прошествии немногих дней турки приучились повиноваться воле гяуров и повели свою обычную базарную и кофейную жизнь, несколько не стесняясь нашим присутствием». Торнау осуждает обычай городского населения просиживать без дела весь день в кофейнях: «Мы русские никогда не понимали такого безделья, но в похвалу нам будь сказано, никогда не тревожили его упоительной тишины ни делом, ни колким словом. Вообще мы заботились по возможности облегчить для турок наше непрошеное присутствие, избегая нарушать их поверья и привычки: сидя в кофейнях, курили трубки в глубоком молчании, берегли мечети, встречая женщин, отворачивались и не водили за собой собак в жилые комнаты. Солдаты следовали доброму примеру офицеров, да и по собственному побуждению не обижали безоружных турок»⁶⁷.

Вместе с тем при случае русский офицер не забывал указать на негуманную позицию турецких властей по отношению к мирному населению, расходящуюся с европейской традицией. Симанский заметил в разговоре с взятым в плен в Мачине пашой, что русские берегут деревни местных жителей. «А зачем это?» — спросил паша и, махнув рукой, прибавил: «О, другие построят»⁶⁸.

Линия, по которой русские в культурном плане противопоставляли себя туркам, четко прослеживается и в том, как изображена внешняя, материальная сторона их жизни. «Пестрота и разнообразие в одеждах, дорогие сабли, ружья, ятаганы, которыми они вооружены были с ног до головы, ржание лошадей, звук оружия, говор на языке иноплеменном — все сие было для нас совершенно новой и чрезвычайно занимательной картиной», — таково первое впечатление Н. А. Лукьяновича от пленных турок под Варной⁶⁹. Чуть далее, опи-

⁶⁶ Торнау Ф. Ф. Указ. соч. С. 100.

⁶⁷ Там же. С. 102–103.

⁶⁸ Симанский Л. А. Указ. соч. С. 25.

⁶⁹ Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. С. 42.

сывая свиту Юсуф-паши, Лукьянович замечает: «разноцветные шубы, чалмы, конские уборы с кистями и погремушками, беспорядок этой пестрой толпы — все составляло разительную противоположность с нашими войсками»⁷⁰. Позднее, уже в своем исследовании, Лукьянович передал впечатление, производимое противниками друга на друга под Силистрией: «Богатство или, правильнее, пестрота одежд толпы сей, и неподвижная важность, постоянно сохраняемая турками как в самых обыкновенных занятиях, так и при торжественных случаях, составляли разительную противоположность с нашей одеждою и живостью во всех движениях, представляли наблюдателю картинку любопытную и живописную»⁷¹. Турок же удивляла стройность и «верный шаг, бодрый и веселый вид солдат», больше всего им нравились гусары в парадных мундирах и на красивых лошадях. Как видим, первое, что бросилось в глаза мемуаристу, — иррегулярность турецких войск, которые для него не армия, а толпа.

Такое же ощущение дикости, хаотичности и иррегулярности вызвал гарнизон Варны и у Фелькнера, отмечавшего, что парад русских войск под Варной, который наблюдали пленные, для них был невиданным зрелищем, а сами пленные являли собой пестрые толпы в разнообразных костюмах. Далее мемуарист прямо называет пленных «сбродом из разных национальностей»: «Гут кроме настоящих турок были стройные арнауты или албанцы с зверскими физиономиями и белокурыми волосами, цыгане, арабы, негры, солдаты регулярной пехоты в мундирах европейского покроя и красных фесках, дели-баши и регулярные кавалеристы с высокими остроконечными шапками, первые удалцы и головорезы (без каламбура) турецкой армии»⁷².

Как и другие авторы, Лукьянович подчеркивает различия в бытовых привычках и предпочтениях: «Черные солдатские сухари сначала не полюбили туркам, привыкшим к белому хлебу, и они не хотели их есть. Но с голодом нечего шутить! — подумали они и стали кушать»⁷³. Пушкин в 1829 г., двигаясь по Военно-Грузинской дороге на Кавказский театр военных действий, видел турецких плен-

⁷⁰ Там же. С. 43.

⁷¹ Лукьянович Н. А. Описание турецкой войны 1828 и 1829 гг. Ч. 3. СПб., 1847. С. 228–229.

⁷² [Фелькнер] В. Ф. Указ. соч. С. 191.

⁷³ Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. С. 46.

ных, ремонтировавших дорогу. «Они жаловались на пищу, им выдаваемую. Они никак не могли привыкнуть к русскому черному хлебу». Это напомнило поэту слова его приятеля, вернувшегося из Парижа: «Худо брат, жить в Париже: есть нечего: черного хлеба не допросишься!»⁷⁴ Характерно, что русские пленные, оказавшиеся на чужбине в годы Крымской войны, тоже жаловались на отсутствие привычной пищи — кислой и квасной, в частности, черного хлеба⁷⁵.

Конечно, в силу специфики источников, мы по большей части видим позицию русской стороны. Осознание своей принадлежности к европейской культурной традиции было чрезвычайно важно для представителей русского образованного общества, к которому принадлежали офицеры-мемуаристы. Вглядываясь в азиатское зеркало, они лишней раз подчеркивали свою европейскую идентичность. Но в их текстах иногда, непроизвольно для авторов, проступает также позиция турок, их отношение к тем, в чьем плену они оказались. Иерархия ценностей здесь была несколько иной.

Как видно из записок Лукьяновича, между пленными и их охранниками очень быстро установились более или мене доверительные отношения. Ночью несколько замерзших турок подсели костру, у которого сидел и Лукьянович. Он предложил им табаку. Они «охотно набили свои трубки, после чего, каждый закулив трубку, потчевал меня, что почитается у них знаком большого уважения». Переводчика поблизости не было, поэтому с пленниками приходилось разговаривать «пантомимами». Последующий эпизод заслуживает особого внимания, поскольку наглядно демонстрирует разницу в представлениях противников как друг о друге, так и о «норме» поведения настоящего воина. «Один из них, — пишет мемуарист, — увидя мою саблю, знаками просил позволения посмотреть ее. Я вынул саблю. Турок вынул ее из ножен до половины, громко засмеялся и передал товарищам, которые с большим удивлением ее рассматривали, давая мне знать, что ею и ушей нельзя отрезать». Естественно, возмущившийся преображенец тут же объяснил, «что русскому офицеру сабля служит для защиты, а не для того, чтобы бесчеловечно резать уши и головы умерших и раненых неприятелей». В ответ на

⁷⁴ Пушкин А. С. Указ. соч. С. 378–379.

⁷⁵ Миловидов Б. П. Русские военнопленные в годы Крымской войны // Вестник молодых ученых. 2002. № 5. (Исторические науки. 2002. № 1). С. 34.

это один из турок, потрепав дружески русского офицера по плечу, сказал «О, русь, добра, добра!»⁷⁶ Неизвестно, какие выводы сделал турок из объяснений Лукьяновича, но обращает на себя внимание абсолютная противоположность ценностей участников этой немой сцены у походного костра.

Тем не менее, существовали культурные механизмы, способствовавшие взаимной терпимости и нахождению общего языка между сторонами. Фелькнер отмечает, что многие из пленников хорошо говорили по-русски, чему они научились, побывав в прошлую русско-турецкую войну в Киеве⁷⁷. (Здесь мемуарист ошибается: в ходе русско-турецкой войны 1806–1812 гг. пленных в Киев не отправляли.) И. П. Дубецкий также встретил в 1829 г. под Адрианополем турка, который в войну 1806–1812 гг. около двух лет провел в плену в Курской губернии. Этот турок, сносно говоривший по-русски, сообщил мемуаристу, что он был хорошо принят в некоторых помещичьих домах «и с искренней признательностью отзывался о хлебосольстве русских». Бывший пленный и его приятель часто посещали квартиру Дубецкого, приносили ему свежие фрукты, и в свою очередь бывали угощаемы греческим вином, «которое правоверными мусульманами как запрещенный плод пилося с наслаждением». Вместе с тем, турки, видя «азиатские ухватки» автора, приобретенные им во время службы за Кавказом, считали его «природным азиатцем»⁷⁸. Здесь мы видим вполне мирный контакт представителей разных культур, облегченный уже состоявшимся их взаимопроникновением.

И. П. Дубецкий сообщает в своих воспоминаниях, что русские офицеры, оказавшиеся в Турции, брали себе в услужение мальчиков и девочек из турецких и христианских семейств. Сам он также взял в услужение мальчика-сироту, который потом служил урядником в мусульманском полку, а один из турок, часто посещавший его квартиру, сам привел в любовницы русскому офицеру свою племянницу⁷⁹. Трудно сказать, почему нормы традиционного общества, ограничивающие доступность женщины, в данном случае не действовали. Впрочем, практика вывоза в Россию экзотической прислуги, в

⁷⁶ Лукьянович Н. А. Три месяца за Дунаем в 1828 г. С. 47–48.

⁷⁷ [Фелькнер] В. Ф. Указ. соч. С. 194.

⁷⁸ Записки И. П. Дубецкого // Русская старина. 1895. Т. 83. № 6. С. 111.

⁷⁹ Там же. С. 116.

том числе и женщин, выполнявших не только хозяйственные функции, существовала еще в XVIII – начале XIX вв.⁸⁰

В ходе войны русским нередко приходилось вступать в контакты с местным населением. Торнау вспоминает, как его, больного, в сопровождении кучера, казака и переводчика отправили вслед за госпитальной колонной. Ночью путешественники сбились с дороги и, несмотря на уже заключенный мир, испытали весьма неприятные ощущения от своего «положения в открытом поле, ночью, в чужой стране, наполненной разным сбродом, турками, сербами, албанцами, греками, готовыми без разбору грабить и убивать чужих и своих». Небольшая группа русских не почувствовала облегчения и добравшись наконец до какой-то деревни: «Дело плохое! Четыре гяура посреди мусульманского селения, в котором не успела еще остыть злоба, вызванная войной! Отправить их в джегеену, к праотцам, для каждого правоверного дело душеспасительное, да к тому же очень заманчивое, если можно надеяться, что никто об этом не узнает». Путники явно боялись не только банального разбоя, но и проявлений религиозного фанатизма. На их счастье, включились другие культурные механизмы. Переводчик поместил Торнау на ночлег к одному из деревенских старшин, объяснив, «что он везет при смерти больного русского офицера, которого поручает его гостеприимству во имя пророка». «Турок старого покроя принял этот случай за благословение Аллаха; не надеясь на миролюбивое расположение прочих поселян», он скрыл гостя у себя в доме, а потом под охраной препроводил до русской госпитальной колонны⁸¹.

Война, в жернова которой было вовлечено множество людей, в отличие от эпизодических или весьма локальных прочих контактов (культурных, дипломатических, торговых), обеспечивала массовое соприкосновение представителей двух соседних народов. Это был своеобразный побочный эффект военных действий, который способствовал взаимному формированию образа соседа и определял дальнейшие отношения народов. И поэтому весьма важно, что представления о турках, запечатленные в воспоминаниях русских офицеров,

⁸⁰ Бумаги, относящиеся до войны 1812 года, собранные и изданные П. И. Щукиным. Ч. 7. М., 1903. С. 126; *Самбургский А. М.* Из жизни прадеда // *Русская старина*. 1918. Т. 175. С. 29–31.

⁸¹ *Торнау Ф. Ф.* Указ. соч. С. 114–116.

прошедших через эту войну, отразили не только ситуацию военного противостояния. В те редкие моменты, когда машина войны замедляла свой бег, отношения между противниками оказывались — на индивидуальном уровне — далеки от конфликтных, лишены взаимной неприязни и агрессивности. Русские офицеры и солдаты в безликом противнике замечали отдельных людей, с их личными особенностями, страданиями и радостями. Этому способствовали некоторые культурные стереотипы — закон гостеприимства у турок и терпимость к «варварским» детям Востока «просвещенных» европейцев, которую они лишней раз стремились продемонстрировать ради подтверждения своей идентичности.

ЭПОХА «ВОЕННОЙ РЕВОЛЮЦИИ» РЕАЛИИ И ОБРАЗЫ

В. Р. НОВОСЕЛОВ

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ВОЕННОГО ЗАНЯТИЯ ВО ФРАНЦИИ XVI ВЕКА

Традиционно Франция считается страной, где военная организация раньше чем где бы то ни было стала приобретать новый характер. Создание в 1447 г. ордонансных рот стало отправной точкой появления постоянной королевской армии, в основе которой лежит регулярно взимающийся военный налог. Однако, быть может, именно это опережение событий, во многом спровоцированное последствиями Столетней войны, необходимостью решения проблемы избытка в стране вооруженных людей, прозванных в народе «живодерами», создало во Франции ситуацию, которая в военно-исторической литературе иногда характеризуется как «дворянская реакция», знаменующая собой весь период 1447–1598 гг.¹ Под «дворянской реакцией» в данном случае следует понимать то, что во Франции оказалось невозможным распространить коллективную форму воинской повинности на простонародье и основой постоянной королевской армии стала рыцарская кавалерия — ордонансные роты тяжелой кавалерии, имевшей дворянское, благородное происхождение.

В общественном сознании французов к началу XVI в. сохранялся определенный стереотип восприятия войны как социальной функции, основы образа жизни и внутреннего призвания дворянства. Еще в ходе создания ордонансных рот основа их существования и функционирования базировалась на старой идее «социального разделения труда» между сословиями, что выразилось прежде всего в их отношении к уплате военного налога (талли). Освобождение от него первых двух сословий предусматривало, что они сами принимают непосредственное участие в ведении войны: духовенство уча-

¹ *Corvisier A. Armées et sociétés en Europe de 1494 à 1789. P., 1976. P. 58.*

ствуем в ней своими молитвами, что же касается дворянства, то подразумевалось, что оно платит этот налог своей кровью².

Здесь необходимо отметить, что этот посыл расходился с реальностью по крайней мере дважды: во-первых, дворянство никогда не обладало монополией на занятие войной, а во-вторых, оно никогда не было чисто военным сословием даже с традиционной точки зрения. Участие в войне для дворян сочеталось с осуществлением правосудия и участием в управлении государством. Кроме того, в некоторых регионах дворянство принимало активное участие в экономической жизни, тесно смыкалось с городской верхушкой, принимало участие в коммерческих и финансовых операциях. Трехчастное деление общества на молящихся, воюющих и пашущих, будучи всего лишь одной из многих умозрительных форм общественной стратификации, никогда не соответствовало социальной реальности. Тем не менее, будучи положено в основу военной организации Франции, оно создавало целый ряд острейших проблем, среди которых наиважнейшей является невозможность призвать во время ведения боевых действий на войну тех, за кем общество не признает военного призвания³. В первую очередь это касалось лиц простонародного происхождения, на которых королевская власть постоянно, но безуспешно пыталась наложить коллективную воинскую обязанность: от вольных стрелков, набираемых по церковным приходам (1448), до легионов, набираемых по провинциям (1534)⁴. Кроме того, в силу нерасчлененности понятий «дворянин» и «военный»⁵ война сама по себе получала трактовку социального призвания, но не профессиональной деятельности, следствием чего было отсутствие как такового статуса профессионального военного и определения его места в социальной иерархии.

Средневековое восприятие военного занятия было нарушено уже самим созданием «регулярной» армии, поскольку служба в королевских ордонансных ротах тяжелой кавалерии осуществлялась на постоянной основе, зависела от профессиональной компетенции и вознаграждалась в виде денежного жалования. Ордонансные роты

² *Peronnét M.* Aspects de la notion de guerre au début de l'époque moderne // *L'homme de guerre au XVI e siècle.* Saint-Étienne, 1992. P. 220–221.

³ *Corvisier A.* Op. cit. P. 58.

⁴ *Ibid.* P. 60–61.

⁵ *Peronnét M.* Op. cit. P. 220.

формировались на добровольной основе из лиц благородного происхождения, причем — в условиях монополии государства (вернее, короля) на ведение войны и набор войск. Но эта служба, которая фактически являлась профессиональным занятием, продолжала восприниматься в качестве выполнения дворянством своей общественной функции, получившей, правда, новую интерпретацию в виде служения королю и родине. Сломать или изменить, дополнив его, такое восприятие войны и военного человека было весьма сложно, поскольку такое изменение неизбежно влекло за собой ломку сословного барьера, состоявшего из идентификации сословной принадлежности индивида по его отношению к ношению оружия и несению военной службы. При этом нельзя не учитывать, что сражение на коне, ношение доспехов и вообще традиционное рыцарское вооружение были не только военной, но и социальной атрибутикой, не менее важной в знаковой системе общества, чем одежда, украшения, тип жилья и т. д.⁶ Отказ от их употребления был и отказом от внешних признаков своего социального статуса, что делало этот процесс еще более долгим и трудным.

Для современного историка, чьи исследования затрагивают проблемы военной истории XVI в., существует определенная сложность, связанная с отсутствием в понятиях того времени содержания, которое вкладывается в современное понятие «военный» (*militaire*), поскольку в рамках теоретических представлений средневекового общества война является не индивидуальным постоянным занятием, а социальной функцией всего сословия воюющих (*les guerriers, milites*), осуществляемой в случае возникновения такой необходимости⁷. Военные должности не считались чем-то специфическим, требующим, например, от лиц, осуществляющих командование, обладания особыми знаниями и образованием. При этом получить такие специальные знания в условиях отсутствия военных учебных заведений существовала единственная возможность — практика.

⁶ Черных А. П. Оружие и закон // Средние века. 1992. Вып. 55. С. 231–233; *Он же*. Арбалетчики de conto в ависской Португалии (первая половина XV в.) // Общности и человек в средневековом мире. М.; Саратов, 1992. С. 138–139.

⁷ *Jouanna A.* La noblesse française et les valeurs guerrières au XVIe siècle // L'homme de guerre au XVIe siècle. Saint-Étienne, 1992. P. 206.

Дворяне получали первые навыки, необходимые в представлении того времени для занятия войной (владение оружием, традиционным для рыцаря: копье, меч и т. д., искусство верховой езды, физическая подготовка, развитие ловкости, воспитание в «куртуазной» манере) в качестве пажей при дворах короля и владетельных сеньоров; дальнейшее приобретение знаний и опыта происходило уже непосредственно в ходе военных действий. Например, в каждой роте французской пехоты с конца XVI в. отводилось 12 мест аркебузиром и 12 мест пикинером для дворян — так называемые ланспесады⁸. Они получали жалование большее, чем обычные солдаты, и не несли караульную службу, соответствуя по своему положению вольноопределяющимся армий начала XX в. Служба ланспесадками была военной школой, началом обучения, целью которого было обретение опыта, который в дальнейшем позволил бы занимать командные должности. Однако число дворян, желающих служить в пехоте, значительно превышало количество отведенных для них мест. В результате большинство нанимались в роты на условиях обычных солдат или же служили как волонтеры, то есть не получая жалования и неся все расходы за свой счет, аналогично обстояло дело и с кавалерией, где при ордонансных ротах и ротах легкой кавалерии также состояло большое количество молодых дворян-волонтеров для практического обучения военному делу.

Таким образом, упор делался на развитие у молодых дворян навыков индивидуального боя, физической подготовки, что же касается тактической подготовки, то о ней речи не шло вообще, знания подобного рода можно было получить лишь из реального боевого опыта. Но даже такая индивидуальная подготовка и, тем более, тренировка навыков групповых действий не были никоим образом регламентированы и закреплены в виде обязательных к исполнению законов. Во Франции только в 1584 г. впервые в ордонансе короля Генриха III по-

⁸ *Fontanon A. Les edicts et ordonnances des rois de France. P., 1585. Т. III. P. 153.* Термин происходит от итальянского выражения «сломанные копья», которым обозначали рыцарей, потерявших своих коней в бою. Во время Людовика XIV ланспесадками (по-другому их также называли *arointez*) уже называли опытных ветеранов из старослужащих и лучших солдат роты, на которых за дополнительную надбавку к жалованию лежала обязанность обучения новобранцев строевым приемам и обращению с оружием.

является приказ капитанам ордонансных рот «во время пребывания в гарнизоне производить среди жандармов и стрелков два или три дня в неделю упражнения с копьем на коне, упражнения владения мечом на коне и в пешем бою, обращение с другим оружием, вольтижировку и прочие упражнения, свойственные и подходящие их профессии, чтобы сделать их более способными в ней»⁹. По этому же ордонансу на все должности начиная с лейтенанта можно было производить назначение только тех лиц, которые не менее трех лет прослужили в тяжелой кавалерии, то есть имели необходимые знания и опыт¹⁰.

Что же касается пехоты, то здесь говорить о какой-либо серьезной подготовке не приходилось вовсе. Основной причиной такого положения дел было отсутствие содержания полевой пехоты в мирное время, которое можно было бы использовать для обучения войск. Военные смотры служили в первую очередь средством финансового контроля состояния войск, на них демонстрировалось наличие штатного состава частей, соответствие их вооружения и экипировки предписанному ордонансами. Во время мира основная часть пехоты распускалась, немногие солдаты получали службу в гарнизонах, при этом единый ранее отряд делился на мелкие части, направлявшиеся в разные места. В случае войны пополнение производилось не за счет пополнения старых частей, а за счет набора новых отрядов (банд) в результате чего вся армия делилась на «старые» и «новые» банды, имевшие разный боевой опыт и степень подготовки. Обучение войск в промежутках между боевыми действиями, во время гарнизонной службы или при наборе новых частей, полностью зависели от произвола капитанов, от их желания обучать свои войска и от их компетентности в этом вопросе. Так, маршал Пьетро де Строчи, большой любитель и почитатель античной армии, систематически обучал своих солдат при наборе правильному строю, и его современники-капитаны, по утверждению Брантома, отмечали, что его солдаты — знаменитая «Черная банда» — так хорошо знали свое дело, что умели строиться в боевое построение сами, без распоряжений старшего сержанта и капитана, и каждый знал свое место в общем строю¹¹.

⁹ Fontanon A. Op. cit. T. III. P. 112. (Henri III, 16 fevrier 1584, § 13).

¹⁰ Ibid. P. 112. (§ 42).

¹¹ Brantome P. Op. cit. T. V. P. 315–316; Документы по истории внешней политики Франции: 1547–1548. М.; Л., 1963. С. 256.

В испанской армии обучение пополнения и регулярная подготовка солдат постоянно производились в мирное время, благо войска содержались во время мира на средства короны. Основу блестящего состояния испанских войск французы видели частично и в том, что испанцы гораздо серьезнее относятся к военной подготовке дворян, и «если у французов не наберется и четырех тысяч дворян, обучающихся военному делу, то у Испании их больше тридцати тысяч, проходящих обучение в гарнизонах Испании, Италии, Фландрии и Индиях»¹². Это относилось и к простым солдатам: в тех же гарнизонах велось постоянное обучение новичков¹³. У испанцев оно обрело форму устойчивых традиций товарищества по оружию, выражавшихся, например, в шефстве старослужащих над новичками, так называемыми «бизонами» (*bisognos*)¹⁴, которым передавались не только навыки боевого мастерства, но и манера вести себя и одеваться в соответствии с полковыми традициями.

Испанские терции делились на отделения по 10 солдат, которые были обязаны поддерживать друг друга в бою, заботиться друг о друге в случае болезни или ранения, потери оружия или плена, формально это единство скреплялось ритуалом совместных трапез, аналогично цементировалась связь младших и старших командиров, где старшие держали стол для младших¹⁵. Это явление напрочь отсутствовало во французских войсках, где не наблюдалось подобной заботы о новичках. Традиции и чувство единого корпуса присутствовало только в старых пьемонтских и пикардийских бандах, где отдельно выделялись гасконцы. Во Франции все попытки даже предложить устройство подобной системы оканчивались провалом, как, например, инициатива маршала Шарля де Косе, графа де Бриссака, который обрисовал в 1547 г. Генриху II содержание двухтысячного пехотного контингента в Пьемонте как чрезвычайно важное и выгодное дело, которое «с лихвой окупит издержки, поскольку будет известно, что у короля имеется на службе постоянная армия, состоящая из опытных в

¹² *Tavannes G. Mémoires // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. P., 1822. Т. XXIII. P. 176.*

¹³ *Ibid. P. 175.*

¹⁴ По моему мнению, этот термин может быть связан с итальянским выражением *bisognosi d'onore* — жаждущие чести.

¹⁵ *La Noue Fr. Discours politiques et militaires. Basel, 1587. P. 295–298.*

военном деле людей его нации, обеспечивающая безопасность; таким путем можно удержать подданных в верности и преданности, поддержать соседей и друзей, а врагов ввергнуть в страх, вследствие которого они будут нести двойные расходы. [...] В случае необходимости этих солдат можно переправлять из одного места королевства в другое, а вместо них набирать новых, которых можно обучить военному делу, дав им в качестве командиров самых старых и опытных капитанов, чтобы обучить их военному делу, как поступают испанцы...»¹⁶ Ответ короля был отрицательным по финансовым мотивам. Таким образом, можно констатировать, что подготовка как командного, так и рядового состава целиком и полностью определялась наличием боевого опыта, а общий уровень задавался наличием старослужащих, будь то солдат или капитанов.

Развитие военного дела в XVI в. сделало такую систему подготовки недостаточной, война все более и более требовала от людей, особенно от командного состава, специфических военных знаний и умений, а также предварительной совместной боевой подготовки частей, обучения их взаимодействию разных родов войск, тренировки личного состава отдельных отрядов выполнению боевого маневрирования, единству выполнения команд. Быстрота и осязательность изменений в военной сфере были достаточно очевидны самим современникам событий. Широко известно замечание маршала Гаспара де Со-Таванна: «Ни одно искусство не испытало столько изменений, как военное: правила и книги устаревают каждые тридцать лет; изменилось не только оружие, но и боевые порядки»¹⁷.

Основными факторами, спровоцировавшими процесс развития военной науки и военного обучения, стали появление массовой армии с преобладанием в ней наемной тактически организованной пехоты, состоявшей в массе своей из лиц простонародного происхождения; распространение в ней ручного огнестрельного оружия и широкий комплекс новых взглядов на войну и человека, которые возникли под влиянием идей Возрождения.

Появившаяся во время Бургундских войн швейцарская пехота дала мощный импульс, под воздействием которого меняется военная организация всей Западной Европы. Глубокое построение пехоты и

¹⁶ Документы по истории внешней политики Франции: 1547–1548. С. 44.

¹⁷ *Tavannes G.* Op. cit. Т. XXIV. Р. 226.

ее новое вооружение: длинные пики, алебарды и огнестрельное оружие — аркебузы и мушкеты — давали возможность не только успешно противостоять атакам кавалерии, но и атаковать самим, пехота надолго становится главным родом войск. При этом боевые качества отдельных бойцов могли быть минимальны: от них требовались не столько искусство владения оружием и храбрость, сколько хладнокровие, дисциплинированность и согласованность действий; залогом победы были численное преимущество и ударная сила единого строя. Когда распространение в пехоте огнестрельного оружия приобрело массовый характер, навыки ведения индивидуального рукопашного боя обесценились еще больше, тем более, что систематизированного обучения солдат фактически не было, и профессионализм достигался путем естественного отбора, когда выживали сильнейшие. Появление массовых армий позволило возродить тактику как таковую, сделав действующими лицами войны не совокупность пусть даже высококвалифицированных, но одиночных бойцов, а тактические единицы, объединенные дисциплиной, строем и выполнением приказов командира в бою.

Постепенно огнестрельное оружие и новые тактические построения проникают в кавалерию, развивается специальная полевая и осадная артиллерия, растет значение полевой и крепостной фортификации, основанных на новых принципах, минной осадной войны. Рост армий требует все большего развития военной администрации, военного права, увеличения командного состава. Такой подход к войне полностью обесценивал рыцарство с его традиционной системой воинской подготовки. Взамен прежнего *miles* или *chevalier* появился другой идеал военного — *soldat* — профессиональный военный, несущий службу за жалование¹⁸. Слово «солдат» обозначало все сообщество военных, сражающихся за плату, без различия их социального происхождения; в таком значении этот термин во французских королевских ордонасах употреблялся вплоть до начала XVII в.¹⁹ Стоит отметить, что у современников существовало несколько терминов для обозначения пехоты: *fantasains*, *gens de pied*, *brigands*, *paillards*; но слово «солдат» воспринималось военными как

¹⁸ *Cardini F.* La culture de la guerre. P., 1982. P. 113; *Corvisier A.* Op. cit. P. 198.

¹⁹ *Corvisier A.* Op. cit. P. 198–199.

наиболее почетное, обозначающее профессионального военного. Именно такое выражение выбрал Монлюк, обращаясь к королю Франциску I с просьбой разрешить принцу Энгиенскому дать битву при Черезоле, называя короля «королем-солдатом», апеллируя к его принадлежности к военным, бывавшим на войне²⁰. Солдат и капитан как обозначение совокупности военных всех рангов стали основными терминами, которые они использовали по отношению друг к другу.

Однако сама подготовка военных, в первую очередь дворянского происхождения, сильно отставала от требований своего времени. Война приобретала вид науки, искусства, чему немало способствовало воскрешение античного опыта, его сопоставление с современными войнами, что не осталось незамеченным современниками. Дю Белли, сам внесший большой вклад в развитие фортификации, крепостной артиллерии, бывший мастером организации шпионажа, писал: «Я не знаю, каким несчастьем случилось так, что в этом веке были восстановлены все искусства, как те, которые необходимы для жизни и человеческого общества, так и те, которые служат только для удовольствия и развлечения... военное искусство — эта наука превосходит в своем достоинстве все остальные, которые она прячет под защитой своей доблести»²¹.

Восприятию войны как науки способствовало и то, что она требовала теперь и некоторых специальных знаний, необходимых в связи с развитием артиллерии, фортификации и минирования. Отдельной отраслью военного дела стал шпионаж, широко и систематически применяемый всеми сторонами. При этом оценка шпионов самими военными и людьми, никогда не воевавшими, сильно расходится. Если общество, следуя средневековой традиции, продолжало видеть в занятии шпионажем низкое и подлое ремесло, достойное презрения²², то в мемуарах маршала Франсуа де Сцепео, сеньора де Вьейвилля, этого рыцаря, не гнушавшегося обмана и военных хитростей, можно найти настоящий гимн шпиону:

²⁰ *Monluc B. Commentaires 1521–1576*. Lyon, 1593. T. I. P. 77: «...que j'ay à parler devant un roy soldat et non devant un roy qui n'a jamais este en guerre».

²¹ *Institution de la discipline militaire au royaume de France*. Lion, 1559. P. I.

²² *Pressac, seigneur de*. *Epistres de Sénèque sénateur romain traduites en françois par le Seigneur de Pressac, Gentilhomme ordinaire de la chambre du Roy*. Avec le Cléandre du mesme auteur. Rouen, 1604. P. 168.

«Секретный агент короля, которого говоруны презрительно именуют шпионом, не ведая, сколь важную службу получают государи от подобных людей, которые дают возможность им видеть вражескую армию столь же ясно, как если бы они присутствовали в ней лично; на этой службе не держат дураков, нет в этих людях и недостатка в храбрости и отваге: они совершают столь рискованные дела, за которые чаще всего расплачиваются собственной жизнью, умирая подлой и позорной смертью. К этому вопреки бытующему мнению их влечет не награда, но напротив: доблестное рвение послужить государю и своей родине»²³.

Блез де Монлюк весьма гордился тем, что при осаде в 1538 г. Перпиньяна сам исполнил роль шпиона, проникнув в осажденный город в одежде повара²⁴. В мемуарах Таванна перечислен список знаний и умений, которыми надлежит обладать дворянину, дополненный качествами, совершенно отличными от рыцарских: «...уметь пользоваться пикой, останавливая лошадей, пользоваться более пистолетом, нежели рыцарским копьем; полезны также умение плавать, прыгать, а также танцевать, развивающие ловкость и телесное здоровье, абсолютно бесполезны игра на инструментах и музыка»²⁵. По его же мнению, дворян не стоит учить латыни, им более надлежит знать, как форсировать реки, вести осады, защищать крепость, отдавать приказы, рисовать планы городов и местности, измерять дистанцию, взвешивать выгоды и опасности ситуации; их надо учить видеть отличия обязанностей командующего, капитана и солдата²⁶. Последнее качество весьма примечательно, поскольку оно означает замену ранее формально равного и единого сообщества рыцарей на командиров и подчиненных, связанных между собой дисциплинарными отношениями и служебной иерархией. Соответственно, становятся разными требования, предъявляемые к тем, кто командует, и к тем, кто выполняет приказы. Качества, необходимые для солдат, по Таванну и Монлюку, состоят в послушании (*obéissance*), доблести (*vaillance*), терпении (*patience*), силе (*force*), способности (*disposition*). Таванн приводил кроме того целый список обязанностей, которые, помимо управления боем и сражением, наравне с другими должен исполнять капитан:

²³ *Carloix V. Mémoires de la vie de François de Scepeaux, sire de Vieilleville* // Collection des mémoires relatifs à l'histoire de France. P., 1822. Т. XXVI. P. 54.

²⁴ *Monluc B.* Op. cit. Т. I. P. 30.

²⁵ *Tavannes G.* Op. cit. Т. XXIII. P. 168.

²⁶ *Ibid.* P. 172–174.

«Капитан должен сам командовать солдатами, не перепоручая это другим, быть с ними при этом настолько фамильярным, насколько это возможно при сохранении уважения и звания. Он должен заботиться об их благополучии, иногда нести караул, когда они спят, лично проверять все службы, ночевать в расположении своего отряда, избегать городов, наводить порядок и проводить обучение своих солдат, чтобы они знали свою работу; лично осматривать оружие и лошадей своих солдат, заботиться об их ночлеге, удобстве размещения, здоровье так, как о собственном»²⁷.

В менее систематизированном виде подобные требования перечисляет и Монлюк²⁸, для которого основные качества капитанов — это доблесть (*vaillance*), благоразумие (*sagesse*), кроме того, они должны быть хорошими предпринимателями и исполнителями (*grand entrepreneur et executeur*)²⁹. Для Вьейвиля хороший капитан гораздо важнее хороших солдат: вооруженный уверенностью, храбростью и опытностью командующий, имея под своим началом даже только одних ничего не стоящих новичков и землекопов, разобьет целую армию Роландов, если во главе их будет стоять Ганн или Пинабель; победа полностью зависит от этих качеств полководца³⁰. Требование опытности остается неизменным, поскольку это понятие было в то же время и синонимом компетентности и наличия знаний, необходимых для командования, поскольку опыт — единственный источник военной подготовки. При этом весьма высокими оставались требования к личной храбрости и мужеству капитанов, поскольку капитан в первую очередь выполнял роль вожака, первого по храбрости и боевому мастерству из передовых бойцов. При штурме города Тионвиля в 1558 г. герцог де Гиз и герцог Неверский лично возглавляли штурм и дрались на стенах в солдатском вооружении: пехотных шлемах-морионах, кирасах, со шпагами и щитами-рондашами в руках; как писал участник этих событий Рабютен, отбросив всяческое уважение и позабыв звания и авторитет, которыми они обладали, подобно наименьшим из тех, кем они командовали³¹. Капитан был стержнем отряда, он вместе с младшими и подчинен-

²⁷ Ibid. P. 206, 211–212.

²⁸ *Monluc B.* Op. cit. T. I. P. 4–6, 18, 100.

²⁹ Ibid. P. 4.

³⁰ *Carloix V.* Op. cit. T. XXVI. P. 68–69.

³¹ *Rabutin Fr.* *Commentaires des dernières guerres en la Gaule Belgique.* P., 1574. P. 360.

ными ему командирами был обязан подавать личный пример в бою, стоя в первом ряду бойцов, кроме того, для опознавания своими солдатами капитаны сражались с поднятым забралом и открытым лицом³², поэтому командные должности были весьма опасными — вражеских командиров в бою все стремились убить в первую очередь³³. Даже командующий, по словам Таванна, избавленный от опасностей самого боя, как последний солдат подвергается угрозе смерти от пушечных ядер³⁴. Маршал Сент-Андре рассказывал Вьейвиллю, что за время его службы лейтенантом ордонансной роты сеньора Шатобриана он потерял четырех знаменосцев, шесть корнетов и девять заместителей (*mareschaux de logis*)³⁵. По словам Монлюка, капитан — это в первую очередь тот, кто ведет людей на смерть³⁶. Без проявленной личной храбрости и боевой доблести (считавшейся к тому же основой дворянского происхождения) завоевать авторитет у подчиненных и стать командиром было практически нереально. Однако доблесть и храбрость в эту эпоху тоже получили новую, иногда весьма неоднозначную трактовку:

«Доблесть — это фундамент, на котором должен стоять капитан, она опасна и мало полезна, если не сопровождается управляемым поведением и благоразумием. Отсутствие храбрости нельзя долго прикрывать искусством: если капитан сам первым не исполняет свою задачу, его отряд обратится в бегство; если его лейтенант и знаменосец исполняют свой долг, то, к его стыду, они становятся вождями, а он — их рабом. Преданность, послушание, боеготовность, благоразумие, компетентность, терпение, щедрость, куртуазность и храбрость весьма необходимы, но их редко можно вместе найти в одном человеке.... Лучше иметь командиров невежественных и преданных, чем совершенных, но с двойным сердцем. Капитан, в отличие от солдата, не может за один год сформироваться в этом качестве: нужен опыт и испытания как победами, так и неудачами, неопытность молодых должна быть восполнена чтением»³⁷.

Выдающийся военачальник французских гугенотов Ла Ну писал, что нужно 3–4 года постоянной подготовки как во время войны, так и

³² *Brantome P. Oeuvres complètes. La Haye, 1740. Т. VI. P. 251.*

³³ *Monluc B. Op. cit. Т. II. P. 88.*

³⁴ *Tavannes G. Op. cit. Т. XXIV. P. 224.*

³⁵ *Carloix V. Op. cit. Т. XXVI. P. 212–213.*

³⁶ *Monluc B. Op. cit. Т. I. P. 25.*

³⁷ *Tavannes G. Op. cit. Т. XXIII. P. 211.*

в мирное время, чтобы человек стал достойным вообще говорить об искусстве войны и обрел качества, необходимые для исполнения командных должностей³⁸. Для Монлюка благоразумие и храбрость служили двумя равно необходимыми качествами командира, но благоразумие для него стояло на первом месте, поскольку на войне ошибки непоправимы и непростительны³⁹. О смертельности ошибок на войне писал и Дю Белли⁴⁰. По словам Брантома, общее мнение капитанов его времени, которое он разделял, заключалось в том, что молодым военным, начинающим свое обучение войне, более подходит храбрость, тогда как тем, кто осуществляет самостоятельное командование и уже в зрелом возрасте — благоразумие⁴¹. Импульсивность, ярость, одержимость в бою стали качествами отрицательными, следование предписаниям чести там, где применима военная хитрость, — глупостью. Даже такой поборник рыцарства, как Вьейвиль, не брезговал применять приемы, спорные с точки зрения прежней рыцарской этики: получив приказ занять папский город Авиньон, сохранявший нейтралитет, он, дав слово чести, что не собирается занимать город войсками, попросился войти в город в сопровождении нескольких своих капитанов для закупки одежды и припасов, но, пройдя в ворота, они всемером перебили охрану и пропустили остальное войско⁴². Маршал Таванн считал, что само слово «рыцарь» более не подходит для военного человека: «Кажется, что само слово рыцарь (*chevalier*), этимология которого происходит от животного, плохо придумано, поскольку получается, что лошадь участвует в этой чести, и оно не может применяться к тем, кто сражается пешим»⁴³. Брантом отразил скепсис своего поколения даже к такому определению, как «рыцарь без страха и упрека»: «...это прозвище зачастую спорное, особенно в отношении военных людей. Сколько из них, считавшихся храбрейшими и достойнейшими в мире со времен наших отцов и до наших дней носивших прозвище людей без страха и упрека перечеркнули все это большими ошибками и малодушием, продемонстрировав такой страх

³⁸ *La Noue Fr.* Op. cit. P. 266.

³⁹ *Monluc B.* Op. cit. T. I. P. 18.

⁴⁰ *Institution de la discipline militaire...* P. 55.

⁴¹ *Brantome P.* Op. cit. T. VII. P. 249–250.

⁴² *Carloix V.* Op. cit. T. XXVI. P. 50.

⁴³ *Tavannes G.* Op. cit. T. XXIV. P. 152.

перед опасностью, что бежали самым гнусным образом, чтобы избежать их. Я не касаюсь мертвых. Но я и сегодня знаю многих великих капитанов, храбрых и доблестных, спасавшихся быстрым бегством от опасностей и стычек, как последние армейские обозники»⁴⁴.

Характерно, что именно в XVI в. ушла сама традиция возведения человека в рыцарское достоинство за мужество, проявленное в сражении, что с горечью отмечалось многими авторами мемуаров, для которых эта традиция много значила: Франциск I был возведен в рыцарский сан Байярдом после сражения при Мариньяно⁴⁵, Монлюк стал рыцарем после битвы при Черезоле⁴⁶, а после обороны Сиены — кавалером королевского ордена⁴⁷, Таванн стал рыцарем после выигранной им битвы при Ренти⁴⁸. Вьейвиль приобрел рыцарское достоинство после взятия Авиньона, притом он особо подчеркивал, что «не рыцарем ордена, но меча, поскольку в те времена (в правление Франциска I. — В. Н.) рыцарями ордена становились только капитаны ордонансных рот, отличившиеся в четырех или пяти сражениях ... сейчас же у нас больше рыцарей, чем хороших шпаг»⁴⁹. Рыцарство имело для этих людей большую этическую ценность, и тем труднее было приспособлять его к тому новому, что появлялось в военном деле: как весьма ярко и точно подметил Ф. Биллакуа⁵⁰, трудно даже представить себе дону Хуана Австрийского, штудирующего «Фортификацию» Вобана, или Байярда, посещающего военную Академию Людвига Нассауского.

Тем не менее, именно в это время начинают создаваться условия для систематического обучения военному делу. Появившиеся в Италии рыцарские академии, служившие целям подготовки молодых дворян к их будущей карьере при дворе и в войсках, к концу XVI в., в правление Генриха IV, стали возникать и во Франции. Обучение в них даже в более позднее время основывалось на ренессансной традиции сочетания телесного воспитания физическими упражнениями

⁴⁴ *Brantome P.* Op. cit. Т. VI. P. 123–124.

⁴⁵ *Ibid.* P. 19.

⁴⁶ *Monluc B.* Op. cit. Т. I. P. 90.

⁴⁷ *Ibid.* P. 208.

⁴⁸ *Brantome P.* Op. cit. Т. VII. P. 19.

⁴⁹ *Carloix V.* Op. cit. Т. XXVI. P. 58–59.

⁵⁰ См.: *Billaçois F.* La crise de la noblesse européenne (1550–1650): Une mise au point // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 1976. Т. 23. P. 258–277.

с обучением различным наукам. Одним из первых за обучение в подобных академиях до 2000 дворян за счет королевской казны выступил Франсуа де Ла Ну, но даже в середине XVII в. дело не выходило за рамки малоосуществимых проектов. Так, в 1650 г. шевалье Рене де Мену, сьер де Шарниэ предлагал королю открыть во Франции 4 военных колледжа (в Париже, Туре, Лионе и Бордо), где за государственный счет обучать сыновей небогатых дворян верховой езде, вольтижировке, обращению с оружием, танцам, математике, изящным искусствам, истории, политике и моральной доблести.

В конце XVI – начале XVII в. во Франции действовали только частные академии, такие, как школа Бенджамена в парижском предместье Тампль, где в 1626 г. учился будущий великий маршал, а тогда 15-летний Генрих де Ла Тур д'Овернь, виконт де Тюрэнн; школа Плювинеля — учителя верховой езды короля Людовика XIII. В Сен-Жерменском предместье Парижа в начале XVII в. существовало несколько рыцарских академий, в которых, помимо привычных предметов, преподавали географию и фортификацию. В 1606 г. герцог Бульонский открыл при Протестантской академии в Седане военную академию для обучения дворян-протестантов военному делу⁵¹. На несколько десятилетий для французской дворянской молодежи настоящей военной школой станет Голландия, где Вильгельм и Мориц Оранские создали лучшую систему военной подготовки своего времени. Превзойти в этой науке своих учителей французы смогут лишь во времена короля-солнца, когда французский офицерский корпус докажет свое превосходство на полях сражений и в саму Францию за обучением военному делу устремятся молодые дворяне из других стран, в том числе и из России.

⁵¹ Histoire militaire de la France. P., 1992. T. 1: Des origines a 1715. P. 335–336.

В. А. ВЕДЮШКИН

БЕРНАРДИНО ДЕ МЕНДОСА И ЕГО ТРАКТАТ «ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ВОЙНЫ»

XVI–XVII века принесли в историю Европы и всего мира множество перемен в самых разных сферах жизни; в числе наиболее важных были огромные изменения в военном деле, много позже получившие название «военная революция». На разных этапах свой вклад в нее внесли разные страны, причем долгое время во внедрении новшеств в этой области тон задавала одна из самых могущественных держав XVI в. — Испанская монархия. Объединяя владения в разных концах Европы и постоянно нуждаясь в их эффективной военной защите, она в то же время аккумулировала и развивала их военный опыт. Если в первой половине XVI в. больше всего военных новшеств было связано с Итальянскими войнами, то со второй половины 60-х гг. главное значение в этом плане приобретает театр военных действий в Нидерландах, восставших против испанского владычества.

Стремление осмыслить богатый опыт военных действий второй половины XVI в., и прежде всего Восьмидесятилетней войны (как чаще всего историки называют события в Нидерландах¹), вызвало к жизни множество трактатов, написанных профессиональными военными, имевшими большой опыт боевых действий. Как правило, это были офицеры дворянского происхождения, нередко получившие очень хорошее образование. Некоторые из них на досуге занимались литературным творчеством, отдавая должное давней кастильской традиции — сочетать воинское ремесло и занятия словесностью, *armas* и *letras*. Естественно, в их разноплановом творчестве, идет ли речь о поэзии, рыцарских романах или теоретических трактатах, так или иначе осмысливался их военный опыт, однако он преломлялся

¹ Не останавливаясь здесь на вопросе о характере нидерландских событий, отметим лишь, что по отношению к ним название «Восьмидесятилетняя война» в любом случае справедливо и в то же время, акцентируя военную сторону конфликта, ни в коей мере не противоречит их трактовке как раннебуржуазной революции.

через призму взглядов прочитанных ими античных и ренессансных историков и теоретиков военного дела. Имена лучших военных писателей XVI в. прочно вошли в историю испанской культуры эпохи Возрождения, и одним из самых заметных среди них был испанский дипломат, историк, теоретик военного дела, поэт и переводчик Бернардино де Мендоса.

Этот персонаж упоминается во множестве работ по политической истории и дипломатии Западной Европы последней четверти XVI в. в качестве посла Филиппа II в Англии, а затем во Франции; именно к нему сходились многие нити испанской внешней политики. Гораздо менее он известен как историк и как теоретик военного дела, хотя и в той, и в другой области его труды пользовались огромной популярностью и заслужили очень высокую оценку как современников, так и историков². В этой работе нас будут интересовать взгляды Бернардино де Мендосы как военного теоретика, однако в рамках короткой статьи их анализ возможен лишь в самом общем виде, поэтому к некоторым аспектам нам придется вернуться в других работах, а выводы неизбежно будут носить предварительный характер.

Дон Бернардино де Мендоса родился в городе Гвадалахара в 1540 или 1541 г. Он принадлежал к одной из боковых ветвей очень могущественного и знатного рода Мендоса³, известного как своей энергичной деятельностью на военной, дипломатической и административной службе Испанской монархии (представители разных вет-

² Высокую оценку Мендосы разделяют буквально все авторы, посвятившие ему отдельные исследования. См.: *Morel-Fatio A. D.* Bernardino de Mendoza: La vie. Les oeuvres // *Idem.* Etudes sur l'Espagne. P., 1925; *Herrera Casado A.* Bernardino de Mendoza // *Torre de los Lujanes* 13 (1989). P. 30–45; *Sánchez Belén J. A.* Estudio preliminar // *Mendoza B. de.* Teórica y práctica de Guerra. Madrid, 1998; *Cabañas Agrela J. M.* Don Bernardino de Mendoza: un escritor-soldado al servicio de la Monarquía Católica. Guadalajara, 2001; *Cortijo Ocaña A., Gómez Moreno A.* Propaganda, contrapropaganda y leyenda negra // *Comentarios de don Bernardino de Mendoza de lo sucedido en las guerras de los Payses baxos, desde el año de 1567 hasta el de 1577* / Ed. A. Cortijo Ocaña y A. Gómez Moreno. Madrid, 2008.

³ В обширной библиографии рода Мендоса выделим книгу Х. Нэйдера, важную для понимания его отличительных черт как целого, а также фундаментальный труд Ф. Лайны Серрано, содержащий множество сведений о Бернардино и его родственниках: *Layna Serrano F.* Historia de Guadalajara y sus Mendozas. T. 1–4. Madrid, 1942; *Nader H.* The Mendoza family in the Spanish Renaissance, 1350–1550. New Brunswick, 1979.

вей этого рода на протяжении XVI в. много раз занимали в этих сферах высшие должности), так и своей литературной деятельностью и меценатством; в частности, Бернардино был праправнуком знаменитого поэта и библиофила маркиза Сантьяго де Мендосы. Десятый (!) сын третьего графа Корунья, Бернардино в соответствии с законами майората получил совсем небольшое наследство и должен был всего добиваться сам. Зато он получил прекрасное образование в университете Алькала-де-Энарес, где в 1556 г. стал бакалавром искусств и философии, а в 1557 г. — лицензиатом. До 1562 г. он продолжал свои ученые занятия в университете, а затем поступил на военную службу. Его дальнейшей карьере способствовало влияние при дворе старшего брата, четвертого графа Корунья (венцом карьеры которого стали должности вице-короля Новой Испании, а затем и Перу), и сестры Аны, которая стала воспитательницей детей Филиппа II, инфантов Диего и Филиппа (будущего Филиппа III); считается, что именно Ана выступала посредницей в отношениях между Бернардино и королем. Однако все эти связи могли быть действительными только при условии, что и сам Бернардино наилучшим образом проявит себя на королевской службе.

Мендоса, как он позже сам упоминал в своих произведениях, получил боевое крещение в сражениях с берберами в Орране (1563 г.) и в Пеньоне де Велес (1564 г.), а в 1565 г. участвовал в героической обороне Мальты от турок. С 1567 по 1577 гг. он почти непрерывно находился в восставших против Филиппа II Нидерландах, где служил капитаном легкой кавалерии под командованием герцога Альбы, а затем его преемников в качестве правителя Нидерландов — Луиса де Рекесенса и дона Хуана Австрийского. Уже в Нидерландах проявился его интерес к переменам в военно-технической сфере, связанным с распространением огнестрельного оружия, к военной тактике, сооружению и осаде крепостей. В нескольких сражениях он проявил свою храбрость и военный талант, стал доверенным лицом герцога Альбы. В 1573 г. герцог отправил его в Мадрид — просить у Филиппа II дополнительных средств и войск. Задача была весьма сложной, если учесть, что к тому времени Альба уже потратил денег и имел войск гораздо больше, чем это предполагалось при его назначении, но Бернардино успешно справился с трудным поручением,

потребовавшим от него дипломатических способностей. Видимо, именно тогда он обратил на себя внимание короля, который через несколько лет назначил его своим послом в Англии (хотя еще ранее, в 1574 г., он ненадолго ездил туда по поручению Рекесенса). В 1576 г. его заслуги были отмечены крестом ордена Сантьяго, а в 1582 г. он получил и энкомьенду Пеньяусенде, приносящую немалый доход; позже, в 1595 г., он получил вместо нее еще более доходную энкомьенду Аланхе.

На должности посла Его Величества в Англии Бернардино находился с 1578 по 1584 гг. После раскрытия заговора Трокмортон против Елизаветы I тот под пыткой признался в связях с испанским послом, и в январе 1584 г. Бернардино был объявлен *persona non grata*; ему было дано два часа на то, чтобы покинуть страну. Узнав о таком решении, он воздержался от его оценки, но произнес: «Бернардино де Мендоса родился не для того, чтобы оскорблять страны, а чтобы их завоевывать»⁴. На протяжении периода 1578–1584 гг. отношения между двумя странами были настолько сложными (не говоря уже о личной неприязни между испанским послом и королевой), что оценить степень успешности дипломатической деятельности Мендосы довольно трудно: служа своему королю, он прилагал все усилия для решения задач, которые, похоже, не имели дипломатического решения.

Филипп II высоко оценил его службу в Англии и тут же перевел во Францию, где Мендоса был послом в 1584–1591 гг. — в самый разгар Религиозных войн — и выступал посредником между Испанией и Католической лигой⁵. В обеих странах Бернардино де Мендоса, как многие дипломаты того времени, не ограничивался чисто дипломатической деятельностью, но активно поддерживал католиков против протестантов, создавал сеть осведомителей, подкупал нужных людей, организовывал заговоры с целью повлиять на ситуацию в интересах своего государя. После того как провалилась попытка Филиппа II посадить на французский престол Исабель Клару Эухению — свою дочь

⁴ Цит. по: Cortijo Ocaña A., Gómez Moreno A. Op.cit. P. 35.

⁵ Деятельности Бернардино де Мендосы во Франции изучена лучше, чем его английское посольство. См.: De Lamar Jensen J. Diplomacy and Dogmatism. Bernardino de Mendoza and the French Catholic League. Cambridge (Mass.), 1964; Vázquez de Prada V. Felipe II y Francia: política, religión y razón de estado. Pamplona, 2004.

от брака с Изабеллой Валуа, и стала очевидной необходимостью пересмотра испанской политики во Франции, Мендоса, к тому времени полностью ослепший, вернулся в Мадрид. Человек глубоко религиозный, он поселился при монастыре бернардинцев; его комната имела окно в храм монастыря, и, подобно Филиппу II в Эскориале, он мог, не покидая ее, присутствовать на богослужении. Благодаря доходам от энкомьенды Мендоса не испытывал финансовых затруднений: семьи и детей у него никогда не было, жил он достаточно скромно и, пожалуй, единственным его богатством была хорошо подобранная библиотека⁶. Наконец он получил возможность всецело посвятить себя творчеству, хотя из-за слепоты работать мог только с помощью секретаря. Умер он 3 августа 1604 г. в Мадриде, и придворный хронист Луис Кабрера де Кордова на свой лад отметил этот факт в дневнике в записи от 4 сентября: «Умер дон Бернардино де Мендоса, слепой, который был [когда-то] послом во Франции, и освободилась энкомьенда Аланхе, которая приносит 5000 дукатов ренты»⁷.

Его первое крупное произведение, «Комментарии дона Бернардино де Мендоса о том, что произошло в Нидерландах с года 1567 и до 1577», вышло в свет на французском языке в Париже в 1591 г.⁸ В следующем году выходит испанская версия⁹, а в 1597 г. появился и английский перевод: в Англии его хорошо помнили и, хотя многие ненавидели, не могли не уважать. Написанные по личным воспоминаниям и с глубоким знанием прошлого и настоящего Нидерландов, «Комментарии» считаются образцом военной хроники. Осуждая фла-

⁶ См.: *Laspéras J.-M.* Los libros de Bernardino de Mendoza (1540 [41]–1604) // *Bulletin hispanique*. 1997. Vol. 99. N° 1. P. 25–39.

⁷ *Cabrera de Cordoba L.* Relaciones de las cosas sucedidas en la Corte de España, desde 1599 hasta 1614. Madrid, 1857. P. 225.

⁸ *Commentaires mémorables ... des guerres de Flandres et Pays bas depuis l'an 1567, jusques a l'an 1577.* P., 1591 (переиздано в XIX в. Бельгийским историческим обществом: *Commentaires ... sur les événements de la guerre des Pays-Bas 1567–1577.* V. 1–2. Bruxelles, 1860–1862).

⁹ *Comentarios de don Bernardino de Mendoza, de lo sucedido en las guerras de los Payses baxos, desde el año de 1567 hasta el de 1577.* Madrid, 1592 (переиздано в серии: *Biblioteca de autores españoles.* Vol. XXVIII. Madrid, 1853; последнее и лучшее издание: *Comentarios de don Bernardino de Mendoza de lo sucedido en las guerras de los Payses baxos, desde el año de 1567 hasta el de 1577* / Ed. A. Cortijo Ocaña y A. Gómez Moreno. Madrid, 2008).

мандцев как еретиков и мятежников, взбунтовавшихся против своего законного государя, автор в то же время отдает должное их воинской доблести. Источником вдохновения Мендосы, как это следует и из названия его труда, были «Записки о Галльской войне» Юлия Цезаря.

В последние годы жизни Мендоса перевел с латыни на испанский «Шесть книг о политике» крупнейшего нидерландского мыслителя того времени Юста Липсия¹⁰, взгляды которого были ему очень близки; однако вопрос о влиянии Юста Липсия и его т. н. тацитизма (а через него в какой-то форме, возможно, и Макиавелли) на взгляды и произведения Бернардино де Мендосы достаточно сложен и заслуживает отдельного рассмотрения. Стремясь заинтересовать дворян государственной службой, Мендоса снабдил свой труд выразительным посвящением «испанским дворянам, не знающим латыни». Есть сведения, что он начал перевод «Утешения философией» Боэция, но этот перевод не был закончен и, видимо, не сохранился. Современникам были известны и стихи Мендосы¹¹, большая часть которых не сохранилась или же пока не выявлена, однако к поэтам первого ряда его никто не относил.

Своего рода теоретическим продолжением «Комментариев» стал трактат «Теория и практика войны»¹², представляющий собой наставление для наследного принца, будущего короля Филиппа III. Как и ряд других трактатов, написанных в эти же годы, он создавался с целью образования и воспитания будущего монарха (которого как раз в это время приобщали к делам управления) — в данном случае его обучения искусству войны.

¹⁰ Los seys libros de la Política o Doctrina Civil de Iusto Lipsio que sirven para el gobierno del Reyno o Principado, traduzidos de lengua latina en castellana por don Bernardino de Mendoza. Madrid, 1604. Подробнее о Юсте Липсии и его взглядах см.: Новикова О. Э. Политика и этика в эпоху религиозных войн: Юст Липсий (1547–1606). М., 2005. О влиянии идей Липсия в Испании XVII в. см., в частности: Ramírez A. Epistolario de Justo Lipsio y los españoles: 1577–1606. Madrid, 1966; Dávila Pérez A. La recepción española de las Políticas de Lipsio en el siglo XVII. La traducción castellana de Bernardino de Mendoza (Madrid, 1604) y la expurgación de la obra en los índices inquisitoriales // De Gulden Passer. 2006. № 84.

¹¹ Подробнее см.: Fuente Fernández F. J. Poesía de Bernardino de Mendoza (ca. 1540–1604) // Criticón. 1997. № 70.

¹² Theorica y pratica de Gverra. Madrid, 1595 (современное изд.: Theórica y práctica de Guerra / Ed. a cargo de J. A. Sánchez Belén. Madrid, 1998; далее ссылки даются на это издание трактата).

Мендоса взял на себя естественную для «хорошего вассала» роль советчика и наставника будущего государя по военным вопросам. Принцу Филиппу в год публикации трактата исполнилось 17 лет, а его отец Филипп II был уже тяжело болен, и в любой момент принц мог оказаться королем Испании. Между тем и финансовое, и военно-политическое положение страны в 1595 г. оставалось очень тяжелым, она вела войну на три фронта: с Англией, Францией и нидерландскими повстанцами. Из этой критической ситуации необходимо было выйти как можно быстрее, но сделать это удалось только в 1598 г., когда был заключен Вервенский мир с Францией, а государями контролируемой испанцами части Нидерландов стали эрцгерцог Альбрехт и дочь Филиппа II Исабель Клара Эухения; Южные Нидерланды теперь могли играть роль буфера между Испанией и Республикой Соединенных провинций, а испанские власти приобрели несколько большую свободу действий. В 1595 г. на перемены к лучшему можно было только надеяться, и проблематика трактата выглядела как никогда важной. Между тем в окружении наследника преобладали гражданские чиновники, ничего не смыслившие в военном деле; именно поэтому Мендоса считал свою задачу особенно важной. В этом отношении Бернардино достойно продолжал семейные традиции: очень многие представители этого аристократического рода, отстаивая преимущественное право аристократии на военную и государственную службу, вступали в конфликты с летрадо, которые, напротив, полагали, что именно они являются наиболее подготовленными к делам управления и верными слугами государя¹³.

Труд вышел в свет одновременно с рядом других, вызванных к жизни стремлением осмыслить опыт войны в Нидерландах¹⁴; с другой стороны, они, как и произведение Мендосы, также могли быть предназначены для юного принца. Компактный (в современном издании текст трактата занимает менее ста страниц, хотя и мелко набранных), лишенный громоздкого справочного аппарата, легкий для чтения и в то же время написанный с глубоким знанием дела, труд

¹³ Подробнее об этой традиции применительно к более раннему периоду XV – первой половины XVI вв. см.: *Nader H.* Op. cit. Passim.

¹⁴ X. А. Санчес Белен приводит сведения о еще 11 военных трактатах общего характера, изданных или переизданных на испанском языке в 90-х гг. XVI в.; почти все они написаны испанцами (*Sánchez Belén J. A.* Op. cit. P. 13).

Мендосы быстро приобрел европейскую популярность. В 1596 г. появились переиздание в типографии Плантена в Антверпене и итальянский перевод (переиздан в 1602 и 1616 гг., а, по некоторым данным, еще и в 1611 г.), в 1597–1598 гг. — французский и английский, в 1617 г. — немецкий¹⁵.

Хотя в тексте трактата отсутствует деление на главы, его структура очень хорошо продумана. В ее основе лежит деление на тематические блоки и, кроме того, помогают ориентироваться маргинальные пометки (по несколько на каждой странице, например: «Две формы войны», «Должность коннетабля», «Три способа защищаться» и т. д.). Впрочем, нередко одной маргиналии соответствуют несколько важных и совершенно различных пассажей, в то время как в других случаях выделены отдельной маргиналией гораздо менее значимые сюжеты. В ряде случаев автор возвращается к уже рассмотренным ранее сюжетам, однако то, что сегодня может показаться нарушением формальной логики, в конце XVI в. воспринималось вполне органично и не разрывало ткань повествования.

Стремясь наиболее эффективно наставлять принца, Бернардино де Мендоса написал свой трактат в той манере, в которой тогда нередко писали политические трактаты, формулируя, шаг за шагом, советы наследнику престола по всем проблемам, которые могут возникнуть. Чтобы сделать изложение более живым и понятным для принца, который явно не отличался выдающимися способностями, Мендоса часто использовал аналогии, афоризмы и поговорки, в ряде случаев советовал использовать своего рода дидактические игры (к примеру, предлагая воспитателям и слугам принца во время охоты показывать ему места, наиболее удобные для расположения пехоты, кавалерии или артиллерии).

Концепция трактата выходит далеко за рамки просто приведения в порядок военных познаний автора. Это настоящий учебник войны, хотя и обращенный к одному-единственному ученику; он имел вполне определенную цель — сохранение будущим королем Испанской монархии (в том виде, в каком она будет им унаследована от Филиппа II) и католической веры в своих владениях. В нем говорится обо всем, что может способствовать достижению этой цели или, говоря словами самого Мендосы, «привести в порядок дела ны-

¹⁵ *Cabañas Agrela J. M.* Op. cit. P. 84–86.

нешние, опираясь на примеры и горький опыт прошедших, что позволит предвидеть дела будущие»¹⁶.

Таким образом, Мендоса хотел посредством эмпирического знания свести к минимуму риски, которые могут привести к неудачам, то есть, по сути, сделать из искусства войны науку войны. Благодаря своему огромному военному и политическому опыту он хорошо знал, что провиденциалистская политика Филиппа II, покоившаяся на презумпции того, что Господь поддержит все начинания монарха, поскольку тот отстаивает интересы истинной веры, зашла в тупик и должна быть пересмотрена. Об этом свидетельствовали и гибель Армады, и вынужденный уход испанцев из Франции, и переход от наступления к обороне в Нидерландах. Оставаясь глубоко верующим католиком, Мендоса, по крайней мере в последний период своей жизни, отчетливо понимал, что нельзя полностью полагаться на волю Бога, что нужна опирающаяся на опыт деятельность людей. И в своем трактате он, профессиональный военный с большим стажем службы, максимально опирался на личный опыт, хотя и приводил примеры из истории. Он подчеркивал превосходство практики над теорией, но и теорию считал достаточно важной, приводя любопытные аналогии с медициной и архитектурой.

С другой стороны, установка на сохранение того ранее обретенного, чему ныне угрожает опасность, сближает Мендосу с некоторыми мыслителями как его собственного, так и несколько более позднего времени, в частности, с теми арбитрастами¹⁷, которые акцентировали не восстановление былого могущества Испанской монархии, а — более реалистично — его сохранение в том виде, в каком его застал автор трактата. Показательно в этом отношении известное произведение Педро Фернандеса де Наваррете, опубликованное уже в начале XVII в. и не случайно получившее название «Сохранение монархий».

В основу структуры «Теории и практики войны», как уже было отмечено, положены тематические блоки. Первый из них¹⁸ в основ-

¹⁶ Ibid. P. 83.

¹⁷ Так называли авторов обращенных к королю трактатов, которые стремились осмыслить упадок страны и предлагали самые разные меры (*arbitrios*, отсюда и название всего направления), чтобы его преодолеть.

¹⁸ *Mendoza B. de. Theórica y práctica de Guerra*. P. 49–57, хотя эти же страницы включают пассажи и из второго тематического блока.

ном содержит советы по теории или политике государства, причем по ходу изложения автор постоянно демонстрирует связь этих сюжетов с собственно военными. Мендоса начинает свой трактат с того, что подчеркивает обширность испанских владений и огромную ответственность их правителя перед Богом; однако именно в силу обширности державы сохранять ее придется с помощью войны, хотя автор и отмечает, что это последнее средство, к которому следует прибегнуть — только тогда, когда не удались переговоры и мирные соглашения. Войны, таким образом, вероятны и даже неизбежны. Более того, происходящие в мире события и изменения вызывают конфликты и между католическими державами; в этих случаях, даже если покажется уместным прибегнуть к оружию, следует максимально использовать переговоры, ибо лучшая служба Господу — это мир, и от вражды между католиками выигрывают враги истинной веры¹⁹.

Особенно опасными Мендоса считал войны в долг, когда война начиналась без необходимого финансового обеспечения, вследствие чего солдатам переставали платить жалование. Офицеры в таких случаях просто вынуждены были мириться с ослаблением дисциплины, что неизбежно приводило к грабежам и мятежам, умножавшим «грехи войны». Формулируя этот пассаж, Мендоса, конечно, не мог не вспомнить «Испанское бешенство» — бесчинства, которые творили вышедшие из повиновения испанские наемники в Антверпене в 1576 г., в те времена, когда Мендоса служил в Нидерландах. Возвращаясь сразу же к противоречиям между католическими государствами, Мендоса подчеркивал, что послом в том государстве, с которым может возникнуть конфликт, должен быть тот, кто не только умеет вести дела, но и является храбрым военным (*soldado de pecho*)²⁰, поскольку только такой человек сможет не принять на веру преувеличения противника и увидит его реальные силы. Именно таким человеком считал себя, да и был им на деле, сам Бернардино де Мендоса. Возможно, что слова о важности военного опыта для дипломатов и административных чиновников, отвечая взглядам Мендосы, в то же время были призваны защитить его позиции при дворе. Хотя по своему университетскому образованию он сам принадлежал

¹⁹ Ibid. P. 49.

²⁰ Ibid.

к летрадо, но чувствовал себя, в соответствии с традициями рода Мендоса, чуждым этой категории людей и был против увеличения их роли в политической и административной жизни страны, которого добивались, в частности, его современник Х. Кастильо де Бобадилья (опытный чиновник и автор популярного трактата «Политика для коррехидоров и сеньоров вассалов») или Д. Гарсиа де Паласьос, который в своих «Военных диалогах» писал, что король должен ставить мнение порывистых военных ниже мнения людей с образованием и опытом управления, которые не будут советовать начинать войну иначе как по справедливым и разумным причинам²¹.

Второй тематический блок заявлен как посвященный наступательной войне, хотя о чисто военных аспектах такой войны в нем практически не говорится. По мнению автора, прежде чем начинать войну, король должен выслушать мнение теологов о том, будет ли она справедливой, и лишь убедившись в своей правоте (включая сюда и защиту союзника или государства, находящегося под покровительством соответствующей державы, а также подавление мятежа подданных против законного государя), предпринимать все дальнейшие действия. После этого следует предложить советникам высказаться о том, соответствует ли такая война интересам государства. Следующий шаг — получить от советников и управляющих финансами отчет о состоянии казны и о возможных сроках получения доходов, чтобы определить, нельзя ли получить какие-то деньги заранее, под залог будущих доходов, и таким образом собрать дополнительные суммы, не отягощая вассалов²²; нужно также выяснить, до какой степени подданные готовы идти на жертвы ради такой войны. В этой связи Мендоса вспоминает знаменитую поговорку «Деньги — это нерв войны», а заодно рассуждает о том, что только профессиональные военные должны советовать в военных делах, и то обстоятельство, что на практике стремятся советовать все, свидетельствует не о компетентности таких советников, но лишь о том, сколь важна и популярна тема войны. Он не развивает эту мысль, но и здесь видна характерная для рода Мендоса нелюбовь к летрадо, стремление ограничить их влияние исключительно мирным време-

²¹ *Sánchez Belén J. A.* Op. cit. P. 15.

²² *Mendoza B. de.* *Theórica y práctica de Guerra.* P. 50–51.

нем. В этой связи он вспоминает еще одну поговорку: «Война порождает благородство²³, так же как мир порождает науки».

В завоевательной войне Мендоса предлагает проявлять особую осторожность. Прежде чем нападать на страну, надо знать ее размеры, климат, рельеф, водную сеть, растительность, людские и экономические ресурсы, число городов и селений, их укрепления, состав войска и флота и даже национальный характер жителей. Кроме того, важно учитывать политическое устройство враждебной державы (монархия или республика, а если монархия, то выборная или наследственная), хорошо представлять качества ее короля, принца и ближайших сподвижников монарха, финансовые ресурсы противника и его союзников, степень его поддержки местным населением. Мендоса не советует начинать завоевательную войну, если нельзя опереться на помощь либо соседей противника, либо его недовольных подданных, либо какой-либо придворной фракции. В то же время он отмечает, что завоевать страну проще, если ее король еще ребенок или если после смерти короля нет единственного и всеми признанного наследника. В таких условиях, по мнению Мендосы, особую важность приобретает фигура посла-военного, который способен установить связи с недовольными подданными вражеской державы и разжигать противоречия в стане противника; в то же время такой человек сумеет точно определить степень недовольства, не переоценивая его. Во всем этом сам Мендоса, когда был послом, показал себя признанным мастером.

Затем Мендоса переходит к оборонительной войне и ставит в этой связи несколько важных вопросов. Он рассматривает три варианта оборонительных действий: напасть на врага на его территории, предупредив его вторжение; ждать у границы, рассредоточив войска по крепостям и проходам; укрепить пограничные крепости, а основным силам ждать врага там, откуда удобно действовать по главным направлениям²⁴. Этот третий вариант ближе всего автору трактата, так как является самым надежным, ведь первый вариант — военные дей-

²³ Слово *nobleza*, которое использует здесь автор трактата, означает одновременно и благородство, и знатность происхождения, и дворянство как сословие, так что у читателя, возможно, возникали в этом месте многослойные ассоциации.

²⁴ *Mendoza B. de. Theórica y práctica de Guerra. P. 58–60.*

ствия на враждебной и незнакомой территории — обязательно сопряжен с риском, в то время как при втором неизбежно дробятся силы.

Мендоса задается и вопросом: лучше ли, чтобы войска состояли из солдат разных национальностей или же одной? Хотя в военной практике Испанской монархии собственно испанские солдаты всегда составляли меньшую часть войска, как правило, многонационального, Мендоса полагал, что войско одной национальности обычно сильнее, хотя все зависит от типа войны и сценария ее развития. Как и его покровитель герцог Альба, он считал испанских солдат лучшими в мире и был убежден, что если бы войско состояло из одних испанцев, оно было бы гораздо эффективнее. Он подчеркивал, что солдат следует щедро награждать за доблестную и верную службу и ценить скорее за личные заслуги, чем за происхождение. Хотя сам он принадлежал к аристократическому роду, однако в этом отношении примыкал к более «демократичным» авторам, а не к тем, кто ценил происхождение больше заслуг. Но еще более важной он полагал правильную политику в отношении офицеров, подчеркивая необходимость соответствия занимаемых ими должностей опыту и личным качествам. Он отмечал, что на деле это происходило далеко не всегда, и несправедливости такого рода разлагали войско, которое при отсутствии уважения к командирам было склонно бунтовать, да к тому же еще нечестные капитаны могли присваивать жалованье солдат, что тоже способствовало солдатским мятежам. Поэтому Мендоса предлагает принцу щедрее платить офицерам и наемникам, чтобы они не были вынуждены воровать казенные средства.

Одно из самых любопытных мест трактата посвящено тому, как должен вести себя король на поле битвы и какова его роль в военных действиях²⁵. Похоже, Мендоса испытывал ностальгию по временам, когда король, как во времена Карла V, принимал участие в сражениях (хотя он и не пишет об этом впрямую); он подчеркивал важность присутствия короля для повышения духа войск и советовал принцу, чтобы тот, в отличие от отца, больше появлялся на людях²⁶, в том числе в армии. Такая рекомендация была вполне в духе времени,

²⁵ Ibid. P. 79–80.

²⁶ Филипп II славился тем, что проводил большую часть едва ли не каждого дня, работая с секретарями в кабинете, и сравнительно редко появлялся на людях, особенно в последние годы жизни, когда он очень страдал от болезни.

соответствуя абсолютистским теориям о том, что король должен иметь как можно больше власти и блеска.

Все же главное внимание в «Теории и практике войны» уделено военным действиям как таковым: комплектованию и вооружению войск, их расквартированию, маршам, полевым сражениям, разведке, защите и осаде крепостей, форсированию рек, особенностям военных действий на море. При подготовке битвы Мендоса предлагает принимать во внимание разные аспекты: организацию эскадронов и их взаимодействие в битве; меры, необходимые, чтобы избежать окружения; задачи и способы действий отдельных родов войск. При всей важности кавалерии пальму первенства он отдает пехоте — в полном соответствии с практикой того времени, продемонстрировавшей высочайшие боевые качества испанской пехоты.

Любопытно, что, прекрасно зная об эффективности огнестрельного оружия, причем не только пушек, но и аркебуз, Мендоса выступал против увеличения доли солдат, вооруженных огнестрельным оружием, в ущерб пике²⁷, и это мнение признанного знатока заслуживает внимания. Он тщательно анализирует все, что необходимо принимать во внимание при движении по безлюдной местности, по лесу, при переправе; описывает технические новшества, которые можно использовать при переправе артиллерии. Успех защиты крепостей и окруженных стеной городов, по его мнению, чаще всего зависит от предусмотрительности, смелости и решительности коменданта. Он приводит примеры хитростей, которые помогут передать послания вовне, а также подорвать дух нападающих и побудить их снять осаду. Переходя к осаде крепостей, он говорит о том, как расположить войска, чтобы отрезать осажденных от внешнего мира, как приблизиться к стенам, как подводить мины, использовать артиллерию и т. д.

Последняя часть трактата посвящена морской войне. Хотя Мендоса никогда не служил во флоте, однако хорошо понимал особенности боевых действий на море. Он пишет о важности сильного флота для любой страны, имеющей выход к морю, и подчеркивает, что, только господствуя на море, можно сохранять империи и что будущее монархии прямо зависит от ее способности иметь мощный

²⁷ *Mendoza B. de. Theórica y práctica de Guerra. P. 77.*

флот, который мог бы доставить войска в любую точку мира. Показательно, что Мендоса, лучше многих осведомленный об обстоятельствах гибели Армады, не пишет здесь о завоевательных действиях, а лишь о том, как командовать флотом днем и ночью, в бурю и в штиль, как располагать корабли для битвы, наносить огнем ущерб противнику и самим его избегать и т. д.

Издательский успех книги показывает, что она нашла своего читателя, хотя адресат трактата, король Филипп III, почти не следовал полученным советам. Огромный опыт, глубокие и всеобъемлющие познания, понимание реальных проблем испанской армии (Мендоса отметил нехватку денег, коррупцию, низкий уровень дисциплины, невнимание правящих кругов к модернизации армии) и оригинальные идеи Мендосы (в частности, идеи исторического развития военного дела, его связи с устройством государства, внутренней и внешней политикой) обеспечили ему почетное место в развитии военной теории. «Теория и практика войны» — важный памятник общественной мысли эпохи Позднего Возрождения, хотя ренессансная составляющая трактата пока не нашла своего исследователя.

Д. Н. КОПЕЛЕВ

ПУШКИ В ОКЕАНЕ

МОРСКАЯ ГОНКА ВООРУЖЕНИЙ И ИСПАНСКАЯ КОЛОНИАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ XVI–XVII СТОЛЕТИЙ

Одним из основных инструментов проникновения Европы в Океан на заре раннего Нового времени выступала артиллерия. Размещение пушек на борту корабля совершило настоящий переворот в морской истории. Поначалу, в XIV–XV вв., корабли использовались разве что в качестве платформы для «дьявольских орудий» — небольших пороховых бомбард с каменными ядрами. На исходе Средних веков пушки только начинали победоносное шествие по странам Европы, и их пока применяли с опаской — «адское создание» вызывало подлинный ужас. «Серное дыхание пушек, их мерзкий хохот и неистовое пламя — все это были несомненные признаки сатаны», — замечает Дж. Келли¹. Появление артиллерийских орудий в европейских морях относится к первой половине XIV в.² О распространении нового оружия красноречиво говорит отрывок 1344 г. из «Диалогов» Франческо Петрарки: «Эта чума, столь редкая до сих пор, что ее принимали за чудо, стала столь же обычна, как и любое оружие»³.

По мнению английского историка Х. Николаса, в июне 1338 г. пушками располагал флот короля Эдуарда III⁴. Приведенные им свидетельства были приняты авторами крупных исследований по истории английского и французского флотов, приводящими их в

¹ Келли Дж. Порох: От алхимии до артиллерии: история вещества, которое изменило мир. М., 2005. С. 53, 54.

² «Железными трубами, метавшими много громового огня», были в XI в. вооружены корабли эмира Туниса, боровшегося против эмира Севильи; это оружие упомянуто в хрониках короля Альфонса VI и, видимо, являет собой разновидность ручного судового сифона для метания «греческого огня».

³ Цит. по: Арендт В. В. К истории средневековой артиллерии: (Генезис и развитие конструкции казнозарядных пушек XIV века) // Труды института истории науки и техники. Сер. 1. Вып. 7. М.; Л., 1936. С. 322. Подробнее см.: Бехайм В. Энциклопедия оружия. СПб., 1995. С. 306–321.

⁴ Nicolas H. N. A History of the Royal Navy, From the Earliest Times to the Wars of the French Revolution. Т. II. L., 1847. P. 186, 187; Appendix. P. 475.

своих работах⁵; точка зрения эта до сих пор встречается в научных трудах⁶. Между тем Т. Ф. Таут, посвятивший свою публикацию развитию артиллерии в Англии в XIV в.⁷, обнаружив недоказанность приводимых Николасом ссылок, перенес хронологические рамки указанных свидетельств ко времени правления Генриха IV⁸. Автор, тем не менее, утверждал, что в 1338 г. на кораблях армады, собранной в нормандских портах для вторжения в Англию, была, по крайней мере, одна примитивная пушка⁹. Известно, что пороховые бомбарды имелись на борту генуэзских галей, состоявших на службе французского короля Филиппа VI и разграбивших в том же 1338 г. Саутгемптон¹⁰. 1338-м годом датируется известие о передаче со стоявшего в Руане флота короля пушек, ядер и пороха для сухопутной армии¹¹. Можно предполагать, что пушки применялись в морском бою при Слейсе¹².

По данным «Хроник» Жана Фруассара, пушками были оснащены двенадцать фламандских судов Луи де Маля, отправленных в 1356 г. против Антверпена: упоминались четыре так называемые «рибоке» (боевые повозки), «три или четыре пушки, помещенные на высоких тележках наподобие тачек на двух или четырех окованных железом колесах, спереди с очень длинными остроконечными пиками», выгруженные перед городом¹³. Впрочем, данное свидетельство относится к полевым пушкам, тогда как на кораблях де Маля, по видимому, стояли пушки, изготовленные в мастерских Турне; порох же и снаряды были закуплены в Брюгге¹⁴. «Три орудия» из Фланд-

⁵ *Clowes Wm. L. The Royal Navy: A History From the Earliest Times to the Present. Vol. I. L., 1897. P. 148; La Roncière Ch. de. Histoire de la Marine Française. T. I–VI. P., 1900–1932. T. II. P. 511.*

⁶ См., напр.: *Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. М., 1986. С. 358–359.*

⁷ *Tout T. F. Firearms in England in the Fourteenth Century // The English Historical Review. 1911. Vol. XXVI. P. 666–702.*

⁸ *Ibid. P. 668, 669.*

⁹ *Ibid. P. 669. См. также: Келли Дж. Указ. соч. С. 130.*

¹⁰ *Cippola C. M. Guns, Sails and Empires: Technological Innovation and the Early Phase of European Expansion, 1400–1700. N. Y., 1965. P. 75.*

¹¹ *Арендт В. В. Указ. соч. С. 317.*

¹² Там же.

¹³ *La Roncière Ch. de. Histoire... Т. I. P. 501.*

¹⁴ *Ibid.*

рии разместили на нефах Иоанна II Доброго в январе 1356 г.¹⁵ По утверждению Николаса, среди финансовых отчетов за 1372–1374 гг., касавшихся содержания королевских кораблей, ему попало немало записей относительно пороха и пушечных ядер, а также расчетов за их изготовление с мастерскими лондонского Тауэра¹⁶. На вооружении тридцати пяти кораблей Карла V, сосредоточенных в 1377 г. на рейде Онфлера, было зафиксировано шесть пушек¹⁷, а флот под командованием адмирала Жана де Вьенна, расположившийся в 1385 г. у Эклюза и готовившийся к высадке в Шотландии, насчитывал семь переносных пушек и «сотню стволов, изрыгающих пламя»¹⁸. С конца XIV в. пороховые бомбарды устанавливаются на парусных коках Средиземноморья¹⁹.

Заметим, что внедрение артиллерии на кораблях проходило более медленными темпами, нежели на суше. Примитивность пушек небольшого калибра, сильная отдача орудия в стесненном пространстве, отсутствие систем прицеливания, заменяемых грубой наводкой — перечисленные моменты делали стрельбу опасной не столько для противника, сколько для применявшего ее. Просмоленная деревянная обшивка корабля легко могла воспламениться от огня, вырывавшегося при стрельбе со всех сторон, или от пороха, складировавшегося на палубе в открытой бочке. Невероятно трудно было также вести стрельбу при постоянной качке и сильной волне. Дополнительные сложности вызывала и пасмурная погода — не случайно еще в 1600 г. итальянский морской трактат «*Nautica Mediterranea*» рекомендовал применять катапульты с металлической пружиной, позволявшей стрелять в дождь²⁰. Однако, несмотря на неудобства и сложности в применении артиллерии на кораблях, в XV в. установка орудий на борту судов, и не только военных, — явление не просто распространенное²¹, но и регламентируемое соот-

¹⁵ Ibid.

¹⁶ *Nicolas H. N. A History...* Т. II. P. 186–187.

¹⁷ *La Roncière Ch. de. Histoire...* Т. II. P. 51, 52.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ *Карпов С. П. Путиями средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской Республики в XIII–XV вв.* М., 1994. С. 104.

²⁰ *Четверухин Г. Н. История развития корабельной и береговой артиллерии.* М.; Л., 1942. С. 75.

²¹ В 1445 г. на галеех Флоренции, идущих в Александрию, стояло по одной большой бомбарде и по четыре легких пушки (*Карпов С. П. Указ. соч.*

ветствующими правилами. Так, например, по требованию венецианского трактата конца XV в. по навигации, на борту корабля должно было находиться по две пороховые бомбарды²².

И хотя первые пушки были несовершенными, а их возможности ограниченными, применение «дьявольских орудий» на море часто вносило перелом в ход боя, продемонстрировав перспективы усиления военно-морской мощи. В 1359 г. бомбарда, установленная на большом корабле арагонского короля Педро IV, при осаде Барселоны сбила бойницу и мачту кастильского корабля²³. По сообщению «Хроник» Фруассара, в июне 1372 г. на траверзе Ла-Рошели «сорок больших кастильских нефов», оснащенных бомбардами, под командованием адмирала генуэзца Амброзио Босанера уничтожили английские корабли молодого графа Джона Пемброка, лишённые пушек и неспособные защищаться²⁴. Интересное свидетельство оставил русский странник иеромонах Зосима. Направляясь в 1420 г. в Константинополь, он подвергся в Черном море нападению итальянского корсара, который «в ходе сражения ... руби корабль пушками»²⁵. В 1494 г. флот Людовика Орлеанского, состоявший из нескольких нефов, галер и одного галеаса, атаковал близ Рапалло неаполитанцев. «На галеасе было много больших орудий, и вообще наша артиллерия была мощной, — вспоминал Филипп де Коммин. — Когда он подошел довольно близко к берегу, то артиллерийским огнем почти полностью уничтожил врага, никогда не видевшего ничего подобного»²⁶.

Отмечены применением артиллерии и корсарские войны. В августе 1485 г. четыре фландрских галеаса капитана Бартелеми Миньо, каждый с восемью бомбардами на борту, попали у мыса Сан-Висенти

С. 115); трехдечный генуэзский корабль в 1441 г. насчитывал 8 бомбард (*Jal A. Archéologie navale*. Т. I. Р., 1840. Р. 145); в 1425 г. на нефах герцога Бургундского разместили по 2 пушки и по 6 кулеврин (*La Roncière Ch. de Histoire...* Т. II. Р. 494); на генуэзском наве в 1475 г. насчитали 26 бомбард и 4 пушки при 150 членах экипажа с арбалетами (*Ibid.*).

²² Карпов С. П. Указ. соч. С. 115.

²³ Четверухин Г. Н. Указ. Соч. С. 61, 62.

²⁴ *Froissard J. Chroniques / Éd. par Siméon Luce et Gaston Raynaud*. Vol. VIII. 1-re partie. Р., 1888. Р. XXV, XXVI.

²⁵ Сказания русского народа, собранные И. П. Сахаровым / Вступ. ст., подгот. текста В. П. Аникина. Кн. 2. СПб., 1885. С. 67.

²⁶ Коммин Ф. де. Мемуары. М., 1986. С. 279.

под удар французских корсарских судов Кулона и Жоржа Грека и, несмотря на ожесточенное сопротивление, были взяты²⁷. В 1486 г. в водах Бристолья произошло крупное сражение, настоящая артиллерийская дуэль. Специально вооруженные бристольтскими купцами три нефа, в том числе 500-тонный «Тринити» и 300-тонный «Мэри Грейс», хорошо оснащенные орудиями и располагавшие удвоенными экипажами, вели бой с тремя бретонскими корсарами Жана Котанлема²⁸. Отсутствие артиллерии сыграло роковую роль в судьбе легендарного французского корсара Жана Флери, прославленного захватом в 1523 г. у Азорских островов сокровищ Монтесумы, отправленных Эрнандо Кортесом императору Карлу V. Весной 1527 г., крейсируя у мыса Сан-Висенти, он разбросал свои силы и был застигнут шестью баскскими кораблями капитана Мартина Переса де Иризара. Шквальный огонь двадцати орудий, обрушившийся на его корабль, привел в негодность паруса и искрошил полубак. Не имея возможности обороняться, Флери был вынужден капитулировать. Он предлагал за себя большой выкуп, но баски предпочли передать пленника императору Карлу V — по его приказу корсар был повешен²⁹.

Огромную роль в модернизации корабельной артиллерии сыграло прорезание пушечных портов в борту судна. Эта инновация начала XVI в., приписываемая французскому инженеру Дешаржу, применившему подобный способ при строительстве в Бресте корабля «Кордельер», перевернула историю не только корабельной артиллерии и судостроения. Ее последствия отразились на всем ходе и динамике европейской экспансии, так как в результате применения новой системы вооружения боевая мощь корабля значительно усилилась, а военно-морской флот превратился в весомое орудие международной политики. С применением пушечных портов отошла в прошлое бессистемная установка разнокалиберных пушек на верхней палубе или в специальных носовых и комовых надстройках, так называемых «шато» («замках»), служивших одновременно укрепленными пунктами при абордажном бое. На смену пришла бортовая установка артиллерии, позволившая увеличить количество и калибр пушек, концентрировать огневую мощь за счет распределения одно-

²⁷ *La Roncière Ch. de. Histoire...* Т. II. P. 414–415.

²⁸ *Ibid.* P. 410, 411.

²⁹ *Ibid.* Т. III. P. 253, 254.

калиберных орудий по батарейным палубам и залпового ведения огня³⁰.

Процессам становления морской артиллерии были свойственны две тенденции. С одной стороны, концентрация огня предопределяла эволюцию судов с артиллерийским вооружением эпохи позднего Средневековья в тяжелые военные корабли Нового времени. Их первые образцы — настоящие морские монстры — являли собой подлинное чудо, шедевр XVI в., совершенство судостроительного мастерства и инженерного искусства. Можно ли иными словами обозначить, например, фантастические корабли времен Генриха VII — «Риджент»³¹, вооруженный 225 серпантинами³², и «Севрин» со 110 серпантинами и 31 фальконетом на борту³³. В 1514 г. с английских верфей сошел гигантский «Хэри Грейс а Дье». На нем было установлено не менее 186 орудий, среди них: 122 железных серпантины, заряжавшиеся с казенной части, 4 медных серпантины, заряжаемых с дула, несколько тяжелых железных пушек, заряжавшихся с казны, 2 медных кулеврины, медная бомбарда и медная курто. Тяжелые новые медные орудия и 36 серпантин располагались в нижнем деке, а легкие были установлены на баке, шкафуте, на нижней палубе и «у руля»³⁴.

Не уступали англичанам и по другую сторону Ла-Манша. При Карле VIII и Людовике XII на вооружении французского флота со-

³⁰ На первом этапе порта для пушек прорезались бессистемно и несимметрично. Иногда при первом спуске корабля на воду они оказывались так низко над водой, что при малейшей качке суда черпали воду и тонули. Так, например, произошло в 1545 г. на рейде Спитхеда с караккой «Мэри Роуз», пушечные порта которой отстояли от воды всего на 16 дюймов (40,6 см). Многие корабли погибли из-за низких пушечных портов и в следующем веке. Испанский адмирал Апарисио де Артеага, командовавший флотом, идущим в Новую Испанию, в донесении королю подчеркнул: «Пушечные порты на кораблях столь близко прорезаны над ватерлинией, что их невозможно открыть, и артиллерия вынуждена бездействовать» (*Goodman D. Spanish Naval Power, 1589–1665: Reconstruction and Defeat. Cambridge, 1997. P. 114*).

³¹ «Риджент» был выстроен по образцу французского 800-тонного «Колоба».

³² *Clowes Wm. L. Op. cit. T. I. P. 404.*

³³ *La Roncière Ch. de. Histoire... T. II. P. 494, 495.*

³⁴ *Clowes G. S. L. Sailing Ships: Their History and Development. Vol. I. L., 1951. P. 263.*

стояла огромная «Шаранта». «Хроники» Жана д'Оттона называли этот «большой неф, или каракку», «самым лучшим из всех, предназначенных для войны на море» и сообщали о его мощнейшем вооружении. Гроза Средиземного моря, этот гигант под командованием бретонца мессира Жана де Поркона, сеньора де Бомона, наводил страх на генуэзцев и турок «двумя сотнями пушек (четырнадцать из которых стояли на колесах), стреляющих огромными камнями и ядрами серпантин»³⁵. Сохранилась ведомость от 14 ноября 1516 г. из Гаврского архива, предоставленная Шарлем Бреаром Шарлю де Ларонсьеру, о вооружении большого нефа «Луиза» адмирала Франции мессира Маль де Гравиля. На его борту находились 22 кулеврины и чугунных фокона, 10 больших железных пушек на лафетах, 22 больших пассаволюнта в «шато» носовой части, а также 5 длинных серпантин³⁶. Пьер де Брантом сообщал о 200 пушках, установленных на тосканском галеоне герцога Козимо I Медичи и добавлял, что герцог ежегодно отправлял его в Левант, совершенно не опасаясь алжирских корсаров. Единственным галеоном, с которым француз сравнивал этот корабль, был галеон Мальтийского ордена³⁷. Правда, в это время и португальский исполин «Кау Жуан» (1534 г.) имел вооружение в 366 больших и малых пушек, а на шведском «Элефантен» (1554–1559 гг.) располагалась 71 пушка, 24 из этих орудий были бронзовыми³⁸.

Нет ничего удивительного в том, что концентрация огневой мощи на кораблях превратила военно-морские сражения в самое настоящее «адово пекло». При сравнении великих битв на суше и на море по количеству примененной артиллерии результаты будут достаточно красноречивы³⁹. Жан Шаньо привел данные, касающиеся использования пушек в двух знаменитых баталиях эпохи Людовика XIV. В морском сражении у Солебея 7 июня 1672 г. анг-

³⁵ *Jal A.* Op. cit. Т. II. P. 214, 215.

³⁶ *La Roncière Ch. de.* Histoire... Т. III. P. 42.

³⁷ *Brantôme P. de.* Les vies des grands capitaines étrangers // Oeuvres complètes. Vol. 1–11. P., 1864–1882. P. 18, 19.

³⁸ *Cippola C.* Op. cit. P. 82.

³⁹ Отметим, что в эту эпоху пушки, применяемые на кораблях, не отличались от пушек, используемых в сражениях на суше. Поэтому для нужд сухопутных армий или при обороне крепостей с кораблей часто снимали орудийные стволы (см.: *Goodman D.* Op. cit. P. 145).

ло-французский флот герцога Йоркского и вице-адмирала Жана д'Эстре насчитывал 150 кораблей и располагал 5100 пушками. Ему противостояли 130 кораблей голландского флота Мартена де Рейтера с 5000 пушек. В генеральном же сражении при Мальплаке 11 сентября 1709 г. во время Войны за испанское наследство 80 тысяч французов с 80 пушками были разбиты 100-тысячной армией союзников с артиллерией в 100–120 орудий⁴⁰.

Впрочем, концентрация огневой мощи на тяжелых военных кораблях означала лишь одну из тенденций развития европейских флотов. Характеризуя ее, Карло Чиппола заметил: «Огромные корабли превращались в морские крепости, прежде чем становились маневренным орудием войны»⁴¹. Дело в том, что применение артиллерии на море послужило толчком к изменению тактики морского боя — вытеснению абордажа как основного средства ведения сражения и установлению «линии баталии» и боя на параллельных курсах в кильватерных колоннах. Однако кардинальные перемены в тактике морского боя устанавливались постепенно. Пока же, в начале XVI в., применение артиллерии оборачивалось вынужденным отходом от прежних канонов развертывания военно-морских сил и ведения сражения. Как нам представляется, особое значение при внедрении артиллерии приобрели два аспекта: фактор первого выстрела и систематизация военно-морских сил. При малой скорострельности и короткой дистанции убойная сила первого залпа морского колосса могла решить исход столкновения. С опорой на это и строились новые доктрины. В инструкциях 1530 г. космографа Карла V и советника Торговой палаты (*Casa de la Contratación*), касающихся порядка ведения боя, было специально оговорено: «Как только они (корабли. — Д. К.) войдут в пределы досягаемости, следует не медля пустить в ход наиболее мощную артиллерию, особо уповая, чтобы первый выстрел не был истрачен попусту, ибо ... точное попадание столь больших пушек вызовет великий страх и ужас в противнике... В первую очередь надо вести огонь из самых крупных пушек, стоящих на стороне или у борта, обращенного к врагу, а также отодвинуть с противоположного борта пушки с поворачивающимися стан-

⁴⁰ *Chagniot J. Guerre et société à l'époque moderne. P., 2001. P. 88, 89.*

⁴¹ *Cippola C. Op. cit. P. 83.*

ками и передвинуть их на верхнюю часть палубы и корму. Когда же неприятель будет поближе, пускать в дело меньшие пушки»⁴².

Наставления испанского теоретика не пропали даром. В августе 1545 г. в водах Портсмута английский флот лорда-адмирала Лайла получил инструкции для боя против французского флота адмирала Клода д'Анбо. Ему было приказано идти на врага, построившись в боевой порядок, напоминающий тупой клин. Корабли разделили на три ранга (наиболее сильные из принятых на королевскую службу торговых судов, королевские галеоны и крупные корабли), на флангах должны были располагаться гребные корабли короля и частных лиц. В первой линии стояли 8 огромных торговых кораблей, во второй — 10 королевских военных кораблей во главе с «Хэри Грейс а Дье» и один частный корабль, в третьей линии шли 19 частных торговых кораблей. По тактическому замыслу, торговые гиганты первой линии, приняв первый залп французов, должны были врезаться в линию противника и расстроить его боевое построение, открыв простор для действий военных кораблей⁴³.

В августе 1551 г. тактику первого выстрела прекрасно использовал французский капитан Полен де Лагард, когда его гребная эскадра (11 кораблей) столкнулась в открытом море у Фалмута с 22 фламандскими урками, идущими в Испанию. Правитель Нидерландов в письме от 19 сентября негодовал на проявленное французом коварство. Полен де Лагард послал сообщить, что на его корабле пребывает королева Шотландии, и потребовал салюта. Как только требование было удовлетворено, а пушки разряжены, французская эскадра устремилась вперед и взяла суда на абордаж⁴⁴.

Похожей тактики зачастую придерживались и пираты. Известный антильский пират из Дюнкерка, Пьер Француз, отправившись к жемчужным отмелям Ранчереи неподалеку от Рио-де-ла-Хачи, несколько не смутился присутствием в составе промысловой флотилии специального 24-пушечного корабля из Картахены, сопровождавшего

⁴² Fighting Instructions. 1530–1816 / Ed. by J. S. Corbett. L., 1905. P. 10-11.

⁴³ Ibid. P. 19.

⁴⁴ *Piot M. Ch.* La diplomatie concernant les affaires maritimes des Pays-Bas, vers le milieu du XV-e siècle, jusqu'à la trêve de Vaucelles // Bulletin de l'Académie royale des sciences, des lettres et des beaux-arts de Belgique. 2-me série. T. XL. Bruxelles, 1875. P. 847.

го и охранявшего ловцов жемчуга: «Когда пираты уже подошли к жемчужной отмели, то на самой большой барке заметили они восемь пушек и примерно шестьдесят вооруженных людей. Пираты подошли к этой барке и потребовали, чтобы она им сдалась, но испанцы открыли огонь из своих пушек. Пираты переждали залпы, а затем выпалили из своих пушек, да так метко, что испанцам пришлось довольно туго. Пока испанцы готовились ко второму залпу, пираты взобрались на борт...»⁴⁵.

Модернизация артиллерии привела к совершенствованию структуры военно-морских сил. Неуклюжие, малоподвижные военно-морские корабли, начиненные разнообразными пушками, были непригодны для быстрых крейсерских операций, разведывательных рейдов, конвоирования торговых флотов и т. п. В соответствии с этим происходила, по определению британского военно-морского историка Ф. Х. Коломба, «дифференциация морской силы»⁴⁶, отход от беспорядочной системы вооружения корабля. Пушка же выступала неизменным элементом систематизации.

Мартовским 1584 г. ордонансом французского короля Генриха III были установлены следующие нормы вооружения корабля и численности экипажа в зависимости от водоизмещения судна:

30–40 т: 12 человек, 2 служителя, 2 двойных барка, 2 мойена, 4 аркебузы;

50–60 т: 18 человек, 2 пасаволянта, 4 барка, 4 аркебузы;

70–80 т: 24 человека, 2 пасаволянта, 6 барков, 6 аркебуз;

90–100 т: 36 человек, 2 бастарда, 2 пасаволянта, 3 барка, 8 аркебуз;

110–120 т: 45 человек, 2 кардиналы, 2 пасаволянта, 12 барков, 8 аркебуз⁴⁷.

Анализируя списки английского флота конца XVI – начала XVII в., Колумб был вынужден констатировать, что «нет никаких штрихов, никаких точек, по которым бы мы могли сказать, что одна группа судов приспособлена для одной цели, а другая — для другой»⁴⁸. Ко второй же половине XVII в. положение изменилось: линейная тактика требовала четкости и согласованности в управлении флотом и, предопределяя жесткое деление кораблей на военные и

⁴⁵ Эксквемелин А. О. Пираты Америки. М., 1968. С. 68.

⁴⁶ Коломб Ф. Морская война, ее основные принципы и опыт. М.; СПб., 2003. С. 111–145.

⁴⁷ *La Roncière Ch. de. Histoire ...* Т. II. Р. 499.

⁴⁸ Коломб Ф. Указ. соч. С. 115, 116.

торговые, одновременно позволяла классифицировать военные корабли по рангам, в соответствии с их предназначением для ведения боя, разведки, конвоирования и т. д. Так, флот времен Иакова I (всего 31 единица) был разделен на 4 ранга⁴⁹. При Карле I и в период Республики на 6 рангов: 1 ранг — более 80 пушек; 2 ранг — от 80 до 50 пушек; 3 ранг — от 60 до 44; 4 ранг — от 50 до 32; 5 ранг — от 32 до 12; 6 ранг — менее 12 пушек⁵⁰. Британский военно-морской историк У. Клаус тонко подметил важную особенность систематизации, на бытовом уровне показывавшую стремительное развитие модернизаторских тенденций: «Ранги судов не всегда определялись ценой и мощностью корабля — так, как произойдет впоследствии. Можно предположить, что определение класса корабля только мало-помалу начинает приобретать форму системы. Однако размеры жалования офицеров, служивших на нем, всегда зависели от класса корабля»⁵¹.

Таким образом, возросшая убойная мощь флотов, появление кораблей, специально предназначенных для участия в сражении, перевернули средневековые требования к военно-морским судам — универсальному совмещению функций торгового и боевого средства наступал конец. Яркое свидетельство итальянского миссионера-кармелита отца Винченцо Марио, совершившего в 1655 г. путешествие в Индию, позволяет на примере испанских и португальских галеонов обнаружить существенные изъяны морских гигантов, по необходимости многофункциональных:

«Галеоны (португальцев) привлекают внимание не только огромными размерами, но и из-за своей уязвимости. Каждый из них высится подобно крепости и заполнен 80 и более бронзовыми пушками. Просторы широких деков даже позволяют морякам играть в шары. В многочисленных каютах столько места и воздуха, что галеоны походят скорее на уютные дома, нежели на корабли. Канатами управляют по большей части с помощью кабестана, обшивка настолько крепка, что ядра отскакивают от нее. Короче говоря, корабли эти были бы непревзойденными, если бы двигались не столь медленно и были бы лучше укомплектованы. Над ними с легкостью берут верх голландские суда, легко маневрирующие по ветру. Они исчезают, когда ветер благоприятствует противнику, если же слабый ветер врагу помехой, голландцы атакуют. Им

⁴⁹ *Clowes Wm. L. Op. cit. T. II. L., 1898. P. 8, 9.*

⁵⁰ *Ibid. P. 13, 14.*

⁵¹ *Ibid.*

достаточно малейшего дуновения, чтобы прийти в движение, а португальцам нужен едва ли не штормовой порыв»⁵².

Нельзя не обратить внимания на то, что применение артиллерии оборачивалось огромными финансовыми затратами. Наладить полный технологический цикл в рамках одной страны — даже такой мощной, как имперская Испания — было невозможно. Испанские власти, например, стояли перед необходимостью покупать пушки в Льеже, Швеции, Англии, импортировать сырье (медь привозили из Венгрии и с Кубы, серу — из Неаполя, с Сицилии или из Генуи, селитру — из Марокко и Индии), организовывать собственное металлургическое производство (в Малаге, Севилье, Барселоне), строить мануфактуры по изготовлению пороха (в Гранаде, Мурсии). Гигантские суммы тратились и на транспортировку орудий. Так, по данным Городских книг Нюрнберга за 1388 г., для перевозки одной пушки было необходимо: 12 лошадей для тела орудия, 16 — для его деревянной установки; 20 лошадей требовались для перевозки пятнадцати каменных ядер, из которых в одну повозку можно было едва ли вместить три; кроме того, приходилось доставлять 2,5 центнера пороха⁵³. По подсчетам Броделя, ежемесячные эксплуатационные расходы на 50 испанских пушек в Нидерландах в 1554 г. составляли 40 тысяч дукатов, «а чтобы привести эту массу в движение, требовались “малый обоз” из 473 лошадей для одних только всадников плюс “большой обоз” с 1014 лошадьми да еще 575 повозок, запряженная каждая четверней; следовательно, всего 4777 лошадей, что дает почти 90 лошадей на орудие»⁵⁴. Содержание же одной галеры стоило около 500 дукатов в месяц⁵⁵.

Колоссальные денежные средства, расходуемые на артиллерийское оснащение кораблей, — неуклонно возрастающая обременительная потребность Нового времени, — не только увеличивали стоимость войны. Эти огромные финансовые затраты, с постоянством пробивавшие брешь в бюджете, приводили к самым непредсказуемым последствиям в сфере внешнеполитической — ведь от правильно

⁵² Цит. по: *Cippola C.* Op. cit. P. 86.

⁵³ *Бранденбург Н. Е.* Исторический каталог С.-Петербургского Артиллерийского музея. Ч. 1: (XV–XVIII ст.). СПб., 1877. С. 16.

⁵⁴ *Бродель Ф.* Указ. соч. Т. I. С. 421.

⁵⁵ Там же.

выбранной стратегии вооружения зависело военно-политическое могущество державы. Неверное распределение финансовых потоков, недофинансирование могли обернуться неожиданными кратковременными и долговременными последствиями.

К числу первых необходимо отнести ту своеобразную «гонку вооружений» XVI в., в которую вылилось испано-английское противостояние накануне войны 1587–1603 гг. В ходе этой борьбы технологий развернулась ожесточенная конкуренция в военно-технических областях, последствия которой оказались столь губительны для «Непобедимой армады». В инструкциях, направленных командующему флотом герцогу Медина-Сидонии в период подготовки армады к вторжению, король Филипп II, детально знавший ситуацию, особо отметил широкое применение англичанами пушек: «Вам должно, — писал он, — сосредоточить внимание на стремлении неприятеля, располагающего преимуществом в орудиях и снабженного огнеметательными снарядами, вести бой на порядочном удалении. Тогда как, в задачу наших людей входит принуждение противника к рукопашной схватке и сваливанию на бордаж...»⁵⁶.

Анализируя роль артиллерии в разгроме испанского флота, этой «схватке Давида и Голиафа», Майкл Льюис, напротив, выразил сомнения в малой мощности испанских орудий и продемонстрировал их преимущества над английскими. «Нет никакого сомнения, — заметил историк, — что доспехи Голиафа были менее уязвимы, а его меч тяжелее и отточеннее, нежели полагают; в свою очередь, праща Давида в бою давала внезапные сбои»⁵⁷. Артиллерия, использованная в кампании 1588 г., продемонстрировала единую направленность в выборе средств ведения войны на море и стала своего рода лакмусовой бумагой, обнажившей уязвимые точки и преимущества каждой из сторон. Льюис констатировал:

«Испанцы располагали армией, способной идти на бордаж. При этом они прекрасно знали, как ходят наши корабли (и не сам ли король их об этом предупреждал?), и отдавали себе отчет в том, что эти корабли не будут стоять на месте, дожидаясь бордажной схватки. Поэтому было решено заставить их стоять, а необходимым для этого средством стали

⁵⁶ Цит. по: *Lewis M. The Spanish Armada*. London, 1970. P. 79. См. также: *Lewis M. Armada Guns // Mariner's Mirror*. Vol. XXVIII–XXIX. January 1942 – October 1943.

⁵⁷ *Lewis M. The Spanish Armada...* P. 5.

тяжелые (хотя и недостаточно дальнобойные) пушки, которые могли бы лишить их способности к передвижению. В свою очередь, англичане, как справедливо полагал Филипп, и не думали стоять, предполагая за счет быстроты и умелого кораблевождения держать дистанцию и от испанских солдат, и от испанских пушек. Поэтому они располагали дальнобойными (но легкими) пушками типа кулеврин, почти не имея других артиллерийских средств»⁵⁸.

Говоря о долговременных последствиях переворота в артиллерии, обратимся к владениям Испании в Новом Свете. В отличие от португальской экспансии в Ост-Индии, «тяжелая артиллерия на военных кораблях» — главный инструмент военного проникновения в Индийский океан — не сыграла на первом этапе испанского проникновения столь важной и драматичной роли. Вряд ли кто-нибудь из испанских конкистадоров, не встретивших сопротивления в водах Вест-Индии, мог испытывать такое чувство гордости и превосходства, как вице-король Антониу де Албукерки, доносивший королю Португалии в 1513 г.: «При слухах о нашем появлении все местные суда исчезают и даже птицы перестают скользить над водами»⁵⁹.

Тем не менее затраты на артиллерийское снаряжение и оснащение, как нам представляется, оказали серьезное влияние на процесс последующего развития испанских колониальных владений. Дело в том, что огромная территориальная протяженность новых земель, поддержание и охрана торговой трассы «Carrera de las Indias» («Пути в Индию») для транспортировки американского золота и серебра в Европу требовали огромных расходов. В обстановке же морского наступления европейских конкурентов в XVI–XVII вв. испанская монархия оказалась не в состоянии адекватно отвечать на все нападения и одинаково успешно защищать всю заокеанскую территорию. Как результат, концентрированные финансовые и военные средства, а, соответственно, и артиллерия, направлялись на защиту торговых конвоев «Flota» («Флот Новой Испании»), «Galleons» («Панамские галеоны») и на укрепление крупных портов, служивших для них базами. Таким образом, защищалось то, что представляло большую ценность, а не то, что было более уязвимо⁶⁰. Подобная

⁵⁸ Ibid. P. 87.

⁵⁹ Cippola C. Op. cit. P. 137.

⁶⁰ Нехватка денег ставила командующих эскадр и командиров кораблей, направляющихся в Новый Свет, перед альтернативой — либо выходить в море

доктрина «необходимости» оставляла без прикрытия местную торговлю в Испанском Мейне и открывала для проникновения изолированные и слабо укрепленные острова Карибского бассейна, которые к концу XVII в. перешли под контроль Англии, Франции и Голландии.

Удивительна ли в данной связи бурная активность, проявленная испанскими властями весной 1594 г. при известии о крушении у западного побережья Санто-Доминго большого английского 31-пушечного корабля «Эдуард Бонавенчер», пришедшего в Карибское море из Индийского океана. Без промедления на место крушения был направлен «фрегат», и испанцам удалось поднять затонувшие пушки. В донесении королю от 20 декабря 1594 г. дон Симон де Менезес с удовлетворением подчеркивал качество этих орудий («очень хорошие пушки») и сообщал об усилении ими артиллерии Санто-Доминго: «мы снабдили все форты города (а они нуждались в этом)»⁶¹.

Немаловажно еще одно обстоятельство: оснащенные тяжелыми пушками гигантские адмиральский и вице-адмиральский галеоны испанских конвоев отпугивали суда среднего и малого тоннажа, тем самым, направляя их на поиски более легкой добычи. А главное орудие европейской экспансии — небольшой корабль с его маневренностью, быстротой и хорошим вооружением — представлял собой серьезную опасность.

По сообщению Гарсиа де Резенде, еще португальский король Жуан II «потратил немало денег на строительство больших кораблей, вооруженных пушками. Будучи искусственным в любом деле, хорошо зная артиллерию, он провел немало опытов, чтобы определить, как с возможно меньшими расходами обезопасить свои берега, и в результате трудов своих открыл и определил, сколь много больших пушек можно разместить на малых каравеллах и как стрелять, чтобы выстрел едва касался воды. Король стал первым, кто это изобрел. Несколько таких каравелл, невзирая на тяжелые пушки больших кораблей, могли заставить последние сдаться, ибо трудно было попасть в столь малые по размерам и быстро передвигающиеся суда. И

без артиллерии, либо оставаться в порту (подробнее см.: *Goodman D.* Op. cit. P. 145–149).

⁶¹ English Privateering Voyages to the West Indies. 1588–1595 / Ed. by K. R. Andrews. Cambridge, 1959. P. 297.

долгое время португальские каравеллы наводили страх на морях!»⁶².

По мере модернизации артиллерийского вооружения боевые качества судов небольшого тоннажа все более возрастали. В конце XVI в. стратег английской крейсерской войны сэр Уолтер Рэли, анализируя различия между каракками и более совершенными военными кораблями, сделал язвительное замечание: «Корабль в 600 тонн будет оснащен артиллерией отнюдь не хуже, чем корабль в 1200 тонн. И пусть на громадине поставят в два раза больше пушек, меньшее по размерам судно успеет дважды развернуть борта, прежде чем большой корабль сделает хоть один поворот. Именно высокая загрузка кораблей оборачивается такими болезненными свойствами, делает их малоподвижными и неустойчивыми. Люди наилучших качеств, лучшей породы могут лишь приветствовать конструкции более устойчивые и менее шаткие в сравнении с подобными качающимися плавучими гробами»⁶³. Спустя три десятилетия, в записке от 26 ноября 1626 г., адресованной кардиналу Ришелье, кавалер мальтийского ордена шевалье Исаак де Разилли вопрошал: «Что до недавнего времени придавало такое значение большим судам? То, что на них есть тяжелые пушки, а на суда среднего размера можно ставить лишь легкие пушки, которыми нельзя пробить борт большого корабля. Теперь же это новое изобретение — квинтэссенция морского дела — позволяет ставить на корабль в 200 тонн такие же тяжелые пушки, что и на корабль в 800 тонн»⁶⁴.

Уже в XVI в. артиллерия небольших корсарских кораблей зачастую не уступала в оснащении более крупным кораблям. Беспрецедентным стал эпизод 1536 г. на рейде Гаваны. Маленький дьеппский паташ «Фероньер» с экипажем в 28 человек, всего при восьми пушках, в течение трех дней обстреливаемый тремя испанскими более крупными кораблями, неожиданно пошел в атаку и заставил сдать своих противников⁶⁵. Однако логика охоты за призами тре-

⁶² Cippola C. Op. cit. P. 80, 81.

⁶³ McKee A. From Merciless Invaders. The Defeat of the Spanish Armada. London, 1987. P. 87, 88.

⁶⁴ См.: Мемуар Исаака Разилли о французской колониальной экспансии (1626 г.) // Средние века. Вып. 20. М., 1961. С. 40.

⁶⁵ La Roncière Ch. de. Histoire... Т. III. P. 294.

бовала, разумеется, более сильного вооружения. Неудивительно, что среднего размера французский корсарский 140-тонный корабль «Сент-Эспри» из Сен-Жан-де-Люза под командованием Ожеро Дамиска во время каперской войны, развернувшейся в 1552 г. между англо-испанскими и французскими судами на Ньюфаундлендских банках, был вооружен 20 пушками. На каждого члена экипажа приходилось по одной аркебузе или арбалету и, кроме того, 24 пики и 30 полупик⁶⁶. В 1565 г. весельный барк держал на борту 7 железных мойенн, 2 эспуара и 18 бершей⁶⁷.

Соответствующее вооружение обнаруживают и английские каперские суда, действовавшие в Вест-Индии во время англо-испанской войны. Флагманское судно Френсиса Дрейка «Пеликан» с 7 пушечными портами по каждому борту располагало еще 4 пушками в носовой части; 13 его орудий были бронзовыми, остальные — железными⁶⁸. Начавшийся английский натиск на Испанскую Америку с каждым годом увеличивал требования к вооружению кораблей: «Они имели значительное вооружение, иногда включавшее 18-фунтовые кулеврины, но, как правило, 10-фунтовые малые кулеврины, поддерживаемые 5,5-фунтовыми сакрами и еще меньшими пушками, многочисленными мушкетами, каливерами⁶⁹, аркебузами, пиками, абордажными мечами и пистолетами» (Кеннет Реджинальд Эндрюс)⁷⁰.

Даже небольшое каперское судно, наподобие 50-тонного «Бак Янг», крейсировавшее весной 1590 г. вдоль побережья Санто-Доминго и захватившее здесь приз с сахаром, вызвало тревогу испанских властей. В первую очередь они заинтересовались его пушками. 13 мая Диего Менендес де Вальдес доносил из Пуэрто-Рико: «восемь дней назад ... сюда пришел (с южной стороны) ... 50-тонный англичанин с экипажем в 30 человек и шестью артиллерийскими орудиями, два из которых — медные»⁷¹. Что же говорить о

⁶⁶ *Ducéré E.* Les corsaires sous l'ancienne régime: Histoire maritime de Bayonne. Bayonne, 1895. P. 25.

⁶⁷ *La Roncière Ch. de.* Histoire... Т. II. P. 471.

⁶⁸ *Kelsey H.* Sir Francis Drake, the Queen's Pirate. New Haven, 1998. P. 84, 446.

⁶⁹ Каливер — английская разновидность небольшой аркебузы, название, по-видимому, происходит от искаженного немецкого Kaliber — калибр.

⁷⁰ *English Privateering Voyages...* P. 18.

⁷¹ *Ibid.* P. 88.

более крупных судах! Инвентарная опись 340-тонного «Уайт лайон», проведенная 20 января 1590 г. по его возвращении из Вест-Индии в Англию, зафиксировала на борту 2 медных малых кулеврины, 8 железных малых кулеврины и 8 железных сакров⁷². Сильной артиллерией располагал и 90-тонный «Голден Драгон». По специальной «оценке», проведенной в 1593 г., на нем было 2 малых кулеврины, 6 сакров, 7 миньонов, несколько фальконетов, 31 старый мушкет, 3 старых аркебузы (одна из них неисправная) и 13 пистолетов⁷³. Гигант же, подобный «Эдвард Бонавенчер», вооруженный 31 орудием, 6 из которых — медные, должен был, по мнению Эндрюса, казаться испанцам воистину «страшным судном»⁷⁴.

Правда, в конце XVI в. главные беды еще только начинались. На смену первой волне каперского наступления на Испанскую Америку, повергшего в шоковое состояние местную и центральную администрации, пришло перманентное присутствие европейских пиратов в XVII в. Справиться с ним властям оказалось не под силу. Испанские карательные эскадры, более или менее сносно оснащенные артиллерией и временами способные защитить побережье от буканьеров и флибустьеров, могли иногда наносить и сильные удары по объединенным группам головорезов, отважившихся на крупное предприятие, подобно той атаке, которой подверглись пираты весной 1685 г. к востоку от Панама. Нет ничего странного в том, что именно артиллерийское превосходство нередко превращалось в решающий «аргумент» победы. Описание Дэмпира, участника этой «схватки», содержит подробный перечень армады дона Томасо Палавичино, которую флибустьеры увидели 28 мая:

«Шесть кораблей были хорошо вооружены: на первом, адмиральском, 48 пушек, 450 человек; на вице-адмиральском 36 пушек, 360 человек;

⁷² Ibid. P. 76.

⁷³ Ibid. P. 230–233.

⁷⁴ Ibid. P. 18. С практикой «охоты за пушками», описанной нами на примере этого фрегата, делом, широко распространенным во все времена, мы не раз сталкивались и в Новом Свете. Когда, например, в 1678 г. на рифах острова Авес разбилась французская эскадра вице-адмирала Жана д'Эстре, туда устремился голландский двадцатипушечный «корабль» с расположенного неподалеку Кюросао, чтобы поднять и завладеть его пушками (*Dampier W. A New Voyage Round the World / With an Introduction by Sir A. Gray and a New Introduction by P. G. Adams. N. Y., 1968. P. 44*).

кроме того, 24-пушечное судно и 300 человек; 18-пушечное и 250 человек; 8-пушечное и 200 человек; два больших брандера; шесть судов с малым вооружением, на которых в общей сложности было 800 человек»⁷⁵. Пиратские корабли серьезно уступали испанской армаде: «Наш флот, — продолжает Дэмпир, — состоял из десяти судов: 36-пушечное судно капитана Дэвиса, 156 человек (большинство англичане), 16-пушечный корабль капитана Свана и 140 человек (все англичане). Это были единственные корабли, *способные сражаться* (курсив наш. — Д. К.); на остальных не было никакого оружия, кроме стрелкового. У капитана Таунли было 110 человек (все англичане). Капитан Гронье имел 308 человек (все французы). У капитана Харриса — 110 человек (большинство англичане). Под командой капитана Брэнли было 36 человек (и англичане, и французы), на тендере Дэвиса 8 человек и на тендере Свана 8 человек; на барке Таунли — 80 человек и на маленьком 30-тонном барке, превращенном в брандер, находилась гребная команда. Всего 960 человек»⁷⁶.

К тому же пираты упустили благоприятный для атаки ветер. Испанцы не замедлили воспользоваться этим своим преимуществом. Когда настало утро, пираты увидели, что корабли противника «поймали ветер и летят на нас с полными парусами; мы поспешили унести ноги»⁷⁷. Конечно, подобные успешные акции испанских военно-морских сил не отнесешь к разряду обыденных — они чередовались с неудачами. Перед лицом объединенных отрядов морских добытчиков, погруженных на средние по размеру корабли, оснащенные мощной артиллерией, оказывались бессильными не только испанские флотилии, но и целые города. Достаточно вспомнить уничтожение Панамы Генри Морганом во время экспедиции 1670–1671 гг. Участник этого «похода» Эксквемелин записал:

«Вся флотилия состояла из тридцати семи кораблей и нескольких небольших барок. После генерального осмотра выяснилось, что на них насчитывается две тысячи один человек; все хорошо вооружены ружьями, пистолетами, саблями, у всех были порох и пули, а также все прочее необходимое боевое снаряжение. На каждом корабле были пушки соответственно водоизмещению кораблей; на адмиральском корабле было двадцать две пушки и шесть басов, и он был тяжелее всех, на других было по двадцать, восемнадцать, шестнадцать, четырнадцать пу-

⁷⁵ *Dampier W.* Op. cit. P. 237.

⁷⁶ *Ibid.* P. 238.

⁷⁷ *Ibid.*

шек, а на самом малом корабле насчитывалось всего лишь четыре пушки; все корабли были снабжены порохом, гранатами и всем прочим артиллерийским припасом»⁷⁸.

Не меньший ужас в Испанской Америке вызвал пиратский флот, собравшийся в марте 1679 г. у острова Боко-дель-Торо. Бейсил Рингроуз, находившийся на одном из кораблей, привел данные о состоянии флотилии морских разбойников:

<i>Командир</i>	<i>Тоннаж</i>	<i>Пушки</i>	<i>Экипаж</i>
Коксон	80	8	97
Харрис	150	25	107
Бурнано	90	6	86
Соукинс	16	1	35
Шарп	25	2	40
Кук	35	–	43
Элleston	18	–	24
Роу	20	–	25
Маке	14	–	20

По количеству пушек силы разбойников уступали артиллерийскому вооружению флота Моргана. Следует, однако, принять во внимание, что в 1679 г. у пиратов были французские мушкеты, технически превосходившие аркебузы испанцев⁷⁹. Подобные «мобильные сгустки» артиллерийской мощи, сосредоточенные на каперских и пиратских судах среднего размера, и стали, в конце концов, одним из решающих инструментов европейской экспансии, разрушивших испанскую монополию в Америке.

⁷⁸ Эсквемелин А. О. Указ. соч. С. 163.

⁷⁹ Ringrouse B. Dangerous Voyages and Bold Attempts of Captain Sharp // Esquemeling J. The Buccaneers of America. L., 1893. P. 275.

А. И. ФИЛЮШКИН

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ЛИВОНСКОЙ ВОЙНЫ В 1558–1561 ГОДАХ

КРАХ ОРДЕНСКОГО ГОСУДАРСТВА*

Ливонская война (1558–1583 гг.) была первым крупным военным столкновением России и Европы. В ее ходе на полях сражений сошлись в смертельном противоборстве несколько очень разных военных систем: дворянское ополчение России и «посполитое рушанье» Великого княжества Литовского, татарская конница, польские рыцари и жолнеры, ливонские рыцари и кнехты, немецкие ландскнехты, шведские и датские солдаты, наемники из Шотландии, Венгрии, Франции, Италии, Англии.

В рамках данной статьи мы сосредоточимся на изучении особенностей изменения повседневной жизни Ливонии в годы войны за аннексию территории ордена в 1558–1561 гг. Прежде всего, остановимся на характеристике армии Ливонского ордена¹. По замечанию

* Исследование подготовлено при поддержке РГНФ, проект 09-01-95105а/Э.

¹ Историография Тевтонского и Ливонского орденов в Прибалтике огромна, упомянем лишь некоторые из важнейших работ: *Seeur de Wal. Histoire de l'Ordrenique*. Paris, 1784–1790. Т. I–VII; *Бунге Ф. Г. Орден меченосцев // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края*. Рига, 1879. Т. 2. С. 16–34; *Чешихин Е. В. История Ливонии с древнейших времен*. Т. 1–3. Рига, 1884–1887; *Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии, Эстляндии и Курляндии / Пер с нем.* В. Бука. СПб., 1912; *Benninghoven F. Der Orden der Schwertbrüder: Fratres Milicie Christi de Livonia*. Köln; Graz, 1965; *Lampe K. H. Bibliographie des Deutschen Ordens bis 1959*. Bonn, 1975. S. 120–154; *Urban W. The Livonian Crusade*. Washington, 1981; *Burleigh M. Prussian Society and the German Order*. Cambridge, 1984; *Prace z dziejów państwa i zakonu krzyżackiego / Pod red. A. Czacharowskiego*. Toruń, 1984; *Wolter von Plettenberg: Der grösste Ordensmeister Livlands / Hrsg. von N. Angermann*. Lüneburg, 1985; *Salles F. de. Annales de l'Ordre Teutonique ou de Sainte-Marie-de-Jerusalem depuis son origine jusqu'a nos jours et du Service de sante volontaire avec les listes officiels des chevaliers et des affilies / Pref. du Comte de F. Stolberg-Stolberg et postf. de Coutant de G. Saisseval*. Geneve; P., 1986; *Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyżackiego w Prusach: gospodarka, społeczeństwo, państwo, ideologia*. Gdansk, 1986; *Zimmerling D. Der*

Р. Фроста, Ливонию не затронула начавшаяся в XV–XVI вв. европейская «военная революция», связанная с отказом от рыцарской практики ведения войны, ростом роли артиллерии и вольнонаемных профессиональных подразделений, изменениями в вооружениях, тактике и стратегии². Все это можно обобщить как развитие военного искусства от Средневековья к Новому времени³, которое не коснулось орденской армии. Так, в Ливонии отсутствовали фортификации, позволяющие организовать сколь-либо долгое сопротивление любой армии, более сильной, чем отряд крестьянских повстанцев. В 1500 г. орден обладал почти 60 замками с гарнизонами, кроме того, оборону могли держать еще 15 епископских замков. Однако подавляющее большинство из них было построено в XIV–XV вв. как укрепленные пункты, способные обеспечивать колонизацию края. Они изначально не были рассчитаны на сопротивление вражеским войскам, вооруженным артиллерией и обладающим опытом штурма крепостей. По свидетельству «Ливонской хроники» Б. Рюссова⁴, в середине XVI в. в крае было всего девять боеспособных каменных крепостей — Рига, Ревель, Дерпт, Нарва, Пернов, Венден, Феллин, Вольмар и Кокенгаузен (с. 169).

Связи Ливонии с германскими землями в XV в. затухли, а как раз в это время там происходило быстрое развитие артиллерии и подрывного дела, которые обусловили новые требования к фортификационным сооружениям — требования, которых почти совсем не

Deutsche Ritterorden. Dusseldorf, 1988; Ritterbrüder im Livländischen Zweig des Deutschen Ordens / Hrsg. von L. Fenske, K. Militzer. Köln, 1993; Stadt und Orden: Das Verhältnis des Deutschen Ordens zu den Städten in Livland, Preussen und in Deutschen Reich / Hrsg. von U. Arnold. Marburg, 1993; *Christiansen E.* The Northern Crusades. L., 1997; *Crusade and Conversion on the Baltic frontier: 1150–1500* / Ed. by A. Murray. Burlington, 2001; etc.

² *Frost R.* The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe. 1558–1721. Edinburg, 2000. P. 16–17, 23–24.

³ *Roberts M.* The Military Revolution 1560–1660 // *Idem.* Essays in Swedish History. Minneapolis, 1967. P. 195–225; *Tools of War: Instruments, Ideals and Institutions of Warfare, 1445–1871.* Urbana, 1990; *The Military Revolution Debate* / Ed. by C. J. Rogers. Boulder, 1995; *Parker G.* The Military Revolution. Cambridge, 1996.

⁴ *Рюссов Б.* Ливонская хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Рига, 1879. Т. 2. Далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках.

знала Ливония. Лишь укрепления Ревеля, Риги, Лаюса, Вендена, Дерпта и Нарвы в XVI в. подверглись некоторой реконструкции. Поэтому остальные замки оказались абсолютно бессильными перед московскими пушкарями, по своему искусству и уровню вооружения не уступавшими западноевропейским⁵.

Не лучше дело обстояло и с полевыми вооруженными силами. Согласно традиции орденской организации, основную боевую силу должна была составлять рыцарская конница, возглавляющая войско из конных воинов-вассалов и пеших солдат-кнехтов. К середине XVI в. орден располагал несколькими сотнями рыцарей, не более 300–400. Многие из них были молодыми и в других обстоятельствах не получили бы рыцарского звания. Реальной боевой силы рыцари уже не представляли. Они были способны своим грозным видом вселять ужас и трепет в эстонских и латышских крестьян. Невозможно поставить под сомнение личную храбрость последних крестоносцев, их героизм на поле боя, но в столкновении с отрядом русских детей боярских, тем более вооруженных «огненным боем», для победы этого было недостаточно⁶. Рыцарская армия отжила свой век.

Более современными и боеспособными были отряды вассалов и ополчения крупных городов, например, Ревеля, который так и не был взят, несмотря на две тяжелые осады (1570 и 1577 гг.). Однако они отличались своеобразной, корыстолюбивой психологией, ста-

⁵ Ср.: *Nowakowski A.* Arsenaly zamków krzyżackich w Prusach na początku XVI stulecia // *Studia nad kultura materialna wieków od XIV do XVI.* Wrocław, 1986. S. 43–60.

⁶ Сколько русских войск действовало в Ливонии? Э. Тибберг приводит довольно убедительные расчеты, согласно которым можно смело отбросить сообщения средневековых хроник о десятках и чуть ли не сотнях тысячах москвитов, наводнивших крошечную территорию ордена. По мнению Тибберга, основанному на расчете соотношения упоминаемого в источниках количества служилых голов (командиров русских войск) и числа воинов, находившихся в подчинении у каждого головы, в январе – феврале 1558 г. в Ливонии действовало 8 000-е русское войско, летом 1558 г. — около 10 000, зимой 1559 г. — 9 500, зимой 1560 г. — 11 500 и летом 1560 г., в решающей фазе покорения Ливонии, — примерно 20 000. По сравнению с ливонской армией, насчитывавшей несколько сот рыцарей и несколько тысяч вассалов и кнехтов, это, конечно, были большие цифры. См.: *Tibberg E.* Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562. Uppsala, 1984. S. 138.

вившей во главу угла прежде всего собственные, а не сугубо военные и общие интересы. В результате ливонское войско полностью проиграло последнюю кампанию в истории ордена.

Повседневная жизнь Ливонии накануне ее гибели была буквально пропитана знаками надвигающейся беды, фиксируемыми летописцами. Конечно, они делали это задним числом и строили повествование в своих хрониках таким образом, чтобы подвести читателя к мысли о неизбежности и закономерности произошедшей с орденом катастрофы, отбирая поэтому в основном негативный материал. Однако стоит заметить, что бурные события начала XVI в., ликвидация Прусского ордена, Реформация, которую истинные католики воспринимали не иначе как дело рук Дьявола — все это в самом деле порождало упадочнические настроения. По наблюдению Л. А. Арбузова, в 1530-х гг. в Ливонии резко увеличивается число заказываемых горожанами панихид и молитв за упокой души⁷. Человеческое сознание тщательно фиксировало в окружающем мире признаки «последних времен»: пожары, эпидемии, атмосферные явления, пророчества юродивых. В 1547 г. горела Рига. В том же году по городам гастролировали канатные плясуны из Италии, смущавшие благочестие ливонцев. С 1549 г. пять лет свирепствовала чума. В 1553 г. во время городских свадебных гуляний от огня, на котором варились пиво, сгорела соборная площадь в Ревеле. В 1556 г. над Ливонией во время Великого Поста висела комета — вестник беды⁸.

Другим символом надвигающегося бедствия были юродивые. Рюссов приводит рассказ о некоем Юргене, который «прошел почти все ливонские города и земли совершенно босый, голый, покрытый только одним мешком, длинные волосы висели у него на плечах... и хотя у него не было ни чулок, ни башмаков, однако ноги у него были такие горячие, что снег таял у него под подошвами, где он стоял». Юрген ходил по Ливонии, работал за харчи у помещиков и крестьян

⁷ Арбузов Л. А. Очерк истории Лифляндии... С. 127.

⁸ См.: Рюссов Б. Ливонская хроника. С. 165, 315–317, 338, 344. Эта комета надолго запомнилась европейцам — в 1577 г. о ней вспоминали немецкие и польские интеллектуалы как о несомненном подтверждении того, что комета является знаком беды. См.: O widzeniu komety w tom niniejszym przeszłym roku Banskim 1577. Mieściacá Listopádá y Grudni od wielu ludzi widziáne. Z Niemieckiego ná Polstie przełożono. Kraków, 1577. S. 7.

и молился. «Когда его спрашивали, зачем он пришел в Ливонию, он говорил: Господь послал его, чтобы наказать жадность, высокомерие и тунеядство ливонцев. Он повсеместно обличал людей в этих пороках», называл местных пасторов лицемерами. «Иные считали его безумным, иные за чудака, другие же говорили, что он — знамение Господне и что-нибудь непременно случится в Ливонии». Но пророков люди любят после их смерти — так и Юргена убили крестьяне по дороге из Ревеля в Нарву, когда он в очередной раз принялся за свои обличения (с. 353).

Все это сочеталось с повышенным вниманием католических идеологов к «растлению нравов», которым сопровождалось вырождение ордена. Первопричину всех бед они видели в духовной лениности ливонцев, их склонности к праздному времяпрепровождению и удовольствиям. По словам Б. Рюссова, Сатана посеял в рыцарях и священниках «...плотскую гордость, негу, высокомерие, роскошь, невоздержанность [...] своеволие...»: «Как правители, так и простые дворяне не хотели ограничить роскоши в своих одеждах и нарядах. Ибо простые сановники, как командоры и фохты, подобно королям и князьям, хотели щеголять и хвастать золотыми цепями, трубами и драгоценными одеждами в противность всякому приличию» (с. 163).

В стране запустили школы, не было ни одного университета, так как корыстные вельможи не хотели тратиться на просвещение, но умножились сластолюбие и другие грубые пороки, даже проповеди читались от случая к случаю. Снедаемые бездельем магистры и рыцари, по Рюссову, все больше погружались в пучину порока: «Некоторые орденские магистры... из праздности впали в такой разврат, что стыдно о том и вспомнить. О их наложницах нечего и говорить, так как это не считалось у них стыдом: подержавши у себя наложницу некоторое время, они выдавали ее замуж, а себе брали новую. Точно так же бывало у епископов и каноников. [...] И этих женщин все называли не непотребными женщинами, а хозяйками и “женщинами, внушающими мужество”» (с. 319–320).

Единственные, кому подобный грех мог причинить некоторые неприятности, — это братья-служители. Среди них заводить наложниц по-прежнему было не принято, поэтому «развратника» под трубы и барабаны возили по замку и близлежащему городу и в одежде бросали в колодец. После этого купания фогт служителей отпускал

грехи провинившемуся брату. Обрисовав интересы орденской аристократии столь неприглядными красками, ливонский хронист не лучше характеризует и повседневную жизнь в целом: «... в те времена вся жизнь их проходила ... в травле и охоте, в игре в кости и других играх, в катанье верхом и разъездах с одного пира на другой, с одних знатных крестин на другие ... с одной ярмарки на другую. И очень мало можно было найти людей, годных для службы где-либо вне Ливонии ... или на войне» (с. 321).

У ливонской аристократии была своя система ценностей: «кто мог лучше пить и бражничать, драться, колоть и бороться», петь непристойные песни на пирах; «кто оставался последним и перепивал всех остальных, того на другой день провозглашали храбрым героем и его почитали и славил, будто он покорил какую землю» (с. 323). «Во всех землях в то время лучшей похвалой ливонцев было то, что они — славные пьяницы». Пьянство распространялось и на молодежь, 12–14-летних мальчиков. В Ливонии, по словам Рюссова, «среди некоторых разумных» ходила поговорка: «Да спасет нас Господь от феллинского танца, от витгенштейнского пьянства и от везенбергской чести» (знаком последней считался шрам на щеке, полученный в драке — так называемый «везенбергский коготь») (с. 366). При этом боевой дух рыцарей иссяк полностью, любимой поговоркой было: «Сохрани нас Господь от немецкой войны, русские же нам не страшны» (с. 324). Разумные нобили, видя этот «пир во время чумы», стремились не оставлять своих детей в Ливонии, а отправляли их в Германию — то есть, по Рюссову, накануне войны начался исход, эмиграция лучшей части ливонского общества (с. 331, 366). На основе подобных свидетельств историками, начиная с Е. Романовского, делался вывод о полном вырождении ливонского рыцарства к началу Нового времени и его объективном сходе с исторической арены⁹.

По мере приближения повествования к началу Ливонской войны Рюссов все более сгущает краски. Он рассказывает, как в 1555 г. вискские дворяне собрались на ландтаг в Пернове: «...там между другими ничтожными вещами они совещались также и о танцах: как слуга или кто другой, не принадлежащий к дворянам, должен в тан-

⁹ Karwowski S. Wcielenie Inflant do Liwy i Polski: 1558–1561 roku. Poznań, 1873. S. 17–18.

цах обращаться с особой дворянского происхождения, об этом они составили постановление и объявили по всей стране» (с. 343).

Главным развлечением жителей Везенберга стали оборачивающиеся руганью в храме диспуты местного прелата, обличавшего пороки горожан, и фогта, издевавшегося над церковью. «Но о большой опасности, очевидно угрожавшей стране, в то время совершенно не заботились» (с. 343). Все это, по мнению хрониста, происходило оттого, что «своя воля у каждого, исключая бедняков, стояла превыше всего». Начавшаяся война не образумила ливонцев — они продолжают пировать и отмечать различные семейные праздники, на которых пьют и похваляются, как разобьют русских. Рюссов рассказывает о некоей свадьбе в Ревеле в январе 1558 г.: «...там многие дерзко похвалялись и один перед другим целыми и половинными мерами пили против русских, так как в пьянстве они были сильные бойцы. Когда же свадьба окончилась и дело дошло до боя, тогда многие из них бежали не только от русских, но от сосен и кустов, коих они издали принимали за русских. Слово и крик: “Назад! Назад!”... были сначала в большом употреблении у них, над этим словом русские очень издевались» (с. 360).

Сам по себе эпизод Рюссовым, видимо, вымышлен — в январе 1558 г. под Ревелем еще не было русских войск и не велось никаких боевых действий. Но он является дополнительным аргументом в подтверждение главной идеи хрониста о моральном разложении ливонцев, приведшем к государственной катастрофе. Изображение ливонской армии у хронистов того времени носит карикатурный характер. Например, Рюссов приводит казус, относящийся к «войне коадьюторов» 1556 г.: прошел слух, будто бы из Пруссии должна прибыть армия наемников-кнехтов на кораблях для нападения на Ливонию. По имениям нобилей из канцелярии ордена и от городских властей рассылаются письма, в которых содержится призыв немедленно «по числу своих имений» вооружать ратников. Сцену последовавших сборов хронист описывает саркастически:

«...у многих неопытных ливонцев, не думавших о войне, не было ни ратников, ни оружия по числу их имений, поэтому должны были наскоро отправиться в поход ненемецкие подконюшие, и старые шестифердинговые кнехты (служившие за шесть фердингов — *Sechsferdingsknechte*. — *Прим. издателя*), которые уже почти до полусмерти спились и обабились, и наверно за всю жизнь не разу не выстрелили. Когда же они напя-

лили на себя старую заржавевшую броню и должны были двинуться в путь, то сначала крепко перепились и клятвенно обещали вместе жить и умереть. Затем многие из них полумертвые сидели на конях и, наконец, двинулись в поле. Тогда жены, служанки и дети так выли и плакали, будто эти воины никогда более не могут вернуться» (с. 348).

Рюссов с усмешкой замечает, что когда это грозное войско прибыло к берегу — предполагаемому театру боевых действий, то противника там не обнаружило. Пропьянствовав несколько недель, ополченцы воротились домой, «не без славы и чести, по их мнению». Хронист всячески подчеркивает, что военный уклад оказался в новинку для отвыкших от боевых действий земель ордена. Поэтому он воспринимается ливонцами по аналогии с другими повседневными чертами их быта. Если поход — то, как на охоте, обязательное пьянство. Развод караулов и маршировка — это что-то вроде городского карнавала. Проход отряда под барабанный бой по улице вызывает стечение зевак, которые ради увлекательного зрелища даже бросают слушать церковную службу, а во время расстановки вечерней стражи, по свидетельству Рюссова, многие из сбежавшихся на площадь забывали и о своем ужине: «Таким чудом считалась тогда война!» (с. 348).

Прибытие из германских земель профессиональных наемных воинов вызывало еще больший ажиотаж в обществе, отвыкшем от подобных зрелищ: «...и когда немецкие ландскнехты пошли за своим предводителем через ливонские земли, и проходили со своими женами и детьми через дворы дворян и деревни, и, по своему обыкновению, требовали продовольствия и входили в дома в высоких сапогах, вышитых платьях и с длинными копьями и боевыми мечами, тогда все дворяне, крестьяне, женщины, девушки и вся челядь так глазели на них, будто явилось заморское чудовище» (с. 348).

Очевидно, Ливония к этому времени все же серьезно отделилась от германского мира, хотя и считала себя его частью. Император воспринимался как некий далекий и могущественный заступник, но об обязанностях перед империей у ливонцев не было ни малейшего представления.

Начавшаяся война разрушала прежде всего привычный уклад жизни, меняя его на бытовом, повседневном уровне. С началом войны резко меняется облик Ливонии. До 1558 г. ее устаревшие в фортификационном отношении замки и города не производили на жителей «милитаристского впечатления», а рассматривались скорее как

деталь ландшафта. С приходом русских началось интенсивное военное строительство. Как сами ливонцы укрепляли города и замки, так и оккупационные войска строили свои фортификации. Руссов посвятил специальную главу строительству москвитями новых оборонительных сооружений во взятом ими Везенберге. Его особенно поразило то, что дома горожан, приходская церковь и монастырь были разобраны на камень для сооружения крепостных стен. В городе было возведено специальное предместье для размещения войск, «из огромных, толстых бревен там было построено около ста помещений, в которых могло разместиться до тысячи человек» (с. 365) — для Ливонии с ее гарнизонами от нескольких десятков до максимум нескольких сотен человек весьма впечатляющая цифра!

Сама природа, всегда благоволившая к ливонцам, стала враждебной: в январе 1558 г. во время похода Шигалея к Дерпту население окрестных деревень пыталось укрыться в городе, места всем не хватило, и многие прятались в городских рвах под стенами крепости — и там замерзли от лютой стужи (с. 358).

Особое явление в Ливонии в первые годы войны — брошенный замок. Гарнизоны нередко оставляли укрепления и уходили на соединение с более крупными силами. Замки стояли с распахнутыми воротами, и в них забредали отряды мародеров, отступавшие части наемников, которые заходили внутрь и занимались грабежом. После чего отдохнувшие и поживившиеся кнехты шли дальше. Такие «мертвые замки» в 1558–1559 гг. можно было видеть в Вирланде, Оденпе и других местностях (с. 373).

Грабеж превратился в обычное явление. Можно сказать, что война началась с грабежа: во время подготовки январского наступления 1558 г., как повествует Свод Корнилия, Михаил Глинский «людьми своими едучи дорогою, сильно грабил своих, и на рубежи люди его деревни псковьские грабили и живот секли, да и дворы жгли христианьския. И царь и великий князь про то на него опалался, и велел обыскати, кого грабили дорогою, и на нем иным доправити грабежи»¹⁰. Причем мирных жителей грабят все, у кого в руках оружие: и оккупационные войска, и свои же рыцари (от магистра, присвоившего собранную для русских дань, до отдельных чинов ордена,

¹⁰ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). М., 2000. Т. V. Вып. 2. С. 235.

промышлявших разбойными нападениями). Поэтому для одних главной заботой стало, как сохранить нажитое добро, а для других — как его найти и изъять. Причем и для тех, и для других разрушаются привычные фреймы поведения, рушатся моральные запреты. Так, многие богатые жители Дерпта при подходе русских прятали свое золото под могильными плитами, вскрывая захоронения предков. Московиты же раскопали могилы и забрали сокровища (с. 367).

Движение по Ливонии русских войск сопровождалось рассылкой по округе фуражиров, чей труд был сопряжен с большим риском: их убивали местные жители из опасения, что фуражир приведет для грабежа целую армию; они были легкой добычей для врагов, желавших взять «языка»¹¹. Из-за разбоев на дорогах изменились сами коммуникации: если раньше удобные и хорошие дороги были гордостью Ливонии, то теперь они пустыни. Хорошей дорогой теперь считается бездорожье, путь через леса и местности, в мирное время слывшие непроходимыми. Здесь меньше риска нарваться на разбойников и празднующихся воинов любой из воюющих в Ливонии армий.

Война носила не только государев, но и индивидуальный характер — столкновений пограничного населения, получившего возможность безнаказанно выяснять отношения с соседями. Так, в январе 1558 г. главный урон ордену принесли «торонщики», которые воевали «по всему рубежу охочие, и полону много вывели»¹². Походы торонщиков за скотом и пленными часто носили абсолютно самостоятельный характер, как, например, зимой 1559–1560 гг.¹³

Для значительного круга лиц Ливонская война с самого начала оказалась «коммерциализирована». Это проявлялось и на уровне правителей государств (когда русский царь вымогает дань, а ливонский магистр присваивает собранные 60 000 талеров), и в стремлении к наживе бюргеров, всего населения. Помимо банального мародерства, процветали продажа и перепродажа военного имущества, наемничество, заклады движимой и недвижимой собственности. Некоторые эпизоды выглядят просто вопиющими. Так, в 1558 г. гарни-

¹¹ См., напр., описание допроса пленного фуражира московита Петра в январе 1559 г.: *Щербачев Ю. Н.* Копенгагенские акты, относящиеся до русской истории. М., 1915. Вып. I: 1326–1569. С. 89–90. (№ 48).

¹² ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 235.

¹³ Там же. С. 239.

зон ревельского замка предложил бюргерам ... купить его на кирпич, разрушить и на его месте построить дома богатых горожан. И это в ожидании прихода московских войск! Правда, сделка не состоялась: магистрат не устроили ее условия (с. 374). Когда в том же году горожанам было приказано срывать свои усадьбы под стенами Ревеля во избежание использования их противником (обычная практика средневековья), то многие из них пытались выкупить свое имущество от разорения, откупиться денежным взносом — Б. Рюссов называет цифру в 600 талеров, которые некоторые готовы были заплатить магистрату, лишь бы их имущество не пошло на нужды обороны города. Магистрат Ревеля в 1559 г. дал ордену 30 000 талеров на военные нужды, но не просто так — под заклад орденского владения Кегель (с. 375, 377).

Особый аспект войны — ее разрушительность, нацеленность на уничтожение всего, что попадает на пути войска. Уже в первом, январском походе 1558 г. москвит, по описанию Рюссова, «...грабил, жег и убивал, и причинил большой убыток убийством, грабежом, пожаром и взятием в плен, без всякого сопротивления, ливонцев; то, чего он не мог захватить с собой из скота и хлеба, он уничтожил; много скота он загонял в сараи, затем поджигал и сжигал их со скотом» (с. 358). Немецкие историки Ливонской войны описывали как массовое явление убийства московскими войсками в Ливонии «каждого встречного», причем самым жестоким образом: людей взрывали порохом, обмазывали смолой и поджигали и т. п. Щадили лишь детей до 10–12 лет, уводимых в рабство (с. 358–359).

Новым для европейцев было и отношение русских к пленным: тех, кто сдался и присягнул царю, щадили и даже считали в чем-то своими. Но горе тем, кто сопротивлялся и попал в плен с оружием в руках! Согласно европейской воинской морали, такое поведение считалось доблестью и предполагало великодушную оценку мужества противником, но москвиты воспринимали упорствующих как государевых ослушников. Пленных ливонских командиров отправляли в Москву и Псков для показательных публичных казней¹⁴.

¹⁴ Например, в 1559 г. в Москве был казнен некий «Ламошка-немец», взятый в плен под Володимерцем, «за противное слово и за то, што он воевал, ходил к городом по осени, к Юрьеву и к Лаисоу» — ПСРЛ. Т. V. Вып. 2. С. 239.

В практику капитуляции ливонских городов широко вошло такое явление, как сдача с условием, что гарнизон и те горожане, которые не хотят оставаться «под московитом», могут беспрепятственно уйти из города. Уходили многие, и это породило такие массовые явления, как вынужденная миграция, беженство. Перед многими ливонцами встал трудный выбор: жизнь в своем доме и городе, но в оккупации со всей ее непредсказуемостью и рабской зависимостью от произвола захватчиков, или – лишение навсегда своего крова и имущества, и начало странствий по родственникам, знакомым, новым городам. Многие понимали, что кроме этих скитаний у них в жизни уже не будет ничего, они просто не успеют заново стать уважаемыми и зажиточными бюргерами. Тем не менее, многие ливонцы предпочитали такой перелом в своей судьбе иноземной оккупации. Наконец, новым явлением было само массовое присутствие в Ливонии иностранцев, причем военных, с соответствующими нормами поведения. И если в бытовом плане шведы, датчане и поляки незначительно отличались от ливонцев, то обычаи «московитских варваров» оказались в новинку.

Примеры из повседневной жизни позволяют создать представление о том, как на практике происходила историческая катастрофа под названием «гибель последнего государства крестоносцев». Ломка жизненных устоев, особенно в русской зоне оккупации, оказалась столь масштабной, что можно говорить о начале в Прибалтике новой исторической эпохи. Ливонская война (с Реформацией и другими сопутствующими элементами) явилась для региона грубой и жестокой формой переходного периода от Средневековья к Новому времени.

М. Г. МУРАВЬЕВА

СЕКСУАЛЬНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ ВОЕННО-УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Война являлась частью повседневной жизни и нормальным состоянием для европейцев раннего Нового времени. XVII век насчитывает только 7 лет без войны в каком-либо регионе Европы. Крупные европейские страны постоянно были втянуты в разного рода вооруженные конфликты на своей или чужой территории, решая те или иные проблемы. Поскольку война становится основным средством ведения внешней политики, ее регулированию начинает уделяться гораздо больше внимания, чем в предыдущие периоды европейской истории. Под регулированием здесь имеются в виду сугубо формально-юридические аспекты ведения войны, получающие достаточно интенсивное развитие особенно в XVII в., в эпоху так называемой «военной революции». Известнейшие юристы, такие как Гуго Гроций, Самюэль Пуфендорф, Кристиан Томазий, Эммерлих фон Ваттель, Шарль Луи Монтескье, обязательно включают проблемы военного права и регулирования войн в сферу общих систем права. В XVI–XVIII вв. развивается также уставное творчество: европейские правительства озабочены созданием армейских и морских уставов (артикулов), предназначенных максимально детализировать функционирование вооруженных сил державы и превратить их в полностью контролируемую государством машину, готовую по исходящему от государства приказу эффективно осуществлять боевые действия. Центральным местом уставов становится дисциплина, методы поддержания «порядка» среди рядового и офицерского состава. Дисциплинирование начинает затрагивать все стороны жизни солдата / матроса / офицера. Более того, континентальные юристы настаивают на выводе военных из-под юрисдикции общих государственных судов и создания для них своей собственной системы правосудия. В конце концов, к началу XVIII в. в большинстве европейских стран военные уже подлежат ведению специальных министерств (приказов, коллегий) и специальных (военных) судов, руководствующихся во-

енными уставами. Данная подсудность распространяется на военных не только в периоды активных боевых действий, но и в период нахождения их в гарнизонах, на квартирах и в целом на службе. С учетом организации вооруженных сил в этот период военные оказываются в ведении отдельного вида юрисдикции.

Довольно заметным в данном процессе становится скрупулезное регулирование сексуального поведения военных, о чем свидетельствуют специальные главы в большинстве военных артикулов того времени (например, глава 20 в «Военном артикуле» Петра I). Здесь наблюдаются две взаимосвязанные тенденции: регулирования (сексуального) поведения внутри группы (то есть самой армии) и по отношению к остальному населению, как своей страны, так и завоеванных территорий. Раннее Новое время является также эпохой формирования нового подхода к правам мирного населения во время ведения боевых действий, что закрепляется в многочисленных договорах и соглашениях воюющих армий. Военные уставы эксплицитно запрещают под страхом смертной казни грабеж, разбой и другие «насильства» в отношении мирного населения завоеванных территорий. Сексуальное насилие также расценивается как недопустимый образ действий при захвате той или иной территории. Особенно осуждается изнасилование беременных женщин и кормящих матерей. И хотя уровень потерь остается очень высоким, а грабежи и изнасилования на завоеванных, да и на своих территориях — обычной практикой, тем не менее, в процессе «военной революции» медленно меняются стратегии контроля над армией и ее дисциплинирования, что, в конечном итоге, приводит к более «регулярным» войнам XVIII в.

1. «Военная революция» в европейском праве: жить по уставу

Спор вокруг степени и глубины изменений в военной стратегии и тактике, а также в целом в практике ведения войн в раннее Новое время, продолжается не одно десятилетие¹. Изначально понятие

¹ См. обзор «военной революции»: *Пенской В. В.* Военная революция в Европе XVI–XVII веков и ее последствия // Новая и новейшая история. 2005. № 2. С. 194–206; *Ayton A., Price J. L.* The Medieval Military Revolution: State, Society and Military Change in Medieval and Early Modern Europe. L., 1995; *Black J.* A Military Revolution? Military Change and European Society, 1550–1800. L., 1991;

«военной революции» было сформулировано Майклом Робертсом на основании его исследований шведской армии Густава II Адольфа. Робертс утверждал, что исключительно «революционные» реформы были осуществлены шведским королем на основе подобных же реформ, проведенных принцем Морицем Оранским в нидерландской армии, что позволило мятежной Голландии эффективно сопротивляться Габсбургам и вести в дальнейшем агрессивные войны. Эти реформы включали четыре элемента: тактическую революцию (увеличение возможностей использования стрелкового оружия), количественное увеличение армии, систематизацию боевых действий и зарождение военной науки, и, наконец, возрастание влияния армии на общество в целом (увеличение налогообложения на содержание армий и более серьезные, чем прежде, масштабы массовых разрушений в результате войн). Все эти изменения озаменовали «зарождение новой армии и новой системы ведения войн» и были введены первоначально в Северной Европе (Нидерланды, Швеция и Германия, особенно Пруссия)². С другой стороны, Джефри Паркер высказал сомнения в том, что эти изменения можно назвать «революцией». Отдавая должное Морицу Оранскому и Густаву Адольфу, Паркер настаивал, что указанные изменения начались еще в конце XV в., причем в таких странах, как Испания и Франция. Он также продемонстрировал, что реформы армии вовсе не означали быстрого изменения в способах ведения войны: в XVII в. боевые действия все еще велись традиционным способом и победы редко одерживались благодаря новым тактическим приемам³. Вопросы дисциплины и

Childs J. Warfare in the Seventeenth Century. L., 2001; *Downing B. M.* The Military Revolution and Political Change: Origins of Democracy and Autocracy in Early Modern Europe. Princeton, 1992; *Stradling R. A.* A “Military Revolution”: the Fall-out from the Fall-in // *European History Quarterly*. 1995. Vol. 24. P. 271–278.

² *Roberts M.* The Military Revolution, 1560–1660. Belfast, 1956.

³ *Parker G.* The Military Revolution 1560–1660 — a Myth? // *Journal of Modern History*. 1976. Vol. 48. No. 2. P. 195–214; *Idem.* The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West 1500–1800. Cambridge, 1988. О самой дискуссии см.: *Rogers C. J.* The Military Revolution Debate: Readings on the Military Transformation of Early Modern Europe. Boulder, 1995; *De Moor J. A.* Experience and Experiment: Some Reflections Upon the Military Developments in 16th- and 17th-century Western Europe // *Exercise of Arms: Warfare in the Netherlands, 1568–1648* / Ed. by M. van der Hoeven. Brill, 1997. P. 17–32.

организации армии, предположительно ключевые в такой дискуссии, затрагивались участниками, но им уделялось значительно меньше внимания, чем, например, проблемам тактики и применения огнестрельного оружия.

С нашей точки зрения, самые заметные изменения произошли именно в формально-юридической организации военного дела, во введении новой системы дисциплинирования, которая, возможно, не была идеально эффективной, но стала уже весьма распространенной в начале XVIII в. Военное право развивалось в рамках идеи «справедливой / несправедливой» войны и общей секуляризации самой концепции войны, происходившей в XV–XVI вв. благодаря теоретикам школы естественного права. Фундаментальным элементом такой дихотомии стал вопрос отношения к мирному населению, не занятому в боевых действиях, особенно к женщинам и детям, как категории слабых. Осуждение сексуального насилия таким образом превратилось в общее место для теоретиков «справедливой» войны. Прогрессивный взгляд Альберико Джентили (1552–1608), провозгласившего: «незаконно есть причинять сию неправду (изнасилование. — М. М.), даже если иногда законом разрешается и убивать женщин... Если женщина сражается в бою, то почему ее следует защищать?... Но нет никакой причины, по которой она должна страдать от такого крайнего унижения»⁴, — был поддержан и другими теоретиками, в частности, Гроцием и Ваттелем.

Сама по себе разработка идеи «справедливой войны» не являлась новшеством XVI столетия. Римские философы, Августин Блаженный, канонисты XII–XIV вв., декреталисты заложили основы для общей дискуссии XVI в. В частности, декреталисты, ссылаясь на пример ветхозаветных царей, постоянно ведших справедливые войны против неверных, создали достаточно стройную концепцию, включавшую пять элементов: *persona, res, causa, animus* и *auctoritas*, что, в свою очередь, означало следующие пять критериев справедливой войны: тот, кто начинает войну, должен быть мирянином; поводом для войны должна служить защита отечества (*patria*) либо возвращение украденного; только необходимость делает войну справедливой; само по себе желание наказать провинившегося не является справедливым; война должна быть начата только с санкции

⁴ *Gentili A. De Jure Belli Libri III. Hanoviae, 1612. P. 423–424 (L. II, cap. 21).*

легитимного правителя. На соблюдении этих критериев настаивал как их разработчик, Лаврентий Испанский, так и другие декреталисты, например, Раймунд Пеньяфортский. Последний добавлял, что если кто-либо при ведении боевых действий злоупотреблял силой (совершал необоснованные грабежи и убийства), то его следовало отлучить от церкви немедленно⁵.

Авторы XVI в. разрабатывали доктрину в сторону юридического обоснования справедливой войны, особенно применительно к тезису «война есть сражение армий», означавшему предоставление иммунитета так называемому мирному населению, в частности, тем категориям, которые считались незащищенными: женщинам, детям, старикам; и тем категориям, от которых зависело функционирование мира в целом: священникам, купцам, послам. Общее осуждение грабежа и насилий по отношению к местному населению, особенно христианскому, становится знаком времени. Такие авторы, как Пьерино Белли, Балтазар Айала, Альберико Джентили, и, конечно, Гуго Гроций, призывали к «христианскому» поведению солдат и командиров, а также к суровому наказанию за нарушение норм христианской морали со стороны суверенов и командующих армий. Образ «христианского» воина становится достаточно популярным, несмотря на различия деноминаций. С ним связано и особое внимание, которое гуманисты уделяют разным формам человеческого поведения, в частности, преступности и насилию. Томас Мор в своей «Утопии» предлагает вполне мирской взгляд на зарождение преступности. Многие другие авторы также начинают связывать агрессивное поведение с внешними факторами, в частности, с войной как таковой. Она начинает рассматриваться как основной источник распространения таких форм насилия, как массовые убийства и изнасилования. Олицетворением их становится образ наемника, этакого сексуального преступника, убивающего за деньги и абсолютно безразличного к правосудию. Картины Урса Графа (1485–1529, «Свирепая война», «Битва при Маригано», «Воин с копьем») и Никлауса Мануэля (1484–1530, «Автопортрет») с изображением наемников — два характерных примера художественной саморефлексии на эту тему.

Светские и духовные авторы XVI–XVII вв. постоянно подчеркивали опасности для морального облика человека, решившего всту-

⁵ *Russell F. H.* The Just War in the Middle Ages. Cambridge, 1977. P. 127–212.

пить в армию: новобранца подстерегали соблазн азартных игр, пьянства, разврата и забвения Господа. Но главной опасностью выступает приобретение привычки к насилию: «Тот, кто так легко убил многих, разве он остановится перед убийством одного, если он того пожелает?» — восклицал Эразм в «Жалобе мира»⁶. Сто лет спустя московский автор предисловия к военному уставу «Учение и хитрость ратного строения людей» с горечью замечал: «А ныне сопротивно тому (благочестию древних воинов. — М. М.) деется где болши проклинания и божбы объядения и пианства блядства зерни свару вражды плясания злых безделных и мерзских слов, и жен бесчестят, и всякую неправду делают. Оуслышишь как в нынешних войнах, и смеют говорить, что такие меры в воинском обычае негрешно и ратным людям позволены, потому что оне не чернецы в монастыре»⁷.

По утверждению посла французского короля Генриха IV, одной из причин заключения Вервенского мира в 1598 г., стало желание монарха положить конец «бесчеловечности и жестокости, кои после столь длительных войн превратились в обычай и сделались привычными»⁸. С другой стороны, юристы XVI–XVII столетий начинают настаивать на прагматичности «доброты», направленной против «насилия», а также, в связи с этим, на необходимости соблюдения строгой военной дисциплины. Так, Балтазар Айала (1548–1584), испанский юрист и военный судья, настаивал, что гуманное обращение с завоеванным населением помогает быстрее подчинить его новому правителю, тогда как жестокость и насилие потенциально провоцируют недовольство и восстание (в пример приводились Сципион и Ганнибал)⁹. Третью книгу своего трактата Айала посвящает военной дисциплине. Эффективность армии, с его точки зрения, полностью зависит от соблюдения дисциплины и добродетели в войсках. Такая армия является боеспособной и победоносной. Одной из главных проблем, ослабляющих боевой дух и боеспособность в целом, явля-

⁶ Эразм Роттердамский. Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. СПб., 2003. С. 54.

⁷ РНБ. Отдел рукописей. Ф. 536, ОЛДП F. 115. Л. 16.

⁸ Desjardins A. Les sentiments moraux au XVIe siècle. P., 1887. P. 291.

⁹ Ayala B. De Jure et Officiis Bellicis et Disciplina Militari Libri III, lib. II, cap. IV. См. публикацию: Ayala B. De Jure et Officiis Bellicis et Disciplina Militari Libri III / Ed. by J. Westlake. Baltimore, 1912. Vol. I. (Далее: Ayala).

ются женщины. Как отмечает Айала, солдатам необходимо запретить брать с собой жену или семью в поход (если только это не делается с разрешения их суверена), и тем более жениться во время похода. Маркитантки и другие женщины в расположении войск должны считаться «бесчестьем» для армии и с позором изгоняться. Другой проблемой виделась роскошь: количество слуг, повозок, багажа, предметов туалета и т. д. должно быть ограничено лишь необходимым (всего по одному), иначе это мешает мобильности армии¹⁰. Важным для дальнейшего развития военного права становится раздел, который Айала посвящает привилегиям и иммунитетам солдат: их нельзя арестовывать за долги, отдавать имущество в залог в их отсутствие, применять к ним пытки, апеллировать к незнанию закона и т. д., и в целом солдаты подлежат ведению специального военного суда¹¹.

Один из крупнейших теоретиков военного искусства XVI в. Пьеро Белли (1502–1575) также выступал за военную дисциплину, однако прежде всего, по его мнению, солдат-христианин должен отличаться следованием правилам «христианского поведения», согласно словам Евангелия от Луки: «Спрашивали его (Иоанна Крестителя. — М. М.) также воины: а нам что делать? И сказал им: никого не обижайте, не клеветайте, и довольствуйтесь своим жалованием» (Лука 3:14). Однако Белли с горечью замечает, что «солдаты наших дней, беспечные о спасении, которые либо не верят в Господа, либо не боятся гнева Его, постоянно грабят и чинят иной произвол»¹². Вероятно потому, что наделены судебным иммунитетом и другими привилегиями, отмеченными Айалой, хотя принцип Белли здесь формулируется лозунгом «незнание закона не освобождает от ответственности». Особенно этот принцип относится к тяжким преступлениям, включая изнасилование. Так, даже варвар Аттила казнил одного из своих воинов, изнасиловавшего девицу. Однако, восклицает автор, сегодня все равно трудно найти солдата, который бы не помышлял о насилии над матерью или дочерью, особенно в том доме, где находится на постое¹³. Белли достаточно внимания уделяет

¹⁰ *Ayala*, III, I.

¹¹ *Ayala*, III, VII–VIII.

¹² *Belli P. De re militari et bello tractatus* / Ed. by E. Ch. Nutting. Oxford, 1936. Vol. I. Pars II, cap. 1:12. (Далее: *Belli*).

¹³ *Belli*, VII, 3,7.

отношению к мирному населению в рамках дискуссии о «правилах ведения войн». С точки зрения Белли, женщины могут быть захвачены в плен, и к ним должны применяться правила обращения с военнопленными, то же касается и мальчиков. Священники же, монахи, пустынножители, пилигримы, торговцы и крестьяне с их скотиной должны быть избавлены от любого произвола и насилия. В отношении духовных лиц Белли откровенно запрещает «развратные действия», ссылаясь на римскую практику¹⁴.

Гуго Гроций, подводя итоги теоретической разработки концепции «справедливой войны», окончательно сформулировал юридический принцип начала войны как ответа на правонарушения и идею самой войны как наказания. Гроций также довольно подробно излагает общие правила ведения войны, определяя то, что «дозволено и недозволено». Как отмечает Гроций, общая практика ведения войн со времен римлян предполагает «некоторые последствия, не вытекающие из самой природы войны», а подпадающие под категорию «дозволенного». Сюда относится причинение вреда врагам государства «как лично, так и их имуществу, то есть не только дозволено причинять вред для того, что ведет войну по справедливой причине и кто наносит ущерб в тех пределах, которые... определены природой, но дозволено его причинять для обеих сторон неограниченно». К такому «вреду», который не наказывается в процессе ведения войны, относится убийство на войне, пусть даже невиновных, а также «право обиды», наносимой всем подданным неприятеля, включая женщин и детей. «Противно ли изнасилование праву народов?» — задает Гроций прямой вопрос об «обидах» женщин. Отмечая, что существуют мнения как в пользу изнасилований, так и против, сам Гроций считает сексуальное насилие противоречащим праву народов и нарушающим военную дисциплину христианских армий. Те, говорит Гроций, кто считает насилие над женщинами дозволенным во время войны, рассматривают изнасилование как причинение обиды другому лицу, полагая, что право войны влечет неизбежно подчинение проявлениям любого рода враждебных действий. Те же, кто считает насилие над женщинами недозволенным, отмечают, что оно осуществляется не только как причинение личного оскорбления, но как проявление грубой страсти, так как не служит ни целям личной безопасности, ни

¹⁴ Belli, II, 9: 1–8.

наказанием. Посему, заключает Гроций, оно не должно оставаться безнаказанным ни на войне, ни в мирное время¹⁵. Однако, с точки зрения наказания, следует различать зачинщиков войны и тех, кто действует под руководством других, и в случае с зачинщиками следует также различать извинительные и неизвинительные основания, что должно быть принимаемо к вниманию в суде, а также следует щадить «толпу преступников», что опять же ставит под вопрос судебное преследование за массовое изнасилование и убийство мирного населения¹⁶. И хотя женщин и детей следует щадить всегда, в случае, если они повинны в тяжком преступлении, к ним может быть применено наказание. За примером тяжкого преступления Гроций обращается к книге Чисел, а точнее к войне Моисея с мадианитянами, угнетателями израильтян и злейшими врагами колена Израилева. Моисей, как известно, был весьма недоволен, когда его военачальники оставили всех женщин и детей в живых, и приказал убить всех детей мужского пола и всех женщин, «познавших мужа на мужском ложе», а всех девственниц оставить в живых (Числа 31:14-18). Таким образом, тяжким преступлением мадианитянок являлся их замужний статус! На таком основании вопрос о виновности совершивших насилия мог бы даже не подниматься. Тем не менее, ссылаясь на римлян, Гроций использует формулу Тацита «война ведется не против женщин, но против вооруженных воинов»¹⁷. Гроций был, пожалуй, единственным автором XVII в., уделившим столь обширное внимание проблеме сексуального насилия на войне.

Внимание юристов к регулированию отношений между государствами и, в частности, к созданию канонов ведения войн, отражает общую тенденцию развития военного права в XVI–XVIII вв. В этот период появилось около пятисот различных уставов и артикулов, направленных на формализацию положения армии как таковой. Данный процесс уставного творчества отражал как процесс формирования национальных государств, так и изменения соотношения суверенных институтов власти на разных территориях Европы. Армия становится орудием государства в решении разного рода политических, экономических и иных задач. Армия выступает от имени

¹⁵ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 627–628.

¹⁶ Там же. С. 694–695, 708.

¹⁷ Там же. С. 782–783.

своего суверена, под которым все чаще начинает пониматься нация в целом. На первый план выходит идеология подчинения и повиновения, моделью которой должна стать боеспособная и дисциплинированная армия. Эмерих де Ваттель (1714–1769) замечает по этому поводу: «Порядок и субординация, полезные во всех сферах, особенно необходимы в армии. Суверен должен как можно точнее определить функции, обязанности и права военных — солдат, офицеров, командиров отрядов и генералов. Он должен урегулировать и установить пределы власти командующих в каждом ранге — наказания, налагаемые на ослушавшихся, — форму судебного процесса и т. д. Законы и постановления, связанные с этим, должны формировать военный кодекс»¹⁸. Эти акты были призваны сохранять военный порядок и позволить военным осуществлять свои обязанности наилучшим образом для наибольшей выгоды государства, что, по мнению Ваттеля, и составляет военную дисциплину. С его точки зрения, две нации преуспели в данном отношении: швейцарцы и пруссаки.

Военное право этого периода делилось на две части: право войны, включавшее некий общий этикет ведения боевых действий, и военное право, формальное позитивное право, регулировавшее управление военной политикой государства. Первым специальным документом, выпущенным с целью наведения порядка в имперских войсках во время кампании против турок, стал ордонанс Фридриха III (1415–1493)¹⁹. Фридрих положил начало кодификационной деятельности императоров Священной Римской империи. Сын Фридриха Максимилиан I (1459–1519) систематизировал разрозненные постановления и выпустил в 1508 г. первый устав или «Краткий артикул». В документ вошли 23 статьи, первые пять из которых предписывали абсолютное повиновение императору, ст. 7 регулировала лагерный порядок, ст. 13 охраняла церкви от постоа и разорения, ст. 14 запрещала насильственные действия в отношении мирного населения: «Вы также обязаны поклясться, что ни рожениц, ни вдов и осиротевших маленьких детей, ни священников и честных

¹⁸ *Vattel E.* The Law of Nations, or, Principles of the Law of Nature Applied to the Conduct and Affairs of Nations and Sovereigns. L., 1797. P. 299.

¹⁹ *Kaysers Friderici III. und des H. Röm. Reichs Heers-Ordnung wieder die Türcken, bey geneiner Reichs Versammlung beliebet Anno 1486 // Corpus Juris Militaris / Ed. by J. Ch. Lünig. Leipzig, 1723 (далее: Lünig). S. 1–3.*

молодых женщин, девушек, матерей семейств точно не обидите, под страхом наказания за нарушение клятвы и смерти»²⁰.

Данная статья стала основой для дальнейших артикулов, упоминавших те же категории населения. Карл V, помимо знаменитой Каролины, также выпустил несколько адресованных военным ординам, запрещающих насилие в отношении населения завоеванных территорий²¹. Классическим же уставом XVI в. стал артикул Максимилиана II, получивший силу закона на рейхстаге в Вормсе в 1570 г.²² В артикул вошли 224 статьи, объединенные под тематическими заголовками. По сравнению с предыдущими законами артикул гораздо более точно определял как воинские обязанности, так и воинские преступления, их наказуемость и подсудность. Его особенностью явилось инкорпорирование уголовных положений Каролины, которые распространялись теперь и на военных. Артикул Максимилиана действовал в имперской армии вплоть до принятия императором Фердинандом III нового устава в 1642 г.

Значительным памятником уголовного уставного нормотворчества стал артикул Густава II Адольфа в составе 167 статей, изданный в 1621 г. и основанный на «Кратком артикуле» Морица Оранского 1590 г. Он отличался относительной суровостью, так как смертная казнь присутствовала здесь в качестве основного вида наказания, предусмотренная по крайней мере 41 статьей (например, за дезертирство, мятеж, ослушание приказов, неуважение к старшему по званию, сон на карауле, несанкционированный грабеж и изнасилование мирного населения)²³. Этот артикул в свою очередь лег в основу имперского артикула 1642 г., военного кодекса для шотландской армии под командованием Лесли (1644 г.), армии нового образца Кромвеля.

Следующая кодификационная волна относится к 1670–80-м гг. Появились новые редакции шведского артикула (1683 г.), датский

²⁰ Kaysers Maximiliani I. Articulus–Brieff, de Anno 1508 // Lünig. S. 3–4.

²¹ Lünig. S. 277–280.

²² Kaysers Maximiliani II. und des H.Röm. Reichs Reuter Bestallung: Item von Bestallung des Felds, erneuret Reuter–Recht und der Teutschen Knechte Articul, samt Verzeichniß etlicher puncten obermeldter Bestallung und Articuln anhängig, de Anno 1570 // Lünig. S. 58–76.

²³ См. английский перевод артикула: *Winthrop W. Military Law and Precedents*. Whitefish, 2005. Vol. II. P. 907–932.

артикул Кристиана V (1683 г.), артикул Вильгельма Оранского (1674 г.), французский военный кодекс Людовика XIV (1679 г.). Их новизна выразилась в достаточно логичной структуре и делении на тематические главы, затрагивавшие все стороны жизни армии. В этот период появляются также и первые артикулы для регулирования отношений на флоте. В Германии каждая земля и город обзаводятся своим артикулом.

Третья волна кодификации наступает в 1710–20-е гг. Значительным явлением этого периода становятся российский (1716 г.) и прусский (1717 г.) военные артикулы. Документы становятся все более сложными и длинными. Мориц Оранский в своем артикуле 1580-х гг. уделил всего шесть статей мятежу в ответ на беспорядки в голландской армии, а в начале XVIII в. Австрийский военный совет ежегодно выпускал дисциплинарные уставы для своих войск. То же наблюдалось и в отношении сексуальных преступлений: если в ранних артикулах все они суммировались в одной статье, предполагавшей одно наказание (смертную казнь), то к концу XVII в. им обычно отводилась глава, подразделявшаяся в среднем на 7–10 артикулов (ср. 16 главу шведского артикула и 20 главу Петровского артикула).

По содержанию и структуре большинство уставов были сходны, так как периодически заимствовали друг из друга те или иные нормы. Для регулирования дисциплинарных моментов, включавших как дисциплинарные проступки, так и преступления, как правило, отводилась книга или глава в рамках артикула. Тяжкие преступления наказывались смертной казнью — либо через повешенье для солдат, расстрел или обезглавливание для офицеров, либо специальных квалифицированных видов. Например, шведский артикул 1683 г. предписывал тех солдат, которые увлеклись грабежом вместо преследования противника, забивать до смерти прикладом мушкета. Также артикулы допускали достаточно большую степень свободы, но практиковали децимацию в случае коллективных преступлений (коллективный грабеж или изнасилование). Менее тяжкие преступления и проступки наказывались разного рода телесными наказаниями. В целом все артикулы так или иначе определяли базовые военные обязанности и проступки с целью сохранения порядка в лагере и на марше, предусматривая ограничение количества маркитантов, проституток и других сопровождавших войска лиц, недопущение пьян-

ства и азартных игр среди солдат, а также регулирование отношений с гражданским населением. Артикулы зачитывались солдатам либо при даче присяги (как в имперской и английской армиях), либо (как в шведской и петровской) ежемесячно на утреннем плаце. Артикулы также стали частью государственного законодательства, а военные суды превратились в некий вид сословного суда для всех служащих, а также членов их семей (что особенно заметно на примере развития подсудности российского военного права в XVII–XVIII вв.)²⁴.

2. «Без команды не грабить, церкви для постоя не пользоваться, женщин не насиловать...»: классификация сексуальных преступлений по европейским военным уставам

Первым случаем привлечения к юридической ответственности за несоблюдение «законов божьих и человеческих» на войне стал процесс Петра фон Хагенбаха в 1474 г. Рыцарь обвинялся в «варварском» разорении Брейзаха без первоначального *объявления войны*. По его приказу солдаты разграбили город, осуществляли массовое насилие в отношении женщин, нанесли ущерб купцам нейтральных государств. Петер оправдывался тем, что выполнял указания своего господина (взять город штурмом) — герцога Бургундского Карла Смелого, который не мог не знать о «бесчеловечном» характере последствий любого военного штурма. Тем не менее, Петер фон Хагенбах был повешен. Особенностью данного процесса стал не сам факт наказания за «ужасы войны», но создание специального военного трибунала для рассмотрения данного дела. Трибунал состоял из 28 судей от немецких земель и городов под председательством судьи, назначенного эрцгерцогом Австрийским. Также представитель эрцгерцога Австрийского выступил в качестве истца, обвинив Хагенбаха в убийствах, изнасилованиях, нарушении клятвы, отдаче незаконных приказов негерманским наемникам убивать мужчин, чтобы было легче получить доступ к женщинам и детям. Апелляция Хагенбаха к тому, что он не подчиняется данному суду, а только своему суверену — герцогу Карлу, была не поддержана самим Карлом Смелым, который поставил свою резолюцию на

²⁴ См. о европейской практике: *Tallett F. War and Society in Early Modern Europe, 1495–1715. L., 1997. P. 122–128.*

решении о создании данного трибунала²⁵. Таким образом было положено начало функционированию специальных военных судов, чья юрисдикция распространялась только на военных и на то, что сегодня называется «военными преступлениями».

Общий тон военных артикулов XVI–XVIII вв. был направлен на соблюдение «христианского» подхода к местному гражданскому населению. Сексуальные преступления играли в формировании этого подхода весьма значительную, если не центральную роль. Практически каждый артикул так или иначе регулировал эту сферу жизни военных, в целом затрагивая два направления в этой области: сексуальные преступления, совершенные в период боевых действий, и сексуальные преступления, совершенные в мирное время военными, в том числе при нахождении на квартирах (в лагере, гарнизоне), а также и дома. Хронологически выделяются определенные особенности документов. Артикулы XVI – первой половины XVII в. просто перечисляют провинности и соответствующие им наказания, здесь сексуальные преступления не составляют отдельной группы и могут находиться в разных частях документа, возникая в зависимости от логики законодателя. Артикулы второй половины XVII – XVIII в. выделяют специальную главу для сексуальных преступлений, что может свидетельствовать как о большем внимании к данной группе, так и о повышении общей культуры составления нормативно-правовых документов.

Основной круг сексуальных преступлений был определен Карлом V в его уголовном уложении 1532 г.²⁶ Каролина выделяет несколько составов, которые впоследствии стали обычными для многих уголовных уложений XVII–XVIII вв. Первым следует «противоестественный разврат», подразумевающий сексуальные отношения с животными или «мужчины с мужчиной или женщины с

²⁵ См. подробно о процессе: *Brauer-Gramm H.* Der Landvogt Peter von Hagenbach: Die burgundische Herrschaft am Oberrhein 1469–1474. Göttingen, 1957; *Kemper G.* Der Weg nach Rom: Die Entwicklung völkerrechtlicher Strafgerichtsbarkeit und die Errichtung des Ständigen Internationalen Strafgerichtshofs. Frankfurt, 2004 (см.: Kapitel 1.).

²⁶ См.: *Die Peinliche Gerichtsordnung Kaiser Karls V.: Constitutio Criminalis Carolina* / Kritisch hrsg. von J. Kohler ... und W. Scheel. B., 1900. Сr. CXVI–CXXIII.

женщиной» и наказываемый смертной казнью путем сожжения (ст. 116). Затем следует наказание за «разврат с близкими родственниками и свойственниками», то есть за связь с падчерицей, женой сына (снохой) или мачехой и в подобных или более близких степенях родства, однако наказание не указывается, а делается отсылка к «нашим предшественникам» и императорскому письменному праву, «о чем следует спросить ученых-законоведов» (ст. 117). Данная статья повторяет Бамбергское уложение 1507 г., в котором, в частности, указано, что спешить с такими делами не следует, и начинать процесс надо по жалобе потерпевшей стороны²⁷. К законооведам следует обратиться и в случае похищения замужних женщин и непорочных девиц — будь то против воли их супругов и отцов, будь то с согласия самих похищенных. Наказание здесь последует только в случае подачи потерпевшей стороной (отцами и мужьями) соответствующего иска (ст. 118). Та же ситуация и в случае с прелюбодеянием (ст. 120). Какое наказание за это полагается, видно из статьи 121 — о бигамии: хотя за это злодеяние, которое представляет еще больший разврат, чем даже прелюбодеяние, не устанавливается смертной казни, следует однако наказывать таких преступников не меньше, чем прелюбодеев, из чего следует, что за прелюбодеяние полагалась смертная казнь в соответствии с Левитом. Следующий состав — изнасилование — также предполагает смертную казнь, но в случае доказанного изнасилования «неопороченной замужней женщины, вдовы или девственницы». Попытка изнасилования предполагает наказание соответственно обстоятельствам дела и социальному положению виновного (ст. 119). Торговля женами и детьми с целью наживы влечет лишение чести и наказание по общему праву (ст. 122), а сводничество (особенно вовлечение невинных девушек в разврат) наказывается изгнанием из страны, выставлением у позорного столба, отрезанием ушей, сечением розгами или другим наказанием на выбор (ст. 123). Таким образом, эта категория преступлений относилась к особо тяжким, и самыми опасными из них почитались скотоложство, гомосексуальные связи и изнасилование. Блуд (в русской терминологии) с ближними свойственниками и родственниками, похищение, прелюбодеяние и сводничество хотя и вы-

²⁷ Bambergische Peinliche Halsgerichtsordnung. Bamberg, 1507. S. 39b. Ст. CXLII.

глядят опасными, однако подлежат наказаниям по «рассмотрению судей», что, безусловно, давало последним возможность варьировать наказания в достаточно широком спектре.

Военные артикулы фактически полностью сохранили как структуру, так и процессуальные рекомендации Каролины, что особенно заметно в Петровском артикуле 1716 г. «Противоестественный блуд» обычно следовал первым, похищение и изнасилование следующим составом, затем шли бигамия, проституция и сводничество. Рассмотрим эти преступления по категориям.

Скотоложство и мужеложство представлялись для армии особенно опасными преступлениями. В качестве наказания везде указывалась смертная казнь через сожжение. Имперские артикулы 1672 и 1682 гг. (в обоих — ст. 20), французский кодекс 1695 г. (ст. 18), Оснабрюк-Брауншвейгский артикул 1688 г. (ст. 17), Швабский артикул 1710 г. (ст. 13) и другие германские военные артикулы все либо отсылают к Каролине, либо предписывают смерть через сожжение. Шведский артикул Карла XI 1683 г. предлагает альтернативу в виде отсечения головы, но также упоминает сожжение (особенно за скотоложство)²⁸. Английские военные уставы обычно отсылали такие дела в гражданские суды, где, по английскому уголовному праву, полагалась смертная казнь. Иногда «военные статьи» включали «содомию» как особо опасное преступление, опять же караемое смертной казнью, как, например, в позднем артикуле 1749 г. (ст. 29)²⁹. Единственным исключением является Петровский воинский артикул 1716 г., где за скотоложство полагалось «жестокое наказание на теле», за мужеложство в случае добровольной связи вид наказания вообще не указывался, а за насильственное мужеложство полагалась смертная казнь или ссылка на галеру навечно³⁰. Но фактическая правоприменительная практика отличалась от установленных в артикулах драконовских наказаний.

²⁸ *Lünig*. S. 117, 148, 428, 585, 616, 673, 817, 1032, 1061, 1082, 1106, 1129, 1144, 1154, 1158, 1175, 1194, 1199, 1347 etc.

²⁹ *Articles of War, 1749* // *Eder M. Crime and Punishment in the Royal Navy of the Seven Years' War, 1755–1763*. Farnham, 2004. Appendix I. P. 159–165.

³⁰ *Муравьева М. Г. Морской устав Петра I как регулятор сексуального поведения // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта*. М.; СПб., 2007. С. 128–131.

Обвинения в содомии часто использовались идеологами и памфлетистами воюющих сторон для усугубления образа врага. Во время франко-германских войн в Северной Италии (1494–1527 гг.), где основной контингент состоял из швейцарских наемников, помимо применения для характеристики противника, обвинения в содомии, особенно вышестоящих офицеров, давали повод для дисциплинарного неповиновения. Швейцарский хронист Фридолин Бальди объяснял необходимость битвы при Павии в 1512 г. необходимостью истребления «еретиков», под которыми понимал «содомитов». Понятие содомит стало использоваться в качестве синонима изменника³¹. Постоянное обвинение москвитян в содомии на протяжении XVI–XVII вв. также создавало определенный образ «варварской» Московии³². Оценка содомии могла приобретать и религиозный оттенок — так, англичане традиционно считали ее «папистским грехом». Д. Дэфо в своем памфлете «Чистокровный англичанин» отмечает, что «разврат избрал знойные земли Италии, где разжигают кровь насилие и содомия»³³.

С другой стороны, солдат и особенно офицеров всегда подозревали в «неестественных наклонностях». Британский флот, например, считался во второй половине XVIII в. «содомитским клубом», где можно было вступать в гомосексуальные связи относительно безнаказанно³⁴. Однако фактические судебные дела показывают, что это не так. Сodomия строго преследовалась на флоте (хотя многое зависело от капитанов, которые иногда просто самостоятельно решали возникавшие проблемы). Так, по данным А. Гилберта, в период войны за Испанское наследство в 1703–1710 гг. смертные приговоры за содомию составили 27% от всех смертных приговоров (ср. 63% за дезертирство и 4,5% за убийство). По данным за 1756–1806 гг. 30% всех обвиняемых в содомии было оправдано, остальные наказаны, из них

³¹ Puff H. *Sodomy in Reformation Germany and Switzerland, 1400–1600*. Chicago, 2003. P. 117.

³² См.: Зеленина Г. Н. Свидетельства иностранцев XVI–XVII веков о москвитях–содомитах // Гендер и общество в истории. М., 2007. С. 440–459.

³³ Defoe D. *A True Collection of the Writings of the Author of the True-Born Englishman*. L., 1703. P. 187.

³⁴ Neal J. *The Cutlass and the Lash: Mutiny and Discipline in Nelson's Navy*. London, 1985. P. 122.

30% были казнены. В остальных случаях были наложены суровые телесные наказания (обычно шпицрутены и прогон через строй)³⁵.

В Дании обнаруживается лишь несколько дел — 4 в XVII в. и 2 в XVIII в.³⁶ В частности, по делу 1628 г. были казнены два шотландских наемника (подполковник и солдат) — сожжены на костре, что затем подвигло короля Кристиана IV в условиях Тридцатилетней войны назначить комиссию из епископов и теологов для подготовки закона о религиозной дисциплине населения (принят в 1629 г.). По делу 1663 г. солдат был осужден за связь с тринадцатилетним подростком, утверждавшем, что его растлили во сне. Здесь военные власти проявили мало внимания, и солдат, в конце концов, был просто изгнан из полка. Дело 1674 г. интересно тем, что здесь речь шла о систематическом насилии в отношении младших по званию со стороны капитана Фредерика фон Бассе, бежавшего в Норвегию. Инициатором дела стала его жена, просившая развода на основании «нестественных» наклонностей мужа. В процессе разбирательства выяснилось, что девять солдат подверглись его домогательствам (все утверждали, что насильно), один из солдат — десять раз. Жена получила развод, приговора так и не последовало.

В России XVIII в., согласно данным генерал-аудиторской экспедиции канцелярии Военной коллегии, по делам о мужеложестве не было вынесено ни одного смертного приговора. Так, в 1767 г. капитанамус Выборгского третьего батальона Беречинский обвинялся в растлении малолетних школьников и, хотя по артикулу за данное преступление полагалась смертная казнь (учитывая несовершеннолетний возраст жертв), он был наказан кнутом и отослан в Балтийский порт на каторжные работы³⁷. Годом позже сержант Псковского батальона был наказан шпицрутенами (6-разовый прогон через 500 человек) и разжалован в солдаты за растление другого школьника,

³⁵ Gilbert A. N. Buggery and the British Navy // *Journal of Social History*. 1976. Vol. 10. P. 72–98.

³⁶ О приводимых ниже случаях подробнее см.: Rosen W. von. *Almost Nothing: Male–Male Sex in Denmark, 1550–1800 // Queer Masculinities, 1550–1800: Siting Same–Sex Desire in the Early Modern World / Ed. by K. O'Donnell and M. O'Rourke*. Houndmills, 2006. P. 77–93.

³⁷ Российский государственный военно-исторический архив (далее: РГВИА). Ф. 8. Оп. 4/93. № 382.

который, в свою очередь, был порот розгами³⁸. Подобные же наказания, взамен смертной казни, применялись и в английском флоте. Так, Мартин Биллин и Джеймс Брайан в 1762 г. были приговорены к тысяче ударов кошками, а офицер Роберт Гарбут в 1763 г. разжалован и с позором изгнан на сушу³⁹. К 16-разовому прогону через 300 человек со шпицрутенами и к пожизненному заключению (сокращенному до двух лет лично королем) был приговорен датский солдат Якоб за связь с подмастерьем Питером Йенсеном в 1742 г.⁴⁰

В целом степень суровости наказаний за содомию и стремление преследовать военных за данное преступления зависели от общих приоритетов командиров и сексуальной культуры конкретного общества. Так, в Швеции содомии уделялось мало внимания, даже в армии, на фоне обширного преследования скотоложства (1500 дел между 1635 и 1754 гг., 700 человек казнены)⁴¹.

Изнасилование и похищение с целью изнасилования женщин представляло вторую опасную категорию сексуальных преступлений. Смертная казнь и здесь являлась универсальным наказанием, однако выбор метода казни варьировался в зависимости от системы национального уголовного права. Французский кодекс 1695 г. просто указывал «лишение жизни» (ст. 17), Фридрих Вильгельм Прусский отсылал к Каролине (ст. 16)⁴². Важным квалифицирующим признаком здесь было упоминание «дружеской или вражеской земли», что подчеркивает попытку кодексов осуществлять универсальную защиту женщин вне зависимости от их подданства. В целом смертная казнь по этому поводу применялась еще реже. Так, английские данные показывают, что за период 1755–1765 гг. только одно дело (изнасилование шестилетней девочки) было рассмотрено военным судом⁴³. Российская Генерал-аудиторская экспедиция канцеля-

³⁸ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/92. № 1401.

³⁹ PRO ADM 1/5301 (Public record office, Admiralty — Национальный Архив Великобритании, офис Адмиралтейства).

⁴⁰ Rosen W. Op. cit. P. 82.

⁴¹ Liliequist J. State Policy, Popular Discourse, and the Silence on Homosexual Acts in Early Modern Sweden // *Scandinavian Homosexualities: Essays on Gay and Lesbian Studies* / Ed. by J. Löfström. N. Y., 1998. P. 15–52.

⁴² Lünig. S. 117, 428, 585, 616, 673, 867, 929, 1032, 1061, 1082, 1106–1107, 1129 etc.

⁴³ Eder M. Op. cit. P. 115.

рии Военной коллегии рассмотрела 45 дел между 1726 и 1796 гг., все они так или иначе были связаны с крайними проявлениями сексуального насилия: насилие над монахиней (1726 г.)⁴⁴, растление несовершеннолетних⁴⁵, похищение и насилие⁴⁶. Только в самом раннем деле — об изнасиловании монахини в связи с ее последующим умерщвлением — была назначена смертная казнь, остальные приговоры ограничивались шпицрутенами, разжалованием в солдаты или каторгой. Сложное отношение военных судов к изнасилованию можно видеть на примере судебного разбирательства 1711 г., когда еще не был введен в действие воинский артикул. Двух драгун, Чернышева и Зубкова, было приказано судить за растление девки Христины. Презусом был назначен майор Сибирского полка Чялюскин, ассессорами от Сибирского и Московского полков по одному капитану, поручику и подпоручику. Сверх того, от каждого из упомянутых полков было назначено по сержанту, капралу и ефрейтору. Решение следовало бы вынести на основании действовавшего тогда в армии Артикула князя Меншикова, по 3 главе которого за данное деяние полагалась смертная казнь. Однако мнения членов военного суда разделились. Капралы приговорили прогнать виновных через батальон один раз, сержанты — через полк один раз, подпоручики подошли дифференцировано — Чернышева как главного виновника бить кнутом перед полком и сослать на каторгу, а Зубова прогнать сквозь полк 10 раз. Поручики сочли необходимым бить кнутом перед полком по 50 ударов и сослать на каторгу обоих. Капитаны и презус назначили смертную казнь. Фельдмаршал граф Б. П. Шереметев подтвердил смертную казнь через расстрел⁴⁷. Ни один представитель суда ни разу не сослался на закон (Соборное уложение или Артикул князя Меншикова или фельдмаршала Шереметева). По ранжиру наказаний видно, как разные чины относились к изнасилованию на марше (то есть во время ведения боевых действий): нижние чины рассматривали изнасилование как дисциплинарный проступок наравне с другими дисциплинарными нарушениями,

⁴⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/91. № 1039.

⁴⁵ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/91. № 1096, 539, 686, 867 и др.

⁴⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 1/91. № 83; Оп. 1/89. № 1415.

⁴⁷ *Розенгейм М.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. СПб., 1878. С. 87–88.

лишь старшие офицерские чины (капитан и майор) полагали это преступление особо тяжким.

Общий блуд и проституция, хотя и не влекшие за собой смертной казни, все же виделись важной угрозой боеспособности армии. Практически все артикулы запрещают присутствие проституток рядом с армейскими частями и сурово наказывают связь солдат и офицеров с «порочными женщинами». Здесь, однако, наложение наказания отдавалось на усмотрение профосам (военным судьям) или командующему армией⁴⁸. Женщины регулярно сопровождали европейские армии в период между XIV и XIX вв., и не все они были проститутками: большая часть являлась женами и дочерьми военных, которые стирали и готовили часто на всю роту или полк, и маркитантками. Однако все эти женщины обычно подозревались и в «развратном» поведении. Количество сопровождавших армию женщин было достаточно большим. Ван Вальхаузен утверждал в 1617 г., что «посреди трех тысяч германских солдат ... вы несомненно обнаружите четыре тысячи проституток, денщиков и другой армейской обслуги». Герберт Лангер считал, что при сорокатысячной имперской армии в 1648 г. насчитывалось «сто тысяч солдатских жен, шлюх, денщиков, прислуги и других праздношатающихся»⁴⁹. Образ матушки Росс, блестяще созданный Д. Дефо, воплощал всех этих женщин, кто зарабатывал себе на пропитание и тем, что следил за пожитками солдат, и маркитантством, и уходом за больными, и стиркой, и готовкой, и, когда было нужно, телом. Однако все женщины обычно маркировались «шлюхами», а в германской армии, например, солдат, находившийся во главе обоза, назывался *Hurenweibel*, ибо «сюда назначался пожилой и опытный вояка, так как в его распоряжении должен находится весь обоз и начальство над шлюхами и мальчишками»⁵⁰. Проститутки постоянно сопровождали итальянские и испанские армии. Испанский офицер Санчо де Ландоно вполне оправдывал их необходимость, «...принимая во внимание, что хорошо управляемые государства позволяют таким лицам [находиться в обозе] с целью предотвращения больших беспо-

⁴⁸ *Liinig*. S. 74, 86, 117, 644, 688, 782, 800, 949, 1081, 1117, 1301, 1379 etc.

⁴⁹ *Hacker B.* Women and Military Institutions in Early Modern Europe: a Reconnaissance // *Signs*. 1981. Vol. 6. P. 648.

⁵⁰ Цит. по: *Hacker B.* Op. cit. P. 651.

рядков, и безусловно необходимо разрешить им присутствие и в нашей армии, так как неуправляемые и сильные мужчины иначе начнут совершать преступления против местного населения, насиловать их дочерей, сестер и жен»⁵¹.

Английские военачальники, однако, не одобряли присутствия женщин в лагере и обычно именно этим объясняли падение морали и общий беспорядок. Так, Лестерский кодекс 1585 г., созданный для английской армии в Нидерландах, приписывал «различные беспорядки и ужасные злоупотребления» присутствию «праздношатающихся женщин в армии», и приказывал всех женщин, «кроме законных жен и честных искательниц заработка прачки», изгнать из лагеря. Густав Адольф также придерживался принципа «никаких женщин»⁵². Тем не менее, женщины все еще присутствовали при армиях и в XVIII в. Манштейн сообщает, что в кампании 1736 г. за русской 80-тысячной армией следовало 8 тысяч маркитанток. В 1757 г. французская 30-тысячная армия насчитывала 12 тысяч маркитантов и женщин в своем обозе. Правда, они стали более организованными и подконтрольными армейскому командованию. Последнее обычно опасалось, что «разврат», а также нерегулярные связи (супружеская измена, бигамия, незаконнорожденные дети) могут привести к серьезным последствиям. Однако все эти преступления скорее относились к дисциплинарным проступкам и, как правило, наказывались либо поркой нижних чинов, либо штрафованием офицеров, а также общим церковным покаянием в тех странах, где церковное право оставалось в силе. Военные суды в России регулярно наказывали офицеров и солдат за «блуд» с женщинами из obsługi или за прелюбодеяние с женами своим товарищей. Так, поручик Наумов в 1747 г. был оштрафован за постоянное использование услуг проституток («блудное житье с женками») на треть своего жалования⁵³. Капитан Савельев в 1762 г. за связь со своей служанкой был отослан в Синод для церковного покаяния⁵⁴. При этом многие солдатки (дочери и жены солдат) составляли основной контингент «непотребных женщин»

⁵¹ Цит. по: *Hale J. R. Armies, Navies and the Art of War // The New Cambridge Modern History. Cambridge, 1968. Vol. 3. P. 184.*

⁵² *Hacker B. Op. cit. P. 652; Winthrop W. Op. cit. Vol. II. P. 907–932.*

⁵³ РГВИА. Ф. 8. Оп. 3/91. № 122.

⁵⁴ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2/90. № 46.

Санкт-Петербурга и, видимо, других гарнизонных городов. Так, из шести арестованных в 1780–1781 гг. по обвинению в «непотребстве» «женок» одна являлась дочерью солдата, а три — женами нижних чинов⁵⁵. Прелюбодеяние в целом также не приветствовалось, нижние чины, как правило, полежали разжалованию в солдаты, как в случаях с сержантом Харитоновым в 1756 г. и сержантом Светловым в 1757 г.⁵⁶ Так или иначе, наказания были достаточно серьезными и, судя по обширному количеству дел о «непотребстве», «прелюбодействе» и «блудодействе» в армии, намного превышавшему количество изнасилований, скотоложства и мужеложства вместе взятых, командование уделяло много внимания моральному облику военных.

В эпоху фундаментальных трансформаций европейского общества происходило несколько важных процессов, повлиявших на создание современной Европы. Одним из них стал процесс становления определенных норм и канонов сексуального поведения в рамках нового гендерного порядка, подвижного патриархата, направленного на высокий уровень национального воспроизводства населения. Сексуальность должна была являться прокреативной и заключенной в рамки брачного союза. Вся внебрачная и особенно нерепродуктивная сексуальность каралась и наказывалась. Армия во многих отношениях превратилась в модель данного европейского общества. Военное право, призванное регулировать функционирование армий, стало отражением, а чаще источником, нового уголовного законодательства, репрессивным путем старавшегося создать систему репродукции, направленную одновременно на контролирование воспроизведения в рамках национальных государств и на канализацию сексуальности в брачные рамки. Солдат и офицер были призваны олицетворять образцового гражданина.

⁵⁵ Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 1716. Оп. 1. № 56–58, 559–561.

⁵⁶ РГВИА. Ф. 8. Оп. 2/90. № 274; Оп. 1/89. № 1757.

ВОЙНА И ОБРАЗОВАНИЕ

С. В. Андрияшнев

ПРОЕКТЫ П. И. ШУВАЛОВА ОТНОСИТЕЛЬНО РАЗВИТИЯ ВОЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ И ИХ ИДЕЙНЫЙ КОНТЕКСТ

Задача развития образования вообще и военного в частности была одной из ключевых для государственных деятелей Российской империи. Внимание этой проблеме традиционно уделялось ими в каждое царствование, начиная с эпохи Петра Великого, поскольку отсутствие квалифицированных исполнителей серьезно ограничивало возможности реализации новых государственных начинаний, сказывалось на боеспособности армии. В нашей статье мы рассмотрим проекты по развитию военного образования, разработанные одним из ведущих деятелей царствования Елизаветы Петровны — генерал-фельдцейхмейстером графом Петром Ивановичем Шуваловым. Помимо самой новизны некоторых предложений графа, эта тема привлекает возможностью сквозь призму военных проектов рассмотреть идейные течения, характерные для Российской империи середины XVIII в.

Военное образование в Петербурге получило свое развитие начиная с 1710-х гг. В частности, в 1715 г. Навигацкая школа была преобразована в Морскую Академию (в 1752 г. переименована в Морской корпус). Кроме того, для подготовки офицеров специальных родов войск были основаны Артиллерийская и Инженерная школы¹. Следующий крупный шаг был сделан в 1732 г., когда по указу императрицы Анны Иоанновны был создан Сухопутный шляхетный корпус. О том, какие дисциплины являлись приоритетными для преподавания кадетам, свидетельствуют программы проверочных экзаменов. Согласно распоряжению директора корпуса, надлежало

¹ *Петрухинцев Н. Н.* Царствование Анны Иоанновны: формирование внутривойска и судьбы армии и флота. М., 2001. С. 119.

проверять познания кадетов в следующих областях: 1) экзерциция, фехтование, танцы, «конская езда», рисование; 2) иностранные языки; 3) география и история; 4) математика, механика, фортификация и артиллерия; 5) философия, физика, юриспруденция².

Система военного образования к середине 1730-х гг. испытывала многочисленные трудности. В качестве примера можно привести высказывания такого обстоятельного критика, как В. Н. Татищев. Согласно его мнению, уровень обучения кадетов в Сухопутном корпусе оставлял желать лучшего, поскольку не хватало преподавателей, а учебная программа была слишком упрощенной. По словам Татищева, кадетам «арифметики ... только начала показывают», и в итоге «многих учившихся чрез пять лет и более видеть случилось, что, кроме тех, кои в домах обучались, мало кто научился, зане начальники их наиболее прилежат их ружьем обучать»³. Чуть лучше он оценивал состояние дел в Артиллерийской и Инженерной школах. Артиллеристы «чрез практику как в стрелянии ис пушки, бросании бомб и составах огненных, если токмо прилежно кому показывают, довольное искусство имеют». Инженерная школа позволяла изучить «нижние части арифметики и фортификации (на бумаге)». Огромным недостатком обеих школ было слабое преподавание иностранных языков: ученики «никакого европейского языка не знают, книг нуждных читать не могут»⁴.

Критика В. Н. Татищева была обращена в первую очередь на содержание читаемых дисциплин и отражала позицию дворянина, заинтересованного в получении сыновьями хорошего образования. Инженерная школа, по характеристике автора «Разговора двух приятелей о пользе науки и училищах», — «подлинно училище шляхетству полезное и нужное не токмо тем, которые в войске служат и офицерами быть желают... не меньше и тем, которые в гражданских знатных чинах быть уповают, дабы в случае потребности представления инженерные внятно рассмотреть и разсудить мог»⁵. Таким образом,

² Данченко В., Калашников Г. Кадетский корпус. М.; СПб., 2002. С. 41. Система экзаменов была введена в корпусе к 1740 г.

³ Татищев В. Н. Разговор двух приятелей о пользе науки и училищах // *Он же. Избранные произведения*. М., 1979. С. 107.

⁴ Там же. С. 108.

⁵ Там же.

в первую очередь Татищева интересовала возможность выстраивания дворянином индивидуальной карьеры.

Новые сведения о состоянии военного образования мы находим в военных проектах П. И. Шувалова, разработанных в 1750-е гг. Главное отличие критики П. И. Шувалова от татищевской заключается в том, что ситуация в военном образовании рассматривается с точки зрения государственных интересов. С другой стороны, в качестве генерал-фельдцейхмейстера П. И. Шувалов постоянно сталкивался с ошибками артиллерийских и инженерных офицеров, не обладавших достаточными знаниями. В проекте об учреждении при артиллерии кадетского корпуса граф пишет:

«В пример... возможно поставить кронштадтскую крепость, на которую от начала строения в починку и содержание столь много иждивения употреблено, что едва ли не всю, по проекту вечной славы достойная памяти государя Петра Великого, с каменною одеждою во окончание строением привести можно; считая только почти бываемая разорения от прибыльных вод, чему не иное что причиною, как только расположение нордской линии, которую от неосторожности инженер положи несколько бастионов в море и не придав им надежного от разбития воды в крутостях укрепления, подвергнуть тем всегдашней непрерывной порче; прочие же строители, не смотря на то, не взяв никакой предосторожности, по прежнему манеру починивали, а таковое разорение и в бывшую последнюю прибылую большую воду, которая в 1752 году была, сию линию почти до основания разрыла... и требовалось по исчислению для починки разоренного строения немалая денежная сумма»⁶.

К такого рода претензиям граф добавлял традиционные жалобы на слабую языковую подготовку учащихся и возникающие из-за этого трудности в обучении: «В артиллерийской и инженерной школах чужестранных языков не учат, а на российском языке книг, как источников, откуда науки почерпаются о фортификации и артиллерии (кроме некоторых неисправных переводов), нет, и так сим множество способов отнимается артиллеристу и инженеру получить надлежащее совершенство в знании»⁷. Подобная забота П. И. Шувалова о

⁶ Всеподданейший доклад генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова об учреждении при артиллерии шляхетного кадетского корпуса с классом военной науки // Строев В. Н. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. СПб., 1912. Приложения. С. 5.

⁷ Там же.

военном образовании связана не только с его стремлением повысить боеспособность армии. В условиях острой нехватки квалифицированных чиновников именно выпускники военных корпусов и школ и даже кадеты активно привлекались к различным гражданским службам, выступая в роли «универсальных исполнителей». Так, в 1746 г. 46 кадетов были отправлены для участия в межевании Ингерманландской губернии⁸.

Поскольку сам граф активно предлагал проекты различных преобразований, отсутствие помощников необходимой квалификации было для него особенно тягостным. Например, в июле 1754 г. Шувалов подал в Правительствующий Сенат предложение о строительстве трубопровода от озера Эльтон до города Камышин. Суть его состояла в попытке удешевить таким образом доставку соляного рассола, из которого впоследствии выпаривалась поваренная соль (важная статья государственных доходов). Для непосредственного изучения местности граф предлагал послать инженерного офицера⁹. О масштабах подобной практики свидетельствуют следующие цифры: в 1756 г., когда создавалась полевая армия для войны с Пруссией, обнаружилось, что из 29 офицеров Инженерного полка 7 человек находились при межевании Московской губернии и 4 — в Новой Сербии¹⁰.

Все меры, предложенные Шуваловым в проектах реформ военного образования, которые граф подавал на рассмотрение Сената и Конференции в 1754, 1755 и 1758 гг., можно разделить на два блока.

Во-первых, автор проектов предлагал значительно расширить учебную программу Артиллерийской и Инженерной школ, которые должны были составить единое учебное заведение. Детальное описание учебных дисциплин, необходимых будущим артиллеристам, содержится в проекте об учреждении при артиллерии кадетского корпуса. Предполагалось ввести в программу серьезный курс физи-

⁸ Данченко В., Калашиников Г. Указ. соч. С. 54.

⁹ Журнал Правительствующего Сената 1754 года июля 7 дня // Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 248. Кн. 2902. Л. 103.

¹⁰ Масловский Д. Ф. Русская армия в Семилетнюю войну. Вып. 1. СПб., 1888. Приложения. С. 84 Инженерный полк не являлся боевой единицей и не использовался в полном составе, тем не менее, такое использование офицеров привело к их нехватке в полевой армии.

ки, включавший гидравлику, химию, алгебру и геометрию (напомню, что в 1740-е гг. будущим офицерам преподавали только «начала арифметики»). Помимо перечисленных дисциплин, кадетам, по мнению Шувалова, необходимо было обучаться «французскому, немецкому языкам, истории и географии, механике... архитектуре гражданской... натуральной истории, военных экзерциций, танцевать, фехтовать, верховой езде... артиллерии и фортификации, фейерверчному искусству и рисовать»¹¹. По мнению В. Н. Строева¹², детальное описание учебных курсов, которые должны были преподаваться в корпусе, были заимствованы графом у М. В. Ломоносова.

Второй составной частью плана Шувалова было развитие общего военного образования и подготовка квалифицированных штабных офицеров. С этой целью он предлагал создать учреждение под названием «высшая военная школа», которую для удобства обучения следовало расположить при Сухопутном корпусе. В школу должны были переходить выпускники кадетского корпуса, успешно окончившие курс. Такие идеи содержатся в проектах, поданных в Сенат в 1754 и 1755 гг.¹³. После того как в 1756 г. П. И. Шувалов был назначен генерал-фельдцейхмейстером, основное внимание среди военных учебных заведений он стал уделять артиллерийской и инженерной школам. В связи с этим в 1758 г. новый глава русской артиллерии разработал проект об учреждении при артиллерии кадетского корпуса с классом военной науки.

Отличительной особенностью проектов П. И. Шувалова было резкое увеличение финансирования. Если директор Сухопутного корпуса по штатам 1732 г. должен был распоряжаться суммой в 33 846 рублей¹⁴, то в проекте 1758 г. о создании артиллерийского кадетского корпуса предполагалось выделять ему ежегодно 60 тыс. рублей. Требование столь резкого увеличения финансирования мог-

¹¹ Всеподданейший доклад... С. 42.

¹² Строев В. Н. Исторический очерк второго кадетского корпуса. С. 29.

¹³ Проект П. И. Шувалова о создании в России высшей военной школы // Вопросы военной истории России: XVIII и первая половина XIX веков. М., 1969. С. 390.

¹⁴ Данченко В., Калашиников Г. Указ. соч. С. 18–20. Помимо этой суммы в 1732 г. на первоначальные расходы по созданию корпуса директору выделили 15 тыс. рублей.

ло бы показаться непомерным, однако принципиальной особенностью всех предложений графа было четкое указание на источники финансирования. В последнем случае необходимые средства должна была дать отчеканенная по проекту Шувалова легковесная медная монета: «На произведение в действо сего вновь начинаемого дела... изысканной мною ныне еще новой доход и никуда не определенной употребить можно, ибо по моему представлению... к облегчению обращения в государстве медных денег и ради прочих польз развозка дву миллионов рублей по городам и перевод чрез вексели с приращением интереса навсегда б с большим числом следовать имело»¹⁵. В проекте 1755 г. о создании военного училища в качестве подобного источника средств указывалась «новоположенная винная сумма», то есть прибыль от увеличения цены на вино, продаваемое государством¹⁶.

Несмотря на все предлагаемые организационные изменения, сама идея качественного военного образования оставалась неизменной. В проекте о создании высшей военной школы граф перечислял вопросы, которые необходимо было рассматривать со слушателями: «...науки военной как всякой фронт устроить, зачав от фронта ефрейторов, даже до фронта полковаго, как во оном поступать, и какие обращения или эволюции делать, и к чему оные потребны, как маршировать, и где какое прикрытие употреблять, каким образом с канвоями и деташаментами поступать, как лагирем становитца и.ево укреплять и что при том примечать надлежит, как внутри государства маршировать, на квартиры становитца и из них выступить, как во всех случаях полк содержать в порядке и строгости»¹⁷.

Такая учебная программа была слишком обширной для строевого обер-офицера, однако необходимой для подготовки офицеров-квартирмейстеров, которые, как указывалось в Уставе Воинском 1716 г., должны были «учреждать походы, лагеря и по случаю фортификации и ретраншаменты, и над оными надзирание иметь... Когда определится, чтоб войску маршировать ... тогда осматривает он... какими надежными путями войско туды маршировать мо-

¹⁵ Всеподанейший доклад... С. 7.

¹⁶ Проект П. И. Шувалова о создании в России высшей военной школы. С. 392.

¹⁷ Там же.

жет»¹⁸. В проекте Шувалова содержится прямое указание, что слушатели должны были узнать, «каким образом надлежит располагать лагерь на ровном месте, когда ево крылья будут открыты... как надлежит армии на ровном месте вперед из одново в другой лагерь маршировать»¹⁹. Здесь граф в значительной степени поддерживал идею, сформулированную в царствование Петра I.

Идея соответствующей подготовки офицеров штаба являлась чрезвычайно актуальной для елизаветинского царствования. В отсутствие квартирмейстеров и при небрежном хранении документов в канцеляриях в каждом следующем походе армия вынуждена была двигаться фактически «на ощупь». В качестве примера можно привести ситуацию, возникшую летом 1756 г. Русская армия готовилась к войне с Пруссией, главным театром военных действий должна была стать Восточная Пруссия, и одним из важнейших вопросов было определение маршрута следования к ней русской армии по территории Литвы. Несмотря на то, что в 1748 г. корпус российских войск, отправленный на помощь Австрии и Англии в их борьбе с Францией, дошел до Рейна, спустя восемь лет П. И. Шувалов смог собрать лишь отрывочные сведения об этом походе и использовавшихся дорогах. Спрошенный им генерал-лейтенант Броун заявил:

«За прошествием тому назад не малого времени, а наиболее за незнанием ныне проектированного плана великости армии, также инфантерию или кавалерию марш восприят будет к тому ж, что и время с временем сходства не имеет, обстоятельного известия представить не может. Однако ж по тогдашнему его примечанию ситуации и тамошних мест положения наиспособнейше признавает из Курляндии или Литвы и Жмундскую провинцию корпусом в прусские границы вступать и проходить промеж местечка Тильзит и крепости Мемель»²⁰.

Более того, не нашлось сделанных в период этого похода описаний дорог, и потому Броун советовал «ежели оног в тех оставших делах сыскано не будет, то уповательно таковому описанию быть у господина генерал-аншефа и кавалера Юрья Григорьевича Ливе-

¹⁸ Полное собрание законов Российской Империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. V. № 3006. С. 230–231.

¹⁹ Шувалов П. И. Записка о высшем военном образовании. С. 33–43.

²⁰ Рапорт генерал-фельдцейхмейстера, государственного межевщика П. И. Шувалова в Военную коллегию о маршруте русских войск в Пруссию // Семилетняя война. М., 1948. С. 56.

на»²¹. В итоге описание дорог пришлось проводить заново, используя только карту, переданную из Коллегии иностранных дел.

О том, насколько идеи П. И. Шувалова в этой области являлись оригинальными и своевременными, свидетельствует и европейский опыт. Лучший полководец своего времени король Пруссии Фридрих II в 1763 г. организовал обучение в Сан-Суси и Потсдаме 12 офицеров, которые впоследствии должны были выполнять функции офицеров штаба. Во Франции прообраз генерального штаба, занимавшегося военно-топографическим описанием Европы, наблюдением за иностранными армиями и т. д., был создан в 1766 г.²² Таким образом, проект Шувалова о высшей военной школе²³, предполагавший ежегодный выпуск 50 офицеров, которые могли заниматься штабной службой, был одним из наиболее передовых в Европе.

Несмотря на актуальность предложений П. И. Шувалова и благоприятную реакцию на них Сената и императрицы, реализация большинства образовательных инициатив графа была отложена до окончания войны с Пруссией. Единственной практической мерой, которую П. И. Шувалов сумел реализовать, стало объединение в 1758 г. Артиллерийской и Инженерной школ в единое учебное заведение. Преобразование этих учебных заведений в артиллерийский кадетский корпус состоялось уже в царствование императрицы Екатерины II. Необходимо отметить, что основные положения об учебном курсе и организации жизни корпуса были заимствованы из проекта Шувалова²⁴.

Идеи, высказанные П. И. Шуваловым в отдельных проектах, взаимодополняют друг друга, так что мы считаем возможным говорить о наличии у графа целостной системы представлений о путях государственного развития. Более того, изучение военных проектов П. И. Шувалова позволяет включить их в более широкий историко-культурный контекст, ответить на вопрос о том, как граф оценивал сами природные качества человека и какое место отводил им в реализации своих планов.

²¹ Там же.

²² Свечин А. А. Эволюция военного искусства. М., 2002. С. 228, 823

²³ Идея об учреждении высшей военной школы была прописана и в проекте о создании при артиллерии кадетского корпуса, см.: Всеподданнейший доклад... С. 5.

²⁴ Строев В. Н. Указ. соч. С. 31–37.

Краеугольным камнем общих представлений Шувалова была убежденность в греховности человеческой природы и неравенстве человеческих способностей. В его проектах о развитии военного образования постоянно встречаются упоминания о «природных способностях», таланте. Граф полагал, что по природе своей люди наделены разными качествами — одни добрыми, другие дурными. Бороться с дурными людьми просто потому, что они таковы, бессмысленно. Их невозможно исправить, а карательные меры приведут лишь к напрасным жертвам: «Я так мыслю, что в числе немалом народа вкоренено какое-либо зло ... через какую-нибудь строгость совсем искоренено быть не может, а истребление народа бесчисленное, при том не одни винные»²⁵.

В то же время Шувалов полагал, что помогать добропорядочным по природе своей подданным совершенно необходимо. Здесь его представления о человеческой природе органично сливались с убежденностью в пользе образования и необходимости государственного вмешательства в этот процесс, который можно сравнить с огранкой алмазов. Необходимо для государственной пользы находить достойных людей и помогать им раскрывать свои способности, ибо в среде российского дворянства «...по природной остроте народа российского любезного Отечества благородные и быстрые мысли ... есть, но руководство недостаточно»²⁶. При описании будущей учебной программы кадетского корпуса Шувалов отмечает: «...люди суть неравной способности. Один человек понимает вещь скорее другого, и так если кто имеет охоту и к тому дар натуры, то может, положи такое основание, далее в испытании упражняться и до высшего градуса дойти»²⁷. Наличие же корпуса достойных и грамотных офицеров (специалистов) способно повлиять на ситуацию, поскольку «...есть надежда, что... стыдиться будут находящиеся в военных должностях, видя юношей в их профессии просвещенных наукой, через что стараться станут по крайней мере, хоть поверхностно, в некоторых пунктах рассуждать»²⁸.

²⁵ Всеподанейший доклад... С. 6.

²⁶ Там же. С. 7.

²⁷ Там же. С. 21.

²⁸ Шувалов П. И. Записка о высшем военном образовании. С. 37.

Здесь граф обнаруживал двойную цель государства и двойную же выгоду для него. Во-первых, возрастет число специалистов, хорошо знающих свое дело, что увеличит шансы на успех государственных предприятий. Во-вторых, образование поможет гармоничному развитию подданных. Для того чтобы помочь человеку раскрыться, помимо специальных дисциплин необходимо преподавать ему и всеобщую историю. Мы снова сталкиваемся с чрезвычайно характерным для Шувалова и других прожектеров его времени представлением о прошлом как дидактическом образце, об истории, которая, по выражению епископа Боссюэ, помогает видеть примеры страстей и славолюбия²⁹. Сходным образом эту идею формулировал В. Н. Татищев в середине 1730-х гг., утверждая, что «обстоятельства показывают в истории людей робких, ленивых ... для устрашения читающих с рассуждением пользы»³⁰. Безусловно, в этот период существует понимание того, что между современными людьми и древними римлянами имеется некая культурная дистанция, связанная с изменением привычек и обычаев³¹. В то же время, неизменность человеческой природы позволяет говорить о единстве страстей и потребностей, управлявших человеком и обществом в разные времена.

Представлением о государственной пользе проникнуты и взгляды Шувалова на воспитывающую роль истории, и вся его прожектерская деятельность. Неудивительно, что продолжение идей о человеческой природе, высказанных в военных проектах, мы находим и в других сочинениях графа.

Принципиально изменить природу подданных невозможно, поэтому задача заключалась лишь в том, чтобы не давать простора для деятельности людей с дурными наклонностями, которые всегда могут проявиться. Идеей графа, вытекавшей из его стремления ограничить «напрасный расход людей» и полностью использовать возможности недостойных подданных, было его предложение о поселении в Сибири беглых крестьян. Оригинальность идеи состояла в том, что туда необходимо было переселять российских крестьян, прежде бежавших в Польшу и затем возвращенных силой. Граф был убежден,

²⁹ Иакова Бенигна Боссюэ разговор о всеобщей истории. М., 1761. С. 1.

³⁰ Татищев В. Н. Проект «О сочинении истории и географии российской» // Попов Н. Татищев и его время. М., 1861. С. 663–664.

³¹ Истинная политика знатных и благородных особ. СПб., 1737. С. 5.

что эти подданные дурного нрава могли бы вновь попытаться бежать из центральных губерний России, однако из Сибири добраться до польских земель им будет затруднительно³².

Во взглядах Шувалова на человеческую природу скрывалась и одна из причин его заинтересованности в отмене множества мелких налогов и, тем самым, пресечении на корню возможных злоупотреблений. Так, описывая пагубность мелких ящичных сборов, Шувалов признавал, что во многом бедствия для плательщиков связаны с личными качествами собирающих платежи: «Хотя бы как совестные, так и разумные к сборам определены, когда же со страстями и недостатками, что легко и быть может, в таком случае толь паче излишние расходы плательщикам произойдут»³³.

Будучи тесно связан с практикой государственного управления, граф понимал, что традиционные методы борьбы с подобными проявлениями порочной человеческой природы неэффективны. Даже самые строгие наказания могли привести лишь к временному эффекту, ибо сама система оставалась неизменной, а ресурсы государственного аппарата придется отвлекать на заведомо малоэффективное дело. В том же проекте об отмене ящичных сборов отмечено, что сборщик-нарушитель «подвергает себя суду и наказанию, отчего великое число гибнет людей и множатся комиссии»³⁴. Но наличие подданных «дурной природы» неизбежно заставляло применять суровые меры и к части облагаемых побором. В проекте об уравнивании цен на соль и вино Шувалов упоминал «доимки и строгости, при сборах бываемые (без которых и обойтись невозможно)» (курсив мой. — С. А.)³⁵.

П. И. Шувалов полагал, что если невозможно изменить человеческую природу, то остается примерять свои рассуждения к человеческим качествам и пытаться использовать их на благо государства. Поэтому, с одной стороны, необходимо избегать мер, хотя бы и выгодных, но неизвестных и непривычных непросвещенному населению. Так, отвергая проекты о заведении в империи лотереи для пополнения бюджета, Шувалов признавал эту затею безнадежной,

³² [О поселении беглых в Сибири] // Сенатский архив. Кн. IX. С. 274.

³³ Шувалов П. И. Проект об отмене ящичных сборов // РГАДА. Ф. 248. Д. 3671 Л. 711.

³⁴ Там же. Л. 712.

³⁵ Шувалов П. И. Проект о соли // РГАДА. Ф. 248. Кн. 2506. Л. 45.

«наипаче в таком государстве, как наше, где и идея лотереи народу не известна»³⁶. Практический опыт и здравый смысл в данном случае перевешивали общеевропейскую моду на всевозможные лотереи, которая существовала на протяжении всего XVIII в.³⁷ Следует, впрочем, учитывать и тот факт, что лотерея уже была известна в России, проекты ее учреждения циркулировали в Сенате и Конференции, и Шувалову приходилось противостоять идеям конкурентов, которые, предложив альтернативные способы пополнения казны, могли увеличить свое влияние при дворе³⁸.

С другой стороны, нужно использовать качества людей, даже не самые лучшие, если нельзя их ограничить или исправить. Если в случае войны для нужд артиллерии надо покупать лошадей внутри империи, то необходимо покупать их по высокой цене, поскольку это сразу привлечет продавцов³⁹. Расчет, таким образом, делался на желание людей заработать, а не на чувство верности империи и императрице. Предлагая установить равные по всей империи цены на вино, Шувалов отмечал, что «за вино станут платить те, которые хотя бы как их не унимать оно удержать не можно, впрок своих денег не сохраняющие»⁴⁰. Его представления обнаруживают сходство со взглядами В. Н. Татищева, заявлявшего о необходимости содержать кабаки, поскольку «без питья мастеровым и работным людям пробыть не беструдно. Им паче можно за необходимое почесть и ежели кабакам не быть, то ... в таких местах тайные и многократно вредительнейшие шинки находят»⁴¹.

³⁶ Шувалов П. И. Проект о чеканке монеты 16-рублевого достоинства // Монеты царствования императрицы Елизаветы I и императора Петра III. СПб., 1896. Т. 1. С. 203.

³⁷ Подробнее о лотереях и проектах их организации см.: Строев А. «Те, кто поправляет фортуна»: Авантюристы Просвещения. М., 1998. С. 193–201.

³⁸ Об одном из таких проектов лотереи см.: Об учреждении государственной лотереи // РГАДА. Ф. 248. Оп. 113. Д. 733.

³⁹ Шувалов П. И. Проект об учреждении при артиллерии фурштатского парка // Архив музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. Ф. 2. Оп. ШГФ (штаб генерал-фельдцейхмейстера). Д. 902. Л. 106.

⁴⁰ Шувалов П. И. Проект о соли. Л. 42.

⁴¹ Татищев В. Н. Наказ шихтмейстеру // Научное наследие. М., 1990. Т. 14. С. 185. Шихтмейстер — представитель государственной власти на частном заводе, следивший за качеством выпускаемой продукции.

Представления о важной роли склонностей человека были широко распространены в России в 1730-е гг. Уже в 1732 г. директор Сухопутного шляхетного корпуса писал, что их необходимо примечать, «дабы, видя природную склонность, потому бы и к учению определять»⁴². В свою очередь, представления Шувалова обусловили его практические действия. Поиск «добрых и великих людей» привел к развитию в России артиллерийского образования, необходимость бороться с человеческими страстями стала одной из причин развития косвенного обложения.

Если сравнить мнение Шувалова о природе человека с распространенными в Европе педагогическими концепциями, то придется констатировать, что его воззрения не имеют ничего общего с идеями Джона Локка и других представителей философии Просвещения об определяющей роли воспитания в формировании человеческой личности⁴³. Характерное для российского государственного деятеля представление о наличии добрых и злых по природе людей является более традиционным и восходит к взглядам, распространенным в XVII в. Последователь и интерпретатор картезианства Н. Мальбранш, изыскания которого были популярны в России, признавал, что человек может быть греховен, ибо у него есть свобода выбора. В то же время именно отсутствие должного образования и интереса к самопознанию не позволяет человеку совершенствоваться⁴⁴. В популярном сочинении о качествах идеального придворного «Грациан» отмечается, что «никто совершен не рождается»⁴⁵.

Проекты Шувалова о военном образовании, отразившие основные черты всей его деятельности, интересны тем, что созданы на грани двух периодов развития общественной мысли. Мы не можем согласиться с мнением исследователей, которые относят П. И. Шувалова к сторонникам административно-полицейских методов, характерных для эпохи Петра I⁴⁶. Граф, как представляется,

⁴² Аурова Н. Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX века. М., 2003. С. 14.

⁴³ Ср.: Локк Д. Мысли о воспитании // *Он же*. Сочинения: в 3 т. М., 1988. Т. 1. С. 412.

⁴⁴ Мальбранш Н. Разыскание истины. СПб., 1906. Т. 2. С. 71.

⁴⁵ Грациан, или придворный человек. СПб., 1742. С. 4.

⁴⁶ Корякина Е. П. Идеология абсолютизма и политические взгляды П. И. Шувалова // Вестник МГУ. Сер. 8: История. 1991. № 5. С. 24–25.

осознавал несовершенство таких методов управления и по мере возможности пытался ограничивать сферу их применения. В целом же стремление обеспечивать в первую очередь государственные интересы, прикладной характер всех его образовательных проектов позволяют говорить о Шувалове как о позднем последователе Петра Великого, критически пересматривавшем идейное наследие основателя империи. Идеология образовательных проектов, которые разрабатывались в 1760-е гг. И. И. Бецким, уже принципиально отличается от идей Шувалова. Принадлежа к тому же поколению, Бецкой являлся искренним последователем идей французского Просвещения⁴⁷. На смену предложениям П. И. Шувалова о подготовке квалифицированных офицеров и чиновников пришли идеи о воспитании «с чистого листа» идеальных подданных империи. И. И. Бецкой требовал брать с родителей кадетов расписки, в которых они соглашались не забирать детей из корпуса в течение 15 лет, с целью оградить ребенка от любого постороннего влияния. План Бецкого был использован при реорганизации во второй половине 1760-х гг. Сухопутного корпуса⁴⁸. Таким образом, в рассматриваемой нами сфере именно рубеж 1750-х и 1760-х гг. является водоразделом между идеями, восходящими в своих основах к эпохе Петра Великого, и идеологией Просвещения.

⁴⁷ Интересно, что И. И. Бецкой, родившийся в 1704 г., оказался более восприимчив к этим идеям, чем его более молодой современник (П. И. Шувалов родился в 1710 г.). См.: *Данченко В., Калашиников Г.* Указ. соч. С. 96.

⁴⁸ Там же. С. 92–96.

Т. Н. ЖУКОВСКАЯ

МЕЖДУ МАРСОМ И МИНЕРВОЙ ВОЙНА, ВОЕННАЯ СЛУЖБА И УНИВЕРСАЛТЫ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Речь пойдет о связях университетского образования и военной службы, которые в императорской России были тесными и разносторонними. Рассматривая эту проблему в социальном измерении, можно сказать, что мир университета и мир военный были взаимопроницаемыми, как в мирное время, так и в те годы, когда Россия вела кровопролитные войны.

Университет как государственное учреждение был связан с армией прежде всего возможностью перехода в военную службу для окончивших университет или недоучившихся студентов. Однако свобода перехода сохранялась только за своекоштными студентами, как правило, выходцами из дворян. Студенты, учившиеся на казенный счет, свободно выйти в военную службу по окончании университета, или посередине курса, не могли. Хотя встречались исключения. Дело-производство Комиссии училищ содержит дело о зачислении студентов Учительской семинарии (непосредственного предшественника Петербургского университета) Зубаковича, Назарецкого и Ольховского по их прошениям рядовыми в л.-гв. Преображенский полк, а студента Бутовича юнкером в Харьковский кирасирский. На это в июле 1798 г. вышло Высочайшее соизволение¹. Заметим, что этот случай относится ко времени Павла I, который, во-первых, сам отдавал военной службе особое предпочтение перед статской, а во-вторых, был вполне равнодушен к просветительским начинаниям своей матери.

По уставам университетов 1804 г. право вступать в военную службу не признавалось за казенными студентами. Вообще допуск их, в основном выходцев из духовного звания, в дворянский по составу офицерский корпус выглядел нонсенсом. В то же время присутствие семинаристов в университетах подало повод установить по

¹ Описание дел архива МНП / Под ред. С. Ф. Платонова и А. С. Николаева. Т. 1. Пг., 1917. С. 215. Дело начато 22 января 1797 г., окончено 26 июля 1798 г.

отношению ко всем вообще учащимся разночинцам весьма суровую дисциплинарную меру, которая прежде применялась Комиссией о народных училищах в Учительской семинарии. Не только воспитанников семинарии из духовного звания, но всех вообще выпущенных из нее учителей, состоявших в службе, «за развратное поведение и важные преступления» Комиссия отсылала в солдаты. Та же мера применялась и к казенным воспитанникам Петербургского педагогического института (1804–1819 гг.), которые в большинстве своем также набирались из семинаристов. До 1811 г. эта мера не имела под собой нормативной базы, и каждый подобный конфликт разрешался в индивидуальном порядке.

На практике отдача в солдаты в 1800-х гг. использовалась редко, лишь в качестве крайней меры наказания для казеннокоштного студента, от которого иным способом невозможно было избавиться. Поводом для наказания была полная «неспособность» к обучению и злостное нарушение дисциплины, пьянство, «буйство». Журналы инспекторов пестрят красноречивыми описаниями таких проступков. В 1806 г. хронического пьяницу Григория Соловьева удалось исключить из Педагогического института с отправкой в военную службу, когда законодательно такой выход еще не был закреплен. Соловьев без спроса отлучился со двора и был «найден полицейскими на Выборгской стороне мертвецки пьяный, босой и весь в грязи, и отведен ими в Управу благочиния, где... ночевал вместе с колодниками, не имея образа человеческого». Петербургский полицмейстер Ф. Ф. Эртель распорядился «выслать его тотчас же из города, для чего и билет был ему уже написан», но по выяснении, что задержанный — студент Института и пользуется правом неподсудности обычной полиции, это дело было переправлено университетскому начальству. Соловьев, как говорит тот же источник, «от содержания его чрез целую неделю в уединенном покое на хлебе и воде хотя с начала на несколько времени и исправился было, но после опять настолько ослабел, что редкий стал проходить день, в который бы он не напивался до безобразия»². Поскольку для науки от такого студента проку не было, Конференция профессоров, истощив все усилия, обратилась к попечителю с предложением удалить негодного студента от Инсти-

² Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф. 13. Оп. 1. Д. 147. Л. 5 об.–6.

туда, определив его в военную службу, что и было сделано по решению министра народного просвещения в конце декабря 1806 г.³

21 апреля 1811 г. по докладу министра народного просвещения издается Положение, вводящее отдачу студентов «из духовного звания и разночинцев, развратного поведения и уличенных в важных преступлениях по исключении вовсе из упомянутых заведений, отсылать в военную службу, а казенных же воспитанников и студентов таковых из дворян представлять Его величеству». С одной стороны, правительство, употребив на их обучение «значущие издержки», требовало, чтобы они вознаградили их службой военной, а с другой — признало невозможным «оставить на произвол судьбы и извергнуть в общество пример разврата и соблазна другим»⁴. В соответствии с законом наказание для воспитанников из дворян визировалось самим императором.

Прецедентом, позволившим впервые применить этот закон, стало «дело Пургаровича» в Педагогическом институте. Австрийский уроженец, прибывший в Россию с аттестатом Кесмарского университета, он просил принять его на казенный счет сначала в Московский университет, а за недостатком мест — в Педагогический институт в Петербурге, желая «продолжать науки и навсегда остаться в России»⁵. В декабре 1807 г. Пургарович был зачислен студентом, приняв российское подданство. Ближе к окончанию курса, в начале 1811 г., он был уличен в краже сюртука у служителя института и попытке сбыть краденое через свою знакомую, «губернскую секретаршу» Веревкину. Оба были задержаны на толкучем рынке и приведены в полицию. В присутствии инспектора Института профессора Е. Ф. Зябловского от Пургаровича в полиции были взяты показания. Несмотря на то, что до инцидента студент «не состоял под судом, штрафов и подозрений не имел», он был исключен, поскольку его слабые успехи в науках свидетельствовали о том, что «он не будет способен к учительской должности»⁶. Министр народ-

³ Там же. Л. 8.

⁴ Сб. постановлений по министерству народного просвещения. Т. 1: Царствование Александра I. 1802–1825. СПб., 1864. Стб. 628–630.

⁵ Российский государственный исторический архив (далее: РГИА). Ф. 733 (Департамент министерства народного просвещения). Оп. 20. Д. 55. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 7–8.

ного просвещения А. К. Разумовский 13 апреля 1811 г. сделал представление обер-полицмейстеру П. И. Голенищеву-Кутузову, которым Пургарович был определен к отдаче в солдаты и передан в распоряжение Военного министерства. Применение Положения 21 апреля 1811 г., как показывают материалы университетского делопроизводства, зависело, в первую очередь, не от тяжести проступков студентов, а от отношения к ним профессорской корпорации, поскольку Совет профессоров при разборе таких дел выступал в качестве суда первой инстанции. Профессора часто защищали нарушителей порядка, используя все доступные меры «исправления»: «увещание», лишение «стола», розги, карцер, то есть «домашние» средства исправления, вписывающиеся в так называемый «семейный стиль» университетской повседневности.

7 апреля 1812 г. на имя попечителя было направлено донесение инспектора Педагогического института профессора Лодия о неповиновении студента Фрейдекера. Для исхода этого дела роковую роль сыграла дерзость студента в отношении Лодия, известного своей обидчивостью и конфликтным характером. Свидетельства Лодия, представленные при разборе дела в Конференцию профессоров, расходятся с объяснениями самого Фрейдекера, написанными в карцере. Поводом к конфликту стало то, что Фрейдекер привел в здание Института, в студенческие комнаты «гостей» — молодых офицеров и кадета, не предупредив инспектора об этом посещении, чем подвел его. Лодий приказал служителю выпроводить «гостей» силой. Произошла потасовка, во время которой студент ударил профессора. При попытке арестовать Фрейдекера он обратился за помощью к товарищам, что было истолковано Лодием как призыв к бунту. Конференция встала на сторону Лодия, и к нарушителю порядка было применено положение 1811 г. Фрейдекер был исключен из Института и отправлен в распоряжение военного министерства. 18 мая 1812 г., за три недели до начала Отечественной войны, студент был определен в войска Финляндского корпуса под командованием генерал-лейтенанта Ф. Ф. Штейнгейля⁷, которым предстояли впоследствии рейд от Риги к Полоцку, освобождение Полоцка, затем битва при Березине, осада Данцига...

⁷ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1133.

Для студентов-выходцев из духовного звания, признанных «негодными» к дальнейшему обучению, военная служба являлась единственной приемлемой формой социальной адаптации: возвращение их в духовное сословие было практически невозможно.

Против отсылки исключенных студентов в армию возражало, однако, военное начальство. Военный министр Барклай де Толли считал, что «смешение преступников с солдатами, на поле чести звание свое возвысившими», произведет «оскорбительное впечатление в духе войска»⁸. Министр просвещения отвечал Барклаю де Толли, что отсылаемые в военную службу студенты — не преступники, а лишь совершившие такие проступки, которые несовместимы с их будущим званием наставников юношества, но эти шалости можно исправить «под строгою военною дисциплиною»⁹.

В николаевское время студент мог быть отдан в солдаты и за политическую неблагонадежность, и за участие в студенческих дуэлях. Вот одна из таких историй. Студенты юридического факультета П. Вердеревский и Д. Бибиков с товарищами ужинали в ресторации Дюсо, где между молодыми людьми произошел «пустяковый спор». Разгоряченные вином юноши договорились о дуэли. В тот же вечер об этом было доложено попечителю округа (вывод: среди ужинающих был осведомитель!). Будучи вызваны к начальству, молодые люди уверяли, что уже помирились. После чего Бибиков был отослан к матери, а Вердеревский, замеченный и прежде в «неблагонадежном поведении», оставлен под арестом на три дня. Как ни удивительно, непримиримые студенты вновь условились драться, и снова информация об этом просочилась «наверх». На этот раз судьба обоих решалась уже самим министром народного просвещения с одобрения императора. Бибику все же решено было оставить в университете «из уважения к долговременной службе его отца», Киевского военного губернатора, Вердеревский же был исключен из университета и отправлен на Кавказ рядовым, с выслугой не прежде трех месяцев. Прочие студенты, участвовавшие в пирушке, за неуведомление университетского начальства о дуэли были арестованы на неделю¹⁰.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 270. Л. 9.

⁹ Там же. Л. 11–12.

¹⁰ РГИА. Ф. 735 (Канцелярия министра народного просвещения). Оп. 25. Д. 199. Л. 30–35.

Иногда выход в военную службу для своекоштных студентов был спасением от полной нищеты, некоторые сами его добивались. Так, студенту Петербургского университета Александрову, которому нечем было платить за квартиру, приходилось ночевать под открытым небом. Он выбрал для «жительства» Семеновский плац, прямо напротив университета, размещавшегося тогда у Семеновских казарм. Утром, уходя на лекции, он оставил на скамье, где ночевал, записку: «квартира студента Александрова», а по возвращении ему пришлось объясняться с обер-полицмейстером¹¹. Попечитель признал невозможным поместить бедствующего студента на казенное содержание в университет. Вскоре последовало высочайшее повеление студенту Александрову вступить в военную службу, а до того времени о выдаче ему на пропитание ста рублей¹².

Для своекоштных студентов-дворян предусматривался особый механизм вступления в военную службу, предполагавший добровольность и кое-какие познания в военных науках. Для их приобретения в Московском университете «в царствование императрицы Екатерины II после Пасхи начинались по вечерам военные экзерциции». Под руководством офицеров студенты отрабатывали ружейные приемы, маршировали в строю. В летнюю вакацию эти занятия повторялись чаще и продолжались до сентября. Осенью «бывал университетскому пехотному батальону смотр в присутствии Московского коменданта или шефа полка из стоящих в столице»¹³.

Перспектива готовить «просвещенных граждан» Отечеству, которые могли бы быть употреблены с пользой не только в статской, но и в военной службе, сохранялась во время университетской реформы Александра I. Она отвечала настроениям дворянской молодежи, предпочитавшей скорую и яркую военную карьеру, но готовой потратить несколько лет для приобретения университетских познаний. Для дерптских студентов, большинство которых были выходцами из остзейских дворян, уже в 1806 г.¹⁴ была открыта воз-

¹¹ Из автобиографии Иваницкого // Русский архив. 1909. Кн. 3. № 10. С. 142.

¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 21. Д. 188.

¹³ Из всеподданнейшего доклада министра А. С. Норова Николаю I 27 декабря 1854 г. // Русский архив. 1915. № 3. С. 328.

¹⁴ РГИА. Ф. 732 (Главное правление училищ). Оп. 1. Д. 277.

возможность вступать в военную службу. В Дерпте, в отличие от столиц, у родителей дворянских отпрысков не было выбора: отдавать сына в университет или в кадетский корпус (за отсутствием последнего). При вступлении же в военную службу выпускники университета не могли рассчитывать на офицерские чины, а принимались унтер-офицерами на неопределенный срок. Под давлением местного дворянства ректор университета Г.-Ф. Паррот обратился в январе 1806 г. с представлением о мерах, облегчающих получение офицерского звания окончившими Дерптский университет¹⁵. Это предложение совпадало с видами правительства, которое в разгар наполеоновских войн также было заинтересовано в усилении офицерского корпуса образованной молодежью.

Введением преподавания военных наук Паррот рассчитывал сделать привлекательным для дворян пребывание «во всех университетах в государстве». Его поддержал попечитель Дерптского университета Клиндер и попечители других университетов. 3 июля 1806 г. последовало Высочайшее распоряжение об ограничении 6-ю месяцами срока выслуги для выпускников университета, по представлении документов о дворянстве, личных прошений о желании вступить в армию, аттестата об окончании университета с обозначением поведения и успехов в науках, особенно «к военному званию приличных». Вступающий в службу студент должен был первые 3 месяца прослужить в нижних чинах, а потом еще 3 в чине подпрапорщика, после чего производился в офицеры, даже если в полку, где он находился, не было офицерских вакансий¹⁶.

Чтобы подготовить таких студентов к офицерской должности, был составлен план преподавания военных наук, а при выпуске предусматривался отдельный экзамен в военных науках. Были определены два блока наук — «предуготовительные» и собственно военные. К первым отнесены: русский язык (чтобы будущие командиры владели им в совершенстве), всемирная история («особенно же история Российского государства»), физика, арифметика, геометрия и тригонометрия, практическая геометрия, ситуационные планы. Ко вторым — фортификация, тактика пехоты и кавалерии, начальные основания артиллерии. Для будущих инженеров и артиллеристов в

¹⁵ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136.

¹⁶ Там же. Л. 9–10.

университете дополнительно предусматривалось преподавание ситуационных планов, полевой фортификации, атаки крепостей, практического строения крепостей, артиллерии, минерного и понтонного дела, «начальных оснований тактики различных орудий» (т. е. родов войск. — Т. Ж.), стратегия¹⁷.

Спустя несколько месяцев постановление от 3 июля об определении в службу студентов-дворян распространилось и на разночинцев, если это не были казенные студенты, обязанные подпиской служить в учительском звании¹⁸. Эти постановления заинтересовывали студентов-дворян в том, чтобы оканчивать университетский курс, а студентам-разночинцам обеспечивали дополнительные условия социальной мобильности.

Положение от 3 июля 1806 г. было дополнено рескриптом Александра I от 14 марта 1807 г. на имя военного министра. Студенты, окончившие любой из российских университетов, могли явиться в один из сухопутных кадетских корпусов в Петербурге и, пробыв в нем 6 месяцев, выпускаться в полки офицерами. Это положение, вызванное к жизни университетским сообществом, приобрело широкую адресацию — к дворянской молодежи вообще — и объявлялось через гражданских губернаторов, губернских и уездных дворянских предводителей, попечителей округов. «Я уверен, — отмечал император в заключении рескрипта, — что сим распоряжением достаточно облегчены будут благородному юношеству средства ко вступлению в службу... в такое время, когда честь и польза государства призывает к службе каждого члена благородного сословия, знаменитого своею любовью и верностью к Отечеству»¹⁹. Через месяц после подписания рескрипта Совет Московского университета рапортовал, что приняты «все надлежащие меры к точному исполнению повеления», и его содержание объявлено студентам²⁰.

Практика «обогащения» программы университета военными науками себя не оправдала, а в большинстве университетов в то время и вовсе не прижилась. Однако среди питомцев Дерптского университета в 1812 г., несмотря на его отдаленность от театра вой-

¹⁷ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 277. Л. 34–36.

¹⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 136. Л. 17.

¹⁹ Там же. Л. 20–22 об.

²⁰ Там же. Л. 28.

ны, было много вступивших в армию. Среди них — профессор русской литературы А. С. Кайсаров, погибший в 1813 г.

Университетский устав 1835 г. сохранил преимущества для выпускников университета при производстве в офицеры. § 129 устава предполагал, что окончившие с успехом университетский курс должны прослужить в унтер-офицерском звании 6 месяцев, после чего производятся в офицеры, «хотя бы не имелось вакансий в тех полках, куда они приняты будут, лишь бы только знанием фронта были того достойны»²¹.

Среди выпускников Петербургского университета 1830-х гг. многие предпочли офицерскую карьеру не только в военное, но и в мирное время. Карл Позе дослужился до командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморье, Николай Савин — до подполковника Генерального штаба, Сергей Мальцев — полковника Кавалергардского полка и адъютанта принца Ольденбургского, Александр Дондуков-Корсаков — до полковника Драгунского полка, Николай Евреинов — до инженер-полковника, братья Константин и Петр Маслаковы вышли в службу в корпус инженеров путей сообщения²². Все они относились прежде к своекоштным студентам.

Студенты из дворян могли вступить в военную службу с чином унтер-офицера, в любое время, даже не окончив курса. Так, в 1843 г. оставил Петербургский университет после двух семестров и вступил в лейб-гвардии Егерский полк унтер-офицером старший из братьев Бекетовых, Андрей, будущий профессор и ректор Петербургского университета, известный ботаник.

Среди вступивших в военную службу по окончании курса были и стипендиаты Царства Польского, учившиеся в Петербургском и Московском университетах. В июне 1853 г. студент Иван Стахурский, закончивший физико-математический разряд философского факультета и учившийся на «педагогическую» стипендию, получил с разрешения министра увольнение от обязанности прослужить на родине 6 лет в учительской должности. В своем прошении он сообщал,

²¹ Параллельный свод общих уставов императорских российских университетов 1863, 1835 и 1804 гг. и Дерптского 1865 г. СПб., 1880. С. 194.

²² Списки окончивших университет см.: *Воронов А. С.* Историко-статистическое обозрение учебных заведений С.-Петербургского учебного округа с 1775 по 1853 гг. СПб., 1849. С. 45–77.

что находит себя «неспособным к званию учителя», но чувствует «сильное влечение к военной службе»²³. Прошение Стахурского было удовлетворено, поскольку в этом году в Царстве Польском не было учительских вакансий.

Устав 1863 г. уже не содержал особых правил, регламентирующих поступление студентов в военную службу, отсылая к действующим постановлениям Военного ведомства.

Вступление в службу в военное время существенно облегчалось, в 1812 г. были сделаны исключения даже для казеннокоштных студентов. Но более ранние их ходатайства не имели успеха. Так, в 1806 г. несколько студентов Педагогического института подали прошения о вступлении в ополчение. Это стремление было вызвано правительственными воззваниями и мобилизационными мерами тех лет, в частности, Манифестом 6 декабря 1806 г. о созыве земского ополчения и постановлением Св. Синода, которое зачитывалось во всех православных храмах. В последнем Наполеон был представлен поработителем человечества, «неистовым врагом мира и благословенной тишины», узурпатором трона, который «опустошил мечом и пламенем» города и села соседних стран, а теперь «дерзает... угрожать России вторжением в ее пределы... и потрясением Православных Греко-Российских церкви»²⁴. Эти документы провозглашали войну с Наполеоном войной против тирана, угрожающего Отечеству, хотя военные действия велись в Европе.

Вняв призывам, трое студентов Педагогического института обратились в Конференцию с прошениями, риторика которых отсылает к формулам официальной антинаполеоновской пропаганды. Вот пассаж из коллективного прошения Егора Сферина, Андрея Борисоглебского и Семена Яновского: «Почтеннейшая Конференция! ...Мы — россиане, и не имеем чем пожертвовать Отечеству кроме своей жизни. Если она может быть полезна в каком бы то ни было случае, то мы охотно отдаем ее... Нынешние обстоятельства требуют сего, и неужели одни Минервины питомцы не должны защищать храм ея? Мы оставляем оный, чтобы после, когда благоволит Правящий судьбами царств войти в него с лавром, купленным кровию своею, чтобы

²³ РГИА. Ф. 733. Оп. 77. Д. 74. Л. 432–435.

²⁴ Шильдер Н. К. Император Александр I: Его жизнь и царствование. Т. 2. СПб., 1897. С. 353–354.

тем более полюбить оный, так как защищаемый собственными руками. Мы соделаемся воинами, чтобы после быть воспитателями воинов, в противном же случае мы умеем умереть»²⁵. На следующий день еще 5 казенных «студент из дворян» подали аналогичную просьбу. Любопытно, что прошения студентов составлены 6 и 7 декабря 1806 г., сразу после объявления императорского Манифеста.

Однако всем просителям было отказано, кроме Павла Савич-Канивецкого, бывшего «вольным студентом», как тогда писалось. Попечитель Н. Н. Новосильцев, ознакомившись с заявлениями, «приказал в присутствии Конференции, изъявив студентам благодарность за благородное рвение патриотизма, внушить купно им, что они не могут располагать собою, быв предназначены для другого рода служения, и что заведение сие не с тем намерением учреждено, чтоб распускать их в другой род службы, против учительской»²⁶.

Та же история повторилась в 1812 г., но на этот раз рапорты отдельных казенных студентов и кандидатов были удовлетворены. Например, студент Н. Язвицкий, служивший в 1812 г. учителем в Санкт-Петербургской гимназии и в самом институте, добился разрешения уйти в ополчение²⁷. Однако вернувшемуся из «академического путешествия» в 1811 г. адъютанту А. В. Ржевскому было отказано в его просьбе вступить в ополчение²⁸. Мотив отказа понятен: на его многолетнюю подготовку к профессуре в Институте, а потом за границей Министерство народного просвещения к тому времени затратило не менее 10 тыс. руб., и потерять «готового профессора» было неразумно. Этот казус вызвал необходимость регламентировать переход в военную службу и ополчение студентов и чиновников университета и их возвращение к прежнему состоянию²⁹. Уход в ополчение оставался делом добровольным, исключая служивших в области Войска Донского и происходящих из казаков. Войсковой атаман генерал-майор А. К. Денисов 17 августа 1812 г. отдал приказ о том, что все учителя старше 17 лет, а в гимназиях и ученики, происходящие из казаков, причисляются ко всеобщему ополчению Вой-

²⁵ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 171. Л. 2.

²⁶ Там же. Л. 8 об.

²⁷ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 108.

²⁸ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 1173.

²⁹ РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 215; Ф. 733. Оп. 86. Д. 306, 377.

ска Донского. Те из них, кто имели чин обер-офицеров и урядников, должны были занять места в полках³⁰.

Но и оставшихся в аудиториях студентов в конце концов «догоняет» война. Как известно, в 1812 г. в пожаре Москвы почти полностью сгорели университетские здания, архив, коллекции, библиотека. Из-за нераспорядительности Ф. В. Ростопчина пансионеры университета и гимназии покинули Москву в последний момент, накануне ее занятия французами. Некоторые за отсутствием подвод выбирались самостоятельно, на вещи и ценности не хватило лошадей. Возвратились в Москву эвакуированные только в мае 1813 г., фактически на пепелище. От университетских зданий, кроме больничного флигеля и дома, в котором была квартира ректора И. А. Гейма, «ничего не осталось; главный корпус, дом, где была анатомия, и все прочие строения сгорели так, что видны только стены. Оставшаяся в университете наличная медная монета частью сплавилась, частью разграблена. Университетский пансион сгорел до основания» (из письма ректору И. А. Гейму)³¹.

Чтобы не повторить судьбу Московского университета, в сентябре 1812 г. началась подготовка к эвакуации Петербургского Педагогического института и Петербургской гимназии. Тогда правительство не исключало движения Наполеона на Петербург. Местом эвакуации был определен Петрозаводск Олонецкой губернии, переезд 125 воспитанников (включая учеников гимназии) и служащих во главе с директором Института Е. А. Энгельгардтом должен был осуществляться водным путем вверх по Неве, через Ладожское озеро, затем по Свири и Онежскому озеру. Но, отправившись из Петербурга 4 октября, суда не успели достичь места назначения до конца навигации и зазимовали на Свири. Гимназистов было решено оставить в д. Усланка, а студенты, поехав дальше на санях, прибыли в Петрозаводск 14 ноября. Институт провел в эвакуации около 2 месяцев, разместившись в здании Олонецкой губернской гимназии и даже пытаясь восстановить занятия³². Это «бегство от войны», стоим-

³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 306. Л. 13.

³¹ *Эйхгорн В.* Московский университет, губернская гимназия и др. учебные заведения Москвы в 1812 г. Вып. 2: Переписка Московской дирекции училищ. М., 1912. С. 43.

³² Московский университет и С.-Петербургский учебный округ в 1812 г.

шее казне почти 12 тыс. руб., возможно, было излишним, но осенью 1812 г. события еще не были предрешены.

Освобождение России и Европы было ознаменовано грандиозным прославлением императора-победителя. В этом торжественном хоре не потерялись голоса «питомцев Минервы». Несмотря на издание Манифеста о том, чтобы по случаю возвращения императора «никаких встреч и приемов не делать» ни в столице, ни в губерниях³³, торжества в учебных заведениях летом 1814 г. по случаю возвращения воинства из Парижа все же происходили. Сведения о них содержатся в рапортах министра народного просвещения в Главное правление училищ: эти описания помещались в «Периодическом сочинении об успехах народного просвещения». Так, судя по описанию торжеств, бывших 25 мая в Ярославском Демидовском лицее и губернской гимназии, центральным аккордом их была вечерняя иллюминация. На фасад здания проецировались «прозрачные картины», исполненные учителем рисования Черняевым. Одна из них, демонстрировавшаяся при доме Лицея, изображала Минерву с оливковой ветвью, правой рукой венчающую бюст императора, поставленный на пьедестал с надписью «Спасителю Европы!» Вторая картина была показана при доме гимназии и изображала «Славу, трубящую подвиги Монарха и дела русских воинов» и музу Клио, приветствующую спасение Европы. «В продолжение иллюминации в училищной зале играла роговая музыка»³⁴.

Подобные торжества происходили почти во всех гимназиях Московского округа, в соответствии со способностями и фантазией их устроителей: читались оды собственного сочинения, исполнялись «канты», выставлялись «аллегорические картины», соединяющие символы победы и знаки признания служителей «Минервы» своему «предводителю», «с крылатыми драконами, низвергающимися в пропасть, жертвенниками, под которыми коленопреклоненная Европа курила фимиам “спасителю царей и царств”» и т. п. Эти торжест-

Документы архива МНП. СПб., 1912. С. 379–405; РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 310, 311.

³³ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 389. Л. 47.

³⁴ О торжествах, бывших в некоторых учебных заведениях ведомства МНП по случаю занятия Парижа союзными войсками // РГИА. Ф. 732. Оп. 1. Д. 219. Л. 14, 15 об.–16.

ва после запрета официальной встречи истолковывались как «ведомственные», но привлекали большое количество публики. В Калуге, как и в Ярославле, Туле, Вологде, Смоленске, «стечение народа было чрезвычайное, и улицы около дома гимназии покрыты им были до полуночи»³⁵. Частью программы становились торжественные молебны в присутствии Иоасафа, епископа Смоленского и Дорогобужского, и др. церковнослужителей.

Если в течение всей первой половины XIX в. универсанты в значительном числе «тянулись» в армию, то и среди офицеров появляется немало желающих пополнить свое образование и готовых в свободное от службы время посещать лекции университетских профессоров в качестве вольнослушателей. В Петербургском университете в 1820-е гг. так называемый «внешний курс» продолжался всего 5 месяцев, с ноября по май, лекции не дублировали те, что читались для студентов. Первоначально слушателей было не более 20–30, и те ходили нерегулярно. По итогам курса сдавались экзамены в специальной «комиссии испытаний» и, судя по сохранившимся протоколам этой комиссии, именно офицеры гвардейских полков, квартирующих в Петербурге, были постоянными и наиболее успешными среди вольнослушателей. В 1830-е гг. вольнослушатели уже не отделялись от основного курса и посещали лекции вместе со студентами. Среди них были как постоянные слушатели, так и те, кто приходил на отдельные, наиболее интересные лекции.

Связь с миром военным для студентов первой половины XIX в. устанавливалась и через живой канал — служителей университета (сторожей, истопников, смотрителей комнат), которые набирались из солдат-инвалидов. Многие студенты, разделяя представление о своем социальном превосходстве, свысока смотрели на служителей. При нарушении студентами правил распорядка (уход за ворота без разрешения, пьянство, курение, приглашение посторонних и пр.) нередки были столкновения со служителями, требовавшими подчинения правилам. Студенты «срывались» на сторожах и смотрителях. Конференция Педагогического института, а впоследствии Совет университета разбирали проступки студентов, ударивших или оскорбивших кого-то из служителей. Между тем, в 1810–20-х гг. среди

³⁵ Там же. Л. 7.

них были и ветераны наполеоновских войн, имевшие награды³⁶. Случались инциденты, связанные с «нетрезвым поведением» и проступками самих инвалидов, которых университет вынужден был увольнять и требовать присылки новых.

Маркером универсанта как «государственного служащего» еще в XVIII в. является форменная одежда, введенная для студентов и профессоров. Ее элементом была короткая шпага как символ принадлежности к «благородному сословию». В Академическом университете мундиры и шпаги для студентов предусматривались Регламентом Академии наук 1747 г., но их ношение не было обязательным. Уже тогда студенты были облачены в суконный зеленый кафтан, того же цвета камзол и штаны, носили башмаки, чулки, галстук и шляпу. Шпаг, самого дорогостоящего элемента костюма, на всех не хватало. Во время реформы преподавания в университете при М. В. Ломоносове шпаге было придано значение стимула для поощрения к наукам, лучшие награждались «именною шпагою». В числе первых этой награды по распоряжению Президента Академии наук К. Г. Разумовского был удостоен М. Сафронов. А 27 мая 1757 г. академические студенты Василий Комаренков, Алексей Разумов, Иван Шишкарев, Илья Абрамов, Семен Введенский, Алексей Поленов, Самсон Волков, Иван Прыткой, Александр Леонтьев подали прошение о том, чтобы «для поощрения их к наукам дать бы им шпаги». Ректор М. В. Ломоносов затребовал у Канцелярии формальную справку об успеваемости ходатаев, из которой следовало, что «по экзамену оказались Шишкарев, Прыткой и Леонтьев к наукам не прилежные». «Чего ради» Ломоносов распорядился «оным Шишкареву, Прыткому и Леонтьеву шпаг не давать, а прочим шести чело-векам именно Крамаренкову, Разумову, Абрамову, Введенскому, Поленову, Волкову шпаги дать»³⁷.

В Московском университете форменная одежда в 1760-е – первой половине 1780-х гг. представляла собой кафтан темно-зеленого

³⁶ В 1826 г. памятные медали в честь взятия Парижа получили «ветераны университета» Иван Брюзгалов, Петр Калинин, Трофим Сорокин, Григорий Калинин (ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 4221).

³⁷ Марголис Ю. Д. Тишкин Г. А. «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: (Из истории университетского образования в Петербурге в XVIII – начале XIX вв.). Л., 1988. С. 127.

(«гвардейского», как выражается мемуарист) цвета с красным воротом и обшлагами, камзол с короткими штанами. Костюм дополняли гарусные чулки, башмаки и треуголка. Шпага вручалась во время торжественного акта произведения в студенты и воспринималась как элемент дворянского костюма³⁸.

Устав университетов 1804 г. и дополняющие его акты определили тип мундира для всех университетов, различающийся по цвету воротника, обшлагов и шитью: однобортный кафтан *темно-синего* сукна со стоячим воротником. Подкладка к нему полагалась синяя, камзол и нижнее платье белые. Цвет ворота и обшлагов для чиновников и студентов Московского университета был определен малиновый с золотым шитьем по вороту, обшлагам и клапанам, согласно классному чину, для студентов — без шитья. Для Виленского университета ворот и обшлага полагались суконные «сафирного цвета» с золотым шитьем; для Харьковского университета — черные бархатные с серебряным шитьем³⁹. Утверждение особых мундиров для Педагогического института было отложено, несмотря на представления Конференции на этот счет с образцами вышивки, выполненными учителем рисования Института Берлинским⁴⁰. До 1809 г. профессора Педагогического института носили мундир Академии наук, синего цвета «с красным суконным стоячим воротником, вышитым золотом, и таковыми же обшлагами», студенты — мундир того же типа, но без шитья⁴¹.

Мундиры для Петербургского учебного округа были утверждены 20 января 1809 г. 30 апреля 1808 г. попечитель округа Н. Н. Новосильцев направил отношение министру П. В. Завадовскому с описанием и рисунком мундира. «По примеру других учебных округов» был определен «кафтан темно-синего сукна, с стоячим воротником и обшлагами *бархатными фиолетового* цвета (в окончательной редакции, утвержденной императором, было исправлено: с обшлагами *суконными красного* цвета). Подкладка была дана мундиру синяя, «камзол и нижнее платье белые суконные, пуговицы

³⁸ Кулакова И. П. Мундир российского студента (по материалам XVIII века) // Теория моды: Одежда. Тело. Культура: Международный журнал. 2008. № 9.

³⁹ Сб. постановлений... Т. 1. Штаты и приложения. С. 5, 6, 19.

⁴⁰ ЦГИА СПб. Ф. 13. Д. 173.

⁴¹ Сб. постановлений... Т. 1. Штаты и приложения. С. 4.

позолоченные гладкие. Золотое шитье на воротнике, обшлагах и клапанах»⁴². В проекте предлагалось изменить материал и цвет воротника и обшлагов, но в итоге были оставлены цвета академического мундира. Такой же мундир получили воспитанники Царскосельского лицея, Благородного пансиона, гимназий округа. Студенческий сюртук для повседневной носки или фрак (для выхода и торжественных случаев) в 1800–1810-х гг. шился из дешевой ткани и выглядел неважно, но казенным студентам было запрещено не только носить, но и приобретать «штатскую одежду»⁴³. Увольняться «со двора» Института было предписано в студенческом мундире.

Однако в александровское царствование ношение мундира студентами и профессорами не стало обязательным. Расходы на «строительство» мундиров для большинства преподавателей и своекоштных студентов были чрезмерны. Более половины преподавателей не имели парадного мундира. Это подтверждает ведомость по штатному составу Педагогического института, составленная для предполагаемой торжественной встречи Александра I при его прибытии в Петербург из европейского похода в июне 1814 г.⁴⁴ В списке по учебным заведениям столицы было указано всего 14 персон, которые могут быть на церемонии, и 36, которые быть не могут, большинство — «за неимением мундира»⁴⁵.

Отсутствие «единообразия» в ношении мундиров привлекло внимание правительства после назначения нового министра народного просвещения А. С. Шишкова. 24 августа 1825 г. попечитель Санкт-Петербургского учебного округа Д. П. Рунич представил обращение к министру о внесении дополнительных деталей в рисунок мундира для студентов, чиновников и служащих университета, Благородного пансиона и Высшего училища, которые бы отличали их друг от друга. Необходимость перемен Рунич мотивирует прежде всего умножением числа студентов и усложнением задач наблюдения за ними, а также отсутствием единообразия в мундире, который, по его мнению, должен быть приближен покроем к военному: Рунич писал:

⁴² РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 1.

⁴³ ЦГИА СПб. Ф. 13. Оп. 1. Д. 379.

⁴⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 86. Д. 389.

⁴⁵ Там же. Л. 39.

«Порядок военной службы и вообще строгое наблюдение установленных форм, чиновачалие и точность в исполнении... составляют душу дисциплины, поддерживают постоянный и единообразный во всем порядок и облегчают командование полками и армиями. Не предполагая ввести во всем пространстве в учебных заведениях, высочайше вверенных мне по званию попечителя..., военных форм и военной дисциплины, не менее того, нахожу необходимо нужным и полезным придержаться оных», ... ибо это «приносит и в гражданских заведениях существенную пользу, облегчает присмотр за воспитанниками и вообще придает сим заведениям вид порядка и благопристойности, которое при произвольном употреблении собственного платья между чиновниками и воспитанниками возродить и удержать весьма трудно». «[...] в тех учебных заведениях, где между чиновниками и воспитанниками введено постоянное ношение мундиров, по покрою несколько подобных военным, и где принят отчасти порядок и точность военной службы (видимо, имеются в виду кадетские корпуса. — Т. Ж.),... дети имеют вообще наружность благовидную, приучаются вежливости и приобретают в движениях ловкость и непринужденность, отличающие их от воспитанников в частных пансионах и в домах родительских образованных, где едва ли обращается внимание на то, что обыкновенно почитают мелочами»⁴⁶.

Попечитель предлагал описание и рисунки новых мундиров⁴⁷, а также, помимо унификации формы, «в летнее свободное от учения время... пансионеров в высших учебных заведениях столицы приучать к правильной ходьбе, некоторому познанию фрунтовых достижений и оборотов, что без сомнения будет для них полезнее фехтования, не везде по штатам положенного»⁴⁸.

Поразительной оказалась способность Рунича угадать едва наметившуюся и развернувшуюся лишь в следующее царствование работу по наведению «порядка и единообразия» в системе службы. Его предложения были доложены министром А. С. Шишковым и после рассмотрения в Комитете министров 22 сентября 1825 г. представлены на высочайшее утверждение⁴⁹. Александр I рассмотреть эти предложения не успел, но у Николая I они нашли отклик. 29 декабря

⁴⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 6–10. Записка Рунича легла в основу представления министра, одобренного Комитетом министров 29 декабря 1825 г. (Сб. постановлений... Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Ст. 1–4).

⁴⁷ Там же. Л. 12, 35–37а (рисунки мундиров).

⁴⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 11.

⁴⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 20. Д. 74. Л. 19–22.

1825 г. Комитету министров объявлено Высочайшее решение: «Согласен, но без нашивок на рукавах у воспитанников»⁵⁰. В согласии с рисунками, представленными Руничем, был изменен покрой сюртука (двубортный вместо однобортного), добавлены цветные выпушки и пр. детали, «удержавшиеся» в мундире студентов до его отмены постановлением 26 мая 1861 г. Ношение мундира стало обязательным, а отступления от предписанных образцов строго наказывались.

Студенты николаевского времени внешне стали еще больше похожи на военных — и новым покроем мундира, и благодаря замене синего, «академического» цвета на темно-зеленый. Всеобщая реформа мундиров 1834 г. вновь коснулась университетского платья: по закону от 27 февраля 1834 г. студенты всех университетов получили темно-зеленые мундиры (хотя чиновникам, включая профессоров, были оставлены темно-синие). Элементом парадного мундира, фракного покроя, по-прежнему были шпага и треуголка. Различия между студентами разных университетов устанавливались теперь не по цвету воротника (ставшего у всех синим, как и околыш фуражки), а по типу шитья (золото или серебро; рисунок его для классных чинов повторял прежние образцы начала XIX в.)⁵¹

Мундир выделял университетскую публику из толпы, был знаком социальной ценности, способствовавшим формированию корпоративности. Он и в обществе воспринимается как признак высокого социального статуса. Е. А. Матисен, учившийся в Петербургском университете в середине 1830-х гг., пишет, что в обществе начинают принимать студентов, «обязательный [студенческий] мундир с треуголкой и шпагой получил свое значение не многим меньшее, чем мундир гвардейский»⁵².

В «Правилах для студентов С.-Петербургского университета» говорилось, что в одежде студенты должны соблюдать установленную форму и опрятность, не носить усов и длинных причесок. Во всех публичных собраниях, на гуляниях и на улице полагалось хо-

⁵⁰ Там же. Л. 19. Сб. постановлений... Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Ст. 1.

⁵¹ Сб. постановлений... Т. 2. Отд. 1. СПб., 1864. Ст. 544–545. *Шенелев Л. Е.* Чиновный мир России: XVIII — начало XX в. СПб., 1999. С. 306–307, 313.

⁵² *Матисен Е. А.* Воспоминания из дальних лет // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3 т. Т. 1. Л., 1963. С. 26.

дить при шпаге и быть застегнутыми на все пуговицы и крючки воротника. Пестрые брюки и галстуки при форменной одежде носить запрещалось. В городе студенты обязаны были носить треуголку, введенную еще уставами 1804 г., а форменная фуражка, носимая в обычные дни, допускалась только за городом⁵³. Мундир являлся предметом постоянных придирок к студентам со стороны инспекции, причиной конфликтов, лежавших вне академической сферы отношений, и оттого порождавших у студентов сознание правовой ущербности. Инспектор «придирался к самому незначительному упущению в костюме», к небритой бороде, к чуть-чуть отросшим волосам» — и заключение в карцер было обычным финалом такой встречи. В Московском университете инспектор Шпейер, кроме того, любил репетировать со студентами отдавание чести и заставлял каждого пройти мимо него и отдать ему честь, а тот, кто проделывал это без достаточной грации и ловкости, должен был возвращаться назад и повторять церемониальное прохождение⁵⁴.

Студенты были обязаны при встречах отдавать честь членам царской фамилии и генералам «особым образом»: становясь во фронт и сбросив с плеч шинель, как это требовалось от офицеров. Этот ритуал комично выглядел со стороны, поскольку руки у студента, в отличие от офицера, были часто заняты. Н. Ф. Оже де Ранкур рассказывает в своих мемуарах, как его товарищ, возвращаясь с лекций со стопкой книг и тетрадей под мышкой, встретил генерала и, согласно предписанию начальства, поспешил сбросить шинель. При этом «книги рассыпались, а с ними вместе и шинель упала на тротуар, рассмеялся генерал, рассмеялся и студент»⁵⁵. А вот студентам Маркову и Сокологорскому было не до смеха, когда попечитель округа вызвал их к себе для выяснения, «не кроется ли в молодых людях дух вольнодумства, дерзости или непокорности к властям». Поводом для допроса была встреча Маркова и Сокологорского на улице с Николаем I, при которой студенты, не узнав государя, не

⁵³ Правила для студентов императорского С.-Петербургского университета. СПб., 1839. С. 3.

⁵⁴ Белоголовый Н. А. Из моих воспоминаний о Сергее Петровиче Боткине // Московский университет в воспоминаниях современников. М., 1989. С. 306–307.

⁵⁵ Оже де Ранкур Н. Ф. В двух университетах: (Воспоминания 1837–1843 гг.) // Русская старина. 1896. Т. 86. № 6. С. 571.

отдали ему чести. Мемуарист сообщает, что император вечером того же дня вызвал оплошавших во дворец и, накормив их отличным обедом, провел воспитательную беседу. При этом он, якобы, сказал: «Помните, что ежели я сравнял вас с офицерами, то и требую от вас того же чиновничества. Передайте мои слова своим товарищам!»⁵⁶. В другой раз Николай I говорил о великой уравнивающей силе мундира для учащихся: «Я бы желал, чтобы эти молодые люди уважали мундир, который они носят, мундир, который уравнивает богатых и бедных, знатных и незнатных». Сами студенты это качество униформы прекрасно чувствовали. Вид мундира, напомиравшего офицерский, заставлял обывателей и даже полицию избегать уличных столкновений со студентами. Это обстоятельство, кстати, было одним из аргументов в пользу отмены студенческого мундира после «беспорядков» 1861 г., закончившихся закрытием университета.

В годы назревания «восточного кризиса» Николай I ставит задачу расширить преподавание военных наук в университете, чтобы студенты в случае войны могли стать «мобилизационным резервом». В 1850 г. императором был одобрен проект введения «батальонного учения» (строевой подготовки. — Т. Ж.) для гимназистов старших классов. В декабре 1854 г., уже после начала войны, министр народного просвещения А. С. Норов представил проект введения преподавания артиллерии и фортификации на физико-математических отделениях двух столичных университетов⁵⁷. Как и прежние попытки такого рода, эта ориентировалась на добровольцев, желающих приобрести военную специальность и выйти в службу офицерами. В своей резолюции на докладе Норова Николай I пошел дальше, предложив дополнить теоретическое учение «практикой» при полках. Он писал: «Преподаванию артиллерии и фортификации не вижу препятствия; ежели в числе студентов найдутся теперь же желающие практически приготовиться к строевой службе при войсках, то легко можно будет сему желанию удовлетворить, прикомандировав их к образцовому пехотному полку»⁵⁸.

⁵⁶ РГИА. Ф. 735 (Канцелярия министра народного просвещения). Оп. 1. Д. 144. 1826. Л. 5.

⁵⁷ Из всеподданнейшего доклада министра А. С. Норова... С. 328–329.

⁵⁸ Там же. С. 329.

В годы Крымской войны те из студентов и профессоров, кто не мог вступить в армию, включились в сборы пожертвований на нужды войны. 13 марта 1854 г. попечитель столичного округа М. Н. Мусин-Пушкин сообщал министру о том, что студенты университета собрали тысячу рублей серебром и просят о принятии этих денег «в пользу раненых нижних чинов нашей армии»⁵⁹. Попечитель просил ходатайствовать о Высочайшем соизволении «на употребление означенных денег согласно желанию жертвователей». На следующий день был получен ответ Николая I с изъявлением Высочайшей благодарности студентам и повелением собранные деньги «обратить в инвалидный капитал»⁶⁰. 2 апреля 1854 г. «профессоры и адъюнкты Петербургского университета» передали еще 930 руб. серебром «по случаю настоящих военных обстоятельств»⁶¹. Весной-летом 1854 г. в сбор пожертвований включились учащиеся и чиновники всех петербургских гимназий, губернских гимназий и уездных училищ столичного округа.

Чиновники и преподаватели Главного Педагогического института также составили подписку о пожертвованиях на 1855 г. Среди жертвовавших 10-ю часть жалования были директор Института И. И. Давыдов, профессор Рупрехт, советник Правления Данилевский, другие профессора и адъюнкты жертвовали 20-ю часть жалования «до окончания войны», третьи делали единовременный взнос от 10 до 50 рублей. Всего было собрано 328 руб. единовременных пожертвований, внесено 343 руб. 9 коп. ежегодных отчислений «до окончания войны» и 212 руб. 54 коп. в течение одного года.

После оставления Севастополя изменяется адресация пожертвований, они направляются «для покрытия расходов, с призывом ополчения сопряженных», «в пользу морских чинов и их семейств, потерявших дома и имущество в Севастополе», семействам убитых героев обороны⁶². В 1855 г. деньги уже прямо доставлялись главнокомандующему Южной армией и морскими силами в Крыму⁶³.

⁵⁹ РГИА. Ф. 733. Оп. 26. Д. 188. Л. 1–1 об.

⁶⁰ Там же. Л. 5–5 об.

⁶¹ Там же. Л. 9.

⁶² Там же. Л. 114, 120–129, 130.

⁶³ Там же. Л. 106.

Кроме денежных сборов студенты и учащиеся активно занимались изготовлением перевязочного материала для раненых. В октябре 1854 г. в военное министерство от директора Ларинской гимназии был доставлен 1 пуд корпии, изготовленной «семействами служащих и учеников во время нахождения их в лазарете военно-учебных заведений»⁶⁴. В 1854 г. в Петербургском университете «из ветхого белья, оставшегося после казеннокоштных студентов и пансионеров» было изготовлено 1 пуд 21 фунтов корпии, в 1855 г. — 2 пуда (всего по округу — 13 пудов 21 3/4 фунта корпии, «770 шт. и 437 аршин бинтов, 400 бинтиков и 926 компрессов»)⁶⁵. Перевязочные материалы посылались директору канцелярии Военного министерства, а участвовавшим в их изготовлении была объявлена через попечителя Высочайшая благодарность⁶⁶.

Денежные сборы производились до конца войны. Так, студенты Петербургского университета в феврале 1856 г. просили перечислить сбор с одного из музыкальных концертов, которые, как доносил попечитель, «уже с давнего времени ежегодно в течение зимних месяцев по воскресным дням с разрешения начальства бывают» для доставления средств бедным студентам. Выручка с этого концерта (11-го по счету «музыкального утра») составила 500 руб. и была направлена «для употребления в пособие раненым при обороне Севастополя». Александр II поблагодарил студентов за это приношение и распорядился передать деньги в главное казначейство для причисления к инвалидному капиталу⁶⁷.

Впервые в истории войн помощь фронту приобретает постоянный характер и объединяет российское общество. Вклад в нее университетов и вообще учащихся в силу их корпоративной сплоченности оказался не только весом, но и разнообразен.

⁶⁴ Там же. Л. 71.

⁶⁵ Там же. Л. 97–97 об.

⁶⁶ Там же. Л. 74–75.

⁶⁷ Там же. Л. 133–133 об.

Е. А. РОСТОВЦЕВ

ИСПЫТАНИЕ ПАТРИОТИЗМОМ

ПРОФЕССОРСКАЯ КОЛЛЕГИЯ ПЕТРОГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Роль интеллектуальной элиты в кризисные эпохи часто является определяющей для судьбы общества. В этой связи поведенческая стратегия научной элиты европейских государств (в том числе России) в эпоху Первой мировой войны неслучайно составляет сегодня предмет интенсивных исследований¹. В настоящей статье речь пойдет об анализе поведения наиболее привилегированной профессорской коллегии — столичного Санкт-Петербургского (Петроградского) университета².

Особое положение в обществе и характер отношения к власти университетской профессуры во многом связан со статусом университетской «автономии» начала XX в. Общеизвестно, что проблема

¹ См., напр.: Война и общество в XX веке. М., 2008. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны; Наука, техника и общество России и Германии во время Первой мировой войны. СПб., 2007; Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer: Europäische Universitäten im Ersten Weltkrieg / Hrsg. von T. Maurer. Stuttgart, 2006; *Иванов А. Е.* Российское «ученое сословие» в годы «Второй Отечественной войны»: (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности) // Вопросы истории естествознания и техники (далее: ВИЕТ). 1999. № 2. С. 108–127; *Носков В. В.* «Война, в которую мы верим»: начало Первой Мировой войны в восприятии духовной элиты России // Россия и Первая мировая война: Материалы междунар. науч. colloквиума. СПб., 1999. С. 326–339; *Morrissey Susan K.* Heralds of Revolution: Russian Students and the Mythologies of Radicalism. N. Y., Oxford, 1998; и др.

² О некоторых аспектах этой темы см. также в др. наших работах: *Ростовцев Е. А.* Мобилизация интеллекта: оборона страны или наступление корпорации? (Преподавательское сообщество Петроградского университета в годы Первой мировой войны) // Хронотоп войны: пространство и время в культурных репрезентациях социального конфликта. М.; СПб., 2007. С. 191–194; *Он же.* Университетская корпорация столицы Российской империи в годы Первой мировой войны // Отечественная история / Под ред. А. Н. Кашеварова, С. Б. Ульяновой: Сб. ст. СПб., 2007. С. 72–117; *Он же.* The Capital University in a Time of War: Saint Petersburg/Petrograd 1914–1917 // Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer... S. 177–188.

автономии университетов выходила за рамки образовательной системы и была органично связана с движением либеральной оппозиции³. С юридической точки зрения автономия была очерчена рамками Университетского устава 1884 г.⁴ с последующими дополнениями (включая т. н. Временные Правила 1905 г.⁵) — профессорская коллегия обладала правом свободного выбора должностных лиц (приват-доцента, профессора, декана, проректора, ректора), но Министерство народного просвещения (МНП) было вправе не утвердить эти решения, заместив вакантные должности собственными кандидатами. С точки зрения закона именно за МНП оставалось последнее слово и во всех остальных значимых вопросах университетской жизни. Надо отметить, что подобные ограничения «автономии» для профессорской элиты приемлемы не были. Университетское образование мыслилось как сфера, находящаяся вне мелочной опеки и контроля государства. В рассуждениях русских профессоров об устройстве университетов есть ссылки на западноевропейский опыт организации университетов, на модель университетского образования, сформулированную В. Ф. Гумбольдтом⁶. Популярны были также идеи о предназначении «высшей школы» как творца «единой культуры» человечества⁷. Университет с подобной точки зрения являл собой особый культурный организм, обособленный от «обычного» мира, и центром

³ См., напр.: *Марков А. П.* Что значит быть студентом? М., 2005. С. 57–68; *Иванов А. Е.* Университетская политика самодержавия в конце XIX – нач. XX вв. // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 148–169; *Воробьева Ю. С.* Общественность и высшая школа в России в начале XX века. М., 1994. С. 10–49; *Яковлев В. П.* Политика русского самодержавия в университетском вопросе. Автореф. дисс. ... к. и. н. Л., 1971; *Wartenweiler D.* Civil society and academic debate in Russia, 1905–1914. Oxford, 1999; и др.

⁴ Устав Императорских Российских университетов 1884 г. // Сборник постановлений Министерства народного просвещения. СПб., 1893. Т. IX. Царствование императора Александра III. 1884 год. Стлб. 980–1048.

⁵ Временные правила об управлении университетами // Полное собрание законов Российской Империи. Собр. III. Т. XXV. Отделение I. С. 658–659.

⁶ Ср.: *Ляхович Е. С.* *Ревнушкин А. С.* Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск, 1998. С. 43–53; *Гаульсен Ф.* Германские университеты. СПб., 1904.

⁷ См., напр.: *Вернадский В. И.* Задачи высшего образования настоящего времени // Вестник воспитания. 1913. № 5. С. 1–17.

его был Университетский (профессорский) совет. Эти представления были столь сильны, что любые серьезные решения или действия власти, касавшиеся внутренней жизни университетов, воспринимались профессорской элитой как нечто экстраординарное и служили поводом для коллективных протестов. Таким образом, *фактическая* автономия университетов была шире *формальной*, и основную роль в жизни российских университетов на практике играло не МНП, а профессорская коллегия. Примером конфликта между профессорским Советом и властью может служить коллективная отставка профессоров московского университета в 1911 г. после отстранения (и увольнения) избранного ректора А. А. Мануйлова. После этого случая Министерство не решалось на столь радикальное вмешательство в «права» какого-либо Университетского совета. Однако даже более мелкие «нарушения» фактической автономии создавали серьезное напряжение между правительством и университетом, находившимися в положении затяжного противостояния⁸. Ситуация осложнялась тем, что после упомянутого конфликта профессорской коллегии Московского университета с властью столичный университет оказался в непривычной для себя роли центра «университетской фронды». Большинство членов Профессорского совета не скрывали своих либеральных взглядов, а многие были открытыми членами кадетской партии (профессора М. И. Ростовцев, А. Ф. Браун, А. А. Шахматов, Н. И. Кареев, Ф. Ф. Зелинский и др.). «Консерватором» на этом фоне, например, считался историк С. Ф. Платонов, человек весьма умеренных политических взглядов. Как заметила в своем дневнике жена историка, выборы в университете «давно предопределены левыми, которых среди профессоров большинство (центр движения — Гревс и Ростовцев)»⁹. Действительно, ключевые позиции на всех должностях в университетской коллегии оставались за либералами. К университетской «левой» и к кадетам, разумеется, примыкал также избранный

⁸ Ростовцев Е. А. Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII – начала XX вв. М., 2009. С. 139–142, 151–152.

⁹ Платонова Н. Н. Дневник // Российская национальная библиотека (РНБ). Отдел рукописей. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 117.

ректор Э. Д. Grimm, однако, по наблюдениям современников, ему «был чужд интеллигентский идеализм этой партии, ее догматический либерализм и ее доктринерство»¹⁰. Можно предположить, что Grimm выступал в качестве компромиссной фигуры в отношениях между петроградской профессорской корпорацией и правительством.

Чрезвычайные условия военного времени поставили перед профессорской коллегией новый непростой вызов, который можно охарактеризовать как «испытание патриотизмом», что позволяет задаться рядом важных вопросов. Изменилась ли поведенческая стратегия профессорской элиты? В какой степени ей пришлось отказаться от борьбы за автономию? Удалось ли наладить диалог с властями? Насколько эффективной была помощь университета фронту?

На первый взгляд профессорская коллегия изначально заняла вполне единодушную патриотическую позицию, которая нашла свое выражение в заявлении ректора Э. Д. Grimma на экстренном заседании Совета университета. Его речь была выдержана в подобающих случаю патетических тонах:

«Одна за другой две соседние державы, всегда хвалившиеся своей преданностью культуре, навязали нам войну», бросив «вызов современной цивилизации», «Россия приняла этот вызов, сильная величием единением Царя и народа. Нет в нашем отечестве ни одной народности, нет ни одного общественного слоя, который не был бы готов положить все свои силы и средства, все напряжение ума и воли на защиту родины», это «решительный час для русской и всей европейской жизни. Да развеется ненавистный кошмар, нависавший с каждым годом все тяжелее над всей Европой, над всем славянством, над Россией <...> Не имея в своем составе медицинского факультета и клиник, Петроградский Университет, к его глубокому прискорбию, не может сделать всего того, что делают его более счастливые собратья. Но вот уже много дней наш Университет с радостью предоставляет свои помещения под надобности военного времени. За истекшее время через него прошли, пользуясь его гостеприимством, несколько десятков тысяч запасных, в нем нашли приют воины, отправляющиеся на поле брани. И с радостью Университет и впредь уступит им свои помещения и все, в чем могут нуждаться офицеры и солдаты, готовящиеся стать на защиту родины»¹¹.

¹⁰ Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 163.

¹¹ Протокол заседания Совета Императорского С.-Петербургского университета. 29 июля 1914 года // Протоколы заседаний Совета Императорского Петроградского университета за 1914 г. Пг., 1916. № 70. С. 72–73.

Не менее патриотичен был и «единодушно» принятый адрес Совета Государю Императору, выдержанный в том же духе единения, где всячески подчеркивалось, что «все слои общества слились в одном патриотическом порыве, готовые на подвиги и жертвы для спасения нашей родины от грозящей ей опасности», что уже в настоящее время университет «служит своими помещениями русскому войску, он и впредь готов отдать все средства, находящиеся в его распоряжении, делу государственной обороны и помощи страждущим от навязанной нам войны»¹².

Профессора и преподаватели университета также активно подключились к пропагандистской кампании в печати, принимая деятельное участие в подготовке ряда патриотических сборников («Борьба народов», «Вопросы мировой войны», «Россия и ее союзники» и др.). Основными темами сборников были объяснения «варварской» природы немецкого империализма и прогрессивной сущности войны, которую вела Антанта. В 1914–1916 гг. в Совете Петроградского университета формируется целая программа сотрудничества с интеллектуальной элитой стран-союзниц, а в декабре 1916 г. почетным членом Совета избран английской посол сэра Дж. Бьюкенен¹³.

Таким образом, *публичная* позиция профессорской коллегии была однозначно патриотичной. Однако в какой степени профессорская элита солидаризировалась с государственно-патриотическим дискурсом в научной и образовательной практике, чем были готовы профессора поступиться ради победы и насколько далеко простиралась их лояльность власти в условиях военного времени?

Что касается многочисленных патриотических актов и заявлений профессорской коллегии, то они, несомненно, носили во многом ритуальный характер. Например, процитированный выше адрес 29 июля 1914 г. был принят явно по обязанности (по аналогии с другими государственными учреждениями) — в заседании и присутствовали в основном должностные лица и группа правых профессоров. В скором времени, принимая новое «патриотическое» заявление протеста против разрушения немецкими войсками в августе 1914 г. Лу-

¹² Там же. С. 74–75.

¹³ Подробнее см.: *Ростовцев Е. А.* Университетская корпорация... С. 82–83, 107–109.

венского университета в Бельгии и гибели его уникальной библиотеки, Профессорский совет буквально высмеял профессора А. С. Догеля, который в связи с Лувенскими событиями предложил профессорам не печатать своих работ на немецком языке, не выписывать немецких журналов, не покупать в Германии и Австро-Венгрии приборы и препараты для лабораторий¹⁴.

Для иллюстрации действительного отношения членов коллегии к «квасному патриотизму» характерна позиция, которую они заняли в ходе т. н. «войны профессоров», о которой достаточно много сказано в литературе¹⁵. С немецкой стороны это были выпущенные в октябре 1914 г. «Воззвание к культурному миру» («Воззвание 93-х») и «Обращение преподавателей высших школ Германского рейха» («Манифест Германских Университетов»)¹⁶. В этих декларациях подчеркивалась роль Германии как носительницы культуры, а ответственность за развязывание войны и за ее последствия возлагались на оппонентов Германии в войне. В ответ последовал ряд «профессорских манифестов» стран Антанты, а также Швейцарии и нейтральных в тот момент США. Особенно многочисленными «ответы» на «Воззвание к культурному миру» были в России. По-видимому, потому, что к ней собственно не обращались, а в тексте «Воззвания 93-х» содержался, в частности, обидный для российских ученых пассаж, исключаящий Россию из числа цивилизованных наций. Собственные ответы на «оскорбительное воззвание» опубликовали Военно-морская академия, Казанский университет, Университет св. Владимира в Киеве и другие

¹⁴ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // Протоколы заседаний... С. 76–80.

¹⁵ *Дмитриев А. Н.* Мобилизация интеллекта: первая мировая война и международное научное сообщество // Интеллигенция в истории: Образованный человек в представлениях и социальной действительности. М., 2001. С. 196–235; *Маурер Т.* «Война умов» и общность европейцев: Размышление по поводу отклика русских ученых на воззвание их германских коллег // Наука, техника и общество России и Германии... С. 57–78; *Idem.* Der Krieg der Professoren: Russische Antworten auf den deutschen Aufruf "An die Kulturwelt" // *Jahrbuch für Wirtschafts Geschichte*. 2004. № 1. S. 221–247.

¹⁶ Русские издания см.: К культурному миру. Пг., 1914. С. 1–2; Манифест 93 ученых, Манифест Германских университетов // Две культуры: (К философии нынешней войны). Пг., 1916. С. 122–133.

высшие учебные заведения¹⁷. Приняли участие в войне манифестов и представители творческой интеллигенции¹⁸.

Показательно, что, в отличие от других профессорских коллегий, в столичном университете сформировать единогласный «ответ» даже в самой умеренной форме оказалось попросту невозможным. Поэтому, когда стало известно о начале сбора подписей в других учебных заведениях, ректор Э. Д. Гримм оказался в щекотливом положении, выход из которого был найден в форме составления проекта всероссийского профессорского и академического манифеста от имени «группы профессоров», подписи под которым собирались в ноябре-декабре 1914 г. Ответ русских ученых состоял, главным образом, из последовательного «опровержения» пунктов немецкого «Воззвания к культурному миру» и по своей форме не выходил за рамки либерально-патриотического дискурса. Но даже в этом виде его не подписали многие видные члены Профессорского совета, в том числе такие известные ученые, как А. И. Воейков, И. М. Гревс, А. А. Жижиленко, И. И. Лапшин, В. А. Стеклов, А. А. Шахматов, В. М. Шимкевич и др.¹⁹

Глубоко ошибочно утверждение и о том, что в порыве шовинистических страстей Совет университета исключил из своего состава почетных членов университета — подданных воюющих с Россией государств²⁰. В действительности университетская профессура первоначально даже отказалась обсуждать этот вопрос и лишь впоследствии под давлением властей исключила из рядов почетных членов Совета одного профессора Ф. фон Листа как подписавшего упомянутое воззвание немецких ученых²¹.

¹⁷ Ответ на воззвание к культурному миру представителей Германской науки и искусства: (От конференции Императорской Военно-морской Академии) // Речь. 29 янв. (11 февр.) 1915 г. С. 5; Ответ профессоров и преподавателей императорского университета Св. Владимира на «Обращение к цивилизованным нациям», опубликованное 93 германскими учеными и писателями по поводу настоящей войны. Киев, 1915; Ответ германским ученым // Ученые записки императорского казанского университета. 1915. Кн. 9. С. 1–2; и др.

¹⁸ Из наиболее известных прокламаций, принятых русскими деятелями культуры, отметим: От писателей, художников и артистов // Русские ведомости. 1914. № 223. 28 сентября. С. 6.

¹⁹ См.: Ответ германским ученым // День. 1914. № 347 (789). 21 дек. С. 3.

²⁰ Иванов А. Е. Российское «ученое сословие»... С. 113.

²¹ Подр. см.: Ростовцев Е. А. Университетская корпорация... С. 103–105.

Не видно «безоглядного патриотизма» и в других публичных актах военного времени, таких как избрание в члены Совета университета главнокомандующего великого князя Николая Николаевича в марте 1915 г., после взятие Перемышля русскими войсками²². Характерно, что университет продолжал посылать приветственные телеграммы Николаю Николаевичу и тогда, когда он был «сослан» командовать Кавказским фронтом и являлся одним из лидеров дворцовой оппозиции²³. Другой похожий ритуальный акт — избрание Бельгийского короля Альберта (конституционного монарха) почетным членом Совета²⁴. Разумеется, и единогласное избрание в декабре 1916 г. «по предложению Правления» почетным членом университета М. В. Родзянко, председателя крайне оппозиционной в тот момент по отношению к правительству Государственной Думы, свидетельствовало, прежде всего, о политических симпатиях университетской корпорации²⁵. Даже участие университета в учреждении института исторических съездов имени Николая II в 1915 г. было скорее средством решить корпоративные проблемы, нежели выражением верноподданнических чувств²⁶.

Можно предположить, что, как и большая часть духовной элиты России, петроградские профессора воспринимали «отечественную войну» как «войну надежды для России» — войну, которая объединит нацию и правительству и подвигнет его к реформам²⁷. О патриотической программе российских либералов (наиболее последовательно она была сформулирована представителями кадетов)

²² См.: Об избрании Его Императорского Высочества Великого Князя Николая Николаевича Почетным членом университета // Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб). Ф. 14. Оп. 1. Д. 11029.

²³ Дело Совета Императорского Петроградского университета о заседаниях Совета 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11137. Л. 70,71.

²⁴ См.: Об избрании Бельгийского короля Альберта I Почетным членом Университета // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11028.

²⁵ См.: Протокол заседания Совета Петроградского университета от 5 декабря 1916 г. // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 82 об.

²⁶ Подробнее см.: *Ростовцев Е. А.* Император Николай II — несостоявшийся доктор русской истории // Мавродинские чтения — 2008: Дискуссионные вопросы истории, историографии, источниковедения: сб. ст. (в печати).

²⁷ См.: *Носков В. В.* Указ. соч. С. 326–339.

написано довольно много. На первом этапе (до лета 1915 г.) она включала в себя идею т. н. «внутреннего мира», то есть примирения с правительством ради победы, совместного с властью противостояния революции, обоснование русского империализма как «освободительного» для славянских народов и Европы, но одновременно и идею о том, что война должна способствовать внутренним реформам, залогом чему должен быть союз с демократическими нациями²⁸. Как известно, русская либеральная общественность выступала в качестве одного из самых верных союзников Антанты²⁹. В этом смысле ее органической частью выглядели и петроградские профессора. Будучи в большом количестве членами кадетской партии, они поддерживали политику, направленную на преодоление англофобской кампании в печати и критику позиции Англии со стороны правой части Государственной Думы³⁰.

В отчетах университета подчеркивалась его деятельность, направленная на помощь фронту: открытие госпиталей в его стенах, отчисление профессорской коллегией 3 % жалования в пользу лазарета высших учебных заведений³¹. В стенах университета проводились многочисленные «кружковые сборы» в пользу солдат и беженцев³². Кроме участия университета в различных общественных структурах, созданных для организации помощи фронту (прежде всего в Комитете и Исполнительной комиссии петроградских высших учебных заведений), отдельные члены университетской корпорации принимали участие в общественных благотворительных установлениях, возникших в

²⁸ См. об этом, напр.: *Шелохаев В. В.* Теоретические представления российских либералов о войне и революции // *Первая мировая война: дискуссионные проблемы истории.* М., 1994. С. 127–140; *Он же.* Разработка кадетами национального вопроса в годы Первой мировой войны // *Первая мировая война: Пролог XX века.* М., 1998. С. 355–366.

²⁹ См., напр.: *Ковалева А. С.* О взаимоотношениях между русской либеральной буржуазной оппозицией и правительством в ходе Первой мировой войны // *Первая мировая война: История и психология.* СПб., 1999. С. 106.

³⁰ См.: *Игнатьев А. В.* Русско-английские отношения накануне Октябрьской революции. М., 1966. С. 42–52.

³¹ Отношение к настоящей войне // *Отчет о состоянии и деятельности Петроградского университета за 1914 г.* Пг., 1915. С. 91–93; *Новое Время.* 6 (19) авг. 1914 г. С. 5.

³² *Ростовцев Е. А.* Мобилизация интеллекта... С. 191–194.

условиях военного времени. Например, профессор М. И. Ростовцев входил в комитет «Петроград — беженцам», организовавший сборы в их пользу, в том числе и на территории университета³³. Ряд преподавателей Петроградского университета активно участвовали в деятельности Особого совещания по обороне, Военно-промышленного комитета, в частности, можно указать на приват-доцента М. А. Сиринова, который фактически руководил информационной политикой Комитета, будучи редактором его «Известий»³⁴. Сразу две организации возглавлял приват-доцент юридического факультета В. В. Степанов: Особый отдел Комитета Ее Императорского Высочества Великой княжны Татьяны Николаевны по регистрации беженцев и XII отдел Петроградского комитета Союза городов по оказанию помощи беженцам³⁵. Ряд профессоров (например, Н. Я. Марр) принимал участие в деятельности известной Комиссии по изучению естественных и производительных сил России (КЕПС)³⁶.

Однако более важным, чем участие в различных благотворительных мероприятиях и общественная работа отдельных деятелей университетского сообщества, представляется вопрос о степени участия университета как институции в решении задач национальной обороны. Так, власти обратились к университету (как и другим высшим учебным заведениям Империи) с призывом помочь в деле производства медикаментов. Впрочем, в отсутствие медицинского факультета возможности университета, по признанию ректора, были в этом отношении слишком малы, хотя физико-математический факультет и принял ограниченное участие в этой работе (в соответствии с министерским циркуляром в 1915 г. при факультете была создана химико-фармацевтическая группа)³⁷. Еще в сентябре 1914 г. один из

³³ Комитет «Петроград — беженцам» — ректору университета, 10 сент. 1915 г., № 57 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10980. Л. 78.

³⁴ Ср.: Иванов А. Е. Российское «ученое сословие»... С. 121.

³⁵ Учреждения и организации, оказывающие помощь беженцам в г. Петрограде: Справочная книжка. СПб., 1915. С. 13–14, 19.

³⁶ Кольцов А. В. Деятельность комиссии по изучению естественных производительных сил в России: 1914–1918 гг. // ВИЕТ. 1999. № 2. С. 128–139.

³⁷ Протокол заседания Совета Императорского Петроградского университета. 1 сентября 1914 года // Протоколы заседаний... С. 82; Представление декана факультета В. М. Шимкевича и переписка об учреждении химического отделения // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11056; Циркуляр министра народного

профессоров факультета (Х. Я. Гоби) возбудил вопрос об организации при факультете санитарно-бактериологических курсов³⁸, однако реальная возможность их открытия появилась только в 1917 г.³⁹

Из институциональных преобразований университета можно отметить проект создания новой кафедры по истории славян, возникший в ноябре 1914 г. на историко-филологическом факультете⁴⁰. Однако серьезного воздействия на практику преподавания и научной деятельности абсолютного большинства кафедр университета война не оказала. Изучение отчетов университета и факультетских «обзрений» преподавания показывают почти полное отсутствие каких-либо корректив в университетской программе, которые можно связать с войной. Исключением является эпизод, связанный с созданием «медицинской группы» физико-математического факультета, который тесно связан с проектом организации медицинского факультета. Изначально инициатором его создания еще в довоенное время выступали городские власти, стремившиеся решить проблему острой нехватки медицинских кадров в столице. Однако в течение нескольких лет университет, по существу, игнорировал предложения городского общественного управления, и, по-видимому, дело об образовании медицинского факультета при университете так бы и «заглохло», если бы не начало войны, которая снова со всей остротой поставила вопрос о подготовке врачей. В начале 1916 г. министр народного просвещения констатировал — необходимо срочно развертывать новые высшие медицинские учебные заведения⁴¹. В этой ситуации МНП предпринимает попытку повлиять на Петроградский университет и побудить его создать новый факультет. Поскольку

просвещения попечителям учебных округов. 25 августа 1915 г. № 38671 // Правительственный Вестник. 29 авг. (11 сент.) 1915 г. № 191. С. 2; Заключение физико-математического факультета по вопросу организации химико-фармацевтической группы // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11058. Л. 10–11об.

³⁸ Школа и война: В высшей школе // Школа и жизнь. 1914. № 38. 22 сент. С. 7. (Стб. 998).

³⁹ Переписка об организации врачебно-санитарных курсов // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 76.

⁴⁰ Новая кафедра // День. 1914. № 303 (745). 7 нояб. С. 4.

⁴¹ См.: *Зимин И. В.* Подготовка медицинских кадров в России (XIX – начало XX вв.). Автореф. дисс... д. и. н. СПб., 2004. С. 35.

дух проектируемого П. Н. Игнатьевым университетского устава⁴² не позволял прямо «навязать» университету новый факультет «сверху», министр выбирает иной путь, связанный с организацией в июне 1916 г. Пермского отделения Петроградского университета, который планируется впоследствии преобразовать в самостоятельный университет. При этом как в Перми, так и в Петрограде открывается сначала сроком на четыре семестра т. н. «медицинская группа» физико-математического факультета. Официально предполагалось, что ее выпускники по окончании курса должны быть переведены на медицинские факультеты в другие университеты. Однако, по-видимому, министерство подводило университет к необходимости организации полноценного факультета. В этом смысле в мае 1917 г. высказалась и Комиссия Временного правительства по реформе Высшей школы⁴³. После этого Совет университета согласился, наконец, на организацию факультета, но при условии его разделения на терапевтическую часть (в университете) и клиническую, организованную отдельно от университета, по-видимому, прекрасно отдавая себе отчет в том, что такая постановка вопроса лишит смысла весь проект. Причиной такой позиции было нежелание профессуры включать в свой состав представителей «чисто-практических, профессиональных знаний», что якобы может повредить «духу университета»⁴⁴. С особенной резкостью против создания медицинского факультета выступил академик В. А. Стеклов. Особенно интересно его утверждение (в споре с профессорами, более лояльными к этой идее) о том, что невозможно в качестве причины организации медицинского факультета рассматривать стремление университета уста-

⁴² См.: Об издании общего устава и штатов Императорских российских университетов. Пг., 1916.

⁴³ См.: Дело совета Императорского университета об организации медицинской и основной группы при Петроградском университете // ЦГИА СПб Ф. 14. Оп. 1. Д. 11220. Л. 1–64. Ср.: Журнал 28 заседания Комиссии по реформе высшей школы. 23 августа 1917 г. // Российский государственный исторический архив. Ф. 733. Оп. 226. Д. 277. Л. 52–58 об.

⁴⁴ См.: Представление физико-математического факультета об организации медицинского отделения на факультете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 2–2об., 5–6; Государственный архив Российской Федерации. Ф. 581. Оп. 1. Д. 14. Л. 13–14 об.

новить связи с максимально широкими общественными кругами и слоями общества или, как замечает автор записки, действовать «в угоду общественному мнению» и «подлаживаться под мнение общественных организаций»⁴⁵. Вся эта история вполне отражает понимание профессорской коллегией «автономии» университета как дающей ему моральное право не реагировать на «социальный заказ» ради служения высшим ценностям науки и культуры (то есть ценностям и интересам самой корпорации).

С самого начала войны представители столичной профессуры выступили с призывом к преодолению зависимости от Германии в ряде научных и технологических сфер (особенно велика была зависимость России от Германии в естественных дисциплинах, химии и медицине)⁴⁶. В апреле 1915 г. группа петроградских профессоров (в том числе университетских) обратилась в министерство с запиской, в которой указывалось, что теперь наступило время «освободить наших молодых ученых от необходимости печатать свои труды и изыскания в немецких журналах». С этой целью авторы записки желали основать в Петрограде четыре научных журнала: по зоологии, ботанике, гистологии и бактериологии; в апреле 1916 г. к ним прибавился и план организации журнала по физиологии⁴⁷. В министерстве к этим проектам отнеслись сочувственно, однако в большинстве своем они так и остались проектами. Впрочем, поскольку по ним запрашивалось государственное финансирование, они явно отражали не только «патриотические чувства» профессоров, но и желание использовать в корпоративных целях общественно-политическую ситуацию. Так, например, министерство согласилось по ходатайству профессоров финансировать журнал «Зоологический вестник», «но с тем, чтобы и университет пошел навстречу данному начинанию назначением соответствующего пособия из своих специальных средств». После того, как в Министерство была представлена смета, оно вновь подняло во-

⁴⁵ Мнение акад. В. Стеклова о нежелательности учреждения медицинского факультета при Петроградском Университете // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 27. Д. 74. Л. 7–8 об.

⁴⁶ См., напр.: *Novgorotsev P. J. Universities and Higher Technical Schools // Russian Schools and Universities in the World War*. New Haven, 1929. P. 174–175.

⁴⁷ См.: *Высшая школа // Школа и жизнь*. 1915. № 17. 27 апр. С. 6. (Стлб. 424); № 15. 13 апр. С. 8 (Стлб. 375).

прос о софинансировании журнала⁴⁸ и получило ответ, что об этом не может быть и речи «в виду чрезвычайного увеличения цен на ремонтные работы, топливо и проч. — смета специальных средств в текущем году и возможно — в будущем по своему вероятно будет заключена с дефицитом»⁴⁹. В результате журнал издавался только на министерские деньги, но в ограниченном объеме⁵⁰.

Таким образом, говорить о том, что университетская наука в сколько-нибудь значительной степени была поставлена на службу фронту, представляется затруднительным; анализируя подход университетской корпорации к событиям военного времени, можно констатировать, что при всем «патриотизме» профессоров «война» воспринималась, прежде всего, как инструмент реализации определенных политических и корпоративных ценностей, важных для профессуры. Следует учитывать, что претензии на патриотизм у петербургской профессуры сочетались с ярко выраженной оппозиционностью. Ее близость к кадетской партии обусловило и то, что большинство петербургских профессоров поддержали требования т. н. «прогрессивного блока» в Государственной Думе, то есть стояли за введение т. н. «министерства народного доверия» — правительства, формируемого Думой, полагая, что власть неспособна эффективно вести войну и управлять страной⁵¹. В этом смысле петербургские профессора являлись органичной частью оппозиционного общества в 1915–1917 гг. Характерно, что присутствие полиции

⁴⁸ Департамент Народного Просвещения, Разряд учен. учреждений и высших учебных заведений — Попечителю Петроградского учебного округа, 7 июля 1915 г., № 30230 // ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11075. Л. 3.

⁴⁹ Ректор — Попечителю Петроградского учебного округа, 21 июля 1915 г., № 2538 // Там же. Л. 7–7 об.

⁵⁰ Зоологический Вестник. Пг., 1916–1918. Т. I–III.

⁵¹ Обширная литература последних лет, посвященная взаимоотношениям власти и общества в годы мировой войны, нашла отражение в чрезвычайно ценном аналитическом обзоре В. М. Шевырина «Власть и общественные организации в России (1914–1917)» (М., 2003): о теме конфликта между обществом и властью см. раздел «Самоубийственная конфронтация» (С. 93–129). Важно подчеркнуть, что сам лозунг «ответственного министерства» генетически и дискурсивно связан с патриотической программой русских либералов (см., напр.: *Гайда Ф. А.* Либеральная оппозиция на путях к власти. М., 2003. С. 75–101).

в стенах университета во время студенческих волнений вызывало открытое раздражение профессоров. По воспоминаниям современников, неприязнь эта открыто выплескивалась наружу, и профессора прямо на кафедре высмеивали полицейских, присутствующих в аудитории⁵². Профессора, отказавшиеся от идеи «внутреннего мира», не могли и не хотели «останавливать» студенческие возмущения. Впрочем, имея в виду участие университетской корпорации в оппозиционном движении, развернувшемся с лета 1915 г. следует учитывать, что как раз в этом году в положительном смысле меняются отношения между МНП и российским профессорским сообществом: министром народного просвещения вместо умершего Л. А. Кассо назначается граф П. Н. Игнатьев, который позиционировал себя как сторонник университетской автономии. Профессура столичного университета во главе с ректором Э. Д. Гриммом принимает активное участие в выработке проекта нового устава⁵³. Деятельное сотрудничество с министерством, по-видимому, отчасти снижает в этот период оппозиционность университетской корпорации.

После Февральской революции либеральной профессуре казалось, что ее цели достигнуты не только в политическом, но и в корпоративном смысле. Хотя общий устав университетов и не был принят, отдельные акты, изданные Временным Правительством, устанавливали ту систему искомой почти полной университетской автономии, за которую боролось ни одно поколение профессоров⁵⁴.

Однако после Октябрьской революции ситуация радикально меняется. В конце октября – начале ноября 1917 г. заседание директоров высших учебных заведений Петрограда приняло решение не вступать ни в какие контакты с советскими комиссарами и СНК не

⁵² *Рождественский В. А.* Первые опыты // Ленинградский университет в воспоминаниях современников: в 3-х тт. / Под ред. В. В. Мавродина. Л., 1982. Т. II: Петербургский — Петроградский университет. 1895–1917. С. 158–159.

⁵³ См.: *Дмитриев А. Н.* Первая мировая война: университетские реформы и интернациональная трансформация российского академического сообщества // Наука, техника и общество России и Германии ... С.236–255; *Idem.* State, Universities, and Higher Education in Russia during the First World War // *Kollegen — Kommilitonen — Kämpfer...* S. 149–152.

⁵⁴ См. раздел «Распоряжения Временного правительства» в «Журнале министерства народного просвещения» за 1917 г. (№. 6 . С. 49–50; №. 7–8. С. 69–75; №. 9. С. 23–27; №. 10. С. 70–76).

признавать, что, однако, не помешало новой власти начать устанавливать контроль над высшей школой. Декретом ЦИК 9 ноября 1917 г. было принято решение «об учреждении Государственной комиссии по просвещению», поставившей целью перестройку всей системы образования в России. Уже в феврале 1918 г. Государственная комиссия заявила о праве отдела высших учебных заведений Наркомпроса вымешиваться в дела высшей школы⁵⁵. 2 августа 1918 г. СНК без какого-либо согласования с университетами издает декрет «О правилах приема в высшее учебное заведение РСФСР»⁵⁶, а осенью Наркомпрос переходит в решительное наступление на «автономию университетов» — один за другим принимаются решения, последовательно ограничивающий прежние «права университетов» — декрет СНК об упразднении ученых званий и степеней (1 октября 1918 г.), принятое в ноябре того же года ВЦИК «Положение о единой трудовой школе», ряд других⁵⁷. В 1918–1922 гг. происходит коренная перестройка высшей школы, связанная с наплывом в студенческую среду люмпенизированной массы, отъездом, арестами и высылкой ряда профессоров, переформированием программ и структуры системы высших учебных заведений⁵⁸. В июле 1922 г. Совнарком принял новое «Положение о Высших учебных заведениях», лишая их даже призрака автономии. Таким образом, когда «николаевский режим», свержение которого так долго интеллектуально подготавливалось в университете, рухнул, начала рушиться и та «башня из слоновой кости», кото-

⁵⁵ Лебедева М. В. Народный комиссариат просвещения РСФСР в ноябре 1917 – феврале 1921 гг. (опыт управления): Автореф. дисс... к. и. н. М., 2004. С. 26.

⁵⁶ См.: Смирнова Т. М. История разработки и проведения в жизнь первого советского устава высшей школы // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и СССР. М., 1979. С. 6–38.

⁵⁷ Fitzpatrick Sh. The Commissariat of Enlightenment: Soviet Organization of Education and Arts under Lunocharsky, 1917–1921. Cambridge, 1970. P. 68–88.

⁵⁸ См.: Финкель С. Организованная профессура: университетская реформа в Советской России (1918–1922) // Власть и наука, ученые и власть: 1880-е – начало 1920-х годов. СПб., 2003. С. 173–184; Алексеев П. В. Революция и научная интеллигенция. М., 1987. С. 67–136. Кейрим-Маркус М. Б. Государственное руководство культурой: Строительство Наркомпроса: (Ноябрь 1917 — середина 1918 гг.). М., 1980. С. 38–78; McClland J. C. Bolsheviks, Professors and the Reform of Higher Education in Soviet Russia: 1917–1921. New Jersey, 1970; и др.

рую представлял собой столичный университет — в жизнь университетской элиты решительно вторгся «город», которого прежде она не замечала. В профессорских дневниковых записях 1917–1918 гг. нашел отражение мучительный процесс социальной и политической трансформации университетской жизни. Беспощадная и последовательная политика позволила новой власти совершить то, чего не могла, а в некотором смысле и не хотела делать прежняя власть — *сло-мать* университетскую корпорацию, советизировать ее, сделать составной частью государственной машины.

Итак, профессура столичного университета в полной мере прошла «испытание патриотизмом», оставаясь верна высшим ценностям «науки и культуры» и связанной с ними идеи «автономии» университетов («храмов науки»). В то же время последовательное отстаивание корпоративных ценностей в сочетании с проведением доктрины «либерального патриотизма» отнюдь не создавало условий для совместной работы с властями и обществом, «мобилизации интеллекта» и сил университетской корпорации на благо фронта, в борьбе за победу. В этих условиях патриотические акции профессорской коллегии зачастую носили ритуальный характер или служили средством борьбы за корпоративные и политические интересы. Таким образом, ситуация Первой Мировой войны показала фактическую неспособность и нежелание университета отвечать на социальный заказ даже в условиях жесточайшего государственного и общественного кризиса. Торжество идеи «автономии», наступившее после краха «старого порядка» было недолгим. Советская власть вполне учла опыт предшественников и, поставив цель превращения высших учебных заведений в инструмент своей политики, установила полный контроль над профессорскими коллегиями и университетской жизнью в целом.

ВОЙНА В ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОЕКЦИЯХ

А. Н. МАСЛОВ

“VIR STUDIO, SPECIE FOEMINA, CORDE LEO”

ОБРАЗ АМАЗОНКИ ПЕНТЕСИЛЕИ В ПОЭМЕ АЛЬБЕРТА СТАДЕНСКОГО «ТРОИЛ»

Традиционный для античной культуры образ *амазонки* — искусной воительницы, демонстрирующей независимость от мира «мужских ценностей», — неоднократно привлекал внимание и писателей эпохи Средневековья¹. Имея весьма немногочисленные аналоги в реальной жизни средневекового общества², фигура женщины,

¹ Наиболее известной работой, в которой отчасти затрагивается данная проблематика, остается книга: *Kleinbaum A. W. The War Against the Amazons*. N. Y., 1983. Среди сравнительно недавних и доступных автору исследований, посвященных образам амазонок в западной традиции, следует выделить, прежде всего, диссертацию Б. Р. Мэйджи (*Magee B. R. The Amazon Myth in Western Literature*. Baton Rouge: Louisiana State University, 1996), а также работы: *Taufel A. D. From Amazon Queen to Female Knight: The Development of the Woman Warrior in the «Amadis Cycle»*. Los Angeles, 1988; *Clermont-Ferrand M. A. Containing the Amazon: Archetypal Relocations of Joan of Arc*. Amherst, 1999; *Weinbaum B. Islands of Women and Amazons: Representations and Realities*. Austin, 1999; *Hennequin M. W. Battle-brave Beyond Women-kin: Women Warriors in Medieval English Literature*. (PhD Diss.). University of Connecticut, 2006.

² Для большинства современных читателей их перечень ограничится персоной Жанны д'Арк, специалисты способны несколько расширить круг примеров, обратившись, напр., к истории крестоносного движения, — см.: *Mazeika R. «Nowhere was the Fragility of Their Sex Apparent»: Women Warriors in the Baltic Crusade Chronicles // From Clermont to Jerusalem: The Crusades and Crusader Societies / Ed. by A. V. Murray. Turnhout, 1998. P. 229–248; Maier Ch. T. The Roles of Women in the Crusade Movement // Journal of Medieval History. 2004. Vol. 30. P. 61–82; Caspi-Reisfeld K. Women Warriors during the Crusades, 1095–1254 // Gendering the Crusades / Ed. by S. B. Edgington and S. Lambert. Cardiff, 2001. P. 94–107. См. также: *McLaughlin M. The Woman Warrior: Gender, Warfare and Society in Medieval Europe // Women's Studies. 1990. Vol. 17. P. 193–209;**

«на равных» вступающей в вооруженное противостояние с воинами-мужчинами, тем не менее, довольно часто возникает на книжных страницах того времени. Воплощенные в многочисленных адаптациях легендарного материала Античности (будь то цикл преданий о Троянской войне, странствиях Энея или подвигах Александра Великого), в переложениях исторических трудов древности или в памятниках мифографии, образы амазонок к XIV столетию прочно закрепляются в «корпусе» расхожих представлений о прошлом, помещаются в основу соответствующей литературной топики, «тиражируются» в рамках иконографической традиции. Разумеется, при этом они утрачивают ряд сугубо «античных» черт, перетолковываются в связи с христианским видением истории, сближаются по своему значению с описаниями иных героинь древности. Можно предположить, что воображаемое сообщество амазонок, изначально олицетворявшее некий «неразумный» ход событий (противопоставленный «естественному» порядку вещей в «нормальном», управляемом мужчинами, социуме), на протяжении Средневековья обретает свое место в едином плане развития мира и отчасти лишается «дикого», «нецивилизованного» и «незаконного» статуса. Наиболее ярким примером такой адаптации древнего мифа кажется сегодня причисление воинственной амазонки Пентесилеи (Пенфесилеи) к разряду «девяяти героинь», почитание которых в позднесредневековой Европе дополняло известнейший культ «девяяти бесстрашных» (“les neuf preux”)³.

Эти общие контуры метаморфозы, приключившейся в средние века с видением «женского царства», не должны, однако, отвлекать нас от анализа нюансов, которыми характеризуются конкретные средневековые тексты, содержащие подчас весьма различные (и с точки зрения детализации, и в плане привлечения аутентичных сведений древних авторов) рассказы об амазонках. Один из таких рассказов, представленный в латинской поэме Альберта Стаденского «Троил», заслуживает, на наш взгляд, самого пристального внима-

Solterer H. Figures of Female Militancy in Medieval France // Signs. 1991. Vol. 16. No. 3. P. 522–549.

Краткий обзор библиографии по истории участия женщин в военных конфликтах Средневековья, выполненный В. Идс, доступен в сети Интернет: <http://libraryautomation.com/valerieeads/medievalwomeninwar.html> [май 2009 г.].

³ См., напр.: Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1995. С. 77–78.

ния в связи с вопросом о способах осмысления средневековыми авторами «женской воинственности» и более общей проблемой освоения чужих «картин мира».

Поэтическое сочинение Альберта, написанное в середине XIII в. (1249 г.)⁴, продолжало традицию пересказов знаменитой «Истории о разрушении Трои» (V–VI вв. н. э.), автором которой считался «один из участников» Троянской войны — т. н. «Дарет Фригийский»⁵. Не укладываясь в современные нам представления о разграничении историографического и литературного жанра, многочисленные средневековые рассказы о гибели Трои⁶ (сочетавшие относительно точную

⁴ См.: Troilus Alberti Stadensis / Ed. a Th. Merzdorf. Leipzig, 1875 (далее — Troilus; ссылки в основном тексте — в круглых скобках, без указания названия). К сожалению, нам недоступно новейшее издание «Троила», подготовленное Т. Гэртнером: *Albert von Stade. Troilus* / Hrsg. von Th. Gärtner. Hildesheim, 2007. Об Альберте Стаденском см.: *Merzdorf Th. Praefatio // Troilus*. P. V–XIX; *Maeck G. Die Weltchronik des Albert von Stade. Ein Zeitzeugnis des Mittelalters. Lehrte, 2001. S. 7–40.*

⁵ См. издание на русском языке: *Дарет Фригийский. История о разрушении Трои* / Подг. А. В. Захарова. СПб., 1997. Здесь же опубликован латинский текст «Истории» по изданию Ф. Майстера — *Daretis Phrigii De excidio Troiae historia* / Hrsg. von F. Meister. Leipzig, 1873.

⁶ См.: *Маслов А. Н. Легенды прошлого: Троянская война в средневековой западной традиции // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории* / Под ред. Л. П. Репиной. М., 2008. С. 410–446. Из многочисленных специальных трудов, посвященных средневековым текстам о падении Трои, укажем важнейшие: *Dunger H. Die Sage vom Trojanischen Kriege in den Bearbeitungen des Mittelalters und ihre antiken Quellen*. Halle, 1874; *Greif W. Die mittelalterlichen Bearbeitungen der Trojanersage*. Marburg, 1886; *Gorra E. Testi inediti di storia trojana, preceduti da uno studio sulla leggenda trojana in Italia*. Torino, 1887; *Morf H. Notes pour servir a l'histoire de la légende de Troie en Italie et en Espagne // Romania*. 1892. Vol. 21. P. 18–38; *Idem. Notes pour servir a l'histoire de la légende de Troie en Italie // Romania*. 1895. Vol. 24. P. 174–196; *Rey A., Solalinde A. G. Ensayo de una bibliografía de las leyendas troyanas en la literatura Española*. Bloomington, 1942; *Schneider K. Der “Trojanische Krieg” im späten Mittelalter: deutsche Trojaromane des 15. Jahrhunderts*. B., 1968; *Carlesso G. La fortuna della “Historia destructionis Troiae” di Guido delle Colonne e un volgarizzamento finora ignoto // Giornale Storico della Letteratura Italiana*. 1980. Vol. 157. Fasc. 498. P. 230–251; *Benson C. D. The History of Troy in Middle English Literature*. Woodbridge, 1980; *Jung M.-R. La légende de Troie en France au Moyen âge*. Basel; Tübingen, 1996. Среди работ на русском языке отметим небольшой очерк в книге: *Грaбарь-*

передачу событийной канвы, предложенной воображаемыми «очевидцами»⁷, с весьма вольными отступлениями, а подчас и введением новых сюжетных линий), в целом могут условно трактоваться сегодня не как «истории» или «романы», но как «легенды», т. е. повествования, обладающие наряду с широко известным и достаточно стабильным «сюжетным ядром» (отчасти верифицируемым в рамках собственно историографии) еще и всевозможными «домыслами», количество которых сильно варьируется в зависимости от выбранной рассказчиком нарративной техники, но которые, однако, не приобретают в сознании читателя (слушателя) самостоятельной ценности. Сам характер большинства подобных текстов превращает их в интереснейшее поле для исторического исследования.

Содержавшийся в «Истории» ‘Дарета Фригийского’ краткий рассказ о войске амазонок, пришедших на помощь троянцам на заключительном этапе войны⁸, довольно часто становился объектом

Пассек М. Е. Античные сюжеты и формы в западноевропейской литературе. М., 1966. С. 198–212.

⁷ Другим «очевидцем» Троянской войны, оставившим «правдивый» рассказ о ней, в средние века наряду с ‘Даретом Фригийским’ считали т. н. ‘Диктиса Критского’ — см.: *Dictys Cretensis. Ephemeridos belli Troiani* / Hrsg. von W. Eisenhut. Leipzig, 1973. Выполненный В. Н. Ярхо перевод «Дневника» ‘Диктиса Критского’ опубликован в журнале «Вестник древней истории» за 2002 (№№ 1–4) и 2003 (№ 4) годы.

⁸ *Дарет Фригийский*. История о разрушении Трои. Гл. XXXVI. С. 180–181 (пер. А. В. Захаровой): «Приам не трогается с места, укрепляет город и не принимает никаких действий, пока не подойдет Пентесилея с амазонками. Затем подходит Пентесилея и выводит войско против Агамемнона. Происходит ужасное сражение, бьются в течение нескольких дней. Аргивяне бегут в лагерь под натиском врага. Диомед едва может помешать амазонкам поджечь корабли и уничтожить все войско аргивян. Когда сражение прекратилось, Агамемнон остается в лагере; Пентесилея же каждый день выводит войско, грозит аргивянам и вызывает на бой. Агамемнон по решению совета укрепляет и охраняет лагерь и не выходит на бой, ожидая возвращения Менелая. Менелай прибывает на Скирос, передает Неоптолеу оружие его отца Ахилла, тот принимает его, прибывает в лагерь аргивян и горько рыдает на кургане отца. Пентесилея, как обычно, выстраивает войско и подходит к лагерю аргивян; Неоптолем во главе мирмидонян выходит против нее; Агамемнон выстраивает войско. Войска одновременно бросаются друг на друга. Неоптолем устраивает кровопролитие; подоспевшая Пентесилея мужественно сражается; оба в течение нескольких дней отважно бьются и многих убивают. Пентесилея ранит Неоптолема. Разъя-

амплификации и «ученых комментариев» для средневековых писателей. Уже Бенуа де Сен-Мор, составивший примерно в 60-е гг. XII в. на основе сочинений «Дарета Фригийского» и «Диктиса Критского» пространную старофранцузскую поэму «Роман о Трое», рассказывал в ней о существовании на Востоке королевства амазонок и их подвигах во время Троянской войны⁹. Именно книге Бенуа де Сен-Мора средневековая аудитория была обязана сведениями о «заочной» любви царицы Пентесилеи к троянцу Гектору¹⁰, убийство которого Ахиллом якобы стало главной причиной ее неистовства на полях сражений с греками.

Многочисленные последователи версии Бенуа в дальнейшем неоднократно воспроизводили его подробный рассказ о предводительнице амазонок, одержимой желанием отомстить за смерть доблестного троянского царевича. Так, знаменитый Гвидо де Колумна, переложивший во второй половине XIII в. поэтический «Роман» латинской прозой¹¹, включил в свой парафраз и большую часть сведений, касавшихся Пентесилеи. Поскольку сочинение самого Гвидо распространялось в многочисленных списках и неоднократно пересказывалось на различных европейских языках¹², трагическая история древней воительницы стала неотъемлемой частью общих представлений читателей XIV–XV вв. о войне греков с троянцами.

Ни в одном из известных нам средневековых рассказов о Троянской войне, однако, амазонкам и их правительнице не уделяется столь много места, как в поэме Альберта Стаденского. Повествованию о Пентесилее, о прибытии ее войска в Трою, о его подвигах и противостоянии царицы амазонок с Пирром (Неоптолемом), сыном Ахилла, немецкий поэт в целом посвящает более 850 стихотворных

ренный болью, он убивает предводительницу амазонок Пентесилею. После этого все войско троянцев обращается в бегство...». Возможно, стоит напомнить, что в классической версии мифа Пентесилея погибает от рук Ахилла.

⁹ *Benoît de Sainte-Maure*. *Le Roman de Troie*. 6 vols // Publ. par L. Constans. P., 1904–1912 (далее — *Le Roman de Troie*). Vol. IV (P., 1908). Vv. 23302–24396 (P. 12–70).

¹⁰ *Ibid.* Vv. 23383–23416.

¹¹ *Guido de Columnis*. *Historia destructionis Troiae* / Ed. by N. E. Griffin. Cambridge (Mass.), 1936 (далее — *Historia*).

¹² См.: Маслов А. Н. Указ. соч. С. 435–437.

строк¹³. Учитывая относительно небольшой объем сочинения Альберта (в общей сложности около 5300 строк), можно с уверенностью утверждать, что писатель отводит истории Пентесилеи совершенно особую роль, превращая ее в центральный персонаж своей истории. При этом в его поэме весьма причудливо сочетаются различные стратегии репрезентации воинственной героини.

Рассматриваемый фрагмент довольно отчетливо делится на четыре неравных по объему эпизода: пространный «словесный портрет» Пентесилеи (IV. 631–806), рассказ о царстве амазонок (IV. 807–884), описание внутреннего убранства покоев, предоставленных Пентесилее в Трое (V. 1–184), наконец, повествование об участии амазонок в войне и гибели их правительницы от рук Пирра (V. 185–610). Не вдаваясь в подробный пересказ, попытаемся определить в их составе те содержательные и формальные элементы, которые конституируют в сознании писателя (а также его потенциальной аудитории) образ женщины-воительницы и значение вооруженного противостояния между ней и воинами-мужчинами.

Важнейшей составляющей рассказа Альберта Стаденского о Пентесилее является наделение ее достоинствами «настоящего рыцаря». Едва начав свое описание внешнего облика и «морально-волевых» качеств легендарной амазонки, средневековый поэт пытается закрепить за ней рыцарский статус, который не просто констатируется им (“*haec... miles erat optima*”, “*inclita miles erat*” — IV. 635, 647), но и обосновывается при помощи ряда характерных повествовательных деталей. К их числу следует отнести как указание на отменные навыки обращения с лошадьми (“*nec sine laude rexit cornipidem*”, “*in campo currentis equi fuit illa magistra*”, “*pulchre calcat equum, propulsat pulchrius illum*” — IV. 635–636, 639, 641) либо умелое владение оружием (“*hasta nobiliter occurrere noverat hastae*” — IV. 637), так и упоминание «знаковых» золотых шпор (“*aurea... calcat calcaria*” — IV. 645) или утверждение — совсем в духе современной Альберту рыцарской мифологии — о «квиритском» достоинстве прибывших с Пентесилеей амазонок (“*erat alaque tota Quiritum*” — IV. 647). Довольно показателен здесь и вводимый поэтом мотив воинской славы (“*militiae calcar in plata, calcar honoris in fama, bene fert*

¹³ Troilus. IV. 631–V. 610 (P. 123–151).

illud et istud ea” — IV. 643–644), традиционно ассоциируемой с комплексом рыцарских ценностей.

Весьма интересным кажется подход Альберта Стаденского к описанию внешнего облика Пентесилеи. Царица амазонок предстает в его поэме красавицей, щедро одаренной природой (“praeterea formosa fuit; naturaque multis... muneribus nobilitarat eam” — IV. 650) и не имеющей себе равных (“nescio quis specie nobiliore cluat” — IV. 740). Такой взгляд, в принципе, не был оригинальным: о красоте Пентесилеи заявлял еще Бенуа де Сен-Мор¹⁴, который, правда, не пожелал подкрепить данное суждение сколь-либо развернутым словесным портретом знаменитой воительницы и ограничился лишь кратким описанием ее великолепных доспехов¹⁵. В отличие от автора «Романа о Трое», Альберт Стаденский уделяет внимание не только роскошному одеянию амазонки (IV. 743–798), но и собственно «телесной» составляющей ее облика. Именно эта заинтересованность писателя в поэтической репрезентации воображаемого тела Пентесилеи не имеет аналогов в средневековой традиции троянских легенд.

В своем стремлении подробно описать внешность прославленной амазонки автор «Троила» выходит за рамки той лаконичной и относительно простой манеры, к которой он прибегал при парафразе т. н. «Каталога портретов», содержавшегося в «Истории» ‘Дарета Фригийского’ и знакомившего читателей с «подлинным» обликом героев и героинь его «правдивого» повествования¹⁶. Создавая «портрет» Пентесилеи, Альберт не просто последовательно описывает

¹⁴ См.: Le Roman de Troie. V. 23361 (Т. IV. P. 14) : “proz e hardie e bele e sage...”.

¹⁵ Ibid. Vv. 23429 ss.

¹⁶ См., напр., у Дарета: «*Кассандра* небольшого роста, с изящным ртом, рыжая со сверкающими глазами, знающая будущее. *Поликсена* с белой кожей, высокого роста, красивая, с длинной шеей, прелестными глазами, длинными светлыми волосами, хорошо сложенная, с удлиненными пальцами, прямыми голеньями, превосходными ступнями, своей красотой превосходящая всех, прямодушная, богатая, щедрая» (*Дарет Фригийский*. История о разрушении Трои. Гл. XXXVI. С. 180–181). Ср. с описаниями тех же героинь Альбертом: “Facturae mediocris erat *Cassandra*, rotundo / Ore, miscans oculis, rufa, benigna scia; / Praescia quam fuerat venturi non iterabo, / Quod semel audistis, est recitasse satis. / Candida, formosa formaque *Polixena* longa, / Hos rectos oculos rectaque crura proba. / Simplex, larga, decens, flavos quoque capillos / Et teretes digitos exiguumque pedem” (Troilus. II. 49–56).

различные части ее тела, но еще и восторженно указывает на такие черты, как приятный голос (“*voce vocat laudem, quia vox imitatur olorem*” — IV. 685), чистота ногтей (“*nec minuit laudes quod sunt sine sordibus ungues*” — IV. 699) и даже (sic!) свежесть дыхания (“*est et aromaticus non rusticus halitus oris*” — IV. 669). В целом же, перед нами — весьма насыщенный тропами и поэтическими аллюзиями образ, основанный на понимании телесной красоты в качестве средоточия природной гармонии и порядка¹⁷. Производными такого взгляда становятся в тексте поэмы и прямая констатация «правильности» (упорядоченности) сегментов телесного пространства (“*nec stat nec transit plus recto regula nasi*” — IV. 661, “*statura similes dentes compaginat ordo*” — IV. 677 etc.), и метафоры, сближающие — подчас, правда, довольно нелепо, — образ прекрасного тела с производением ремесла / искусства: «Циркуль природы главе ее дал совершенной окружности форму...», «Словно паросского мрамора шеи колонна...», «На спину взгляд обратим, — поднялась как сосновая мачта, / Тела примкнувшие члены крепко держа»¹⁸ и др. Следует отметить, что сходными приемами позднее воспользуется для своего пространного описания внешности Елены Прекрасной автор «Истории разрушения Трои» Гвидо де Колумна¹⁹. Альберт Стаденский предпочел велеречивому портрету легендарной красавицы восхваление царицы амазонок, в лице которой он посчитал необходимым приметить слияние «цветущей красоты» (“*forma florida*”) и «славной рыцарственности» (“*inclita militia*”)²⁰.

¹⁷ О типичности такого понимания красоты для средневековых авторов см.: Эко У. Искусство и красота в средневековой эстетике. СПб., 2003.

¹⁸ Ср. Troilus. IV. 651, 681, 713–714: “*Orbem dat capiti naturae circinus orbem*”, “*Et colli Pario quasi marmore secta columna*”, “*Ad tergum vertamus iter, quasi pinea malus / Stat, bene membra sibi continuata tenens*”. Показательным в данной связи оказывается и объяснение Альберта по поводу «отсутствия» у Пентесилеи правой груди — см. Ibid. IV. 707–708: “*Quum dederit natura duas, ars demserat unam, / Iret ut ad gladium libera dextra manum*”. Поскольку выше (705–706), поэт говорит “*Virgineas stare videas utrinque papillas / Et veluti gemmas irrutilare duas*”, ясно, что речь идет не о выжигании груди, обычном для амазонок (ср. Ibid. 843–844: “*Cremento careat ut dextra mamilla, crematur, / At caret, ut bellis prompta sit illa manus*”), но именно об «искусстве» ее уменьшения.

¹⁹ Historia. P. 71–73.

²⁰ Troilus. IV. 803–804: “*Militiam forma sic ornat florida, formam / Inclita militia, compoliuntur ita*”.

Не менее значимой (с точки зрения способов адаптации «древних преданий» средневековым писателем) представляется и весьма специфичная, — в контексте легендарной традиции, — локализация царства амазонок в пространстве и времени, которая становится возможной благодаря заимствованию сведений знаменитой «Истории против язычников» Павла Орозия²¹. Пересказанные Альбертом Стаденским в заключительных строках IV книги, они придают поэтическому повествованию о Пентесилее ту включенность в воображаемую цепь «всемирной истории», которой, как правило, были лишены другие средневековые тексты, посвященные Троянской войне. Несмотря на то, что многие из них вслед за «Романом о Трое» рассказывали о лежащей на далеком Востоке стране «Амазонии», ее пространственно-временные «координаты» оказывались растворенными в неопределенном «где-то» / «когда-то» ориенталистского мифа. Указание же автором «Троицы» на «скифские» корни амазонок (IV. 813), на основании ими Эфеса (IV. 863), равно как утверждение — вслед за Орозием — отправной точки их истории (“ante quadringentos et quadraginta bis annos, quum... condita Roma fuit” — IV. 811–812) и перечисление имен предшественниц Пентесилеи (IV. 851–883), по всей видимости, позволяло средневековой аудитории более четко увязать рассказ о ней с ключевыми событиями прошлого, определить (пусть и примерно) ее место в сложившемся — благодаря христианской историографии — едином «порядке времен».

В несколько ином ключе может быть истолкован подробный перечень изображений на коврах, которые украшают залы дворца, предоставленного Пентесилее в Трое. По замыслу поэта, внимательный взор амазонки (“pascitur intuitu virgo tuendo diu” — V. 64) призваны усладить вышитые сцены из библейской истории (V. 21–56), фигуры правителей Трои (V. 57–63), образы философских аллегорий (V. 65–96), семи свободных искусств (V. 99–114), колеса фортуны (V. 115–118) и т. д. К их пространному описанию в поэме Альберта примыкает еще и красноречивое изображение трапезы, в ходе которой Пентесилея выслушивает песнь кифариста, повествующую о семи планетах и управляемых ими зодиакальных созвездиях (V. 157–182). Общий смысл данного фрагмента в плане репрезента-

²¹ См.: Павел Орозий. История против язычников. Книги I–III / Пер. и подг. В. М. Тюленева. СПб., 2001. С. 192–194 (Кн. I, гл. 15).

ции образа Пентесилеи, по всей видимости, связан с идеей надделения амазонки тем интеллектуальным и культурным «багажом», средоточием которого в средние века считалась легендарная Троя.

Подобный прием становился возможным благодаря широко распространенному мнению о роли древних троянцев в воображаемом процессе *translatio imperii*. Соответствующий мотив прямо заявлен Альбертом Стаденским при перечислении рассматриваемых Пентесилеей изображений: “*Ponitur a latere Babilonia, prima corona / Totius imperii, Trojaque surgit ibi*” (V. 57–58). Поскольку миф о *translatio imperii* в сознании средневековой публики был прочно ассоциирован с соответствующими представлениями о *translatio studii et militiae*, Троя непременно мыслилась в качестве прародины рыцарства и разнообразных «искусств». Разумеется, различные авторы эпохи приносили в такое видение специфические акценты: для Бенуа де Сен-Мора, например, Троя была, прежде всего, местом изобретения всевозможных «куртуазных забав» и рыцарского церемониала²², Гвидо де Колумна, спустя столетие, писал о более изысканных развлечениях троянцев²³ (его подход впоследствии будет развит знаменитым английским поэтом XV в. Джоном Лидгейтом²⁴). В случае с поэмой Альберта Стаденского, очевидно, следует говорить о

²² См., напр.: *Le Roman de Troie*. Vv. 3173–3186: «Когда было завершено [строительство] Илиона / И богатого города Трои, / Они были довольны и сильно радовались. / [Троянцы] принесли богам обильные жертвы. / Они придумали [свой] игры, установили [их] правила / [И с тех пор] часто развлекались [ими]. / Не было [на свете] изобретения, / Каковым наслаждались бы люди, / Не [было такого] удовольствия, / Куртуазной забавы или развлечения, / Которого бы не придумали в Трое. / Знайте, что там были изобретены / Шахматы, триктрак, игра в наперстки / И множество других роскошных, / Интересных и приятных развлечений»; *Ibid.* Vv. 3111–3114: «С одной стороны там был устроен стол чести — / За ним должен был пировать король Приам. / Там также располагались [другие] столы, / За которыми бы пирило множество его вассалов».

²³ См.: *Historia*. P. 49. Гвидо упоминает те, что называется, «азартные» игры, которые были перечислены Бенуа де Сен-Мором, но далее пишет о совершенно других развлечениях: «Говорят, что там впервые были сыграны трагедии и комедии, хотя некоторые и утверждали, что комедия впервые была изобретена на Сицилии. Считается, что там же были изобретены цирковые представления (*ludi circenses*) и майские празднества (*maiuma*)...».

²⁴ См.: *Lydgate's Troy Book* / Ed. By H. Bergen. 4 vols. L., 1906–1935. Part. I. Book II. Lines 860–926 (P. 169–171).

сочетании означенных тенденций: в первой книге «Троила» он упоминает о расцвете при дворе царя Приама рыцарских игр (I. 135–142), описывая же прием Пентесилеи, превращает Трою в центр учености. Можно предположить, что, будучи включенным в сферу притяжения мифа *translatio studii*, образ царицы амазонок наделяется чертами объекта для «обучения» (“*pulchre pulchra tapeta docent*” — V. 98) и «эмоциональной манипуляции» (“*solvitur in risum, tamen insinuat sine risu seria [virgo]*” — V. 121–122) со стороны «мудрых» троянцев.

Центральный — в плане следования псевдоисторической традиции — конфликт между Пентесилеей и Пирром раскрывается Альбертом Стаденским не только при помощи авторских описаний, но и благодаря наличию в тексте поэмы речей, якобы произносимых участниками противостояния. Такое изменение «режима» повествования само по себе весьма примечательно, однако, прежде чем обратиться к анализу речей Пирра и Пентесилеи, стоит уделить внимание характерной манере репрезентации поэтом самого *военного столкновения* между греками и амазонками. Небезынтересно, в частности, что этот конфликт изначально трактуется Альбертом в телесном аспекте, — как посягательство «безбородого войска» Пентесилеи на внешний облик греческих воинов-мужчин. Амазонки, по словам поэта, направляются в бой, чтобы «срезать греческие бороды вместе с кожей», «рассечь мечами щеки» (V. 213–214), то есть, по большому счету, лишить противников их «мужского лица».

Важно также то, что, принимаясь за рассказ о боевых подвигах амазонок и их предводительницы, Альберт дважды употребляет по отношению к ним не использовавшееся ранее сочетание “*virgo virilis*” (“*salit in vastum virgo virilis equum*” — V. 198, “*obviat ergo viris, plus quam vir, virgo virilis*” — V. 221). В силу своей неоднозначности оно, вероятно, должно было в какой-то мере «остранять» последующее описание битв с участием амазонок, наделяемых (именно на этом этапе повествования) «синтетическим» гендерным статусом. Интересно, что во втором случае средневековый поэт даже пытается пояснить читателю значение формулы “*virgo virilis*” (“*vir studio, specie foemina, corde leo*” — V. 222), и при этом вообще выходит за рамки оппозиции «мужское / женское», привнося в исполняемую амазонками роль толику нечеловеческого, животного начала (“*corde leo*”).

Нестандартность вооруженного противостояния между греками и амазонками оформляется средневековым писателем еще и в процессе специфической словесной игры, по-видимому, призванной расшатать механизм надления рассматриваемых боевых действий «привычными» смыслами. В данной связи наиболее важную роль можно отвести следующему фрагменту поэмы (V. 417–432):

Nec tantum fuit in isto vir virque duello,
 Impetitur quia vir virgine, virgo viro.
 Passive, non lascive: non sicut amantes
 Se, sed ut amentes composuere truces.
 Ocrea ferrata micat hic, non oscula miscent,
 Non thorus sed thorax, non procus immo procah;
 Procubitus, non concubitus satiantur amore,
 Vir jugulare suam non violare studet.
 Ferrea ferratis constringunt colla lacertis,
 Clamor in amplexu, nullus habetur amor;
 Non isti capitum dant oscula sed capulorum,
 Basia dant dolabris jurgia dando labris;
 Non jungunt mentes, pingunt hic oscula dentes,
 Non reor haec vera sed magis esse fera.
 Rictus non risus hic unus, nullaque virtus;
 Hic sua jura calix non habet, immo chalybs²⁵.

Мы видим, что благодаря использованию нескольких пар созвучных слов или их сочетаний (*amantes — amentes, thorus — thorax, procus — procah, concubitus — procubitus, violare — jugulare, labris — dolabris etc.*), ассоциируемых с абсолютно различными телесными практиками (любовные ласки / убийство и насилие), поэт добивается

²⁵ «Не только муж в этой битве с мужем сошелся, / Ведь муж атакован де-вой, а дева — мужем. / Яростно, а не игриво, не подобно влюбленным, / Но словно безумные предались они бесчинствам. / Здесь не сливаются в поцелуе губы, а сверкают стальные поножи; / Не ложе вздымается, а броня; а вместо жениха [здесь] насильник; / Не совокуплением любовным они насыщаются, а погибелью; / Муж не познать свою [деву] стремится, но зарезать. / Шею, закрытую сталью, сжимают стальной перчаткой, / Крик [боли], а не любовь живет в объятиях; / Не лица целуют, а рукояти мечей, / Дарят лобзания секирам, устам оставляя проклятья; / [Движения] губ здесь не связывают души, но [только] обнажают зубы, / Полагаю, что все это отнюдь не справедливо, но в большей степени дико. / Здесь один лишь оскал, а не улыбка, и нет никакой доблести; / Здесь правит не кубок, но меч».

в описании битвы *inter viros et virgines* той смысловой напряженности, которая дополняет признание изображаемого конфликта «дикум» / ненормальным на уровне прямого оценочного суждения (“*non reor haec vera sed magis esse fera*”). Отметим, что к сходному «разнакомлению» со смыслом в рамках словесной игры поэт впоследствии обратится, «конструируя» речь Пентесилеи.

Наделение царицы амазонок «собственным голосом» имеет известные аналоги и в других средневековых сочинениях «троянского цикла». Так, Бенуа де Сен-Мор вводит в свой рассказ две небольших речи Пентесилеи, из которых одна обращена к царю Приаму²⁶, а вторая, произносимая в разгар битвы с греками, — к Пирру²⁷. Эта вторая речь у Бенуа является ответом амазонки на призыв Пирра к греческим воинам, которые укоряются им за бегство под натиском женщин²⁸. Подобно французскому поэту, автор «Троицы» приводит в тексте и слова Пирра, обращенные к соратникам (V. 463–496), и небольшую речь Пентесилеи, адресованную греческому вождю (V. 535–555), однако они разделены у Альберта во времени и не яв-

²⁶ Le Roman de Troie. Vv. 23399–23416.

²⁷ Ibid. Vv. 24090–24118: «... Быть может, — говорит [ему] она, — / Ты думаешь, что мы такие же, / Как другие, обычные, женщины, / Которые слабы и ветрены: / Это — не наш удел. / Мы — девы: нас не интересует / Ни порочная жизнь, ни роскошь; / Королевство, которое нам принадлежит, / Мы защищаем так [храбро], что ему ничто не грозит: / Не опустошить его ни огнем, ни разрушениями. / Снискать с оружием [в руках] славу — / [Для этого] мы явились [сюда] на подмогу [троянцам] / Не останется без помощи тот, / На чьей стороне мои соратницы и я [сама]; / Ты же, как я полагаю и верю, / Еще до конца этого дня узнаешь, / Каковы мы в бою. / На тебе и на твоих людях / Стану с сегодняшнего дня вымещать свой гнев. / Вместо Ахилла, коему ты приходишься сыном / И который убил сыновей Приама / (В том числе, доблестного и отважного Гектора, / Столь достойного [рыцаря], / Что за все минувшие столетия, / Никто не сравнится с ним — / [С тем], о чьей смерти грустила я и печалилась), / Мое копьё грозит [отныне] смертью тебе: / Узнаешь ты, если я тебя настигну, / Правда [все] это или притворство с моей стороны». Ср.: Historia. P. 215: «Пентесилея же услышала грозные слова Пирра, однако не придавала им какого-либо значения. Когда Пентесилея приблизилась к Пирру на такое расстояние, что мог он ясно понимать ее речь, то сильно порицала учиненное его отцом предательство, “на отмщение которого не только женщины, способные сражаться, но весь мир должен был бы подняться, [равно] и мы, — [молвила она], — о ком говорят, как о женщинах; греки же быстро ощутят смертельные наши удары”».

²⁸ Le Roman de Troie. Vv. 24079–24087.

ляются частью единого диалога. Амазонка принимается говорить «по собственному почину», вне зависимости от провоцирующего посыла со стороны мужчины-противника. Показательно, что само обращение Пентесилеи к Пирру поэт начинает строить, оперируя метафорой охоты на диких зверей и как бы возвращая читателей к упомянутому выше мотиву «львиного сердца»: «В поле бы, Пирр, тебе зверя гонять! Полагаешь, удастся / Легким движеньем руки нас как мушку поймать. / Мальчик, не зайцев, но львов ты, напротив, в охоте настигнешь: / В женщине той или этой зришь зайца? Не лев ли она?»²⁹. Как видно из данного фрагмента, амазонка стремится унижить мужское самолюбие Пирра, называя его «мальчиком» и ограничивая его «охотничьи» способности ловлей зайцев или мух. Далее в своей речи Пентесилея предпринимает характерную попытку утвердиться в роли мужчины³⁰ (здесь основное отличие замысла Альберта от таких авторов, как Бенуа или Гвидо), используя весьма интересную игру слов (V. 539–546):

Foemina credideris. Occurret foemina Pyrrho?
 Non sed vir; mulier induit illa virum.
 Et vi virtutis erit illa vir et quasi vi vir,
 Vir quoque non vilis, immo virilis erit.
 Foemina sive vir es? hic si vir es, exere vires
 Haec erit in vi res; robore nonne vires?
 Non tu foemineas imbelles, immo rebelles
 Invenies et non absque vigore manus.

Вполне вероятно, что желание Пентесилеи выйти за рамки собственного пола, *induere virum*, четко соотносится в сознании автора еще и с языковой манипуляцией, суть которой сводится к запутыванию адресата ее речи (т. е. Пирра) в хитросплетениях созвучных

²⁹ Ср. Troilus. V. 535–538: “In campis agitare ferus te Pyrrhe! putasti, / Hic quasi musca levi sit capienda manu. / Non puer hic lepores venaberis, immo leones; / Est lepus illa vel haec foemina? nonne leo?”.

³⁰ «Будешь ты верить, что женщина [перед тобой]. Но женщина ли нападет на Пирра? / Не женщина [то будет], но муж; женщина эта взяла на себя [роль] мужчины. / Будет она мужем и по доблести своей, и по силе, / — И отнюдь не ничтожным мужем, но, напротив, доблестным. / Женщина [сам] ты или мужчина? / Если — мужчина, яви свою мощь, / В ней и будет [все] дело. Разве не пынешь силой? / Не безмятежных, но воинственных женщин ты здесь обнаружишь / И не бессильные [увидишь] руки».

(однокоренных) термину “vir” слов. Это «языковое превосходство» амазонки сочетается в понимании поэта с продолжающимся принижением «мужского статуса» греческого вождя (“foemina sive vir es? hic si vir es...”), которое далее дополняется и позиционированием его в качестве обучаемого ратному делу (“si me respicies, fortes invadere fortis forsitan exempliis instruerere meis” — V. 549–550, “in me converte, ... et quid sint fera bella scies” — V. 551–552). Разумеется, подобный уничижительный пафос вряд ли мог быть спокойно воспринят и воображаемым героем средневековой поэмы, и ее потенциальными читателями.

Краткая ответная речь, произнесенная Пирром над телом убитой Пентесилеи (V. 585–606), напротив, почти лишена у Альберта Стаденского формальных «излишеств». Она восстанавливает «нормальный» порядок вещей, опровергая как вызывающее содержание речей амазонки, так и ту витиеватую манеру, к которой прибегала Пентесилея, обращаясь к сыну Ахилла:

Per campos agitare feras et prendere muscas
 Clamasti magno nos, ait ille, sono;
 In qua tuas acies cantabas esse leones,
 Non lepores; ubi sunt? tu quasi sola jaces.
 Foemineas vires ego sensi, tuque viriles;
 Nonne liquet, quod sis foemina tu, vir ego?
 Credo, dies hodierna probabit utrum mulieres
 Sint haec pensorum turbula, sive mares.
 Tiro sit miles, mulier sit foemina, vir mas,
 Illa vir aut mulier ille? referre nefas.
 In pelago mea cimba fuit, tamen integra mansit;
 Fluctibus in mediis est tua fracta ratis.
 Sis hujus virtute manus edocta, puellis
 Quod non sit tutum bella movere viris.
 Imbelles estis, ubi sunt quas esse rebelles
 Est tua per multas lingua locuta vices?
 Portasti gladium non fustum, plus quia fuso
 Fers gladium, gladio vindice fusa jaces.
 Tu quia funebribus es non muliebribus usa,
 Funebre fers pondus, non muliebre decus.

Нас vice si specula non spicula virgo tulisses
Telam non tela vivida forte feres³¹.

Весьма важным представляется определение функции, которую выполняет данный фрагмент в общем контексте повествования Альберта о Пентесилее. Несомненно, что слова Пирра призваны развенчать самую мысль о возможности женщин влиться в мужскую воинскую среду. Приводя речь греческого вождя, средневековый поэт, по сути, дезавуирует то восторженное описание царицы амазонок и ее «троянизации», которому сам он, — в ипостаси *рассказчика*, — отвел столь значимое место. Последние строки воображаемого обращения Пирра к мертвой воительнице (“*nas vice si specula non spicula virgo tulisses*”), по всей видимости, являются аллюзией на высказывание поэта по поводу Пентесилеи в начале рассказа о сражении амазонок с греками (“*spicula non specula miles considerat ista*” — V. 215). Такая ирония Альберта в отношении собственного пафоса при характеристике «рыцарственной девы», несомненно, заслуживает внимания в связи с вопросом о той системе координат, исходя из которой автор «Троила» формулировал значение пространного рассказа о судьбе амазонки.

Вероятно, нет необходимости дополнительно обосновывать тезис о том, что вся история Пентесилеи, преподнесенная средневековой публике Альбертом Стаденским, в значительной мере выстраива-

³¹ «Гонять по полям диких зверей и ловить мух / Ты призвала нас [посредством своей] гордой речи, / В которой вещала о том, что львы [собрались] в твоём войске, / А не зайцы; но где же они? Ты как будто одна здесь лежишь. / Изведал я женскую силу, ты же — мужскую; / Разве не ясно [теперь], что ты — женщина, а я — мужчина? / Верю, что нынешний день покажет, женщины ли / Должны прясть или мужчины. / Пусть солдат будет воином, женщина — женою, мужчина — мужем. / Быть ли ей женщиной, или ему женщиной? Нечестиво думать об этом. / Побывала моя лодка в море, однако осталась в целости, / Твой же корабль разбит среди волн. / Да научит тебя моя доблесть, что девицам / Небезопасно вести войну с мужчинами. / Вы неспособны к войне. Где [все] те, о непоколебимости которых / Многословно болтал твой язык? / Меч, а не веретено ты таскала [с собой], и поскольку именно его / Держишь, то и лежишь поверженная карающим мечом. / Так как наслаждалась ты [видами] смерти, а не тем, чем подобает [наслаждаться] женщине, / То и несешь смерти груз, а не женский наряд. / Если бы в этот раз, дева, [с собой] несла ты не стрелы, а зеркало, / Пряжу, а не дротики, то была бы жива».

ется вокруг замысла «укрощения» легендарной воительницы древности, желая легитимировать ее «пограничный» статус в качестве достойного предмета для возвышенного поэтического повествования. Вполне возможным кажется наличие в поэме Альберта двух уровней этой адаптирующей процедуры. На одном из них, определяемом авторитетной «исторической» традицией (в частности, рассказом ‘Дарета Фригийского’), речь идет о физическом умерщвлении амазонки, «безальтернативность» которого отражается в отказе наделять ее образ сколь-либо регулируемыми культурной нормой чертами, в предоставлении ей возможности говорить «самой», в принуждении ее смешивать в «своей» речи категории человеческого и животного состояния, ставить под сомнение «гендерный статус» противника или разбивать «понятный» строй мысли при помощи хитрой игры слов, в конечном счете — демонстрировать *инаковость*, подкрепляющую неизбежность драматического конфликта с воином-мужиной. На другом уровне, где идентичность Пентесилеи конструируется безотносительно к «фактической достоверности» (каноническому «событийному ряду» или «сюжетному ядру» общеизвестной легенды) и с прицелом на упорядочивание картины мира, знаменитая амазонка «усмиряется» благодаря своей воображаемой причастности / подчиненности идеям рыцарской культуры, *translatio studii*, единой истории и телесной красоты, как проявления гармонии сущего.

Г. В. КОПЕЛЕВА

**ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
И РАЗЛОМ СОЗНАНИЯ
ФРАНЦУЗСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ**
(РОМАН Р. МАРТЕН ДЮ ГАРА «СЕМЬЯ ТИБО»)

В сознании западной интеллигенции Первая мировая война четко обозначила рубеж между двумя эпохами — концом старого, уходящего в прошлое мира и началом мира нового, устремленного в будущее. Многие французские писатели и литераторы, жизненные и творческие установки которых опирались на веру в разум и человека, растерянные перед кажущимся хаосом происходящего, воспринимали кризис капиталистической системы как крах цивилизации вообще. Исчерпанным и отжившим начинало казаться многое прежнее, все то, что позднее Роже Мартен дю Гар образно назовет «Старая Франция», настоятельно необходимым виделся приход «Франции молодой»¹. Сказалась и послевоенная духовная смятенность поколения, узнавшего, по словам Поля Валери, что цивилизации смертны. Все прежние ценности, такие понятия, как «долг», «истина», «добродетель», «благородство», «красота», «справедливость», стали казаться исчерпанными и несостоятельными — ведь они не смогли противостоять чудовищности мировой бойни: «Качка на корабле была так сильна, что даже наиболее расчетливо подвешенные светильники в конце концов опрокинулись»².

Крах духовных оснований, на которые опиралась идея традиции и культурной преемственности, привел к тому, что сознание творческой элиты стало воспринимать современную цивилизацию как варварскую и лишённую смысла. Роже Мартен дю Гар писал Андре Жиду: «...Как никогда прежде, я готовлюсь к переоценке моральных ценностей; но сначала, какая вероятность социальной встряски, какой хаос! Разве это не ставит под вопрос все наше суще-

¹ Повесть Р. Мартен дю Гар «Старая Франция» вышла в 1933 г., задумывавшийся им рассказ «Молодая Франция» остался в набросках.

² Валери П. Об искусстве. М., 1976. С. 108.

ствование?»³. На грани исчерпанности оказалась вера в человека и его разум, ибо разве не абсурден мир, в котором возможно подобное безумие? Крайнее выражение такого рода настроений — отрицание рациональной мысли вообще в практике авангардистских течений: раз мир — абсурд, то и литература не должна заключать в себе никакого разумного смысла. Жак Ривьер, в 1919 г. возглавивший «Ну-вель реву франсез», полагал, что дадаисты как бы поставили логическую точку, акцентировавшую творческую парализованность современных эстетических направлений. Тем самым дадаизм дал совершенное доказательство того, что принципы, которые главенствовали в сфере прекрасного, действительно требовали замены.

Во многом характерными для гуманистически и пацифистски настроенной части французской интеллигенции были представления Р. Мартен дю Гара, его размышления о значительности и возрастающей сложности происходящего переворота, «...когда все поставлено под сомнение, поскольку ни одна из проблем, не разрешенных до войны, не воспринимается более под тем же углом зрения, поскольку под напором этого хаоса легионы новых проблем уже возникли и будут возникать»⁴. То, что прежде, довоенное безвозвратно уходит в прошлое, Р. Мартен дю Гаром принималось как неопровержимый факт. С удивительной заинтересованностью переживалась им осознанная неизбежность значительной перестройки на всех уровнях общественного организма, но возможные пути выхода из назревшего конфликтного состояния представлялись довольно туманными. Будущее одновременно влекло к себе и отталкивало: «В некоторые дни я начинаю в такой же степени страшиться будущего, в какой я ненавижу настоящее»⁵.

Сформулировать, что в окружающем для них неприемлемо, для многих тогда было проще, чем давать прогнозы относительно послевоенного будущего. Зачастую суждения на этот счет звучали противоречиво и взаимоисключающе. Но все так или иначе отчетливо ощущали близость грядущих перемен. По крайней мере, в это хотелось верить. В числе прочих, бытовало мнение, что война ускорила процесс развития, продвинув человечество на несколько поколений

³ Gide A. — *Martin du Gard R. Correspondance*. P., 1968. Т. 1. P. 139.

⁴ Gide A. — *Martin du Gard R. Op. cit.* Т. 2. P. 819.

⁵ Ibid. Т. 1. P. 139.

вперед и став линией раздела двух принципиально различных веков. Связующая нить между ними порвана, и восстановить ее невозможно: «Нужно будет родиться заново, отдаться дыханию нового, переделать свою жизнь, ощутить скрытые колебания, стать участником этого необычайного порыва, быть молодым»⁶.

Однако природа и реальное воплощение ожидаемых перемен выглядели не до конца понятными и даже пугающими. Настораживала вероятность больших социальных потрясений, которые, в представлении значительной части французской интеллигенции, были связаны с беспорядком и отсутствием стабильности. Так, судя по обширной переписке Р. Мартен дю Гара с видными литераторами и интеллектуалами, для него было приемлемо лишь такое завершение войны, которое привело бы к полному избавлению от всяких военных конфликтов. Подлинная их причина, коренящаяся в самой сути империалистических отношений, для Мартен дю Гара оставалась скрытой, непонятой, а потому смутные подземные толчки, возвещающие рождение нового, связывались им с угрозой тому будущему литературному сооружению, возводить которое он собирался на твердой почве: «Мы прямым путем вступаем в эпоху гражданских войн... Я хотел бы ошибиться; ведь я предвижу великие события и перемены с непредсказуемыми последствиями, я предвижу также долгие годы беспорядка, который истощит наши силы и наши порывы»⁷.

Чаще тон рассуждений писателя об окончании войны более оптимистичен: это этап, несущий с собой обновление, спокойную размеренность мирной жизни как основания для новых художественных открытий и завершений. Переворачивается целый мир прежних устремлений, от которых внезапно веет молодой свежестью. Самые смелые утопии становятся реальностью с четкими контурами. Остается лишь сожалеть о мелочности сиюминутных дел, мешающих разглядеть даль горизонта, понять глубинный смысл свершающихся грандиозных событий.

Р. Мартен дю Гар часто подчеркивал свою позицию «против»: он не принимает и отвергает законы, правящие современным капиталистическим обществом. Именно в этом направлении была ориентирована также неоднократно подчеркивавшаяся «левая» направ-

⁶ Ibid. P. 274.

⁷ Ibid. P. 261–262.

ленность мировидения писателя. Старый капиталистический мир отрицался, но не столько в основе своей, сколько в определяемых ею следствиях. Среди последних неизменно фигурировали нечетко отрегулированная социальная организация, отсутствие стабильности, гарантирующей устойчивость будущего, все усиливающееся нарушение общественного равновесия, когда опоры сломаны, и здание, сотрясаемое со всех сторон, неудержимо рушится. Но главной и для большинства деятелей культуры определяющей характеристикой «разлома эпох» был крах нравственных норм, отказ от вневременных гуманистических критериев: «...какой-либо след морального закона, честности стирается и, что еще более важно, приобретает оттенок надувательства... Сегодня ничто из того, что составляло социальную связь между людьми до войны, не остается незатронутым. Препяды сломаны. Поэтому любая человеческая жизнь оказывается непрочной, а любое социальное образование, любой союз — нестабильным и шатким»⁸.

Р. Мартен дю Гар связывал надежды на установление социального равновесия с ростом числа «недовольных» настоящим положением дел. Его политические симпатии этого периода лежали в русле буржуазного либерализма, избегающего крайних социальных мер, тяготеющего к изменениям частичным, временным. Долгое время идеалом в плане возможного устройства послевоенного отрегулированного мира Р. Мартен дю Гар считал деятельность Вудро Вильсона. Главное значение поражения Германии писатель видел в уничтожении германского милитаризма, который мог служить притягательным элементом для националистически настроенных кругов других стран. Предложения Вильсона по поводу режима отношений между нациями он расценивал как урок, преподанный по теме «коллективная жизнь народов», не замечая ни претензий США на лидерство и диктат в послевоенном мире, ни иллюзорности подобных устремлений вообще в эпоху столкновения интересов капитала. По мнению Р. Мартен дю Гара, война привела к равному банкротству и довоенный социализм, и довоенный национализм; пройдет еще лет десять, и уже невозможно будет отыскать ни одного сторонника политических течений предвоенной Франции. «Появится нечто новое, — пишет Р. Мартен дю Гар М. Рэю, — новое понимание социальной жизни, одновременно либе-

⁸ Ibid. P. 305.

ральной и подчиненной порядку. Вильсон направляет политическую жизнь Европы к новым, неизвестным ранее оттенкам. Мы станем свидетелями вещей совершенно неожиданных»⁹.

Строя послевоенные планы, писатель рассчитывал на то, что период неопределенности и нарушенного равновесия будет преодолен и необходимая прочность социального фундамента будет достигнута. Мартен дю Гар отнюдь не связывал свой ход мысли в этом плане с кардинальными социальными решениями. Подобно многим в те годы, он воспринимал свершившуюся Октябрьскую революцию как далекий, локального значения эксперимент, который не может иметь последствий, выходящих за пределы отдельно взятой страны. Если известие о Февральской революции в России сравнивалось им с порывом свежего ветра, который врывается в Европу, все сметая на своем пути, то опыт Октября, по его мнению, самой сутью своей для Франции неприемлем. Свершение социалистической революции ведет к уничтожению буржуазии как класса, а именно этот класс со всеми присущими ему характеристиками, именно своеобразие понятия «буржуазность», представлялись Р. Мартен дю Гару главными определителями хода социального развития Франции и — шире — всего западного мира. Делясь с Жаком Копо мыслями о возможном близком крушении современного общества, он писал: «Я не верю в большевизм. Для нас (где при внимательном рассмотрении есть *только буржуа*) большевизм оказался бы чем-то не вполне совместимым с атавизмом расы»¹⁰.

Как и для многих его собратьев по перу, для Р. Мартен дю Гар этап обновления означал прежде всего творческий подъем, результатом которого должно было явиться могучее сооружение «на века». Уединившись в родовом поместье Тертр, он разработал подробнейший план многотомного романа-эпопеи — будущей «Семьи Тибо». Задуманное произведение виделось ему неким масштабным психологическим романом с акцентом на передаче от поколения к поколению ценностей абстрактного гуманизма. Человек — в центре, личность рассматривается как исходное поле деятельности, цель которого — наиболее полно раскрыть заложенное в каждом потенциальное внутреннее богатство, дав тем самым рождение подлинной человеческой

⁹ *Martin du Gard R. Correspondance générale. P., 1980. T. 2. P. 247.*

¹⁰ *Copeau J. — Martin du Gard R. Correspondance. P., 1972. T. I. P. 305.*

сути. Необходимое условие для этого — абсолютность и полнота свободной эволюции сознания на пути к человеческому совершенству.

Только так понятый гуманизм многими представителями духовной элиты провозглашался подлинным, то есть гуманизмом «открытым», не доверяющим догме. Сознание рассматривается как автономная, самостоятельно функционирующая единица. Истинный гуманист совершенствует сферу интеллекта, так как, с его точки зрения, единственно это придает смысл истории. Любые указания на ведущую роль экономического фактора отталкивали и пугали как ведущие к сугубо техническому прогрессу и превращению человеческого общества в «скопища людей-термитов». Кредо абстрактного гуманизма — дух воздействует на историю, главный прогресс — духовный, а индивид — его определяющая движущая сила. Сначала идет отдельный человек, личность, а потом — все вместе, целое, человеческое сообщество. Отсюда — резкое неприятие всего, что может сковать, затормозить, замедлить личностное, поставить преграды его неограниченной эволюции, которая, как представлялось, непременно приведет к обнаружению истины.

Его будущий роман-фреска, роман-эпопея, представлялся Р. Мартен дю Гару неспешной полноводной рекой, медленно, но неуклонно несущей свои воды к океанским просторам. Так одно поколение сменяется другим, не выпуская из рук и передавая нетленный духовный факел. Это, с точки зрения писателя, было тем главным, что останется на века. Война, по первоначальному замыслу, в романе должна была присутствовать, но на заднем плане, как фон, как неотвратимый жизненный этап, этап испытаний эволюционирующих героев. Примечательно, что в те же годы, размышляя о создании романа нового типа, о тех же временных рамках для своего произведения подумывает и Андре Жид: предполагался некий роман-мозаика в трех частях, центром которого должна была стать мировая война, разрывающая идущее до и после нее. А. Жид от этих замыслов вскоре отказался, Р. Мартен дю Гар, его многолетний оппонент по творческим вопросам, доведет задуманное до конца, но совсем в ином варианте.

В начале 1930-х годов концепция романа Р. Мартен дю Гара переживает кризис. Раскаленная атмосфера эпохи, требовавшая активного писательского участия, властно вторглась в замкнутый мир семейного романа, заставив писателя наполнить повествование настоя-

щим временем, проблемами сегодняшнего дня. Плавное течение рассказа «Семьи Тибо», сделав резкий поворот, устремилось в новом направлении: малый мир романа неудержимо раскрывался навстречу движению большого мира. Мартен дю Гар приходит к пересмотру многих положений своей теории романа, ищет иной подход к соотношению романа и действительности. События истории, свершавшейся сейчас и сегодня, захватывали и заставляли пристальнее всматриваться в происходящее, приводили к мысли о тесной зависимости жизни каждого от того, каким будет содержание истории всех. «Начиная с 1931 года, — писал Ж.-П. Сартр, — мировой кризис, приход к власти нацистов, события в Китае, война в Испании раскрыли нам глаза... и личная жизнь каждого, которая, как мы думали, зависела от наших усилий, наших добродетелей и наших ошибок, стала казаться нам управляемой... а обстоятельства наиболее частные стали для нас отражением состояния мира. Внезапно мы почувствовали себя *зависимыми*... Нас охватило сознание своей историчности...»¹¹

На рубеже межвоенных десятилетий Р. Мартен дю Гар переживает затяжной творческий кризис, итогом которого станет переориентация повествования о судьбе братьев Тибо. Изменение плана явилось вполне обоснованным ответом на вопрос, что значит «понять свое время» и шло параллельно с мучительными переживаниями писателя о несоответствии позиции духовного аристократизма, избегающего действия, и требующей вмешательства общественной атмосферы. Было найдено окончание, достойное Мастера: Первая мировая война, в прежнем замысле являвшаяся лишь эпизодом, выдвигалась на первый план. Жак и Антуан теперь выступали уже не просто представителями рода Тибо — они обретали социальное измерение. Перед читателем должны были предстать «...обломки загнивающего капиталистического общества. Смерть косит их одного за другим. Братья Тибо исчезают, уничтоженные войной. И вместе с ними исчезает целое общество, целая форма буржуазии. ...Картина разлагающегося мира — и конец этого мира в кровавой катастрофе»¹². Превалировавшие в предыдущих частях темы разложения деньгами и духовного банкротства рода Тибо уступают место теме

¹¹ Цит. по: *Astier P. A. G. Écrivains français engagés: La génération littéraire de 1930*. P., 1978. P. 24–25.

¹² *Copeau J. — Martin du Gard R. Op. cit. T. 2. P. 516.*

мировой катастрофы, кануна войны, акцентированы два сюжетных узла: Жак Тибо и международное пацифистское движение, Антуан Тибо и его «буржуазность».

По своему объему «Лето 1914 года» уравнивает все шесть предшествующих томов романа, и Р. Мартен дю Гар понимал, что многие читатели воспримут его как фактическое завершение романа. Однако сам писатель твердо знал, что, сделав последним аккордом гибель Жака, он исказил бы смысл всего повествования. Он не допускал мысли, что роль, отведенная Жаку, может быть расценена как ведущая, и полагал необходимым, восстановив равновесие, сместить его в сторону Антуана. Здравому смыслу, добросовестности, устойчивой цельности характера старшего брата писатель отдавал предпочтение перед пылким безрассудством и порывистостью младшего Тибо. Не Жак, ринувшийся очертя голову в гущу действия, носитель кредо Р. Мартен дю Гара, солидарного в его оценке с Антуаном Тибо. Антуан глубоко привязан к брату, но Жак для него — слабовольный неудачник, «заблуждающийся ум», чья жизнь прошла глупо и нелепо и столь же нелепо оборвалась. Антуан же с его спокойной размеренностью, приверженностью золотой середине и способностью ради вечного воспарить над сиюминутным — истинный носитель разделяемых писателем гуманистических идеалов, которые, как он твердо верил, и определяют неуклонное движение человечества вперед.

О. А. ДЖУМАЙЛО

ДЕ / ГУМАНИЗАЦИЯ

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ РЕФЛЕКСИИ И ОБРАЗ ХОЛОКОСТА В «СТРЕЛЕ ВРЕМЕНИ» М. ЭМИСА

In narcissance we live is an injured past. And so, as we've seen, does the postmodern. And here is the observation I wish to make, when it comes to our most obsessional anxieties and fears, *what we fear most has already happened.*

*Cristopher Nash*¹

Концепция истории в постмодернистской литературе уже долгое время является предметом размышлений видных представителей разных философско-литературных формаций, включая и теоретиков-марксистов Ф. Джеймисона и А. Ахмада, и теоретиков-нарратологов Р. Холтона и Т. Дочерти. При многих значимых расхождениях исследователи выступают с единых позиций, обращаясь к ключевым моментам постмодернистской ревизии истории.

Постмодернистский исторический роман (Т. Пинчон, Д. Делило, И. Рид, Р. Кувер, П. Акройд, Д. М. Томас, Дж. Барнс, Г. Свифт, С. Рушди и др.) ставит под сомнение и систематически деконструирует базовые принципы классического исторического романа. Среди них: представление об истории как о силе, моделирующей реальность и культуру; несомненность объективного взгляда на реальность, сосредоточенного в избранной форме повествовательной инстанции; представление о незыблемости культурных и гуманистических ценностей цивилизации; изображение линейного исторического хода и прогрессивской перспективы; взгляд на историю как «закрытый текст». Классическая концепция истории — одна из частных реализаций того, что Ж.-Ф. Лиотар в своей классической работе «Состояние постмодерна» (1979) называет «историей культурного империализма», «легитимным» знанием, «большим нарративом». Стало быть, феномен ироничной и саморефлексивной постмодернистской декон-

¹ *Nash Cr. The unraveling of the postmodern mind. Edinburgh, 2001.*

струкции истории, а также помещение в центр исторического пространства фигур традиционно маргинальных так или иначе затрагивают сами онтологические основания исторической «реальности» и преподносят их как категории лингвистические. Иными словами, если классический исторический роман представляет собой художественную реализацию того, что *уже осмыслено как факт*, то для постмодернистского актуально смещение внимания на сложный механизм *взаимопревращений факта и текста*. Отметим лишь некоторые черты постмодернистской исторической рефлексии.

История не достижима, ибо может быть представлена лишь как форма наррации. История оборачивается байкой, пародией на «мифологические» формы традиционного исторического повествования; саморефлексивным повествованием, ставящим под сомнение объективность нарратора. Называя постмодернистский исторический роман ревизионистским, Б. Макхейл пишет: «Апокрифическая история, творческий анахронизм, фантазия на исторические мотивы — все это типичные стратегии постмодернистского исторического романа, который является ревизионистским по двум причинам: во-первых, он пересматривает содержание исторического протокола, по-новому интерпретируя его и часто демистифицируя традиционную версию исторического прошлого; во-вторых, он пересматривает, одновременно трансформируя, условности исторического повествования»².

Укажем еще одну важнейшую черту постмодернистской рефлексии об истории — косвенное обращение к современности, которое отмечают Л. Хатчеон и Ф. Джеймисон. Последний пишет: «Исторический роман уже не изображает историческое прошлое, он лишь разыгрывает в образах наши представления и стереотипы о прошлом (которые тут же становятся “популярной историей”)... Если и есть реалистический эффект, то он возникает от постепенного осознания рамок наших стереотипов и размышлений над современностью, которая диктует нам популярные образы — симулякры истории. Сама же история остается вне досягаемости»³.

Кроме того, по мысли Э. Дж. Элиас, постмодернистский роман выступает как «открытый текст» (open work), преподносящий исто-

² *McHale B.* Postmodernist Fiction. N. Y.; L., 1987. P. 90.

³ *Jameson F.* Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism. L., 1991. P. 25.

рию не в виде привычной концептуальной модели прогресса, а как визуализированную метафору (*spatial form*), соотносимую с условными представлениями повествователя об истории. Избранная повествователем *историческая метафора* более характеризует идеологизированный язык его собственных представлений, нежели объект его внимания — несуществующую историческую «реальность фактов»⁴.

Любопытно, что эта потребность постмодернистского исторического романа «сворачивать» историю в модель, обслуживающую современные «маленькие нарративы», функционирует двояко.

Во-первых, частое использование исторического кода как принципиально условного и игрового, одного из многих в онтологически неоднородном постмодернистском мире, будто бы подчеркивает тотальную иронию, конструктивность мира симулякров (дегуманизация). Во-вторых, акцентированно фиктивная историческая модель, поданная как максимально субъективированный взгляд на прочтение современности, вводит будто бы чуждую постмодернизму авторскую модальность, превращает текст-игру веселых знаков в *рефлексию о современности и/или вечных темах* (гуманистическая перспектива). В этом смысле вынесенная в эпиграф статьи выдержка из монографии К. Нэша постулирует неизбежность прошлого в настоящем как неизбежность человеческого опыта вообще.

В последние десятилетия наблюдается тенденция усиления второй, гуманистической, функции, что может быть продемонстрировано романами Дж. Барнса, Г. Свифта, И. Макьюэна, М. Эмиса. Данное предположение опровергает бытующее представление о литературе постмодернизма как явлении сугубо игровом, симулятивном, вовсе чуждом философско-нравственных перспектив. Обращение к постмодернистскому тексту как к «модели для сборки», «ризоме» не отменяет возможности его рассмотрения как феномена этического. Сложная, кажущаяся неразрешимой проблема «открытости», «незавершенности» игрового постмодернистского текста и его связи с принципиально отличным нравственно-философским и эстетическим пафосами — основной вектор современных зарубежных исследований. Так, последнее десятилетие отмечено уходом от самодовлеющих постструк-

⁴ См.: *Elias A. J. Defining Spatial History in Postmodernist Historical Novels // Narrative Turns and Minor Genres in Postmodernism. / Ed. by T. D'haen, H Bertens. Amsterdam, 1995. P. 105–114.*

туралистских и деконструктивистских практик чтения современной литературы в сторону выделения этико-философского комплекса идей в художественном пространстве постмодерна⁵.

Роман современного английского писателя М. Эмиса «Стрела времени» (1991)⁶ вызвал весьма ожесточенную полемику. В то время как видные литературоведы Ф. Кермоуд и М. Дж. Харрисон, поместив свои рецензии на книгу в крупнейших литературных изданиях, дали ей исключительно высокую оценку, целый ряд рецензентов выступил с жесткой критикой романа за безнравственную трактовку темы Холокоста. С одной стороны, негативные отзывы были спровоцированы самим фактом обращения Эмиса к еврейской теме, с другой — подчас комическими сценами романа. Однако совершенно очевидно, что не менее возмутительным казался сам факт сведения истории к игре, ибо роман с легкостью может быть представлен эдаким постмодернистским «переписыванием» трагичной истории двадцатого века, которая превращается в «повествовательный фокус»⁷. Poleмика вокруг романа приняла такой масштаб, что поэт Том Полин обрушился с критикой на автора и его роман по телевидению, писатель Николас Мосли демонстративно ушел из членства в жюри Букеровской премии, а видный английский философ-неоконсерватор Роджер Скрутон встал на защиту романа, оказавшегося в шорт-листе «Букера».

Нет сомнений, Эмис пишет «Стрелу времени» в согласии со всеми вышеизложенными принципами постмодернистского исторического романа. Но служит ли один из самых трагических эпизодов истории — Холокост — поводом для постмодернистских игр? Возможно, перед нами историческая модель, в которой, как в зеркале, отражается современность? Утвердительные ответы на оба вопроса дают повод говорить о глумлении Эмиса над одной из самых трагичных страниц истории. Но так ли это?

⁵ Отметим лишь некоторые из наиболее репрезентативных работ: *Hoffmann G.* (ed.) *Emotion in Postmodernism* (1997); *Ethics and Aesthetics: The Moral Turn of Postmodernism* (1996); *Bauman Z.* *Intimations of Postmodernity* (1992), *Postmodern Ethics* (1993); *Bertens H.* *The Idea of the Postmodern* (1994); *Gibson A.* *Postmodernity, Ethics and the Novel: from Leavis to Levinas* (1999); *Winnberg J.* *An Aesthetics of Vulnerability* (2003) и др.

⁶ *Amis M.* *Time's Arrow or the Nature of the Offence*. L., 1991.

⁷ *Taylor D. J.* *Backward Steps: (Review of "Time's Arrow" by Martin Amis)* // *New Statesman and Society*. 1991, 27 Sept. P. 55.

Как представляется, писатель заставляет понять, что выше истории, современности и *рассказа* о них — неизбежная *память о боли* и страх повторения ошибок, становящиеся последними опорами человечности. Постмодернистская вариативность рассказа, манипуляции с языком-памятью не способны разрушить память о боли, стыде и вине. Забвение равносильно окончательной утрате человечности. В интервью Э. Уотчел писатель говорит об ответственности: «Я пишу не о евреях, я пишу о преступниках... Я чувствую часть ответственности... за то, что случилось. Чувствую кровную связь с теми событиями, с виновными, а не с жертвами преступления»⁸. По-видимому, прав Б. Фини, когда отмечает, что в своем романе Эмис с блеском объединяет «постмодернистское отчуждение и настойчивый призыв видеть события сквозь призму этики»⁹.

Роман начинается с изображения смерти Тода Френдли в больнице американского провинциального городка. Именно в этот момент, согласно расхожему представлению, активно эксплуатируемому в современном кинематографе, перед мысленным взором умирающего возникает панорама всей прожитой жизни, будто просматриваемая в обратном порядке. Прием также косвенно вводит мотив возвращения в невинность, искупления ошибок и грехов, очищения души от бремени опыта. В связи с этим упомянем важный источник романа — «Бойню № 5» К. Воннегута, в которой Билли Пилигрим просматривает военную хронику в обратном порядке и перед ним чудесным образом из пепла восстает разрушенный Дрезден. Следует также иметь в виду практику использования этого экспериментального «рецепта» Б. Олдисом, Дж. Баллардом, Ф. Диком. Однако по прочтении романа Эмиса станет очевидно, что автор сосредоточивает внимание читателя на невозможности постмодернистских игр: оказывается, обрести невинность и забвение вовсе не так легко, как перемотать пленку к первым кадрам.

В романе М. Эмиса с началом рассказа, помещенным в точку «смерти и возрождения» Тода, возникает некая новая сущность, аль-

⁸ Eleanor Watchel with Martin Amis: Interview // The Malahat Review. No 114. P. 47.

⁹ Finney B. What's Amis in Contemporary British Fiction? Martin Amis's "Money" and "Time's Arrow" (1995) // www.csulb.edu/bhfinney/resources (июнь, 2009).

тер-эго Тода, которая к тому же выполняет роль повествователя. Ирония в том, что повествующий двойник Тода ничего не знает о нем, так же как не догадывается о смене временной перспективы. Ему невдомек, что люди не ходят задом наперед и не молодеют. Важно то, что двойник не способен изменить жизнь и мысли Тода, и то, и другое недоступно (так же, вопреки постмодернистам, невозможно переписать историю) — он лишь чувствует страх Тода и видит его сны. А между тем повествователь замечает: Тод молодеет, работая в больнице, он калечит людей, выкорчевывает собственный сад, имплантирует зародыши, отбирает у детей игрушки и существует только благодаря своим экскрементам и мусору. К тому же Тод меняет имена и в конце концов оказывается немецким врачом-эссесовцем сначала в Аушвице, затем в Треблинке и, наконец, в Шлосс Хартхайме. Далее следуют печальные сцены забвения жены, превращающейся в девочку, и исчезновение самого Тода-Одило в материнской утробе.

Весьма неоднозначная реакция общественности на роман была обусловлена оценкой событий, происходящих в Аушвице. Наивному альтер-эго Тода наконец удается постичь смысл жизни, который он видит в творении людей. В Аушвице из огня и дыма, из выгребных ям и общих могил, черных печей и «душевых» благодаря врачам рождаются к жизни тысячи людей. Описанные в романе картины — откровенный гротеск. Но эпатаж Эмиса не выглядит самодостаточным.

Эмис точно воспроизводит исторический фактаж, однако события следуют друг за другом в обратном порядке, полностью изменяя суть рассказываемого. Источниками Эмиса становятся работы по истории, книги психиатров и воспоминания жертв лагерей. Среди них книги известного итальянского публициста Примо Леви, некогда узника Освенцима. По сути, постмодернистский игровой прием — обратный ход времени — в художественной форме воссоздает одну из ключевых идеологических целей фашистов. Наивный рассказ «внутреннего голоса» бывшего врача Аушвица выступает как эрзац трагической истины о страшных событиях, в сущности, отвечая искомому нацистами стремлению обставить уничтожение людей следованием благим целям. Языковые манипуляции во время и после войны отмечает Ханна Арендт в предисловии к «Истокам тоталитаризма», описывая свое изумление во время чтения объемных послевоенных ме-

муаров бывших нацистов, которые бессознательно стремились создать своего рода апологетику страшного прошлого¹⁰. По словам одного из исследователей нацистских архивов, ему пришлось изучить 10000 документов, не встретив ни разу слова «уничтожение», пока много лет спустя он не обнаружил его в контексте, связанном с собаками. Перечисляются целые ряды эвфемизмов, связанных с преступлениями врачей-нацистов: «необходимое вмешательство», «эвакуация», «перемещение», «подвергание дезинфекции», «помещение под наблюдение медперсонала». Подобные языковые трансформации были частью тоталитарной идеологии нацизма.

Эмис доводит эту идею до предельного гротеска. Повествователь наивно использует и «образчики лагерного арго», называя главную печь «раем», камеру и «душевую» — «центральной больницей», подменяя «никогда» на «завтра». Так, в романе Эмиса вся машинерия убийств Аушвица, увиденная повествователем в обратной перспективе, дана через гротескно перевернутый образ больницы, где чудесным образом исцеляются смертельно больные. При этом читатель легко угадывает страшные реалии Кат-Цет во многих деталях. В романе возникают и знаменитые указатели на бутафорских вокзалах в Трешлинке, и смертельные «душевые» BRAUSEBAD, и даже «наблюдательные окошки» в газовых камерах. С определенным, почти профессиональным удовлетворением врача повествователь объясняет, что «подавляющее большинство женщин, стариков и детей ... обрабатывали огнем и газом... Мужчины шли к выздоровлению иначе. Arbeit macht frei»¹¹. Уничтожение человека оборачивается его спасением — «вытягиванием шприцем бензола, керосина, воздуха», исцелением циклоном В (Аушвиц), окисью углерода (Трешлинка).

Роман переполнен отсылками к экспериментам, которые проводились в Дахау, где заключенных заражали тифом, туберкулезом, желтой лихорадкой, малярией, стафилококком. Генетические опыты известного нацистского врача Йозефа Менгеле подробно представлены в спасительной перспективе обратного времени, когда ослепшие прозревают, а все чудовищные эксперименты по пересадке ор-

¹⁰ См.: *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М., 1996.

¹¹ Роман цитируется по русскому переводу, выполненному А. Яковлевым: *Эмис М.* Стрела времени, или Природа преступления. СПб., 2004. С. 138. Далее страницы этого издания указываются в тексте в скобках.

ганов проходят со стопроцентным успехом. Руководствуясь всецело «научными целями», доктор Менгеле, еще с юности увлеченный расовой теорией, проводил опыты по изменению цвета глаз. Приоритетной задачей стало доказательство того, что карие глаза евреев ни при каких обстоятельствах не могут стать голубыми глазами «истинного арийца». Сотням евреев делались крайне болезненные инъекции голубого красителя, часто приводящие к слепоте, ради вывода: еврея нельзя превратить в истинного арийца.

Жертвами генетических опытов Менгеле стали несколько тысяч человек, среди которых около трех тысяч малолетних близнецов. Близнецам переливали кровь и пересаживали органы друг друга, проводились операции по принудительной смене пола. Согласно воспоминаниям жертв, перед тем как приступить к опытам, Менгеле, вошедший в историю как Доктор Смерть, мог погладить ребенка по головке. В романе Менгеле исцеляет. Он — добрый «дядюшка Пеппи», что отсылает к известному историческому факту: цыганские дети называли его дядюшкой Менгеле. Ряд эпизодов романа, очевидно, указывает на опыты по переохлаждению, испытания на воздействие высокого атмосферного давления. По словам повествователя, «было бы преступным пренебречь возможностями, которые Аушвиц предоставляет для укрепления здоровья» (с. 150). Уничтожение представителей «низших рас» подается как творение: «мы делали цыганский табор» или «с невероятным размахом, тысяча по десять в день» делали «венгерских евреев». Уничтожение «неполноценных», людей с волчьей пастью, косялапостью, дурной наследственностью объявляется «неудачным опытом лечения» и соответствует историческим событиям начала войны в Шлосс Хартхайме.

Игровое начало романа самым парадоксальным образом не лишает его трагической пронзительности, но, напротив, заостряет неизбывность покалеченной, но живой памяти о боли, для которой нет искупления. Так, чаемое искупление Одило, его работа в американских больницах после войны, видится не подозревавшему об играх времени повествователю бесчеловечными изуверствами.

Почти со стопроцентной точностью опыты врачей-нацистов представлены в изображении обычной врачебной практики Одило, бежавшего из Европы в Америку, где он «калечит» людей. Таким образом, устанавливается ведущий принцип романа — зеркальность,

двойственность миров, их онтологическая изоморфность и перспектива killing-healing. Повествователь, с восхищением говорящий «об индустрии творения» в Аушвице, с неизменным ужасом вспоминает врачебную практику Тода в Америке: «Появляется какой-то парень с повязкой на голове. Мы не мешкаем. Раз — и нет повязки. У него на голове дырка. Так что мы делаем? Мы втыкаем в нее гвоздь. А гвоздь — хорошенько проржавевший — берем из мусорного бака, да где угодно...» (с. 89). Примечательно, что врач также называется специалистом по «убалтыванию» (с. 35), а знаменитое «Труд освобождает» возникнет и при описании «страшного» мирного времени. «Тотальную болезнь лечат тотальными средствами. Нынче размышлять и переживать некогда. И по-моему, изматывающий труд помогает людям держаться. Труд освобождает» (с. 59). Как известно, знаменитые надписи на воротах двух нацистских лагерей — «Arbeit macht frei» — имеют долгую историю смысловых трансформаций. Первоначально связываемая с библейскими откровениями Иоанна Богослова (8:32), мудрость оказывается востребованной с возникновением протестантской трудовой этики. В 1872 г. она используется близким к националистическим кругам Л. Дифенбахом в качестве названия романа, а с 1933-го становится популярным слоганом. Вновь почти постмодернистская игра выводит роман к рубежам, за которыми звучат трагические ноты нравственного негодования.

Зеркальность миров шокирует читателя, так как снимает привычную вербальную бинарность: мир / война, невинность / грех, память / забвение, смысл / бессмысленность, указывая на принципиальную невозможность возвращения в невинность, невозможность утраты памяти о боли, того, что Адорно выразил словами: «Не может быть поэзии после Освенцима». Зеркальность миров вводится целым рядом разнопорядковых элементов художественного мира романа. Как уже стало очевидно, в центре концептуальной интриги произведения сюжетный перевертыш. Весьма интересны и реляции между невинным альтер-эго, рефлексирующим о событиях, увиденных в обратной перспективе, и Одило Унфердорбен — героем, показанным со стороны. Внутренняя жизнь последнего проступает истинной памятью — памятью о боли, повторяющимися снами-кошмарами. Заметим, что в имени Унфердорбен заложена двойственность (verdorben — нем. *испорченный, погубленный*; unverdorben, стало

быть, *невинный, неисторченный*). Однако не следует видеть в говорящем альтер-эго Одило его невинное начало. Совершенно очевидно, что обе сущности в финале романа предстают как равнозначные: обе к концу своего пути в разные концы проходят один и тот же путь — от невинности к познанию страдания, боли, тотальной отчужденности.

На двойничество в более широком смысле слова указывает и смена имен Одило: Тод Френдли, Джон Янг, Гамильтон де Суза. Каждое из них символично и в равной степени условно. Обратим внимание на знакомую эвфемизацию. Тод Френдли — своего рода аналог «Доктора Смерть» (Tod — нем. *смерть*, friendly — англ. *дружелюбно*). Кроме того, в одном из интервью Эмис разъясняет, что имя героя ассоциативно связывает надежду на забвение о преступлениях с историей первых поселенцев Нового Света: «Friendly' America, forgiving, forgetful America»¹². В этом же контексте необходимо интерпретировать и первое предельно обезличенное американское имя Одило — John Young: Джон — *Иван* — маркирует простоту и усредненность как американский status quo, young — *молодой* — указывает на невинность, жизнь с чистого листа. Возможна игра слов в случае с Hamilton de Souza, именем, которое носит Одило еще в Европе сразу после побега из Аушвица, когда он ждет поездки в Америку: s'usa — фр. *износился, испортился*; de Souza близко к омофону dessous — фр. *закулисная сторона, изнанка*.

Интертекстуальные отсылки к двойникам — прототипам образа Одило не менее значимы. Прежде всего, это группенфюрер СС Одило Глобоцинк, причастный к идее создания Аушвица. Далее, штурбанфюрер СС Адольф Эйхман, автор и последовательный творец ряда концентрационных лагерей, дотошно прорабатывавший идеологию и технологию массовых убийств. Данная связь маркируется упоминанием о месте рождения Одило — Золингере, известном также как родина Эйхмана. И наконец, среди двойников Одило — уже упомянутый нами Йозеф Менгеле, так же как Эйхман и, по сюжету романа, Одило, бежавший от наказания в Южную Америку. С Менгеле обнаруживается максимальное количество смысловых и образных переключек. Путь побега в Америку с помощью «Красного

¹² Bellante, Carl and John. Unlike Father, Like Son. An Interview with Martin Amis // The Bloomsbury Review. 1992. No 12. 2. P. 16.

Креста» (Ватикана), жесткие представления о расовых и прочих различиях, особое внимание к детям.

Двойничество и зеркальность, становящиеся ведущими художественными приемами Эмиса, однако, не дань постмодернистской моде. Крах гуманизма как системы этических смысловых различий выступает знаком тотального саморазрушения человека. Дегуманизация во всех вышеприведенных примерах, связанных со зверствами в концентрационных лагерях, затрагивала прежде всего знакомую с начала века тему сведения человека к телесности. Мы помним страшные в своей физиологичности описания трупов в окопах после газовой атаки в романах Ремарка или Барбюса. Конечно, в романе Эмиса нацистские концлагеря показаны как мощная индустрия смерти, индустрия дегуманизации, апофеоз телесности, невероятной цинической рациональности. Но важна и другая грань дегуманизации нацизма, изображенная Эмисом как никогда ранее, — тотальная духовная дегуманизация как лишение *личностной цельности человека*. Деформация и распад человеческой личности на две равноправные составляющие, пожалуй, были до сих пор объектом рефлексии лишь в киноопытах о психологии нацизма (например, в «Ночном портье» Л. Кавани).

Подчеркнем, что основным источником, на который ссылается Эмис, стала книга известного английского психолога Роберта Джея Лифтона «Нацистские врачи: медицинское убийство и психология геноцида» (1986)¹³. В ней Лифтон делает ряд важных наблюдений над *loading language* — словарем внутригруппового общения нацистов, созданным с целью устранения самостоятельного критического мышления, и размышляет над психологической моделью «доктрина выше личности». Но самым значимым открытием Лифтона считается описанный им феномен «удвоения личности» — психологический механизм, который позволил профессиональным врачам стать профессиональными убийцами. Исследование Лифтона дает возможность понять страшную человеческую метаморфозу, позволившую создать нацистские лагеря смерти. Автор раскрывает психологические механизмы того, как психически здоровые, духовные и интеллектуальные

¹³ *Lifton R. J. The Nazi Doctors: Medical Killing and the Psychology of Genocide. N. Y., 1986.*

люди легко становятся фанатичными приверженцами идеологий, которые очевидно противоречат их первоначальным взглядам.

Многое в романе заставляет думать, что альтер-эго героя, от лица которого ведется повествование, — сущность, рожденная в Кат-Цет: «Вообразите тело, которого у меня нет, представьте себе такую картинку: идеализированный зародыш с преданной улыбкой» (с. 52). Но это не так. Эмис показывает процесс психологической ресоциализации, позволяя читателю совершить вместе с наивным и прекраснородушным повествователем путь в самые глубины ада души. В начале романа, наблюдая больничные изуверства, повествователь говорит: «Умом я почти готов признать, что насилие приносит пользу, насилие — это хорошо. Но внутренне я не могу принять его омерзительности» (с. 33). Ситуация обратного хода времени иронически высвечивает психологическую травму невинного Одило Унфердорбена, когда-то попавшего в жернова нацистской идеологии и чудовищной практики уничтожения человека.

По мнению Лифтона, резкая и глубокая ресоциализация возникает как инстинктивная реакция самосохранения в условиях чрезвычайного группового давления. Поведение, требуемое и вознаграждаемое тоталитарной группой, настолько отличается от старого «Я», что обычной психологической защиты (рационализации, вытеснения и т. п.) недостаточно. Все мысли, убеждения, действия, чувства и роли, связанные с пребыванием в деструктивном культе, организуются в независимую систему, частное «Я», которое полностью согласуется с требованиями данной группы, но происходит это не по свободному выбору личности, а как инстинктивная реакция самосохранения. «Надо очерстветь душой к боли и страданиям. И побыстрее. Последний срок — прямо сейчас» (с. 96), — говорит повествователь, не способный выносить ужасов больницы: «...Я вижу лик страдания. Лик его свиреп, бездушен и стар... Наверное, я устал быть человеком, если я на самом деле человек» (с. 109). Но уже в Аушвице он «шпарит по-немецки, будто во сне, будто хороший робот» (с. 133). Адаптивно удвоенное «я», как показала история нацистских врачей, может стать опасно необузданным. Процесс над 20 врачами был первым из 12 судов Нюрнбергского процесса и длился девять месяцев.

По мысли Лифтона, новое частичное «Я» действует как целостное, устраняя внутренние психологические конфликты. В Аушвице

врач мог через удвоение не только убивать и осуществлять вклад в убийство, но и молча организовывать в интересах этого зловещего процесса всю структуру своего «Я», все аспекты своего поведения. При удвоении, однако, две «личности» знают друг о друге, и все-таки действия «злой» половины не имеют никаких моральных последствий для того «Я», которое не несет на себе зла.

Примечательно, что мучимый совестью старый Одило-Тод, дающий игрушки детям и раздающий бесплатные лекарства проституткам, все же «обладает механизмом восприятия, который управляет его реакциями на все опознаваемые индивиды. Его эмоциональное состояние четко структурировано: один уровень внутренней мобилизации — на испаноязычных, другой — на азиатов, третий — на арабов, четвертый — на индейцев, пятый — на чернокожих, шестой — на евреев. Еще в его распоряжении дополнительный репертуар настороженной враждебности к сутенерам, путанам, наркоманам, сумасшедшим, колченогим, зайчегубым, гомосексуалистам и глубоким старикам» (с. 51). Психологические основы личности Одило навсегда утратили свою целостность; насилие и раскаяние, бездушие и вина, черствость и боль навсегда отпечатались в его судьбе, как и в его имени *Underverdorben*. Необъяснимая в привычных бинарностях двойственность реакций Тода свидетельствуют об одном — о неизбежности страдания, боли, не изживающей себя памяти о насилии (ср. в словах повествователя: «Я подошел слишком близко, слишком долго находился подле страдания и обонял его зловонный отравленный выдох; лик его свиреп, бездушен и стар. Тепловатый гул больницы — я помню *все*» (с. 113-114)).

«Невыносимые повторы» (с. 66) снов Тода говорят о боли, о памяти, отзывающейся против воли героя страхом и виной. Но в меньшей степени важны сами образы, навязчиво стучащие в сознание Тода: младенец-бомба, фигура в белом халате и черных сапогах, «огонь, больно лечащий и ярко творящий из кромешного чада и хаоса», звездная вьюга из душ, вонь от сгоревших ногтей, карлики, зеркала и близнецы, близнецы, близнецы... Интерес к близнецам во многом связан с отсылкой к идее Йозефа Менгеле, основанной на стремлении создать методы «повышения плодовитости арийских женщин». Однако метафорическое прочтение близнецства, возможно, также связано с тотальной унификацией личности, превра-

щением мира в конвейер по производству идеального генетического материала, своего рода зеркальный аналог фабрики уничтожения недочеловеков Кат-Цет.

Именно эта идея вводит в интерпретацию произведения новый поворот, впрочем, традиционный для интеллектуально-философского романа XX века. Уничтожение и творение человека оказываются неразрывно связаны. Более того, созидание мира телесности и распада нео-Франкенштейном все так же знаменует отпадение от Божественного, его зеркальную аннигиляцию. Так, в романе с очевидностью угадывается христианский шифр творения. Но творения из ничего, ex nihilo: «Какая у нас сверхъестественная цель? Вымечтать расу. Делать людей из погоды. Из грома и молнии. Газом, электричеством, дерьмом, огнем» (с. 135). В снах Тод «лучится неодолимой силой, которой нет преград, — силой, заимствованной у творца-покровителя» (с. 37). Рационалистическая гениальность созданного человеком-творцом механического аналога Бытия в Аушвице, о котором с удовлетворенной усталостью бога-творца говорит повествователь, дана гротескными подробностями: «Я так и знал, что мое золото обладает волшебной силой. Все эти годы я копил его и лелеял, и оказывается — евреям на зубы. Основную часть одежды пожертвовал Союз немецкой молодежи. Волосы для евреев любезно предоставила «Фильцфабрик АГ» из Ротаб под Нюрнбергом. Полные вагоны волос. Вагон за вагоном... В Душевой пациенты наконец одевались в предоставленную им одежду, которая была не сказать чтобы чистой, но, по крайней мере, всегда соразмерно скроенной» (с. 136).

Постоянный спутник творения — экскременты: «Где бы мы... были без туалета? Где бы мы были без всего этого мусора?» Аушвиц, называемый Anus Mundi, становится квазимифологическим пространством Ада, в котором экскременты, традиционно символизирующие грехи человеческие, оказываются зеркальным аналогом духовного начала, вносимого Творцом. Многочисленные детали романа, среди которых особенно част образ распятия, указывают на попрание высшей духовности, узурпацию места Бога, творение тел, по прихотливой логике романа молодеющих и все же обреченных на исчезновение при обоюдных криках матери и ребенка в присутствии врачей в окровавленных фартуках. Телесная перспектива творения неизбежно, фатально обречена на фиаско. На этот этико-

философский план романа указывает сам Эмис: «Читатель должен увидеть этическую сторону происходящего. Ужасные события, которые описываются как великое благодеяние, все же предстают так, что, надеюсь, вызовут смешанное чувство отвращения от противоестественности и обмана. Он (двойник Одило. — *О. Д.*) не прекращает задаваться вопросом, почему всеблагое творение так безобразно, грязно и отвратительно. Ведь это копроцентрический универсум (*coprocentric universe*)... повествователь не может этого понять, читатель сделает это»¹⁴. Мир, легко создаваемый из мусора и экскрементов («Творение — это легко и быстро» (с. 22)), в прямом и переносном смысле исчезает, в какую бы сторону ни была устремлена стрела времени. Ключевая идея нацистской идеологии — идея прогресса — в романе ставится под сомнение и с точки зрения исторической, и с точки зрения философской.

В этом и других романах Эмиса возникают апокалипсические мотивы, представленные весьма разнообразно. Любопытно, что на обоих концах стрелы времени — смерть Одило-Тода. Имя *Odilo* — *Olido* в обратном прочтении представляет собой почти полный палиндром. Но обратим внимание на возможную игру *Tod* — *Dot* (нем. *смерть* — англ. *точка*). Смерть героя, с которой начинается роман, дана как смерть престарелого Тода в собственном саду в американском провинциальном Уэллпорте (*Wellport* — здесь семантический аналог рая). В конце романа, отсылающего читателя к рождению Одило, — это «смерть» от усилий отца-родителя. Рожденный в телесный мир человек обречен на боль и смерть, в какие бы ворота времени он ни попал. Возможно, с этим связаны смысловые корреляции названия романа «Стрела времени». Как известно, знаменитый астрофизик Артур Стенли Эддингтон, давший новую трактовку второму закону термодинамики, назвал энтропию стрелкой, отмеряющей время. Об интересе к этой научной теории Эмис упоминает в своих интервью¹⁵.

Тотальная энтропия человеческого мира, выброшенного во время, неизбежно выстраивает один вектор: невинность — падение, творение — распад, самоубийство, хаос, растворение во множестве:

¹⁴ *Noakes J., Reynolds M.* Interview with Martin Amis // Martin Amis. L., 2003. P. 21.

¹⁵ *Ibid.* P. 19.

«...Я не выношу вида звезд, хотя и знаю, что они там и никуда не денутся, и даже вижу их... Для меня звезды — как булавки и иголки, как маршрут грядущего кошмара» (с. 23). Любопытно, что данная логика присутствует и в романах Эмиса «Лондонские поля», «Успех», «Ночной поезд». В «Лондонских полях», к примеру, постоянный мотив — черная дыра, которая очевидно ассоциируется с энтропией и апокалипсисом. Героиня романа «Ночной поезд» — увлеченный своей работой талантливый ученый-астрофизик, человек ослепительного благополучия и менее всего подверженный метафизической ипохондрии, совершает самоубийство. Дознание по факту этого дела приводит детектива к философскому признанию самоубийства как хаоса: «Как объект исследования [оно] отличается крайней бессистемностью». Самоубийство человека воплощает принцип энтропии, становится метафорой тотального разрушения.

Мотив самоубийства частотен в «Стреле во времени». Однако самоубийство Примо Леви, автора многочисленных книг о Холокосте, повлиявших на создателя «Стрелы во времени», бывшего узника Аушвица, — это, по словам Эмиса, акт иронического героизма, попытка самостоятельного выхода в тотальную энтропию мира.

Страшным и унижительным представляется Эмису *бессознательное* соскальзывание в духовное самоубийство, в энтропию. То, что произошло с врачами-нацистами, то, что видится ему в образах современного города (Америка), дается как антигероическое, дегуманизованное растворение в энтропии мира. «Телевизор, газета, решение мелких бытовых проблем: измельчитель кухонных отходов, ноготь на ноге, пуговицы на рубашке, лампочки. Самосознание, оказывается, не невыносимо. Оно прекрасно: вечное творение, распад ментальных форм. Покой...» (с. 86). Обезличенный, дегуманизирующий все и вся современный город предстает в романе Эмиса опять-таки двойником, зеркальным отражением Кат-Цег: «...Город исцелит их лезвием ножа, автомобилем, полицейской дубинкой, пулей. Локальные вспышки любви и ненависти. Оборванные кабели и порушенная кладка телекинетического города» (с. 98); «Сброд в ночлежках играет одно и то же... Конечно, ни у кого из нас нет выбора, чем именно питаться, ведь все берется из канализации... они достают из себя ложки и заполняют тарелки — 20 или 30 человек — все одни же...» (с. 39). Именно в обезличивающей толпе любит раство-

рять свою личную боль Тод-Одило: «Он расплавляется в большем, в его рдеющей массе с восторгом и облегчением. Он избавляется от того, что порой кажется ему невыносимым: от своей индивидуальности, личности, сущности, которая в массовой неразборчивости» (с. 60). Принудительное обезличивание современного города теперь санкционировано не верхушкой нацистов-идеологов, а цивилизационным насилием унифицирующей идеологии общества потребления, культурой «эрозии различий»¹⁶. «Значит, люди свободны, вообще свободны, правда? Да, но свободными они не выглядят. Запрокидываясь, пошатываясь, каркая придушенными голосами, они двигаются задом наперед, но словно уже пройденным, заранее намеченным маршрутом... Князя лжи и дерьма. Висят таблички “Не сорить” — для кого они? Нам бы и в голову такое не пришло. Это делает правительство, по ночам, грузовиками муниципальных служб; или утром уныло проходят с тележками люди в форме, раскидывая мусор для нас и дерьмо для собак» (с. 53).

Энтропийной бессмысленности мира, его изначальной дегуманизации Эмис противопоставляет иронический героизм самоубийства П. Леви. Бессистемности хаоса вне человеческого противостоит бессистемность человеческой воли, декларирующей невозможность возвращения в невинность, невозможность поэзии после Аушвица. Парадоксальным образом роман Эмиса «Стрела времени» воспроизводит все известные постмодернистские клише, игровые стратегии и инструментарий и одновременно показывает невозможность тотальной игры, самой идеи бесконечного переписывания истории, культурного релятивизма. Последние гуманистические нотки, не позволяющие человеку раствориться в удобной таблоидной реальности постмодернистской современности, — память о боли и сознание невозможности забвения, отказа от опыта прожитой жизни как хроники вины, стыда и потерь.

¹⁶ См.: *Jameson F. Postmodernism, or the Cultural Logic of Late Capitalism.* London, 1991.

М. В. АНИКЕЕВ

ВОЙНА И ЛЮБОВЬ В 1341 ГОДУ

ЖАН ФРУАССАР О ПОХОДЕ ЭДУАРДА III В ШОТЛАНДИЮ*

Рассказ Фруассара о пылкой влюбленности, которую король Эдуард III внезапно испытал к замужней графине Солсбери во время шотландской кампании летом 1341 г., уже давно привлекает внимание исследователей, поскольку в нем очень ярко отразились основные принципы творческого метода хрониста и характерный для него подход к использованию чужих исторических сочинений. Первоначальной основой для этого рассказа послужило довольно мрачное и лаконично-емкое повествование, созданное льежским каноником Жаном Ле-Белем. Фруассар использовал «Правдивые хроники» Ле-Беля в качестве образца, существенно дополняя и корректируя их материал в каждой новой редакции Книги Первой своих «Хроник».

Сюжет, содержащийся в труде Ле-Беля, может быть кратко изложен следующим образом¹.

После подписания Эсплешенского перемирия между Эдуардом III и Филиппом VI [25 сентября 1340 г.]² все союзники разъезжаются по своим владениям. Король Дэвид II Шотландский, проведя семь лет во Франции, возвращается в свою страну [4 мая 1341 г.] и находит ее очень сильно опустошенной англичанами. Разгневанный, он клянется отомстить и собирает большую армию. В ходе вторжения в приграничные земли Англии шотландцы подвергают осаде замок Солсбери³, владелец которого, Вильям Монтэгю, граф Сол-

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ: «Хроники» Жана Фруассара (научный перевод и исследование источника), 08-01-00346а.

¹ См.: *Chronique de Jean le Bel* / Ed. par J. Viard et E. Deprez. P., 1902. Vol. I. P. 290–294; Vol. II. P. 1–4, 30–33 (далее: *Le Bel*).

² В квадратных скобках указаны реальные даты событий.

³ Исследователи сходятся на том, что под замком Солсбери Ле-Бель и Фруассар имели в виду замок Варк-он-Твид (Wark-on-Tweed).

сбери, уже два года находится во французском плену в Париже⁴. Его супруга, графиня Солсбери⁵, своим присутствием воодушевляет воинов гарнизона, и те отбивают все вражеские приступы. Дождливой ночью племянник графа Солсбери покидает осажденный замок и направляется со срочным донесением к королю Эдуарду, который тем временем собирает войско в Йорке, чтобы дать отпор шотландцам. Узнав об опасном положении, в котором оказалась графиня, король спешит к ней на помощь. Однако шотландцы прекращают осаду и уходят в свою страну всего за несколько часов до появления английского войска.

Прекрасная графиня Солсбери в роскошном наряде выходит из замка встречать своего спасителя, и король Эдуард немедленно в нее влюбляется. Оказавшись с графиней наедине, он признается в своих чувствах и просит об ответной любви, но получает решительный отказ вместе с напоминанием о его высоком долге сеньора и государя. Расстроенный, король почти ничего не ест на обеде, данном в его честь. Он задерживается в замке на ночь, напрасно надеясь, что дама все-таки проявит уступчивость. Все это время совесть короля разрывается между Честью и Верностью, с одной стороны, и страстной Любовью, с другой. Утром король выступает со своим войском в поход, чтобы преследовать шотландцев. Однако, прощаясь, он дает графине понять, что в следующий свой приезд рассчитывает найти у нее более

⁴ Весной 1340 г. в ходе боевых действий под городом Лиллем Вильям Монтэгю был взят в плен и доставлен в Париж.

⁵ Говоря о представителях английской фамилии Монтэгю (Монтакьют), Жан Ле-Бель и Фруассар создают большую путаницу в именах, родственных связях и датировках. Графиня Солсбери получает у них имя Алиса, тогда как в действительности ее звали Екатериной. Она была дочерью лорда Вильяма Грандисона; в 1327 г. вышла замуж за Вильяма Монтэгю (1301–1344), который получил от короля титул графа Солсбери (16 марта 1337 г.). От этого брака родилось шестеро детей. После гибели Вильяма Монтэгю на одном из рыцарских турниров, его старший сын Вильям унаследовал графский титул. Графиня же ушла в монастырь, где и скончалась в 1349 г. Молодой племянник графа Солсбери, о котором пишут Фруассар и Ле-Бель, на самом деле был племянником младшего брата графа Солсбери, Эдуарда Монтэгю. Супругу Эдуарда звали Алисой, и, вероятно, именно с ней хронисты спутали настоящую графиню Солсбери. Подробнее об этом см.: *Gransden A. The Alleged Rape by Edward III of the Countess of Salisbury // The English Historical Review. 1972. Vol. 87. № 343. P. 336.*

благосклонный прием. (В этом месте Ле-Бель предупреждает читателя о «низком деянии», которое король совершит в будущем).

Войдя в пределы Шотландии, Эдуард III заключает с противником перемирие, по условиям которого граф Солсбери должен быть отпущен из французского плена в обмен на освобождение шотландского барона, графа Морэйского. Вскоре в Лондоне проходит пир по случаю возвращения Вильяма Монтэгю в Англию [после июня 1342 г.]. Используя в качестве повода новые агрессивные действия шотландцев, Эдуард III созывает в Лондон английскую знать и, прежде всего, чету Солсбери. Графиня понимает, что король ищет встречи с ней, но не решается сказать об этом своему мужу. Стремясь оградить себя от опасного внимания короля, она является ко двору в самом простом и скромном наряде. На этот раз несчастья удастся избежать, но ненадолго.

Вскоре Эдуард III посылает Вильяма Монтэгю воевать в Бретань, а сам, пользуясь удобным случаем, приезжает к графине в замок Солсбери. Однако все его домогательства вновь оказываются напрасными. Ночью разгневанный король проникает к даме в спальню и жестоко ее насиловает. Следующим утром он уезжает в Лондон, «очень сожалея о том, что совершил»⁶.

Когда Вильям Монтэгю возвращается домой из Бретани, жена рассказывает ему о случившемся. Потрясенный вероломством короля, граф решает навсегда покинуть Англию. Явившись к Эдуарду III, он осыпает его горькими упреками и заявляет о сложении с себя вассальных обязательств. Затем, желая скорее найти свою смерть, граф уезжает воевать с «неверными» в Кастилию и гибнет при осаде крепости Альжезиры⁷.

В таком мрачном и неприглядном свете представлена история любви Эдуарда III к графине Солсбери в труде Жана Ле-Беля. К настоящему времени у исследователей уже не осталось сомнений относительно того, что весь рассказ об изнасиловании является вы-

⁶ *Le Bel*. Vol. II. P. 31. Условно изнасилование графини можно датировать 1344 г., поскольку Ле-Бель тесно ассоциирует его по времени с перестройкой Вестминстерского дворца и учреждением Ордена Подвязки (*Ibid*. P. 25–27).

⁷ Как указывалось выше, Вильям Монтэгю скончался от раны, полученной на рыцарском турнире в Англии (1344 г.). Рассказ о его гибели под Альжезирой, равно как и о ссоре с королем, следует считать вымыслом.

мыслом. Он попал в сочинения французских и нидерландских хронистов⁸ в результате активной политической пропаганды, которую сторонники династии Валуа вели против Эдуарда III Плантагенета, стараясь опорочить и дискредитировать его в глазах общественного мнения. Исследовательница Антония Грансден приводит убедительные доводы в пользу того, что примерно в середине 40-х годов XIV в. во Франции был создан пропагандистский труд (быть может, поэтический), в котором обличалось вероломство и моральная распущенность Эдуарда III. Литературными образцами для него могли послужить известные рассказы Тита Ливия и Овидия об изнасиловании супруги Коллатина, Лукреции, Секстом Тарквинием, сыном римского царя Тарквиния Гордого⁹. Этот труд не сохранился до нашего времени, но сюжет об изнасиловании графини Солсбери мог переключаться из него в некоторые хроники, в том числе и в «Правдивую хронику» Жана Ле-Бея¹⁰.

Однако какие изменения этот сюжет, будучи заимствован у Ле-Бея, претерпел в «Хрониках» Жана Фруассара? Изучая этот вопрос, известный исследователь творчества Фруассара Жорж Дийе провел глубокий сравнительный анализ трех главных редакций Книги Первой — «Амьенского манускрипта», манускриптов «семейства А/В» и «Римского манускрипта» — и пришел к очень важным выводам¹¹. По его мнению, «Амьенский манускрипт» был самой ранней редакцией Книги Первой. В нем еще относительно молодой Фруассар использовал любую возможность, чтобы проявить свое мастерство рассказчика-импровизатора, опираясь при этом на сюжетный каркас, построенный Жаном Ле-Белем. Благодаря дополнительным вставкам, повествование Ле-Бея, относящееся к шотландской кампании 1341 г., было расширено, по меньшей мере, в два раза и обрело новые смысловые акценты. Так, например, Фруассар неоднократно подчеркивает, что шотландцы начали свое вторжение в Англию, поскольку хотели воспользоваться отсутствием одного из главных своих противников, графа Солсбери, который в это время находился во француз-

⁸ Подробнее см.: *Gransden A.* Op. cit. P. 333–344.

⁹ *Ibid.* P. 342–344.

¹⁰ *Ibid.*

¹¹ *Diller G. T.* Attitudes chevaleresques et réalités politiques chez Froissart: Microlectures du premier livre des Chroniques. Genève, 1984. P. 77–156.

ском плену и не мог встать на защиту своих владений¹². С помощью таких указаний хронист дополнительно обостряет нравственный конфликт, который скоро должен разыграться в душе Эдуарда III, увлекшегося женой своего верного вассала и ближайшего советника.

Особенно сильные изменения в «Амьенском манускрипте» претерпел эпизод, в котором Эдуард III, едва избавив графиню Солсбери от шотландской угрозы, сразу подвергает ее новой осаде, но уже на «любовном фронте». Если у Ле-Беля эта сцена представляет собой тревожное описание слепой и опасной страсти, охватившей короля, то Фруассар, в лучших традициях рыцарских романов, превращает ее в увлекательный рассказ о галантном ухаживании короля-рыцаря за прекрасной хозяйкой замка. При этом сам замок Солсбери становится неким зачарованным местом, островком красивой и тонкой чувственности среди суровых реалий войны. Этим он напоминает фантастический «Двор Любви» (*Cour d'Amour*), описания которого часто встречаются в куртуазной лирике той эпохи. Фруассар изображает короля как опытного в сердечных делах стратега, превосходно владеющего искусством флирта и мягкого обольщения. Однако в своем любезно-фривольном противостоянии с графиней король терпит нравственное поражение. Символом этого поражения становится драгоценный перстень, умышленно проигранный королем в шахматы, но возвращенный ему назад. Проницательная графиня не хочет оставлять у себя никаких любовных залогов.

Еще одной творческой находкой Фруассара стало то, что сама военная кампания против шотландцев оказывается у него психологически сопряжена с тайными сердечными стремлениями и переживаниями английского короля. Желая придать своему общению с графиней некоторую интимность, король отсылает почти все свое войско вслед за шотландцами и оставляет возле замка Солсбери лишь небольшой эскорт в 500 копий. Затем, во время похода, он позволяет, чтобы соратники объясняли его угнетенно-рассеянное состояние неудачными попытками настичь противника. Однако наибольшего психологизма в портрете короля Фруассар достигает, когда описывает душевные терзания, охватившие его во время восьмидневного пребывания в крепости Бервик, после заключения предварительного

¹² *Froissart J.* Chroniques. Livre I. Le manuscrit d'Amiens / Ed. par G. T. Diller. 5 tomes. Genève, 1991–1998. Т. II. P. 54, 59, 173 (далее: Amiens).

перемирия с шотландцами. По условиям этого перемирия граф Солсбери должен получить свободу. Это благо для короля-политика, но беда для короля, страдающего от безнадежной любви. Эдуарда одолевает искушение по пути в Лондон захватить в замок Солсбери, ибо это последний шанс увидеть графиню до возвращения ее супруга. Однако в итоге Честь и Верность берут верх, и король решает, что будет любить графиню «совершенной любовью», то есть бескорыстно и платонически. К графине посылается ее племянник с вестью о скором освобождении графа.

Эта драматичная сцена могла бы стать красивой развязкой для всей истории, однако некоторое время Фруассар, словно по инерции, продолжает следовать за сюжетной линией Жана Ле-Беля. Так, он рассказывает, что супруги Солсбери явились на пир в Лондон по особому приглашению короля, и графиня при этом старалась никак не выделяться среди прочих дам¹³. После этого имя графини исчезает из повествования, а о графе Фруассар упоминает лишь вскользь, говоря о королевских поручениях, исполнявшихся им в Бретани и Ирландии. Судя по всему, хронист спохватился и сообразил, что дальнейшее следование за сюжетом Ле-Беля заведет его в мрачный тупик и нанесет непоправимый ущерб героическому образу короля-рыцаря. Кроме того, рассказ о любовных похождениях Эдуарда III, даже без описания слишком нелицеприятных подробностей, оскорблял светлую память его супруги, королевы Филиппы, которая долгое время была щедрой покровительницей Фруассара.

Тем не менее, хронист не счел возможным полностью обойти молчанием «случай с изнасилованием», описанный Ле-Белем. В совершенно неожиданном месте, ведя речь о военной кампании графа Дерби в Гиени (1345 г.), он вдруг останавливается и заявляет, что рассказ Ле-Беля не заслуживает никакого доверия, ибо он, Фруассар, долгое время жил в Англии и вел расспросы на эту тему, но не нашел каких-либо свидетельств, подтверждающих факт изнасилования¹⁴. В любом случае, мысль о возможности такого низкого деяния со стороны Эдуарда III кажется ему нелепой, и более к этому вопросу он возвращаться не хочет¹⁵.

¹³ Amiens. T. II. P. 254, 255.

¹⁴ Примерно с 1361 по 1369 гг. Фруассар находился на придворной службе у своей землячки, английской королевы Филиппы д'Эно, супруги Эдуарда III.

¹⁵ Amiens. T. II. P. 332.

И действительно, далее о графской чете в «Амьенском манускрипте» не говорится ни слова. В манускриптах «семейства А/В», которые Ж. Дийе обоснованно считает второй редакцией Книги Первой, Фруассар проявит намного больше сдержанности и осторожности. Стараясь избегать сюжетных ловушек и опасных двусмысленностей, он почти дословно воспроизведет рассказ Ле-Бея, исключив из него малейшие намеки на «случай с изнасилованием». Для собственных художественных импровизаций Фруассара там тоже почти совсем не найдется места. В дальнейшем, при создании последней редакции Книги Первой, так называемого «Римского манускрипта», хронист поступит еще более радикально. Из повествования будут удалены не только все упоминания об изнасиловании, но и сама история любви Эдуарда III к графине Солсбери. В результате останется лишь ничем не омраченный рассказ об идеальных взаимоотношениях образцового короля-рыцаря и его добродетельной супруги, королевы Филиппы.

Ниже вниманию читателей предлагается перевод фрагмента «Амьенского манускрипта», в котором Фруассар описывает события шотландской компании 1341 г.

ЖАН ФРУАССАР

ХРОНИКИ

КНИГА ПЕРВАЯ. «АМЬЕНСКИЙ МАНУСКРИПТ»

(ФРАГМЕНТ)¹

О том, как король Англии объявил срочный военный сбор в городе Йорке, а также о том, как шотландцы захватили и жестоко разорили город Дарем

<...> В то время как король [Эдуард III] направлялся в Эврюик² и спешно созывал людей со всех концов, чтобы оказать противодействие шотландцам, король Дэвид Шотландский, крайне разгневанный из-за пленения своего кузена графа Морэйского³, вел осаду города Дарема. Он жестоко донимал его гарнизон штурмами и стычками и очень старался его захватить, поскольку хорошо знал, что в городе собрано и укрыто очень много ценного имущества, которое принесли туда жители, сбежавшиеся со всех окрестных земель.

В конце концов шотландцы провели там столько времени и штурмовали город так долго, что захватили его, используя силу осадных машин и орудий, которые они изготовили. Проломив и разрушив с их помощью стены, они ворвались в город. Там было великое смертоубийство и великое горе, ибо шотландцы всех предали мечу без малейшей пощады — мужчин, женщин, детей, клириков и священников. Разграбив и разорив дома, они нашли там имущества без числа.

После взятия города шотландцы подступили к кафедральной церкви, которая стоит на одном высоком холме. Местные каноники ее укрепили и укрылись в ней, но шотландцы — это была великая жестокость и великая жалость! — предали церковь огню и сожгли ее

¹ Перевод выполнен по изданию: Amiens. Т. II. Р. 172–193. Текст разбит переводчиком на отдельные смысловые фрагменты, которые снабжены самостоятельными заголовками.

² Эврюик — одно из средневековых названий города Йорка (от латинского «Эбуракум»).

³ Граф Морэйский попал в плен в результате ночной вылазки англичан из города Ньюкасл-на-Тайне.

вместе со всеми, кто там находился, никому не дав пощады. Так обошлись шотландцы с добрым городом Даремом, что было весьма печально.

О том, как гарнизон замка Солсбери отбил у шотландцев часть их добычи, а затем выдержал большой приступ и оказался в осаде

Когда это случилось, король Дэвид решил на совете, что отступит назад вдоль реки Тайн и направится к городу Карлайл, который стоял у входа в пределы Гэлльса⁴. Однако, находясь на пути туда, в одну из ночей он и все его войско расположились довольно близко от очень мощного замка, называемого Солсбери. Это замок принадлежал тому самому графу Солсбери, который вместе с графом Саффолком был взят в плен под городом Лиллем во Фландрии и до сих пор еще находился в парижской темнице Шатле. В этом красивом и мощном замке пребывала тогда графиня Солсбери — на то время самая красивая и самая изящная дама Англии. Блустителем и верховным управляющим замка был один благородный башелье, доблестный и отважный. Он был сыном сестры графа Солсбери, а звали его, как и дядю, — монсеньор Вильям Монтэгю. Когда ночь миновала и наступил день, войско шотландского короля снялось с лагеря, чтобы, согласно замыслу, двигаться дальше, к Карлайлу. Шотландцы проследовали отдельными отрядами довольно близко от мощного замка Солсбери. При этом они были очень сильно нагружены добычей, захваченной как в городе Дареме, так и в его округе.

Названный башелье, мессир Вильям Монтэгю, увидел из замка, что все шотландцы проследовали мимо и вовсе не собираются останавливаться, чтобы начать штурм. Тогда, полностью вооружившись, он выступил из замка с 40 соратниками и скрытно поехал за последним шотландским обозом, в котором кони были так сильно нагружены добычей, что могли идти вперед лишь с великим трудом. И вот, при входе в какой-то лес он их настиг и напал на них. Он и его люди убили более 200 шотландцев и захватили добрых 120 лошадей, нагруженных драгоценностями и всяким добром. Затем они повели лошадей в сторону замка.

⁴ Так Фруассар называет область Камберленда с кельтским населением.

Между тем уцелевшие шотландцы с криками и воплями прибежали к самому монсеньору Вильяму Дугласу, который возглавлял арьергард и уже прошел через этот лес; а затем весть достигла и основного войска. Кто увидел бы тогда шотландцев, скачущих обратно на своих лошадях по полям, горам и долинам, и монсеньора Вильяма Дугласа впереди всех, — тот испытал бы великий ужас. Так, мчась наперегонки, они прискакали к подножию замка и в великой спешке взобрались на гору. Однако прежде чем они достигли барьеров, англичане их затворили, а добытое имущество надежно укрыли в замке. Испытав от этого большое огорчение, шотландцы затеяли очень мощный приступ. В свою очередь, воины гарнизона стали обороняться, сражаясь копьями, а также пуская стрелы, камни и ядра. При этом оба Вильяма — Дуглас и Монтэгю — напрягли все свои силы, стараясь досадить друг другу. И столь длительным был этот штурм, что под замком собралось уже все шотландское войско во главе с самим королем, но и после этого он продолжался еще довольно долго.

Когда король и его советники увидели своих людей лежащими мертвыми в поле, и убедились, что нападавшие, ведя штурм, получают раны и увечья, но не могут ничего захватить, то были жестоко расстроены. Тогда повелел король, чтобы все его воины прекратили штурм и раскинули лагерь, ибо он двинется дальше и уйдет отсюда только после того, как найдет способ отомстить за своих людей. Тот, кто посмотрел бы тогда, как люди, дрожа, зовут друг друга и подыскивают участок земли, чтобы лучше расположиться, как нападавшие отступают от замка, унося и поддерживая на себе раненых, и как оттаскивают и собирают в одно место мертвых, — узрел бы великую тревожную суматоху.

В ту ночь шотландское войско расположилось под замком, а благородная графиня Солсбери очень сильно, — сколь только могла и от всей души, — чествовала и ободряла воинов гарнизона.

На следующий день король Дэвид, который был жестоко расстроен, приказал, чтобы каждый подготовился к штурму, ибо он велит затащить наверх свои осадные машины и орудия, дабы посмотреть, нельзя ли как-нибудь взломать мощные укрепления замка. Все шотландцы снарядились и двинулись наверх, чтобы начать штурм, а осажденные взойшли на стены, чтобы обороняться. Там был упорный и опасный приступ, в ходе которого отличилось множество людей и

с той, и с другой стороны. Лично присутствуя при этом, графиня Солсбери очень сильно воодушевляла своих людей. И уже ради одного этого стоило им потрудиться — так она была красива и мила!

Штурм продолжался весь день, и только вечером отступили шотландцы в свой лагерь. На следующий день они снова пошли на приступ, мощно и яростно, — столь они были разгневаны на защитников замка Солсбери! Действуя таким образом, шотландцы продолжали осаду изо дня в день, и при этом готовили свои орудия к тому, чтобы поднять их наверх и нанести больше урона защитникам замка. Ибо они хорошо видели, что иначе не смогут их одолеть.

В те же самые дни король Англии прибыл в город Эврюик и стал поджидать своих людей, которые приходили туда со всех сторон с великой поспешностью. Ведь по всей Англии разнеслась молва о том, что король Шотландии еще никогда не выводил в поле такое могучее войско, как в этот раз. Поэтому англичане спешили к королю изо всех сил, дабы сразиться с шотландцами, если смогут их найти и настичь.

Пока король Англии находился в Эврюике, защитники замка Солсбери выдержали много приступов и были поставлены своими врагами в очень тяжелое положение. Если бы король Англии знал об этом, то поспешил бы еще сильнее, чтобы выручить благородную графиню Солсбери. Однако пока еще не было человека, который мог бы сказать ему эту весть. Но скоро он появится, как вы услышите, если вам то угодно.

***О том, как мессир Вильям Монтэгю известил
короля Эдуарда Английского о тяжелом положении,
в котором оказался гарнизон замка Солсбери***

Отбивая натиск шотландцев, защитники замка Солсбери были сильно утомлены, а кроме того, среди них было уже много раненых. Они хорошо видели, что попали в большую переделку, и если король Дэвид проявит упорство, им несдобровать. Поэтому они решили на совете, что пошлют какого-нибудь вестника к королю Англии, который, как они надеялись, уже должен был находиться в Эврюике. Ведь они точно слышали, что король объявил скорый военный сбор и назначил для него определенный день. Между тем этот срок уже наступил, и с него минуло пять дней.

Затем они рассмотрели и обдумали между собой, кто из них способен исполнить это поручение. Многие участвовали в обсуждении, но все, один за другим, отказывались взять дело на себя, говоря, что, ради своей чести, никогда не покинут даму и замок. И была между ними большая размолвка.

Когда мессир Вильям Монтэгю увидел, с одной стороны, отважную решимость своих соратников, а с другой — беду и опасность, в которой они могли оказаться, если бы не получили помощь, то сказал им: «Сеньоры, я хорошо вижу вашу верность и отважную решимость. Поэтому из любви к госпоже и ко всем вам, я подвергну свою жизнь опасности, дабы исполнить это задание. Ибо после того, что я сейчас увидел, я совершенно уверен: вы удержите замок до моего возвращения. Кроме того, я возлагаю столь большую надежду на нашего государя-короля, что рассчитываю очень скоро получить от него весьма немалую помощь. И тогда вас будет ждать радость и хорошая награда за добрые дела, которые вы совершите!»

Когда настала ночь, названный мессир Вильям с предельным тщанием подготовился, чтобы покинуть замок как можно более тихо и незаметно для воинов из вражеского лагеря. Ему выпало большое везение. Всю ночь напролет шел ливень — да такой сильный, что никто из шотландцев не осмеливался выйти из своего стана. Поэтому примерно в полночь он проследовал прямо через весь лагерь, ни разу никем не замеченный. Когда он уже удалился от лагеря примерно на два лье, наступил рассвет. Затем поехал он дальше и немного спустя после восхода солнца, примерно в трех лье от лагеря, встретил двух шотландцев, которые вели туда двух быков и одну корову.

Сразу поняв, что это шотландцы, мессир Вильям тяжело ранил их обоих и убил скотину, поскольку не хотел, чтобы воины в лагере получили от нее какую-нибудь пользу. Затем он велел раненым: «Ступайте и скажите вашему королю, что это Вильям Дуглас так обошелся с вами — ему назло. И скажите, что я еду звать благородного короля Англии, который скоро заставит его покинуть это место, к его досаде». Они обещали, что охотно исполнят поручение — лишь бы он отпустил их с миром. Тогда названный мессир Вильям Дуглас оставил этих шотландцев и поехал дальше на своем превосходном скакуне. В конце концов, он прибыл в Эврюик и нашел там короля Англии, при котором находилось большое количество гра-

фов, баронов и рыцарей. Затем он пересказал послание от госпожи Солсбери так хорошо и красиво, как только мог. Король внимательно его выслушал и сказал, что ни в коем случае не оставит без помощи госпожу и ее людей; и если бы он еще раньше узнал о том, где находятся шотландцы, а также о беде и опасности, в которой оказались замок и дама, то направился бы туда намного скорее.

Тотчас после этого король распорядился и повелел через своего коннетабля и маршалов, чтобы каждый был готов выступить на следующий день, и чтобы всем приходящим постоянно приказывали двигаться дальше и ехать за его войском, которое у него было очень большим.

***О том, как шотландцы прекратили осаду замка Солсбери
и отступили в свою страну, не дожидаясь прихода
английского войска***

На следующий день король Эдуард выступил из города Эврюика очень радостный из-за вестей, принесенных монсеньором Вильямом Монтэгю. В следовавшем за ним войске было 5 тысяч латников, 10 тысяч лучников и 60 тысяч пехотинцев, и постоянно к нему присоединялись все новые люди.

Между тем бароны Шотландии и главные советники короля Дэвида узнали, что названный мессир Вильям Монтэгю проследовал через их лагерь и теперь направляется просить помощи у короля Англии. Им уже было хорошо известно, что король Эдуард находится в Эврюике с большим войском, и они считали его настолько отважным и благородным, что не сомневались: при любых обстоятельствах он не замедлит выступить против них, чтобы выручить даму и защитников замка. Они рассуждали об этом между собой, в то время как король Дэвид велел часто и яростно штурмовать замок, и хорошо видели, что король обрекает своих людей на раны и муки без особой нужды. Кроме того, они понимали, что король Англии придет сразиться с ними намного раньше, чем их король сможет завоевать замок, как он надеялся. Поэтому они дружно и сообща переговорили с королем Дэвидом и сказали ему, что дальнейшее пребывание там не принесет им ни выгоды, ни чести. Ведь им уже удалось весьма почетно исполнить свой замысел и причинить великую досаду англича-

нам. Проведя в их стране целых 22 дня, они спалили и опустошили все вокруг, силой взяли город Дарем и полностью предали его великому уничтожению. В заключение они посоветовали королю, чтобы он соизволил отступить в свое королевство, к Джедуортскому лесу. Ибо они точно знали, что король Англии идет на них с таким большим войском, что у них не хватит сил сражаться с ним и противостоять его мощи. Это могло обернуться для них великим несчастьем.

Король Дэвид охотно остался бы, чтобы дожидаться битвы с англичанами и узнать Божью волю, если бы его совет это одобрил. Но его люди привели против этого столько доводов, что слишком долго их было бы здесь пересказывать. Поэтому следующим утром все шотландское войско снялось с лагеря и выступило назад — прямо в сторону великого Джедуортского леса. Шотландцы избрали путь, коим они уже пользовались ранее, дабы иметь свободу действий. Они хотели выждать и посмотреть, что король Англии пожелает сделать: отступит ли он назад или пойдет дальше и направится в их страну.

О том, как король Эдуард прибыл в замок Солсбери и влюбился в его прекрасную хозяйку

Король Дэвид и шотландское войско выступили из-под замка Солсбери поутру, и уже в тот же день, в полуденный час, прибыл туда король Англии со своим войском, — прямо в то место, где король Шотландии стоял лагерем. Он был очень огорчен, не найдя противника, ибо охотно бы с ним сразился. И прибыл он туда в столь великой спешке, что его люди и кони были жестоко утомлены. Поэтому король приказал, чтобы каждый расположился прямо там, ибо он желал пойти осмотреть замок и повидать находившуюся в нем госпожу, которую он не видел со времени ее свадьбы и начала замужества.

Было сделано в соответствии с приказом. Каждый, как мог, расположился, и отдохнули те, кто хотел.

Лишь только с короля Англии сняли доспехи, он взял до 20 или 22 рыцарей и направился в замок, дабы приветствовать госпожу Солсбери и посмотреть, каким образом шотландцы вели осаду, а защитники — оборонялись. Едва узнав о прибытии короля, графиня Солсбери велела распахнуть все ворота и вышла из замка столь богато одетая и убранная, что всяк на нее дивился. Невозможно было

отвести от нее взгляд и налюбоваться на ее изящную и благородную осанку, равно как и на великую красоту и приветливую внешность, коими она обладала.

Когда дама подошла к королю, то поклонилась ему до самой земли в благодарность за оказанные ей милость и помощь, и повела его в замок, дабы потчевать и чествовать, ибо весьма хорошо умела это делать. Каждый смотрел на нее с изумлением, и сам король не мог удержаться от этого, и был он уверен, что еще никогда не видел дамы, которая бы столь превосходно сочетала в себе все достоинства красоты, живого изящества, веселого нрава, благородной осанки и изысканной мягкой учтивости. И был он от этого почти что совсем растерян. Тут, внезапно, пока король на нее зачарованно смотрел и любовался, запала ему в сердце искорка чистой любви и осталась там на долгое время, ибо это такой огонь, который очень быстро разгорается. Подхватить его легко, а погасить трудно, и в ином сердце тяжелей, чем в других. И казалось королю из-за искорки, которая уже занялась и ярко сияла, что на свете нет дамы, которую следовало бы любить, кроме этой.

Затем вошли они в замок, рука к руке, и повела его графиня сначала в залу, а затем в свой покой, который был столь благородно убран, как это приличествует такой даме. При этом король никак не мог отвести от нее взор и постоянно смотрел так пылко и пристально, что она совсем смутилась и растерялась. Наконец, изрядно и довольна на нее поглядев, король подошел к одному окну и, облокотившись, столь крепко задумался, что это было удивительно! Дама же, ничего не заподозрив в его задумчивости, пошла привечать и чествовать других сеньоров и рыцарей, каждого согласно его положению, весьма радушно и достойно, ибо хорошо умела это делать. Затем она велела приготовить обед, а когда придет срок — поставить столы и украсить зал, как это подобает делать для короля Англии.

О том, как король Эдуард пытался добиться от графини Солсбери взаимности, но был вынужден уехать ни с чем

Когда дама обо всем позаботилась и отдала своим людям все распоряжения, какие сочла нужными, то с веселым радушием вернулась к королю. Найдя его все еще погруженным в глубокие размыш-

ления и раздумья, она сказала: «Дорогой сир, о чем вы так крепко задумались? С вашего позволения, мне кажется, что такая задумчивость вам вовсе не пристала. Вместо нее вам надлежит выказывать торжество, радость и воодушевление, коль скоро вы изгнали ваших врагов, которые не посмели вас дожидаться. А об остальном предоставьте думать другим!» Король молвил в ответ: «О! Моя дорогая госпожа! Знайте, что с тех пор как я вошел сюда, мною овладела одна главная забота, от которой я не мог уберечься заранее. Так что теперь мне приходится думать, и хотя я не знаю, что со мной из-за этого может случиться, я не могу отвлечь от этого мое сердце!» — «О, дорогой государь, — сказала дама, — вы должны всегда выказывать бодрость духа, дабы внушать уверенность своим людям, и надлежит вам оставить эти думы и кручины. Господь до сих пор столь хорошо помогал вам во всех ваших делах и одарил вас столь великой милостью, что вы теперь стали одним из самых грозных государей на свете! А если король Шотландии причинил вам обиду и ущерб, вы вполне сможете, когда пожелаете, взять за это возмещение, как уже сделали это прежде! Поэтому перестаньте горевать и ступайте, пожалуйста, в зал к вашим рыцарям. Сейчас все уже будет готово к обеду». — «О! Моя дорогая госпожа! — сказал король. — Иное меня тревожит и лежит на моем сердце, нежели то, о чем вы думаете. Ибо, поистине, мягкое поведение, совершенный ум, великое благородство, изящество и утонченная красота, которые я узрел и нашел в вас, так меня поразили и очаровали, что придется мне теперь стать вашим верным влюбленным. Я вас прошу, чтобы вы отнеслись к этому благосклонно и ответили мне взаимностью. Ибо знайте, моя дорогая сударыня, что никакие отказы не смогут меня от этого отвратить».

От этих слов добрая дама была очень испугана и жестоко изумлена. И сказала она: «Дражайший государь! Не извольте надо мною смеяться или же испытывать и искушать меня! Я не могу поверить и представить, что вы говорите все это взаправду, и что столь благородный правитель, как вы, может искать случая и помышлять о том, чтобы обесчестить меня и моего супруга — столь отважного рыцаря, который, как вы знаете, так много вам послужил и до сих пор томится ради вас в узилище! Поистине, в таком случае вас стали бы мало ценить и мало уважать. Дражайший государь, я никогда не впускала таких желаний в свое сердце и, если угодно Богу, не сделаю этого

ради какого бы то ни было мужчины, рожденного на свет. А если бы я это сделала, то вы меня должны были бы выбрать, и не только лишь выбрать, но покарать и казнить мое тело, ибо вы — мой законный, верховный и естественный сеньор!»

На этом графиня удалилась и оставила короля жестоко встревоженным. Войдя в зал, она велела поспешить с обедом, а затем вернулась к королю, приведя с собой некоторых его рыцарей, и сказала: «Сир, идите в зал, ибо рыцари ждут вас, дабы омыть руки. Они уже слишком проголодались, да и вы тоже». После этих слов и речей дамы король отошел от окна, у коего он уже долгое время стоял, облокотившись, и направился в зал. Омыв там руки, он уселся обедать вместе со своими рыцарями и дамой, но мало тогда поел, ибо иное его заботило, нежели питье и еда. Сидя за столом, он очень напряженно размышлял, так что даже его рыцари стали дивиться. Ибо прежде король обычно смеялся, шутил и охотно слушал какие-нибудь веселые рассказы, дабы развеяться. Однако теперь он не имел к тому ни желания, ни склонности. Напротив, когда ему удавалось украдкой послать один единственный взгляд в сторону дамы, это доставляло ему превеликое удовольствие, и заняли тогда эти взгляды и раздумья наибольшую часть королевского обеда.

После обеда столы убрали. Тогда послал король монсеньора Рейнольда Кобхема и монсеньора Ричарда Стаффорда к тем воинам, которые расположились под замком лагерем, дабы узнать, как у них дела, и сказать им, чтобы они были готовы, ибо король желает двинуться дальше и преследовать шотландцев. Пусть они отправят обоз и все снаряжение вперед, и к вечеру король уже будет с ними. Кроме того, он приказал графу Пемброку возглавить арьергард, состоявший из пяти сотен копий, и дожидаться в поле его прибытия, а всем остальным отрядам было приказано двигаться вперед.

Два барона исполнили все, что король повелел, а он задержался еще в замке Солсбери, подле дамы, и до самого своего отъезда очень надеялся получить от нее более благосклонный ответ. С этой целью он потребовал шахматы, и дама приказала, чтобы их принесли. Затем король попросил графиню, чтобы она соизволила с ним сыграть. Дама весело согласилась, поскольку, как могла, старалась оказать ему радушное гостеприимство. И, действительно, она должна была это делать, поскольку король оказал ей превосходную услугу, заста-

вив шотландцев прекратить осаду замка и, тем самым, избавив ее от великой опасности. А кроме того, она должна была его привечать, поскольку король был ее законным и естественным сеньором на основе клятвы верности и оммажа.

Приступая к игре, король, желавший, чтобы у дамы осталась от него какая-нибудь вещь, внезапно спросил с улыбкой: «Сударыня, что вам угодно поставить на игру?» Дама ему ответила: «Сир, а вам?» Тогда король снял с пальца и положил перед собой один прекрасный перстень с большим рубином на щитке. Дама сказала: «Сир, сир, у меня нет ни одного перстня, столь же роскошного, как ваш!» — «Сударыня, — сказал король, — поставьте то, что у вас есть. Я не придаю этому слишком большого значения». Тогда графиня, исполняя волю короля, сняла с пальца золотое колечко невеликой стоимости.

Затем начали они играть. Дама при этом использовала все свое разумение, дабы король не счел ее слишком простой и невежественной, а король, притворяясь, играл не столь хорошо, сколь умел. И едва ли был там хоть один промежуток времени, когда бы он не смотрел на даму очень пристально. Из-за этого она так смутилась, что стала часто допускать ошибки в ходах. И когда король видел, что она потеряла ладью, коня или еще что-нибудь, то умышленно поступался чем-нибудь своим, дабы вернуть даму к игре. Так сражались они, пока король не проиграл, и был ему поставлен мат одной пешкой.

Тогда дама встала и велела принести вино и сласти, поскольку было похоже на то, что король собрался уезжать. Свое колечко дама взяла и одела себе на палец. Она очень хотела, чтобы король взял назад свой перстень, и предложила ему это сделать со словами: «Сир, не пристало мне иметь в моем доме что-нибудь из ваших вещей. Скорее вам надлежит увезти что-нибудь из моих». — «Сударыня, — сказал король, — это уже решено, ибо так распорядилась игра. Будьте уверены, что я унес бы ваше кольцо, если бы выиграл».

Не желая больше спорить с королем, дама подошла к одной своей придворной девице и вручила ей перстень, сказав: «Когда вы увидите, что король вот-вот должен уехать и, простившись со мной, уже собирается сесть на коня, то подойдите к нему, отдайте потихоньку его перстень и скажите, что я не желаю хранить при себе ни-

каких его вещей, ибо так вовсе не подобает». Девушка ответила, что сделает это охотно.

После этих слов принесли вино и сласти. Однако король не желал к ним притрагиваться раньше дамы, а дама тоже не желала быть первой, и едва не возникла между ними большая размолвка. Наконец, было согласовано, что они возьмут угощение одновременно — дружно и сразу, дабы не тянуть время. После того как это было сделано и все королевские рыцари тоже испили вина, король простился с дамой и сказал ей громко, чтобы никто не подумал чего-нибудь лишнего: «Сударыня, вы остаетесь в вашем замке, а я отправляюсь преследовать моих врагов». После этих слов дама очень низко склонилась перед королем, а он весьма быстро взял ее за правую руку и слегка пожал в знак любви. Это доставило ему превеликое удовольствие. Потом заметил король, что рыцари и придворные девицы заняты тем, что прощаются друг с другом. Тогда он вновь подступил к графине, чтобы сказать ей всего лишь пару слов: «Моя дорогая госпожа! Препоручаю вас Богу до моего возвращения! Я прошу, чтобы вы соизволили поразмыслить и принять иное решение, нежели то, о коем вы мне сказали». — «Дорогой сир, — ответила дама, — Славный Отец да изволит вас вести и отвращать от низких и бесчестных помыслов. Ибо я всегда намерена и готова служить вам — к вашей чести и моей собственной».

После этого король вышел из покоя, и дама проводила его до самого зала, где стоял его жеребец. Тогда сказал король, что не сядет на коня до тех пор, пока дама будет там находиться. Поэтому, чтобы не тянуть время, графиня на сей раз уже полностью простилась с королем и его рыцарями и ушла в свой покой с придворными барышнями.

Когда король уже должен был сесть верхом, девушка, имевшая поручение от своей госпожи, подошла к нему и преклонила колени. Видя это, король тотчас поднял ее, надеясь, что она хочет говорить на определенную тему. Однако она сказала: «Монсеньор, вот ваш перстень, который госпожа вам возвращает. Она покорно просит, чтобы вы не изволили расценивать как невежливость то, что она не хочет оставить перстень у себя. Вы уже и так сделали ей столько иных благодеяний, что она, по ее словам, обязана вечно быть вашей слугой».

Слушая просьбы и извинения графини, переданные девушкой, и видя свой перстень в ее руке, король был весьма изумлен. Тем не

менее, он тотчас вернулся к своей прежней приветливости. И, дабы оставить перстень в замке, как он это уже решил про себя, король сказал в ответ коротко (ибо долгая речь была неуместна): «Барышня, поскольку вашей даме не по нраву мелкий выигрыш, который она с меня получила, пусть он достанется вам».

Сказав это, он тотчас сел на коня, покинул замок и выехал в поле вместе со своими рыцарями. Там нашел он графа Пемброка, который поджидал его с пятью сотнями копий. Затем выступили они все вместе и двинулись вслед за войском. А барышня, о коей вы слышали, вернулась к своей госпоже и, пересказав ответ короля, хотела отдать ей золотой перстень, проигранный королем в шахматы. Однако госпожа не пожелала его взять и сказала, что нисколько на него не притязает, и раз король подарил его барышне, то пусть она распорядится им к своей выгоде. Так и остался королевский перстень у барышни.

***О том, как король Эдуард преследовал шотландцев
до самого Джедуортского леса, а затем раскинул
напротив них полевой лагерь***

Однако оставим рассказ о госпоже Алисе, графине Солсбери, и вернемся к королю Англии и шотландцам. После того как король отбыл из вышеназванного замка, он ехал начиная с полудня и до самого вечера, пока не нашел свое большое войско, раскинувшее лагерь на равнине, вдоль одной реки. Затем он расположился среди графов и баронов и держался довольно бодро, стараясь как можно лучше скрывать свое душевное состояние. Он не открылся никому, будь то даже его ближайшие друзья. Однако от этого его любовные муки вовсе не уменьшались, и столь сильно он был ими охвачен, что в своем уединении только и делал, что размышлял. И много раз случилось во время этого похода, что, усевшись за стол, он ел очень мало и лишь раздумывал. Поэтому его люди удивлялись: откуда на него нашла такая задумчивость? И полагали, что это было из-за шотландцев, которые в том году уже два раза вынуждали его идти за ними вдогонку, и оба раза он ничего от них не добился, ибо они постоянно убегали в сторону Джедуортского леса и до сих пор при-

держивались этого способа действий. Поэтому бароны всеми силами старались вывести короля из его состояния, а он, желая хранить свою тайну, вполне позволял, чтобы в его задумчивости винули шотландцев и, таким образом, находили ей ложное оправдание.

Преследуя шотландцев, король ехал до тех пор, пока не нашел их. Они уже отступили за город Бервик на расстояние в добрых три дневных перехода и расположились спиною к Джедуортскому лесу, у самого его края. Шотландцы очень красиво выстраивались там в поле, но каждый вечер возвращались в лес, будучи совершенно уверены, что англичане никогда туда не сунутся.

Король повелел, чтобы все его люди раскинули лагерь напротив шотландцев, отгородившись от них обозом. Так провели они друг перед другом пять дней, и каждый день шотландцы выходили из леса и показывали своим видом, что хотят сражаться. Англичане, в свою очередь, тоже строили полки и надеялись, что будет дело. Однако при этом никто из них не покидал боевых порядков. Лишь некоторые отчаянные башелье, желая добыть военные призы, выезжали вперед и вызывали шотландцев сразиться на копьях. И знайте, что их вызовы всегда принимались, — никто ни разу не уехал с отказом. Так же было и в тех случаях, когда шотландцы вызывали англичан. Между лучниками и пешими воинами тоже случалось много стычек и перестрелок, в которых многие были убиты и ранены. Однако полки вовсе не ломали строй из-за отдельных поединков и стычек.

Средь шотландцев больше всего похвал снискали мессир Вильям Дуглас, мессир Саймон Фрезел и один французский рыцарь, который некогда уже побывал в Шотландии и теперь вновь пересек море вместе с шотландским королем, дабы поискать ратных приключений. Его звали мессир Арнуль д'Одрегем, и он совершил там множество превосходных подвигов.

У англичан было изрядное количество добрых рыцарей — больше, чем у шотландцев, ибо они в целом были более многочисленны. В частности, немало прекрасных подвигов совершили там мессир Готье де Мони, мессир Льюис Бошем, мессир Джон Чендос и мессир Вильям Фитц-Уорен.

***О том, как короли Англии и Шотландии
заключили между собой предварительное перемирие
и распустили свои войска***

Тем временем осмотрительные и мудрые рыцари с той и с другой стороны, вместе с двумя епископами — Винчестерским от англичан и Сент-Эндрю от шотландцев, постарались заключить между двумя королями короткое перемирие ради освобождения графа Морэйского, который был пленником англичан, а также графа Солсбери и графа Саффолка, которые были пленниками короля Франции и находились в Париже. Из-за этих трех пленников короли и самые видные сеньоры в обеих армиях склонялись сердцем к тому, чтобы заключить перемирие и произвести обмен — чужого на своего. Ведь у пленников там были влиятельные друзья и родственники, которые были бы рады видеть их освобожденными. А кроме того, они попали в плен на войне, верно служа своим сеньорам, из-за чего оные короли и те, кто участвовал в переговорах, согласились на это более охотно.

В конце концов договорились и условились, что перемирие будет заключено сроком на два года, если король Филипп Французский даст на это свое согласие, ибо король Шотландии был связан с ним такими прочными союзными обязательствами, что не мог заключать ни мира, ни перемирия без его одобрения. А в том случае, если бы король Франции не пожелал на это согласиться, перемирие должно было длиться до дня Святого Христофора с условием, что король Англии не должен оказывать никакой поддержки и помощи тем англичанам, которые захватили и удерживали два мощных замка — Роксбург и Стерлинг. Кроме того, было обещано отпустить из плена графа Морэйского без всякого выкупа, если только король Шотландии сумеет убедить короля Франции, чтобы он отпустил из плена графа Солсбери, также без выкупа, а за графа Саффолка назначил бы разумную цену, какую следует назначать за благородного человека, не слишком его обременяя. И надлежало все это обсудить до ближайших праздников Святого Иакова и Святого Христофора⁵.

Так, как вы слышали, было согласовано и утверждено это перемирие.

⁵ То есть до 25 июля 1342 г.

Король Шотландии распустил своих людей, дав каждому дозволение вернуться в свои края до той поры, пока он не призовет их вновь. Затем он немедленно послал во Францию, к королю Филиппу, достаточно представительных послов — таких как епископ Сент-Эндрю и Александр Рамсей.

Король же Англии вернулся назад в Бервик и дал отпуск всем своим людям; и разошлись они по своим краям.

О том, как король Эдуард, находясь в городе Бервике, вспоминал о графине Солсбери и боролся со своими желаниями

Король Англии задержался в Бервике примерно на восемь дней. Как вы уже слышали, он распустил все свое войско и остался там с малой свитой, состоявшей только из его ближайших придворных. Уделив внимание замку и городским укреплениям, он настоятельно попросил монсеньора Эдуарда Балиоля, который был комендантом от его имени, чтобы он соизволил проявить радение во избежание какого-либо укора или урона. Ибо он, король, будет очень разгневан, если шотландцы внезапно захватят и отнимут у него замок из-за беспечности и отсутствия доброй охраны. Мессир Эдуард сказал ему в ответ: «Монсеньор, если угодно Богу, этого не случится! Я буду столь же бдителен в дальнейшем, сколь был по сию пору!» И король сказал ему, что вполне на него полагается.

Пока король Англии пребывал в Бервике, он очень часто возвращался в своем воображении к графине Солсбери, ибо столь сильно был в нее влюблен, что никак не мог избавиться от этих мыслей. Иногда он говорил сам себе, что по пути в Англию заедет в замок Солсбери, но тут же начинал себе противоречить. Затем он снова твердо решал, что сделает это, и поскольку при расставании с дамой он не нашел ее столь уступчивой, как ему бы того хотелось, он должен направить свои речи в более подходящее русло. И, быть может, к его возвращению она одумается, и он найдет ее более приветливой, чем прежде.

Так спорил король сам с собой. В какой-то час он был печален, в какой-то — радостен. Одно время Честь и Верность его укоряли за то, что он дал обосноваться и утвердиться в своем сердце такому вероломному желанию — обесчестить столь доброго рыцаря, как

граф Солсбери, который всегда очень верно ему служил. Но затем Любовь охватывала его с новой силой и внушала ему с помощью великого жара, коим он был полон, что для какого-нибудь короля влюбиться в столь благородную, изящную, милую и красивую даму, да еще в собственном королевстве, — это вовсе не подло и не бесчестно. Ибо рыцарь стал тем, кто он есть, благодаря ему, а, значит, может доверять ему больше, чем кому-либо другому за пределами его королевства. А кроме того, если он влюблен, то это лишь ко благу для него, для его страны и для всех рыцарей и оруженосцев, ибо он от этого будет более весел, задорен и воинственен, и станет устраивать больше, чем прежде, джостр и бугуртов, пиров и балов, и будет от этого более предприимчив и рьян в своих войнах, и станет более дорог и близок своим людям, и более грозен для своих врагов.

Так рассуждал и размышлял король. В какой-то час он говорил себе, что творит безумие, думая об этом, и что дама, из-за которой на него находят эти приступы, весьма тверда в своем решении и скорее даст себя убить, чем совершит поступок, навлекающий на нее хулу и бесчестие.

Затем король говорил: «Однако, даже если она не желает и не соизволяет меня любить, я все равно хочу о ней думать и любить ее совершенной любовью, ибо это доставляет мне великое удовольствие».

Так вступил король в эту внутреннюю борьбу, которая не прекращалась в нем еще долгое время, как вы узнаете далее из этой истории. Тем не менее, тогда благоразумие в нем победило. Опасаясь испортить и потерять то, чего он вовсе не имел, король не осмелился вернуться к госпоже Солсбери, но взял себя в руки и обратился к ней через ее племянника, монсеньора Вильяма Монтэрю. Король сказал ему: «Вильям, передайте графине, вашей тете, чтобы она радовалась, ибо скоро вновь обретет подле себя своего супруга». И рыцарь ему ответил: «Сир, охотно!».

(Конец фрагмента)

*Перевод и примечания
М. В. Аникиева*

SUMMARIES

I. O. Ermachenko

'Peace and war', 'we and the other': aspects of intellectual history

The author analyses the conference that had been organized by the St. Petersburg branch of the RSIH and demonstrates that the dichotomy 'peace and war' and other dichotomies-epiphenomena linked with it could become an object of study within the field of intellectual history. A particular example is given: the studies on the Russo-Japanese war of 1904–05 and changes in approaches to this topic.

M. A. Morozov

Cultural and historical model of a 'crusade' by a Byzantine emperor

The article presents a study of a Byzantine text of the 10c. — the epistle sent by the emperor John I Tzimiskes to the Armenian King Ashot III Bagratides on the effect of his military expedition to Syria and Palestine. The author finds some elements that remind one of the Western ideology of crusades and formulates a question — why this cultural model was not developed further in Byzantium.

A. Yu. Solomein

The French Enlightenment on the axiology of war

The wide-spread suggestion according to which philosophers of the Enlightenment shared unequivocally critical attitude towards war needs to be challenged. The author analyses works by Voltaire and demonstrates his ambiguous attitude towards war; this ambiguity was based on the character itself of the ideology of Enlightenment.

Chr. Monday

From military to economical studies: war and peace in the thought of E. F. Kankrin

The article is focused on the role of Napoleonic wars in the revising of the theory of cameralism by Egor (Georg) Cancrin. For this thinker and statesman who worked in Russia in the first half of the 19th c. the opposition war-peace turned into methodological basis for his original economic views.

E. N. Proskurina

'In this sense war is a guarantee of progress' (Franco-Prussian war on the pages of the 'Herald of Europe')

The author looks into the ideological foundations of passionate debate on the Franco-Prussian war of 1870–71 in Russia. In the publications of the leading liberal journal 'Herald of Europe' the 'competing' images of France and Germany at war were used in order to justify progressist views on Russia's potential place in 'human development' and in the 'European civilization'.

I. N. Grebenkin

From war to revolution: political views of Russian army officers, 1914–1917

The author shows ideological evolution of Russian officers. At the beginning of the war the officers were politically inert. It had been changed, however since the officers analyzed and criticized military strategy and government's politics. The other important factor could be seen in the fact that new officers that joined the Russian army during the war belonged to various social strata and introduced new views and attitudes to this social group.

A. Bellantone

Aporias of politics: notes on conflict

The author presents a philosophical essay. Basing himself on the works by Hobbes, Vico and Hegel as well as on the 'Politics' by Aristotle he demonstrates inner contradictions of the phenomenon of politics and analyses conflict as an immanent quality of the 'political theatre' with all its social pretensions.

V. V. Noskov

When do wars end?

The article is focused on the phenomenon of endless politization of the memory of war that is truly ubiquitous. Various ways of interaction between historical memory and public opinion are demonstrated, together with political initiatives on all levels. The author differentiates between public existence of the memory of war and the scholarly views of the past (that are also influenced by ideologies). The author reflects upon professional responsibility of a historian and one's place in the process of post-war reconciliation.

E. V. Kalmykova

Unfinished war: English claims of the French crown after 1453

The author shows the conventional character of the date of the Hundred Years war' end by analyzing the projects of new wars for 'lawful French inheritance' that were actively discussed in England in the late 15th – early 16th cc. Political rhetoric and appeals to public opinion are studied; it is shown that there is an ideological continuity between the years of war and the post-war claims.

A. I. Chepel'

Dialogue across the border: Russo-Swedish struggle for subjects after the making of Stolbov peace treaty of 1617

Russo-Swedish peace treaty and the setting of borders in 1617 ended military conflict but not confessional and political ones. In border territories both sides were active in trying to keep its own subjects and to attract people from across the border. The article analyses various levels and manifestations of this struggle, its causes and effects.

B. P. Milovidov

Russian army and Turks in 1828–29: meetings after the battle

The article is based on various sources, mostly on memoirs by Russian army officers. The author reconstructs forms and contents of intercultural communication at the moments of peace (during the periods of armistice, at capitulations of towns and fortresses, taking captives etc.) The participants demonstrated interest in their enemies and numerous aspect of their everyday life. This interest sits uneasy with Eurocentric stereotypes characteristics of nineteenth-century Russia.

V. R. Novoselov

Reconsidering the military in the 16th century France

The 16th c. created foundations for the ‘military revolution’; it is no surprise that dramatic changes in the ‘art of war’ attracted attention of the society, and first of all, of soldiers themselves. The author studies the works by B. Monluc, G. Tavannes, Fr. La Noue and others in order to demonstrate the connection between changes in mental attitudes and ideologies and pragmatic aspects of military reforms as well as with social transformations of the Early Modern period.

V. A. Vedyushkin

Bernardino de Mendoza and his treatise ‘Theory and practice of war’

The article is focused on one of the most popular Early Modern texts on army and war that reflects both theory and practice, the influence of the Renaissance ideas and of the military and diplomatic experience of the author. The structure of the treatise is analyzed in the context of military thought and of literary culture of the epoch.

D. N. Kopelev

Guns in the Ocean: ‘Armament drive’ on sea and the Spanish colonial Empire in the 16–17th cc.

The author looks into the development of naval artillery as the most effective mean of colonial expansion and military and political competition at the period of ‘military revolution’. It is shown that the introduction of new weapons led to revolution in shipbuilding, in strategy and tactics of naval battles. All these new developments made great impression on the contemporaries.

A. I. Filyushkin

The Livonian war in 1558–1561: the destruction of the order state

The author analyses the ‘Livonian Chronicle’ by Balthasar Rüssow and demonstrates that the traditional military organization of the Livonian Order could not withstand the offensive of the Russian army. It is shown that this military con-

flict was, in fact, a conflict of the two very different social structures, and it brought a new historical period to Livonia.

M. G. Muravieva

Sex crimes in military law of Early Modern Europe

Two aspects of the transformation of military law are being analyzed in this article: first, its gender aspect is under consideration. Moreover, this transformation constituted an important part of the 'military revolution' — a general process of establishing the state's control over army and the military. The author follows the links between the theory of law, military legislation and legal practice in cases of punishments for sexual crimes in various European countries, including Russia.

S. V. Adriaynen

The projects of military education by P.I. Shouvalov and their ideological context

The projects of military education presented by Count Shouvalov are analyzed in details and put into the ideological context of the 18th-century Russia. The author looks into the reminiscent of the ideas of common good, human nature, of the educational role of historical knowledge etc. In conclusion P.I. Shouvalov is viewed as an ambiguous figure — he is a statesman who was critical of the ideas of Tsar Peter I's epoch but was not prepared to adopt the world view and pedagogical ideas of the Enlightenment.

T. N. Zhoukovskaya

Between Mars and Minerva: War, military service and universities in the first half of the 19th c.

The article presents a study of various contacts between university communities and the army (it is numerous aspects). A great deal of attention is paid to the cases of turning students into soldiers as punishment, and also to the army careers of some university graduates. The state attempts to discipline universities by 'militarizing' their life, as well as the universities support to the army at times of war have also been studied.

E. A. Rostovtsev

The trial of patriotism: the Academic community of the Petrograd University during the First World War

The article is focused on the relations between the state and the academic community of the Petrograd University during the years of the World War I. The author concludes that the autonomous status of university and liberalism of the university professors were dominant during the war, and patriotic discourse did not make a great impact on corporative views and interests.

A. N. Maslov

'Vir studio, specie foemina, corde leo': the image of the Amazon Penthesilea in the epic 'Troilus' by Albert of Stade

The Latin epic poem of the mid-13th century used rich Ancient tradition of the 'cycle of Troy' and was adapted the medieval world view. The author analyses the changes made in the image of the Amazon — the 'participant' of the war of Troy — that were supposed to adapt it to medieval ways of conceptualizing 'female bellicosity' and to legitimize its 'liminal' gender status. The author also pays attention to the problem of adapting 'alien' world images.

G. V. Kopeleva

The First World War and ruptures of traditions of the French intellectuals ('Les Thibault' by Roger Martin du Gard)

The author analyses the work by R. Martin du Gard and demonstrates the acute reaction of the French intellectuals to the break of cultural tradition that had been determined by the world war. Reflecting upon this rupture forced the writer to change the whole concept of his novel after the war.

O. A. Jumailo

De/humanization: postmodern historical reflections and the image of Holocaust in the 'Time's Arrow' by Martin Amis

The author argues that the image of Holocaust in the provocative postmodern novel is presented as specific traumatic fixation of historical memory. The essence of postmodern discourse of the Holocaust does not consist in amoral deconstruction; rather, it demonstrates the inadequacy of traditional art to portray the absolute evil that is, the Nazi system of total dehumanization.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия

И. О. Ермаченко

Мир и война, «свои» и «чужие»: аспекты интеллектуальной истории..... 5

Война и интеллектуальные практики

М. А. Морозов

Культурно-историческая модель «крестового похода» византийского императора..... 15

А. Ю. Соломеин

Аксиология войны во французском Просвещении..... 28

К. Мондэй

От военной к экономической науке: война и мир в мировоззрении Е. Ф. Канкрина..... 42

Е. Н. Проскурина

«В таком значении войны вообще лежит залог прогресса»: Франко-прусская война на страницах «Вестника Европы»..... 66

И. Н. Гребенкин

От войны к революции: политические настроения российского офицерства в 1914–1917 гг..... 77

Метафизика социального конфликта

А. Беллантоне

Апории политики: заметки о конфликте..... 91

Между войной и миром: ментальная ситуация пограничья

В. В. Носков

Когда кончаются войны?..... 104

Е. В. Калмыкова

Незаконченная война: английские притязания на французскую корону после 1453 года..... 132

А. И. Чепель

Диалог через границу: русско-шведская борьба за подданных после заключения Столбовского мира..... 147

Б. П. Миловидов

Русская армия и турки в 1828–1829 годах: встречи после боя..... 163

Эпоха «военной революции»: реалии и образы

<i>В. Р. Новоселов</i>	
Переосмысление военного занятия во Франции XVI века.....	186
<i>В. А. Ведюшкин</i>	
Бернардино де Мендоса и его трактат «Теория и практика войны».....	201
<i>Д. Н. Копелев</i>	
Пушки в Океане. Морская «гонка вооружений» и Испанская колониальная империя XVI–XVII столетий.....	216
<i>А. И. Филюшкин</i>	
Повседневность Ливонской войны в 1558–1561 годах: крах орденового государства.....	236
<i>М. Г. Муравьева</i>	
Сексуальные преступления в европейском военно-уголовном праве раннего Нового времени.....	248

Война и образование

<i>С. В. Андрияйнен</i>	
Проекты П. И. Шувалова относительно развития военного образования и их идейный контекст.....	271
<i>Т. Н. Жуковская</i>	
Между Марсом и Минервой: война, военная служба и универсанты в первой половине XIX века.....	285
<i>Е. А. Ростовцев</i>	
Испытание патриотизмом. Профессорская коллегия Петроградского университета в годы Первой мировой войны.....	308

Война в художественно-литературных проекциях

<i>А. Н. Маслов</i>	
“Vir studio, specie foemina, corde leo”: образ амазонки Пентесилеи в поэме Альберта Стаденского «Троил».....	325
<i>Г. В. Копелева</i>	
Первая мировая война и разлом сознания французской интеллигенции (роман Р. Мартен дю Гара «Семья Тибо»).....	342
<i>О. А. Джумайло</i>	
Де / гуманизация. Постмодернистские исторические рефлексии и образ Холокоста в «Стреле времени» М. Эмиса.....	350

Публикации

<i>М. В. Аникиев</i>	
Война и любовь в 1341 г. Жан Фруассар о походе Эдуарда III в Шотландию.....	367
<i>Жан Фруассар. Хроники (фрагмент). Пер. и примеч. М. В. Аникеева</i>	374
Summaries.....	391
Содержание.....	396
Contents.....	398

CONTENTS

Introduction

- I. O. Ermachenko*
'Peace and war', 'we and the other': aspects of intellectual history..... 5

War and intellectual practices

- M. A. Morozov*
Cultural and historical model of a 'crusade' by a Byzantine emperor..... 15

- A. Yu. Solomein*
The French Enlightenment on the axiology of war..... 28

- Chr. Monday*
From military to economical studies: war and peace
in the thought of E. F. Kankrin..... 42

- E. N. Proskurina*
'In this sense war is a guarantee of progress': Franco-Prussian war on the
pages of the 'Herald of Europe'..... 66

- I. N. Grebenkin*
From war to revolution: political views of Russian army officers,
1914–1917..... 77

Metaphysics of social conflict

- A. Bellantone*
Aporias of politics: notes on conflict..... 91

Between war and peace: the borderline

- V. V. Noskov*
When do wars end?..... 104

- E. V. Kalmykova*
Unfinished war: English claims of the French crown after 1453..... 132

- A. I. Chepel'*
Dialogue across the border: Russo-Swedish struggle for subjects after the
making of Stolbov peace treaty of 1617..... 147

- B. P. Milovidov*
Russian army and Turks in 1828–29: meetings after the battle 163

'Military revolution': reality and images

<i>V. R. Novoselov</i>	
Reconsidering the military in the 16 th -century France.....	186
<i>V. A. Vedyushkin</i>	
Bernardino de Mendoza and his treatise 'Theory and practice of war'	201
<i>D. N. Kopelev</i>	
Guns in the Ocean: 'Armament drive' on sea and the Spanish colonial Empire in the 16–17 th cc.....	216
<i>A. I. Filyushkin</i>	
The Livonian war in 1558–1561: the destruction of the order state.....	236
<i>M. G. Muravieva</i>	
Sex crimes in military law of Early Modern Europe.....	248

War and education

<i>S. V. Adriaynen</i>	
The projects of military education by P. I. Shouvalov and their ideological context.....	271
<i>T. N. Zhoukovskaya</i>	
Between Mars and Minerva: War, military service and universities in the first half of the 19 th c.....	285
<i>E. A. Rostovtsev</i>	
The trial of patriotism: the Academic community of the Petrograd University during the First World War.....	308

War in literary projects

<i>A. N. Maslov</i>	
'Vir studio, specie foemina, corde leo': the image of the Amazon Penthesilea in the epic 'Troilus' by Albert of Stade	325
<i>G. V. Kopeleva</i>	
The First World War and ruptures of traditions of the French intellectuals ('Les Thibault' by Roger Martin du Gard).....	342
<i>O. A. Jumailo</i>	
De/humanization: postmodern historical reflections and the image of Holocaust in the 'Time's Arrow' by Martin Amis	350

Publications

<i>M. V. Anikeev</i>	
War and love in 1341: Jean Froissart on Edward III's Scottish campaign....	367
<i>Jean Froissart</i> . Chronicles. Part I (fragment).	
Translation and notes by <i>M. V. Anikeev</i>	374
Summaries.....	391
Contents.....	398